

Ю.С. Крючков

Алексей
Самуилович
ГРЕЙГ

Ю.С. Крючков

В истории нет и не бывает мелочей,
ненужных событий и лиц. И страстно
хочется сказать обо всех и обо всем

Валентин Пикуль

АЛЕКСЕЙ САМУИЛОВИЧ ГРЕЙГ И ЕГО ВРЕМЯ

Адмирал, личность, человек

Гражданам города Николаева...

*Да пребудет над вами благословение Всевышнего и да ни-
спошлет он вам долголетие и благоденствие, чего душевно же-
лает вам истинно преданный вам и почитающий вас*

*ваши, милостливые государи, слуга
адмирал Грейг*

9 октября 1833 г.

(из прощального письма А.С. Грейга николаевцам)

НИКОЛАЕВ – 2008

Дорогие друзья!

В 2009 году городу Николаеву исполняется 220 лет.

Эта книга посвящена человеку, который стоял у колыбели нашего города и много сделал для его развития.

Будучи боевым адмиралом, Алексей Самуилович Грейг блестяще проявил себя и на поприще градоустроителя. Именно благодаря ему в Николаеве появились первые парки и бульвары, были учреждены учебные заведения и открыта морская обсерватория, развивалась торговля.

Адмирал Грейг очень любил наш город. Имя этого замечательного человека долгие годы было незаслуженно забыто официальной историей. И книга Юрия Крючкова восстанавливает историческую справедливость, знакомит нас с замечательной личностью, с человеком, деятельность которого – достойный пример потомкам.

От имени городской громады я выражаю признательность автору книги Юрию Семеновичу Крючкову за многолетнюю кропотливую работу по сбору материалов об истории нашего города, за его глубокую любовь к Николаеву и николаевцам. Его перу принадлежат книги, ставшие сегодня библиографической редкостью. «История Николаева», «Старый Николаев», «Прогулки по городу», «Соль на ранах», «На грани веков» – эти и многие другие книги Юрия Семеновича воспитывают патриотизм, рождают в сердцах современников гордость за наш край.

Книги наших земляков, в частности, Юрия Семеновича Крючкова, были переданы в дар украинской библиотеке в г. Москве во время визита николаевской делегации на Дни Москвы.

От души желаю автору успешной реализации его дальнейших творческих планов.

Николаевский городской голова Владимир Чайка

От издателя

У Вас в руках, уважаемый читатель, издательский проект, увидевший свет при меценатской поддержке Дениса Анатольевича Данильчука.

Книга известного историка и краеведа Ю.С. Крючкова «Адмирал Алексей Самуилович Грейг» – это дань памяти выдающегося флотоводца, устроителя Николаева, благотворителя и мецената. Изданием этой книги восстанавливается связь поколений: исторически переосмысленная автором судьба адмирала Грейга воссоздается для потомков как пример верного служения долгу, народу и Отечеству. И в этом состоит жизненное кредо депутата Николаевского областного совета, члена Партии регионов Дениса Данильчука.

Д.А. Данильчук родился и вырос в Николаеве, окончил Муниципальный колледж. Свою научную работу в Малой Академии наук посвятил периоду основания Николаева, изучению биографий людей, стоявших у истоков рождения города, обосновал важную роль южного региона как пересечения транзитных путей.

Свою профессиональную деятельность Д.А. Данильчук начал в Киеве и Одессе, но остался патриотом родного края, и сегодня он – депутат Николаевского облсовета, председатель правления ООО «Карден», генеральный директор ОАО «Одесский домостроительный комбинат». Молодой руководитель обеспечивает успешное развитие двух мощных предприятий.

Депутатом Николаевского областного совета Денис Анатольевич был избран в 2006 году от Партии регионов. Отличительной чертой этой партии является смелое выдвижение в советы всех уровней людей молодых, перспективных, целеустремленных. Именно к такой когорте руководителей новой генерации относится Денис Данильчук. Он не замыкается на узком круге производственных вопросов. Много внимания уделяет социальным проблемам, созданию современных условий для получения молодежью достойного образования. А историческая литература, на его взгляд – один из наиболее действенных инструментов в процессе воспитания молодого поколения.

УДК 821.161.1 (477)-32.26
ББК 84.4УКР-РОС6-44
К85

КРЮЧКОВ Ю.С.

К85 Алексей Самуилович Грейг. Адмирал, личность человек. – Николаев: Изд. Ирины Гудым, 2008.-480 с.

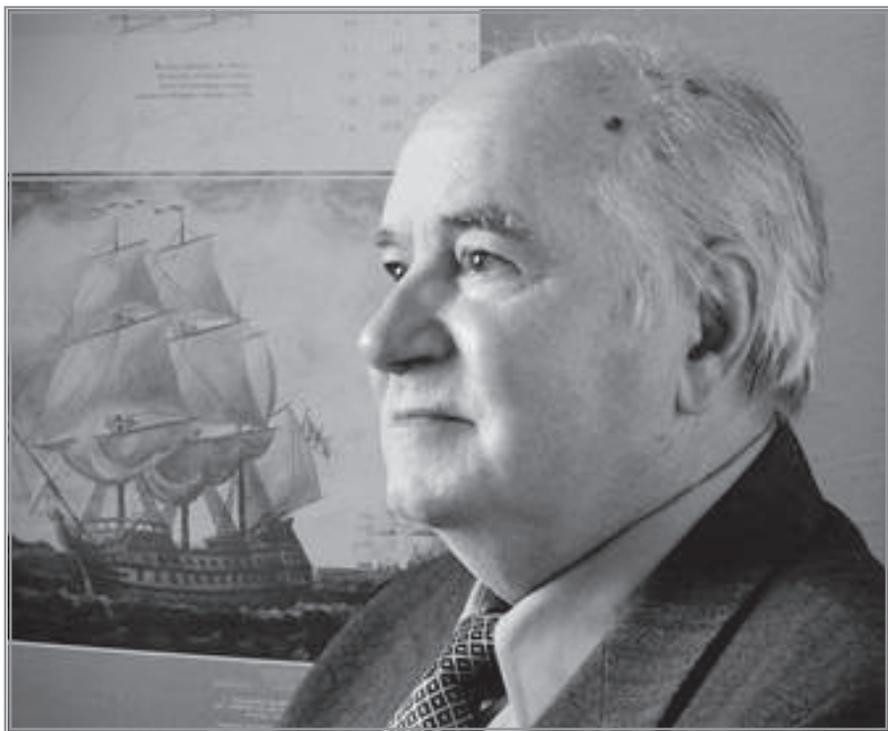
Адмирал А.С. Грейг оставил глубокий след в истории русского флота и судостроения, астрономии, гидрографии и других прикладных наук. Сын знаменитого русского адмирала, героя Чесмы и Гогланда, шотландца Самуила Грейга, он и сам прошел боевой путь моряка, закаляясь в битвах, штурмуя крепости и громя турецкие корабли в морских сражениях. Однако и в мирной жизни он был творческой личностью, занимаясь научной работой в области судостроения и практическим кораблестроением, строя первые военные пароходы. Грейг руководил созданием трех астрономических обсерваторий, и среди них – знаменитая Пулковская под Петербургом. Экономика, юриспруденция, ботаника, история и многие другие науки были подвластны его остроуму и цепкому уму.

К сожалению, жизнь этой неординарной личности была драматической: Грейг испытал и клевету, и травлю. И личная жизнь адмирала и его семьи также не была безоблачной...

Автор через призму времени показывает живое обаяние этого образованного и многогранного человека, тонкого и чувствительного, с легко ранимой душой, и раскрывает причины столь неоднозначного отношения к нему его современников и последующих поколений историков, которое не закончилось и в наше время.

Книга об адмирале Грейге – искреннее, насыщенное документальными подробностями, живое повествование о жизни и деятельности Грейга и его драматической судьбе, где удачно сочетаются историческая достоверность и легкость изложения, граничащая с романизированной биографией.

Книга предлагается широкому кругу читателей.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Семенович Крючков родился в 1928 г. в городе Николаеве, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник культуры Украины, Почетный гражданин Николаева, «Горожанин года» в номинации «Летописец Николаева» (2007 г.).

Окончил в 1952 г. Николаевский кораблестроительный институт (НКИ), инженер-механик. В течение 50 лет занимался постройкой и исследованиями в области подводного кораблестроения, вначале на заводе им. А. Марти (Николаев, 1953-1955 гг.), а затем – в ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова (ЦНИИ-45, Ленинград, 1956-1973 гг.). В Ленинграде окончил курсы конструкторов-подводников, аспирантуру при ЦНИИ-45 и Народный университет культуры.

С 1973 по 2003 гг. работал в НИИ, возглавляя в течение 15 лет созданную им кафедру динамики и прочности судовых машин и одновременно проводя исследования в области энергетических установок подводных лодок.

Помимо работы по основной профессии, с 1950 г. изучал и исследовал историю судостроения и флота. Исследовал жизнь и деятельность адмиралов С. Грейга и А. Грейга, реконструировал облик первого николаевского фрегата «Св. Николай», основал новую вспомогательную историческую дисциплину о названиях кораблей – каронимику (1977 г.), исследовал топонимику Николаева и его окрестностей, – изучил и проанализировал развитие подводных лодок как в мире, так и в СССР, исследовал историю развития парусных судов в России и т.д.

С 1954 по 2006 гг. опубликовал по вопросам истории флота, судостроения и Николаева 313 работ, из них – 18 книг. Написал и издал ряд художественных произведений: «Кто вы, княжна Тараканова?», «На грани веков» («Колесо Фортуны», «Камергер и Кончита», «Храм Весты»), «Соль на ранах».

Член Национального союза журналистов.

Лауреат областной премии им. Н.Н. Аркаса.

Государственный стипендиат.

Академик Академии наук судостроения Украины.

Капитан-лейтенант ВМФ (в отставке).

*Моим кариатидам:
жене Людмиле и дочери Марине
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга рассказывает о жизни и деятельности выдающегося русского адмирала, известного учёного и необычайно интересного человека Алексея Самуиловича Грейга.

До революции, в 1873 г., вышла его первая и единственная в то время биография, написанная А. Асланбеговым, в которой, к сожалению, изложена только служебная деятельность Грейга, но не представлена полная драматизма его жизнь и не приводится никаких сведений о семье и потомках адмирала.

Только через 110 лет мне удалось, преодолев недружелюбное отношение к Грейгу официальной истории выпустить в издательстве «Наука» краткую научную биографию А.С. Грейга (1984 г.), в которой достаточно подробно изложена деятельность адмирала как инженера, ученого, экономиста и организатора функционирования флота и адмиралтейства. Но и из этой книги, по требованию издательства «Наука», были изъяты страницы о личной жизни адмирала, его семье и о травле адмирала со стороны недругов и шовинистически настроенных сослуживцев.

Я смог осветить эту сторону жизни А.С. Грейга лишь в серии статей, опубликованных в газетах и журналах Николаева и Херсона, да и то – только после распада Советского Союза, с «кончиной» которого ушло в прошлое и официаль-

ное партийно-государственное давление на историков и историю.

Настоящая книга излагает жизнь и деятельность А.С. Грейга, рассматривая ее всесторонне и без оглядки на официальные «установки» в области истории и исторической науки.

Автор считает своим приятным долгом выразить сердечную благодарность сотрудникам, оказывавшим в течение 30 лет помощь в поиске необходимых материалов:

Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР (Ленинград),

Государственного архива Николаевской области,

Архива Академии наук СССР (Москва),

Ленинградского отделения архива Академии наук СССР,

Отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград),

Центрального государственного исторического архива ЭССР (Таллинн),

Центрального государственного исторического архива ЛССР (Рига),

Государственного архива Октябрьской революции (Москва),

Государственного архива Октябрьской революции УССР (Киев),

библиотеки Николаевского областного краеведческого музея,

библиотеки Николаевского кораблестроительного института,

Николаевской областной библиотеки им. А.Гмырева,

Центральной военно-морской библиотеки (Ленинград),

Одесской публичной библиотеки,

библиотеки Тартуского государственного университета,

редакции журнала «Maginer's Mirror» («Морское зеркало»), Эдинбург, Шотландия.

Автор выражает также свою признательность А.Ф. Пономарчуку, В.Е. Троянову и Н.А. Рожкову за переводы с английского и немецкого языков некоторых материалов.

ОТКРОВЕНИЕ АВТОРА

*Но у кого найдется время, чтобы
читать биографии, и кто настолько
наивен и очарователен, чтобы проявлять
к ним живой интерес?*

Альфред Нобель

Адмиралом Грейгом я заинтересовался еще в раннем детстве, когда, очень часто приходя к Ингульскому спуску, играл у бывшего Адмиралтейского собора, возле которого и стоял на невысоком побеленном каменном кубе величественный бронзовый Грейг, а его законный гранитный пьедестал, обтесанный под фигурку вождя народов, занимал вездесущий Ильич с его поднятой рукой. Грейг вошел в мою жизнь, не только своей огромной скульптурой, но и через местные пословицы и поговорки, которые все еще были на устах николаевцев, хотя сам адмирал был уже давно повержен как Врубельский демон.

Потом, когда снесли собор, поверженного Грейга долго не знали, куда приткнуть: то он валялся у историко-археологического музея на Малой Морской, то стоял у стены костела, из которого сделали Художественный музей им. В.В. Верещагина. Таким он и запечатлелся в моей детской памяти перед войной.

После эвакуации, вернувшись в Николаев, я уже не нашел Грейга. Знающие люди сказали, что немцы снова свалили его, готовясь отправить на переплавку. Но – не успели! Зато это быстро сделали наши власти.

После окончания института, работая в Ленинграде в ЦНИИ-45, я часто посещал солидные библиотеки, а иногда, между главными делами, читал книги и статьи, где упоминался А.Грейг. Боже, что там писалось! Все еще сохранялась «борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед границей». Меня коробило от бесконечного очернения Грейга и его деятельности. Чтобы его унижить и растоптать, услужливые борзописцы создали из русского адмирала М.П.

Лазарева икону и очерняли шотландца А.С. Грейга, а заодно и его отца – знаменитого русского адмирала Самуила Грейга, героя Чесмы и Гогланда.

Вернувшись в 1973 г. в Николаев, я уже прекрасно знал, что в родном городе Грейг еще более неугоден властям, чем в стране: свергнув (без ведома комиссии А. Луначарского) Грейга в 1922 г., местная власть поспешила поскорей поставить на его место В.И. Ленина. И с тех пор надо же было оправдывать свой вандализм: вот и стал Грейг «персоной нон грата» в Николаеве. О нем не разрешали ничего писать; его можно было только поливать грязью.

В 1974 г., создавая Секцию истории судостроения при НТО им. А.Н. Крылова, на организационном собрании я сказал, что нужно восстановить добрую память об Алексее Грейге и хотя бы воздвигнуть ему духовный памятник в виде книги. Я сказал, что посвящу этому свою жизнь и тут же был «строго осужден» присутствовавшим на собрании инструктором обкома КПУ.

Преодолевая тупое сопротивление все еще процветавшего нигилистического отношения к адмиралу Грейгу, я все же написал его научную биографию, которая была издана в 1984 г. издательством АН СССР. Но и это не помогло: партийные власти и их клеветы упорно не допускали публикаций о Грейге в местной печати. Лишь к концу существования СССР мне удалось хоть немного перестроить оценку взглядов на Грейга и его деятельность.

Несмотря на противодействие властей, я все же продолжал исследовать жизнь и деятельность Грейгов. Я понимал, что широкой публике нужны не научные биографии, а общее жизнеописание, изложенное простым языком и касающееся всех сторон жизни А.С. Грейга – и служебной, и научной, и личной.

Я испробовал разные формы – от биографического эссе до исторического романа. Так появилась «многослойная» романизованная биография А.С. Грейга «К истории душою прислонясь...», затем исторические романы о С. Грейге («Молчаливый адмирал») и А. Грейге («Лавры и тернии»). Потом я

написал солидную монографию о жизни и деятельности А.С. Грейга – «Алексей Самуилович Грейг», но все они были написаны в советское время и пылятся до сих пор в архивах.

Не дожидаясь «лучших времен», я стал писать статьи и очерки в газеты и журналы. С 1987 по 2007 гг. в различных журналах и сборниках опубликовано 15, а в газетах – 60 статей, освещающих все стороны жизни и деятельности А.С. Грейга, его «взаимодействие» с окружающими лицами, преследование и очернение адмирала. В 2007 г. «на одном дыхании» были написаны три повести, где так или иначе фигурируют Грейги – «Колесо Фортуны», «Камергер и Кончита» и «Храм Весты», вошедшие в сборник под названием «На грани веков».

Завершив эту книгу, я решил «осмотреться». И когда я перечитал все упомянутые выше статьи, я понял, что биография Грейга уже готова! Дописав еще несколько глав и использовав эти статьи, я получил солидное жизнеописание Грейга как адмирала, человека и личности. Тогда же, читая биографию Альфреда Нобеля, написанную французом Орландо де Руддером, я обратил внимание на первую же фразу, принадлежавшую перу Нобеля: «Никто не станет читать о человеке, если речь не идет о каком-нибудь актере или, что еще лучше, об убийце и если его жизнь не имеет никакого отношения к сражениям и подвигам. Ибо только это заставляет зевак раскрывать рты от любопытства».

В жизни Алексея Грейга были и сражения, и подвиги, а его шотландские предки из клана Мак-Грегоров были и разбойниками и даже убийцами. Но не это дает мне право надеяться на благосклонность и интерес читателей к моей книге, а то, что они не зевачи, а любознательные люди, интересующиеся историей нашего Отечества, «наивные и очаровательные».

И в заключение – сердечная признательность всем архивам и библиотекам, всем лицам, помогавшим мне все 30 лет, в течение которых я изучал полную героизма и драматизма жизнь Алексея Грейга. Но особая благодарность моей жене, которая, как всегда, была моим первым читателем и строгим критиком.

*Адмирал Алексей Самуилович Грейг, 1843-1844 гг.
Литография М. Семечкиной, С.-Петербург*

ВВЕДЕНИЕ

Если мне позволено будет дать совет, то вот он: пишите, совершенно не оглядываясь ни на меня, ни на кого бы то ни было. Дайте слово независимому «я».

**Эдвард Григ,
потомок клана Мак-Грегоров,
родственник А.С. Грейга, композитор**

русский адмирал, почетный академик А.С. Грейг, 230-летие со дня рождения которого исполнилось в 2005 г., прославился не только как боевой моряк и флотоводец, но и как ученый и инженер, много сделавший для развития науки и техники.

Алексей Самуилович Грейг удивлял и поражал современников своими профессиональными знаниями моряка и широким научным кругозором. Его научные интересы, помимо мореплавания, кораблестроения и артиллерии, охватывали математику, физику, астрономию, медицину, юриспруденцию, экономику и химию. Грейг увлекался также музыкой, рисованием, педагогикой, ботаникой и историей. Это был, по свидетельству современников, человек энциклопедической эрудиции, с глубокими познаниями и государственным подходом ко всем делам.

Формально не получив специального образования, А.С. Грейг достиг, однако, больших высот во многих областях, благодаря удивительным способностям к самообразованию, глубокому, пронизательному, аналитическому уму, высокой личной дисциплине. Где бы Грейг ни работал, какой бы области ни касался, всюду он вводил что-либо новое, более совершенное, передовое. Во всех своих деяниях Грейг всегда стремился принести возможно большую пользу Родине.

Адмирал А.С.Грейг руководил созданием ряда обсерваторий в России, в том числе основал Морскую астрономическую обсерваторию в Николаеве, был председателем Комитета по строительству Пулковской обсерватории, он

известен своими астрономическими наблюдениями, вошедшими в атласы.

Под руководством А.С. Грейга энергично развивалась практическая гидрография на Черном море, устанавливались первые маяки и навигационные знаки, углублялись фарватеры, создавались первые морские описи берегов и карты.

В области кораблестроения А.С. Грейг разработал и широко использовал на практике математический метод проектирования обводов судов, совершенствовал конструкцию кораблей, лично спроектировал несколько судов нового типа, построил первый в России военный пароход, развивал паровое судостроение, вводил механизацию в технологические процессы, усовершенствовал корабельную артиллерию и пр.

А.С. Грейг улучшил морскую систему сигнализации и связи, разработал новый сигнальный аппарат для ночной связи, изобрел новый оптический телеграф и установил первую на Черном море линию связи Николаев–Севастополь.

Значителен вклад А.С. Грейга также и в экономику судостроения. Основывая хозяйственную деятельность Черноморского флота на строгих экономических расчетах, он сумел сэкономить стране миллионы рублей.

Будучи более 17 лет Главным командиром Черноморского флота, А.С. Грейг был инициатором научного подхода к руководству флотом: он реорганизовал структуру и управление флотом, впервые в России создал морской штаб, упростил документацию и т.д.

Нельзя не оценить невероятную работоспособность, могучую волю и настойчивость Грейга, позволившие ему в условиях феодально-крепостнической России начала XIX в. внести столь крупный вклад в развитие различных областей науки и техники.

За заслуги в развитии астрономии, кораблестроения, гидрографии и экономики в России А.С. Грейг был удостоен высоких научных званий и наград. Он был избран почетным членом Петербургской Академии наук, почетным членом и вице-президентом Вольного экономического обще-

ства, членом Московского общества испытателей природы, награжден золотой медалью Академии наук; Грейг был также почетным членом научных обществ ряда европейских стран.

Однако, несмотря на огромные заслуги Грейга, его служебная деятельность и личная жизнь не были безоблачными. Еще при жизни, когда Грейг был Главным командиром Черноморского флота, он подвергался остракизму со стороны некоторых шовинистически настроенных лиц. Ему пришлось пережить несколько драматических событий, в которых первые роли играли главный бухгалтер Черноморского флота Яцын, начальник штаба Черноморского флота («правая рука» Грейга) контр-адмирал М.П. Лазарев, начальник Главного морского штаба адмирал князь А.С. Меншиков, мичман В.И. Даль и ряд других нерадивых подчиненных.

В связи с этим с 1830 г. в жизни и деятельности А.С. Грейга возникли некоторые кризисные явления. «Последние годы службы почтенного адмирала Алексея Самуиловича Грейга на юге, – справедливо отмечает историк русского флота Е.Н. Аренс, – были омрачены доносами и наветами подпольных клеветников, вымещавших на нем свои неудачи в разного рода нечистоплотных аферах или личные неудовольствия. Грейг вышел из этой грязи безупречно чистым, каким он действительно всегда и был, но жизнь его уже была отравлена» [4, с. 261].

Дошло до того, что мстительный А.С. Меншиков, платя Грейгу черной неблагодарностью, не представлял его к награждению почетным знаком «50 лет беспорочной службы», и адмиралу его пожаловал Николай I только в 1843 г., когда Грейгу исполнилось 68 лет и он прослужил на флоте 58 лет. Этот знак Грейг получил вместе с высшим орденом России – Святого Андрея Первозванного, увенчавшим деятельность этой выдающейся личности,

Как уже упоминалось выше, адмирал Грейг, его жизнь и деятельность подвергались очернению или умышленному искажению не только в конце жизни, но и после смерти. Вначале его гонителями и хулителями были славянофилы и почвенни-

ки, а в советское время – «борцы с космополитизмом и низкопоклонством перед границей».

Советская пропаганда постаралась принизить и очернить А.С. Грейга не только как боевого моряка, флотоводца и Главного командира Черноморского флота, но и как человека и личность. И в последние годы в отношении Грейга вновь проявляется шовинизм и извращение его деятельности. В одном из номеров журнала «Морской сборник» [Е2] была размещена статья, автор которой, расхваливая А.И. Казарского, договорился до того, что чуть ли не Грейг виновен в его отравлении как глава «греческо-еврейской мафии» в причерноморских городах.

Настоящий труд, основанный на изучении около 530 книг, статей и архивных материалов, воссоздает образ этого выдающегося человека.

Литература об А.С. Грейге, вышедшая до революции, обширна. По неполным данным, библиография, где в той или иной мере упоминается Грейг и его деятельность, насчитывает около 100 наименований, среди которых имеется 10 биографических очерков. И в советское время о Грейге сказано немало – более чем в 20 книгах и статьях, не считая газетных публикаций. Однако до сих пор не было выпущено ни одной полной биографии с подробным анализом его научной и инженерной деятельности, с оценкой его роли в развитии городов Николаева и Севастополя и с рассказом о его личной жизни.

Предлагаемая вниманию читателей книга восполняет, по мнению автора, этот пробел. В отличие от построения традиционных биографий в ней излагается материал не только в хронологическом порядке, но и по направлениям деятельности А.С. Грейга, что позволяет более рельефно показать многогранную и плодотворную работу этого человека на благо России.

В книге использован материал свыше 150 архивных дел, большинство которых введено в научный оборот впервые.

Чтобы не загромождать книгу многочисленными ссылками и не затруднять чтение, они приводятся в конце каж-

дого раздела. Надеюсь, что любознательный читатель, которому понадобятся эти ссылки, сумеет их найти в списке «Литература».

Следует признать что высокая оценка, которую всегда давали ему объективные русские, советские и зарубежные историки, вполне подтверждается массой архивных материалов, разработка которых до меня почти не проводилась. Широкое и глубокое изучение нескольких сот архивных документов позволило открыть много новых, ярких страниц истории флота, науки и техники, написанных этим выдающимся деятелем.

Многолетние исследования послужили также основой для написания мной нескольких книг об А.С. Грейге и его отце – С.К. Грейге: научные монографии «Судостроение в Николаеве в эпоху паруса» и «Два адмирала», эссе «К истории душою прислонясь...» и документальные исторические романы «Молчаливый адмирал» и «Лавры и тернии», но все эти труды еще ждут своего издателя.

Так уж случилось, что в СССР об адмирале не было опубликовано ни одной книги: до распада СССР, в условиях социалистической цензуры, на страницах прессы адмирал был «персоной нон грата». А впоследствии – величие фигуры Грейга требовало особого душевного подъема, чтобы решиться написать о нем объективную книгу. Теперь она перед вами, читатель, и вы узнаете многое о жизни и деятельности этого выдающегося человека.

Биографии, биографические очерки и справки об адмирале А.С. Грейге, опубликованы:

до революции [5, 19-23, 26-28, 82, 86];

после революции и до распада СССР [17, 18, 24, 25, 29, 44, 56, 91, 128];

после падения коммунистического режима и распада СССР [72, 134, 148, 185].

Часть I

Начало

Глава первая

Адмирал Самуил Грейг из клана Мак-Грегоров

Потомки короля Алпина

Адмирал А.С. Грейг хорошо известен лицам, интересующимся военно-морской историей нашего Отечества; менее знаком его отец – С.К. Грейг, хотя он и более знаменит. И совсем уж мало сведений о происхождении рода Грейгов. А история их предков оказалась весьма интересной. Некоторые николаевские евреи, не потрудившиеся поработать над изучением родословной Грейгов, поспешили записать его в «свои». С их легкой руки такая, достойная осмеяния, версия якобы попала даже в «Еврейскую энциклопедию», и действительно, я нашел там А.С. Грейга, но только как защитника евреев. Все это, видимо, связано с тем, что Грейги никогда не афишировали свое происхождение. А оно заслуживает внимания.

Норвежские исследователи жизни и творчества знаменитого композитора Эдварда Грига специально изучили его родословную и обнаружили, что Григи и Грейги – близкие родственники и происходят из древнего шотландского клана Мак-Грегоров, т.е. «сыновей Грегора» [Е101]. Знаменитый шотландский писатель Вальтер Скотт (Вальтер «Шотландец») много лет и тщательно изучал историю этого клана, в результате чего появился роман «Роб Рой» («Красный Ро-

бин»). Вот что он пишет в просторном предисловии к роману:

«Мак-Грегоры притязают на происхождение от Грегора или Григория, который был будто бы третьим сыном Алпайна (Алпина), короля скоттов, царствовавшего около 782 года. Поэтому их первоначальное родовое имя было Мак-Алпайны, и обычно клан их именуется кланом Алпайн... Он числится среди древнейших кланов Верхней Шотландии, и не подлежит сомнению, что племя это – кельтского происхождения и одно время владело обширными землями в Пертшире и Аргайлшире, которые оно неразумно продолжало удерживать в силу «*soir a glaive*», то есть «по праву меча».

Клан Мак-Грегоров был довольно обширным и мог выставить для войны до восьмисот бойцов. Члены клана жили в горах Верхней Шотландии, пасли овец и крупный рогатый скот, продавали его более богатому предгорью. Но охотнее всего они воевали, разбойничали, угоняли и продавали стада соседей и окрестных лэрдов (помещиков). Даже Вальтер Скотт называет их «дикими горцами» за чрезмерную гордыню, вспыльчивость, необузданную воинственность и жестокость. Безграмотные, но в мирной жизни благовоспитанные и деликатные, они становились безудержно мстительными при малейшей попытке затронуть их достоинство. Из-за своего характера и устремлений этот клан в течение нескольких столетий враждовал с соседями и воевал против англичан.

«История Мак-Грегоров, – пишет Вальтер Скотт, – повторяет историю многих коренных кланов Северной Шотландии, которые были подавлены более сильными соседями и либо истреблены, либо вынуждены ради права на жизнь отказаться от своего родового имени и принять имя своих победителей». Все это нашло отражение в «Боевой песне клана Мак-Грегоров»:

*Не знает наш клан и главой где прилечь,
Но клан наш сберег и свой дух и свой меч.
Так смело же, смело! Мак-Грегор, ура!*

*Мак-Грегор, пора!
Нет крова, нет пищи, нет имени нам...
Огню же их дома, их трупы орлам!
На битву, на битву! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!*

Чтобы обуздать этот неукротимый клан, правители Шотландии, а затем и Англии издавали законы, направленные на полное истребление рода Мак-Грегоров. Впервые такой акт принял Тайный Совет при королеве Марии 22 сентября 1563 г. Согласно «акту», все могущественные соседи-лэрды и другие кланы были обязаны преследовать клан Мак-Грегоров огнем и мечом. Запрещалось давать членам клана приют, одежду и питье, их следовало только уничтожать или заставляя сдаваться и отказываться от имени «Мак-Грегор», переходя в зависимость к победителям.

Но большинство членов клана, презиравшее работу и признававшее только «право меча», периодически выступали против гонителей, и даже в мирное время случались убийства «обидчиков». Мак-Грегоры долгое время враждовали с лэрдом Луссом, главою могущественного клана. Из-за отказа людей лэрда Лусса приютить на ночь двух спутников, Мак-Грегоров, возникла ссора, приведшая к непримиримой борьбе. В 1592 г. клан Мак-Грегоров в битве при Гленфруне разгромил более сильное войско Лусса и жестоко расправился с ранеными и пленными. Побежденные пожаловались на жестокость клана Мак-Грегоров королю Якову VI, что повлекло за собой новый «Акт Тайного Совета» от 3 апреля 1603 г., в котором объявлялось, что имя «Мак-Грегор» навечно уничтожается, и тем, кто его носил, повелено изменить на другое; каждому, кто останется преданным имени Мак-Грегор, грозила смертная казнь, а участникам битвы при Гленфруне запрещалось впредь носить оружие.

Но, видимо, клан не сдавался, потому что новым «Актом Тайного Совета» от 24 июня 1613 года предусматривалась смертная казнь всем бывшим членам клана, если они соберутся в числе более четырех человек. Парламентский акт

от 1613 года подтвердил эти требования и распространил все прежние законы даже на потомков клана. Слова этих законов не расходились с делом: в 1603 г., когда, не выдержав гонений, глава клана Алластер Мак-Грегор сдался сам графу Аргайлу при условии высылки всего клана из Шотландии, вероломный граф передал всех суду, и в 1604-1605 гг. несколько наиболее активных членов клана были повешены, а сам граф заслужил благодарность парламента: за то, что «привел в покорность дерзкое и злое племя Мак-Грегоров, неисправимых правонарушителей, и отдал под суд Мак-Грегора со многими главарями клана, заслуженно казненных за их злодеяния...»

После этого Мак-Грегоры вынуждены были поменять свои фамилии или принять другие – своих соседей, но в душе они все равно оставались Мак-Грегорами. Чтобы совсем не исчезла из памяти потомков слава Мак-Грегоров, они отбросили приставку «Мак», а «Грегор» стали писать на все лады: Грейк, Грэгг, Грейг, Грегори, а некоторые «перекрестились» в другие кланы и стали Алпайнами, Грэмами, Драммондами, Грантами и т.п. Многие из них занялись мирными делами, стали судовладельцами, моряками, торговцами и судостроителями. Но беспокойный, буйный характер некоторых членов клана периодически проявлял себя. Так в 1633 году клан снова «поднял голову» в нескольких графствах, что вызвало ответные действия властей.

После Реставрации король Карл облегчил участь клана, учитывая, что его члены во время смуты встали на сторону королевских войск. Но, почувствовав это смягчение, некоторые неистовые потомки Мак-Грегора снова занялись бесчинствами и разбоями. К ним относится и Роб Рой Мак-Грегор Кэмбел. Ограбленный соседями, он собрал ватагу своих клановцев и ушел в горы, откуда совершал набеги на богатых шотландцев, грабя их. Шотландцы считают своего Роб Роя национальным героем, подобным английскому Робин Гуду, но англичане именуют его не иначе, как разбойником.

Роб Рой наложил на все окрестные поместья «черную дань» и взимал ее силой, если не получал добровольно. «Человек

этот дикой доблестью, тонкой хитростью и необузданным своеволием своим затмевал американского индейца», – так характеризовал Роб Роя Вальтер Скотт. Знаменитый разбойник умер своей смертью в 1738 году. У него было пять сыновей, таких же воинственных и необузданных, один из которых, Джеймс Рой, успешно воевал в 1745 году против англичан, был объявлен вне закона, но прощен через два года. Менее повезло трем другим, которые, по традиции, разбойничали. Их поймали и одного приговорили к смерти, но в 1752 году Джеймс Мор совершил дерзкий побег из Эдинбургского замка; второго же, Дункана, суд оправдал в 1753 году, так как не смог доказать его вины. Третьего сына, Роберга, захваченного в 1753 г., суд приговорил к смертной казни, и он был повешен в следующем году.

В 1745–1746 годах в Шотландии вспыхнуло последнее восстание против Англии, в котором снова активно участвовали и непримиримые члены клана Мак-Грегора. После подавления этого восстания и окончательного «замирения» Шотландии Мак-Грегори наконец угомонились. Но все эти бурные страницы истории уже не касались предков Грейгов: Чарльз Грейк, отец Самуила Грейга и дед героя нынешнего повествования, давно мирно жил в приморском городке Инверкейтинге, был судовладельцем и занимался морской торговлей. Из клана Мак-Грегора вышло несколько знаменитых людей. Доктор Джеймс Грегори был профессором медицины в Королевском колледже в Эдинбурге и стал «родоначальником целой династии профессоров, отмеченных литературными и научными дарованиями». Один из его потомков, также Джеймс Грегори, известен в научном мире как изобретатель отражательного телескопа. Но более всего прославились русский адмирал Самуил Грейг, герой Чесмы и Гогланда, и норвежский композитор Эдвард Григ, автор музыки к «Пер Гюнту».

И в заключение, о «еврейском происхождении» С.К. Грейга. И Самуил Грейг, и его жена Сейра (Сара), и их сын Алексей (герой моей книги) были, естественно, «природными шотландцами». Но Алексей Грейг женился на еврейке Юлии

Сталинской, и все их дети, по традиции и законам Израиля, были евреями. И вот тут произошла путаница: Самуила Карловича Грейга, шотландца, евреи перепутали с его внуком Самуилом Алексеевичем Грейгом, кстати, первым почетным гражданином Николаева, действительно, евреем.

Безусловно, все Грейги гордились в душе своим происхождением из клана Мак-Грегоров, но они никогда этого не афишировали, понимая, что в условиях любой монархии гордиться и прославлять открыто своих предков и родственников, занимавшихся часто разбоем и войнами с королями, совершенно недопустимо. Поэтому в России так никогда и не упоминалось о Мак-Грегорах – предках Грейгов.

Самуил Грейг и русский флот

Алексей Самуилович Грейг родился в Кронштадте в семье военного моряка – Главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала С.К. Грейга.

Роль отца в воспитании, образовании и формировании из А.С. Грейга моряка, кораблестроителя и всесторонне развитого человека была настолько велика, что мы считаем необходимым кратко остановиться также на жизни и деятельности С.К. Грейга.

Самуил родился в королевском городке Инверкейтинге в семье судовладельца Чарльза и его супруги Джейн Грейгов в 1735 г. До 15 лет он учился в школе, а затем много лет плавал на английских торговых судах.

В 1750 г. Самуил Карлович Грейг или, как он сам подписывался, Сэмюел Грейк, вступил в королевский флот волонтером; он принимал участие в многочисленных морских сражениях, которые в ту пору вела Англия за господство на море, о чем свидетельствует его послужной список. Однако за 13 лет службы, несмотря на проявленные храбрость и отличные качества морского офицера, Самуил Грейг дослужился в королевском флоте только до первого офицерского чина – лейтенанта. Лорды Адмиралтейства хорошо знали

Императрица Екатерина Великая

клан Мак-Грегора и помнили об ограничении его в правах, поэтому они не давали Сэмюэлу Грейку расти по службе.

Очевидно, бесперспективность дальнейшей карьеры шотландца в английском флоте заставила С.К. Грейга искать счастья на чужбине.

В эти годы молодая императрица Екатерина II, вступившая после дворцового переворота на русский престол, принялась укреплять с таким трудом пробитое окно в Европу через Балтийское море и прокладывать России путь к южным морям через Черное. Две мощных монархии противостояли в этом России – Швеция на севере, Турция на юге, и обе были сильными морскими державами. Екатерина начала срочно возрождать русский флот, пришедший при преемниках Петра в полный упадок. Для службы в русском флоте, которому в то время недоставало хороших морских офицеров, императрица стала приглашать знающих моряков из-за границы. Этим приглашением и воспользовался двадцативосьмилетний лейтенант Самуил Грейг.

Вместе с Грейгом в русский флот поступил и его близкий родственник Вильям Роксбург. Замечу, что через пятнадцать лет вынужден был эмигрировать в Норвегию его близкий родственник Александр Грегг, потомок которого Эдвард Григ стал знаменитым норвежским композитором.

Но вернемся к Самуилу Грейгу.

В мае 1764 г. С.Грейг получил разрешение короля Георга III перейти на службу в русский флот [126]. Указом от 18 июня 1764 г. он был зачислен капитаном 1-го ранга (через два чина) со старшинством от 20 апреля того же года. Но на подлинном указе рукой Екатерины сделана приписка, чтобы Грейга числить в русском флоте с 20 марта, т.е. со дня официального оставления им службы в английском флоте. Так шотландский моряк Сэмюэл Грейк оказался на русской службе под именем Самуила Карловича Грейга.

Русский флот мог не жалеть об этом: в лице Грейга Россия приобрела весьма знающего, энергичного и дельного моряка и кораблестроителя. Вскоре С. Грейг внес несколько предложений по усовершенствованию архитектуры и парусного

*Хиосское сражение. С картины Ф. Хаккерта, 1771 г.
Петергофский дворец*

*Чесменское сражение. С картины Ф. Хаккерта, 1771 г.
Петергофский дворец*

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский

вооружения русских кораблей и фрегатов. С разрешения Екатерины Грейг по-своему вооружил вновь построенный корабль, который впоследствии послужил образцом для вооружения всех кораблей и фрегатов русского флота. На основе предложений Грейга были разработаны затем новые правила («штаты») парусного вооружения русских кораблей, которые введены в 1777 г.

К моменту рождения старшего сына Алексея Самуил Грейг успел доказать преданность своему новому отечеству, участвуя в двух важных событиях. Первое, на военном поприще, – самое активное участие в Архипелагской экспедиции, включая Хиосское, Чесменское и другие сражения (Грейг фактически руководил Чесменским сражением) [45, 236], второе – на дипломатическом, приняв деятельное участие в доставке в Петербург «княжны Таракановой», самозванки, претендовавшей на русский престол и требовавшей раздела России. Активная роль Грейга в этих событиях была отмечена высокими наградами: Грейг получил орден Св.Георгия 2-го класса (очень высокое по тому времени отличие), а в 1775 г. он был произведен в вице-адмиралы и назначен на должность Главного командира Кронштадтского порта.

В год возвращения Грейга в Кронштадт из последнего Архипелагского похода его супруга Сара Александровна ожидала рождения первого ребенка. Еще до его рождения Екатерина II издала распоряжение: сына произвести в мичманы, а дочь – во фрейлины. 6 сентября 1775 г. родился первый сын, названный Алексеем. При крещении приняли его от купели Екатерина II и боевой соратник Грейга по Архипелагской экспедиции граф Орлов-Чесменский. Через несколько дней последовал царский рескрипт о пожаловании младенцу Алексею Грейгу первого офицерского чина – мичмана. Как мы сможем убедиться далее, эта милость императрицы не принесла большой пользы Алексею Грейгу в его военно-морской карьере, которую он творил сам, но послужила потом его недругам основанием для объяснения всех его успехов тем, что он был крестником Екатерины. Согласно указу Николая I, А.С. Грейгу засчитывал-

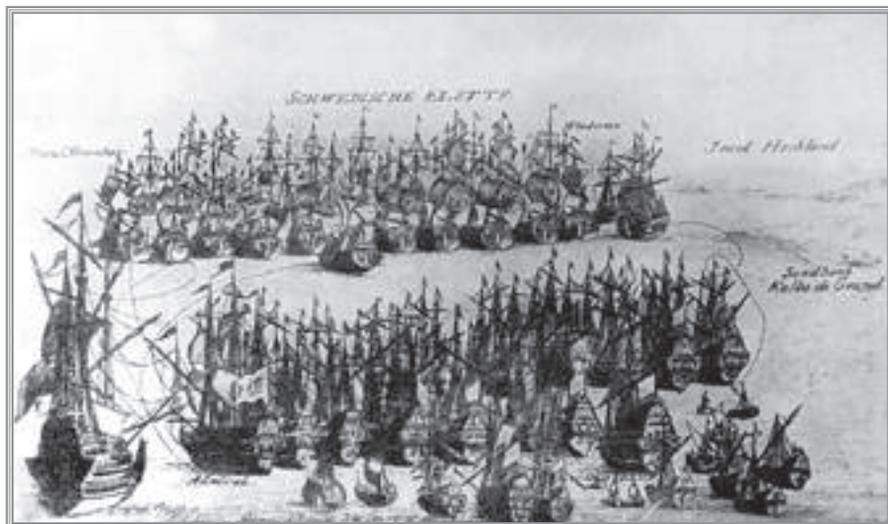
*Контр-адмирал С.К. Грейг. С портрета И.П. Аргунова,
1772-1773 гг. Русский музей. С.- Петербург*

ся стаж службы только с 16 лет, как для всех выпускников кадетского корпуса [Ж70].

В это время Самуил Грейг командует флотской дивизией, состоит по-прежнему в должности Главного командира Кронштадтского порта, занимается проектированием и усовершенствованием кораблей русского флота. Им были спроектированы, а затем в Архангельске построены мастером Портновым корабли «Изяслав», «Пармен», «Никанор», «Пимен», «Иона», «Филипп», «Граф Орлов», «Азия» и «Победа». Его ревностная служба в это время отмечена орденами Св.Александра Невского и Св.Владимира. В 1782 г. Самуил Грейг произведен в адмиралы. В 1785 г. С.К. Грейгу был поручен надзор по перенесению адмиралтейства из Петербурга в Кронштадт, в следующем году Екатерина поручает ему наблюдение за постройкой нового Александровского пушечного завода в Петрозаводске. Грейгу удалось пригласить на русскую службу в качестве директора Александровского завода управляющего компании Каррон в Шотландии инженера-металлурга Гаскоина. На Александровском заводе начали выпускать пушки качественного литья, а также корабельные орудия нового типа – карронады, изобретенные Гаскоином. Одновременно Грейг работает над усовершенствованием оборудования и артиллерийского вооружения кораблей.

Первенец, Алексей, в это время рос в кругу семьи и приобщался к морскому делу, находясь под влиянием отца. 23 июня 1785 г. в 10-летнем возрасте закончилось домашнее воспитание и образование мичмана Алексея Грейга: он был послан на стажировку в Англию, где плавал на судах британского флота, после чего был произведен в лейтенанты. Стажировка продолжалась почти три года; 19 мая 1788 г., по возвращении в Россию, Алексей Грейг назначается на корабль «Мстислав», совершавший плавание по Финскому заливу.

Тем временем адмирал С.К. Грейг готовил эскадру Балтийского флота для новой экспедиции в Архипелаг, но вспыхнувшая неожиданно в июле война со Швецией прервала этот поход. Шведы готовились внезапным броском сильного

Гогландское сражение. С немецкой гравюры XVIII в.

флота захватить Кронштадт, а затем с помощью армии – и Петербург. Защита столицы и Кронштадта была поручена С.К. Грейгу, вставшему во главе Балтийского флота.

6 июля 1788 г. С. Грейг, неся свой флаг на корабле «Ростислав», атаковал у острова Гогланд шведский флот, шедший к Кронштадту. Произошло самое жестокое сражение за всю предыдущую историю Балтийского флота. Шведский корабль «Принц Густав», находившийся под флагом вице-адмирала Вахмейстера, сдался флагманскому кораблю «Ростислав». Не выдержав мощного огня, шведы бежали в Свеаборг, уводя с собой избитый в сражении и оставшийся без поддержки в гуще неприятельских судов русский корабль «Владислав». (Общее число убитых и раненых на русских судах доходило до 1368 человек!) [Е98]. Однако Грейг, узнав о потере «Владислава», направился со своим наскоро исправленным флотом к Свеаборгу и блокировал шведские корабли. При бегстве шведов в шхеры они потеряли еще один корабль, взятый в плен и взорванный русскими моряками. Так был сорван дерзкий план молниеносного овладения Петербургом. Эта победа имела важное стратегическое

значение: она не допустила врага на русскую территорию и подняла датчан на борьбу со Швецией.

Адмиралтейств-коллегия прислала Грейгу похвальный лист, где были следующие слова: «Знаменитая, паче же важная, Богом дарованная вам и России над врагами победа есть не первый опыт вашего искусства и мужества ... ныне же поразили ближайших не по храбрости и силе, но по намерению своему страшнейших врагов» [219].

Екатерина собственноручно написала С. Грейгу благодарственное письмо, в котором были следующие строки: «Заслуги ваши пребудут в нашей памяти, и отечественные летописи передадут потомству имена – ваше и ваших храбрых сподвижников, увенчанных почтением и любовью» [Е96; с.334].

Высшее отличие России – орден Св.Андрея Первозванного, учрежденный Петром I, – было наградой Самуилу Грейгу, но адмирал отказался его надеть раньше окончательного поражения шведского флота.

Однако Грейгу не пришлось дожидаться окончательного разгрома неприятеля: во время блокады Свеаборга он заболел «желчной горячкой», и 4 октября было получено распоряжение кораблю «Ростислав» уйти в Ревельскую гавань «для лучшего спокойствия больного». 15 октября Самуил Грейг скончался на борту своего флагманского корабля «Ростислав» в зените славы.

Грейг был торжественно погребен в Лютеранском соборе в Ревеле. Над могилой был сооружен впоследствии прекрасный памятник. В память о Грейге была выбита большая золотая медаль. (Заметим, что в память заслуг адмирала С.К. Грейга его именем был назван построенный в 1868 г. броненосный фрегат).

С.К. Грейг был женат на Сейре Александровне Кук, дочери Александра Кука владельца канатного завода в Санкт-Петербурге, и двоюродной сестре знаменитого мореплавателя Джеймса Кука. В русском обществе жена Грейга была известна под именем Сары.

Жизнь и деятельность адмирала, почетного члена Петер-

*Сара Александровна Грейг (Кук). С портрета К.Л. Христингса.
Русский музей*

бургской Академии наук, члена Лондонского королевского общества С.К. Грейга, подробно описана мной в книге «Самуил Карлович Грейг», изданной АН СССР в 1988 г.

Сохранилось несколько живописных, гравированных и литографированных портретов С.К. Грейга. Первый портрет С.К. Грейга был написан известным русским художником И.П. Аргуновым вскоре после Чесменского сражения, в 1772-1773 гг. Этот портрет был отвезен Грейгом (во время отпуска) в Шотландию и подарен родному городу (1777 г.). Второй портрет написан знаменитым живописцем Д.Г. Левицким, но уже после смерти Грейга, что подтверждается орденом Св. Андрея Первозванного, который адмирал так и не успел надеть на шею. Левицкий взял за основу парадный портрет вице-канцлера А.М. Голицына, написанный им ранее, – композиции и фигуры полностью совпадают. Лицо адмирала написано художником с более раннего (прижизненного) портрета С.К. Грейга, который Левицкий почему-то забраковал и потом записал другим портретом. Все гравюры и литографии делались впоследствии с портрета работы Левицкого.

Самуил и Сара Грейги имели четырех сыновей – Алексея, Джона, Самуила и Чарлза и дочь Джейн.

Из них только Алексей и Джейн остались в России, а трое братьев после смерти отца вернулись впоследствии в Англию.

Более подробные сведения о жизни и деятельности С.К. Грейга, а также портреты его жены можно найти в литературе и источниках [2, 3, 4, 10, 11, 12, 30, 31, 32, 45, 75, 79, 96, 121, 122, 126, 175, 213, 214, 219, 230, 238, Е4, Е5, Е54, Е55, Е56, Е66, Е91, Е93, Е95, Е96, Е98, Е110, Е111, А1, А2, А8, А10, А12, А17, А18, А21, А22].

Самозванка «княжна Тараканова»

Весной 1775 года эскадра русских судов возвращалась из Ливорно, что на Средиземном море, в Кронштадт. На борту флагманского корабля «Исидор», ведомого прославленным адмиралом Самуилом Грейгом, вопреки морской традиции, находились две женщины. Одна из них, Сейра Грейг, жена адмирала, жила в его каюте. Рядом, в одной из офицерских кают, под бдительным оком караула, находилась самозванка, называвшая себя Елизаветой, принцессой Владимирской, дочерью императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского. Обе женщины были «на сносях», ожидая рождения ребенка.

Таинственная история пленения в Ливорно самозванки «принцессы Володимерской» и доставка ее в Россию на корабле Самуила Грейга послужила сюжетом для многих книг, статей, романов и картин, в которых, в меру осведомленности их авторов, излагалась эта история со многими искажениями и выдумками. Коснулась она и Алексея Грейга, успехи которого в морской службе официальная советская историография приписывала тому, что его отец – Самуил Грейг – был якобы участником похищения княжны Таракановой. Чтобы раз и навсегда развенчать эту выдумку, остановимся на реальных событиях, которые восстановлены мной по подлинным документам [45, 55, 184, Е99].

* * *

Русский флот после громких побед на море, прославленный Чесмой и Патрассом, покоился в тихой гавани Ливорно, почивая на лаврах.

И вот в эти тихие, безмятежные дни сентября 1774 г. командующий, граф Алексей Орлов-Чесменский, державший свой кейзер-флаг на борту корабля «Исидор», получил странное письмо от какой-то женщины, которая именovala себя Елисаветой, принцессой Владимирской, законной наследницей русского престола. Граф Алексей тут же (27 сентября 1774 г.) сообщил императрице об этом. И, как было

*Самозванка Елизавета, принцесса Владимирская
(«Княжна Тараканова»). С рис. И. Глазунова
(по словесному описанию Г.А. Орлова)*

ему свойственно, сразу же предложил принять решительные меры: «Есть ли едакая в свете или нет, того не знаю, а буде есть, и хочет непринадлежащего себе, тоб я навязал камней ей на шею, да в воду...».

...Несколько лет до этого в Европе появилась загадочная женщина. Красивая, умная и прекрасно образованная, она выдавала себя за знатную особу, случайно оказавшуюся «на мели» и ожидающую большого наследства. Влюбляя в себя доверчивых аристократов, она пользовалась их щедростью, а разорив, исчезала, появляясь в другой европейской столице и под иным, еще более звучным именем. Столицы всех германских государств, Лондон, Париж и Рим были ею покорены, но уже полиция шла по ее следам.

В начале 1774 г., убегая от своих кредиторов, эта дама под именем русской принцессы появилась в Венеции. Здесь ее разыскал бежавший в Европу вождь конфедератов князь Радзивилл, который решил использовать «принцессу Елисавету» в интригах против России. С помощью Радзивилла были сочинены письма всем главам европейских государств, в которых сообщалось, что принцесса Владимерская является дочерью императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского и прямой наследницей русского трона. К письмам прикладывалось «духовное завещание» императрицы в пользу своей дочери, принцессы Елисаветы.

История была правдоподобной, поскольку в это время где-то в Европе воспитывалась настоящая дочь Елизаветы и Алексея Разумовского, но это хранилось в глубокой тайне, до конца не раскрытой до сих пор.

Не дожидаясь реакции европейских монархов на свои письма, Елисавета вместе с Радзивиллом отправились на паруснике в Константинополь, чтобы получить личную поддержку турецкого султана, воевавшего тогда с Россией.

Но случилось непредвиденное: корабль был поврежден штормом и вынужден был зайти в Рагузу (Дубровник) для ремонта. Здесь «принцесса» получила первый удар: сенат Рагузской республики не признал ее прав. И тогда она с Радзивиллом разработала дерзкий план: привлечь на свою

сторону самого Алексея Орлова-Чесменского, командовавшего на Средиземном море не только большим флотом, но и десятитысячным экспедиционным корпусом.

Началась тонкая игра двух неординарных личностей.

Орлов-Чесменский задумал завлечь «принцессу» в Ливорно, чтобы арестовать эту «побродяжку» и доставить, согласно воле Екатерины, в Санкт-Петербург. В свою очередь, принцесса Елисавета, заигрывая с Алексеем Орловым, не выдавала своего местонахождения, боясь этого сильного и решительного человека. Но она оказалась снова в долгах и после поражения в Рагузе, запутывая следы, тайно бежала в Рим, а Радзивилл, потеряв к ней интерес, уехал снова в Венецию.

Для поисков «принцессы» Орлов-Чесменский использовал двух предприимчивых людей, дав им чины капитанов русской армии. Один из них вошел в историю под именем Ивана Кристинена (или Кристенека), другой так и остался неизвестным. Иван Кристинен оказался очень одаренным сыщиком. Ему быстро удалось напасть на след Елисаветы и даже поступить к ней на службу. Вскоре от него пошли тайные депеши Орлову.

Надо сказать, что вокруг ареста самозванки сочинено множество небывлиц. Я же рассказываю об этом, опираясь на 40 подлинных документов (письма Орлова и его агентов, сообщения газет и т.п.) и записи в шканечных журналах судов. И. Кристинену удалось внушить Елисавете, что граф Орлов-Чесменский поддерживает ее и готов вместе с нею отвоевывать трон у Екатерины Великой. Но Елисавета долго осторожничала, а попала на долгах. Ее осадили в Риме кредиторы, а графу Орлову удалось через английского консула Дика вручить «принцессе» огромную сумму в цехинах для погашения долгов и дальнейшей «красивой» жизни. После такого щедрого дара Кристинен смог убедить Елисавету поехать в Пизу, где находился на излечении граф Орлов. Расплатившись с долгами, «принцесса» 11 февраля 1775 г. выехала в собственной карете в Пизу.

В корреспонденции пизанской газеты от 20 марта со-

общалось: «Во время пребывания сей дамы за квартиру ее плачено от генерала (Орлова), с коим она ездила в карете на прогулку и в театр, и все видели, что он обходился с нею почтительно». Во время этих встреч графа Орлова-Чесменского с Елисаветой он сумел убедить ее в своих самых теплых чувствах и в желании помочь. А вечерами граф писал очередное донесение Екатерине Второй. В одном из них он привел словесный портрет самозванки: «Оная женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни бела, ни черна, глаза имеет большие и открытые, цветом темно-карие и косы, брови темнорусые, и на лице есть и веснушки; говорит хорошо по-французски, разумеет по-английски, думать надобно, что и польский язык знает, только никак не отзывается, уверяет о себе, что она арабским и персидским языком очень хорошо говорит».

12 февраля 1775 г. «принцесса» Елисавета позволила графу Орлову себя уговорить, и во второй половине дня они в двух каретах в сопровождении почетного эскорта прибыли на пристань в Ливорно. Здесь их уже ждали шляпки с адмиральского корабля.

Далее предоставляю слово шканечному журналу корабля «Исидор»: «12 февраля. В 1/2 5 часа прибыл на корабль «Исидор» Е.С. граф Алексей Григорьевич Орлов и с ним дама 1, при ней служанка 1, господа Михайла Доманский, Ян Черновский, при оных слуг 5, и для прибытия выполнено с каждого судна по 13 пушек. По сигналу, корабль «Александр Невский» стал производить пушечную экзерцицию пальбою, выпалено из 70 пушек. По приказанию Е.С. привезены были с корабля «Мироносец» егери, и как оными, так и гвардиею начали производить экзерцицию с пальбою. В 6 часов отбыл с корабля «Исидор» Е.С. в Ливорн и по приказанию его, прибывшие с ним означенные персоны и их прислуги взяты за арест.

13 февраля. Отправлены с корабля «Исидор» на корабль «Мироносец» г. Михайло Доманский, с ним слуг 2, на корабль «Невский» – г. Ян Черновский, с ним слуг 2, на корабль «Всеволод» – слуга 1.

14 февраля. Эскадра снялась с якоря и пошла в море».

Так вся историческая драма, разыгравшаяся на борту корабля «Исидор», была вмещена вахтенным офицером в несколько сухих строк. Как видим, никакой свадьбы не было, никто даже не спустился в каюты, все произошло на палубе в течение полутора часов под бряцанье ружей и пушечную пальбу.

Спустя сутки после ареста Иван Кристинен был выпущен из карцера, где сидел, и вскоре мчался в Петербург с первым сообщением А. Орлова об удачном завершении операции «Самозванка».

Вслед за Кристиненом в столицу поехал и сам А.Г. Орлов, надеясь на новые милости императрицы.

Плавание эскадры адмирала С.К. Грейга было долгим. Только 24 мая пришли в Кронштадт.

Еще до прибытия флота в Кронштадт Екатерина II написала из Москвы собственноручно именной указ князю А.М. Голицыну, Петербургскому генерал-губернатору (22 марта 1775 г.), в котором есть такие строки: «Господин Грейг, чаю, несколько поспешит, потому что он везет на своем корабле, под караулом, женщину ту, которая разъезжая повсюду с беспутным Радзивиллом, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной Государыни Императрицы Елизаветы Петровны. Графу Орлову удалось ее изловить, и шлет ее с двумя, при ней находящимися, поляками, с ея служанкою и с камердинером на сих кораблях и контр-адмиралу приказано ее без именного указа никому не отдавать».

По прибытии в Кронштадт, С.К. Грейг получил от Екатерины II из Коломенского (под Москвой) благодарственное письмо, в котором была небольшая приписка (императрица любила сочинять латинские стихи). В переводе она звучит примерно так:

«Пусть тебе, магнит, присуще удивительное качество, однако, хотя тебя влечет небо, но сам ты не привлекаешь к себе небесной высоты. А твоя святая добродетель известна всему миру, и небо влечет тебя, сам ты привлекаешь к себе небесную высоту».

Историки до сих пор пытаются понять зашифрованный смысл этого стиха, его странную двойственность. Возможно, Екатерина хотела сказать, что за невзрачной внешностью и видимой суровостью Самуила Грейга скрывались замечательные душевные качества и твердость характера.

А что было далее с самозванкой, узнаем из шканечного журнала корабля «Исидор»:

«24 мая.

Пришли на кронштадский рейд.

25 мая. Бывшая на корабле «Исидор» госпожа со всем экипажем, и при ней двое господ, служанка 1, служителей 6, скороход 1 отъехали на адмиральскую яхту, и определен на оную яхту командиром капитан-лейтенант Путятин; яхта снялась с якоря и пошла к О.»

Путятин доставил «госпожу» к Невским воротам Петропавловской крепости, где она и была посажена в Алексеевский рavelин. Допрос, который чинил князь Голицын, длился несколько месяцев, но ничего не дал: самозванка так и не открыла тайны своего рождения, унеся ее с собой в мир иной.

В Петропавловской крепости Елисавета заболела чахоткой (а возможно, и ранее). В сыром петербургском климате болезнь быстро развивалась.

В ноябре она родила сына, которого окрестили Александром. Молва приписывает этого сына графу Орлову. И действительно, у графа Алексея был внебрачный сын Александр, служивший в кавалерии. Полковник Александр Чесменский умер в молодом возрасте от чахотки.

6 декабря 1775 г. Санкт-Петербургский обер-комендант А. Чернышев секретным рапортом сообщил князю Голицыну: «...декабря 4-го числа, пополудни в 7 часу, означенная женщина, от показанной болезни волею Божиею умре, а пятого числа в том же рavelине, где содержится была, тою же и командою, которая при карауле в оном рavelине определена, глубоко в землю похоронена. Тем же караульным, сержанту, капралу и рядовым тридцати человекам, по объявлении... присяги о сохранении сей тайны, от меня увещанием наикрепчайше подтверждено».

*Сэр Сэмюел Грейг. Грав. Дж. Уолкера с портрета
Д. Левицкого. Публикуется впервые*

Так закончила свой путь одна из самых знаменитых авантюристок, которая хотела захватить русский трон и окатоличить Россию.

А что же случилось с другими участниками этой детективной драмы? Самуил Грейг, доставивший самозванку в Санкт-Петербург, был произведен в чин вице-адмирала и назначен главным командиром Кронштадтского порта.

В Москве, на приеме, Екатерина II, увидев беременную Сейру Грейг, сказала: «Если родится сын – будет мичманом, если дочь – будет фрейлиной». Сейра родила сына через два месяца после родов самозванки. Его крестили сама императрица и граф Алексей Орлов, давший малышу свое имя. Екатерина сдержала слово и через 15 дней после рождения пожаловала Алексея чином мичмана.

Екатерина подарила С.К. Грейгу свою дачу «Санзанюи» под Ораниенбаумом, которую построила, будучи еще великой княгиней.

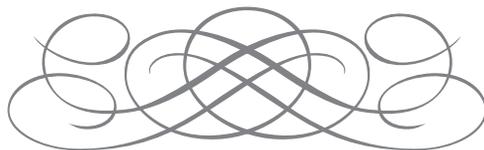
Иван Кристинен, сыгравший главную роль в поимке самозванки, как говорит молва, обратился в Осипа Рибаса, который со временем стал адмиралом И.М. Дерибасом и несколько лет жил в Николаеве в доме на углу Никольской и Наваринской улиц. Были ли Иван Кристинен и Осип Рибас одним и тем же лицом, никто никогда не узнает: эта история умеет хранить свои секреты.

Самой неожиданной оказалась судьба национального героя России графа Орлова-Чесменского. Из его писем Екатерина II увидела, что граф был равнодушен к самозванке. Он и сам писал, что если императрице будет угодно, то он готов жениться на Елисавете. Императрица не смогла простить ему этого и вместо благодарности заслала Орлова в ссылку в собственное имение без права приезжать в Петербург и Москву.

И все же, кем же была «княжна Тараканова»? В письме генерал-прокурора князя А.А. Вяземского князю А.М. Голицыну имеются такие строки: «Ея Величеству через английского посланника донесено, что известная самозванка есть из Праги трактирщикова дочь...». Самуил Грейг считал ее

польской еврейкой. В последнее время ученые склоняются к тому, что «Елисавета» действительно была польской еврейкой из Праги – предместья Варшавы.

Вот и вся роль Самуила Грейга в этой истории. Как видим, присягнув Екатерине II в верности, он не мог не выполнить приказа своего начальника А.Г. Орлова-Чесменского и доставил «княжну Тараканову» в Кронштадт.

Глава вторая

В боях и сражениях

Боевая молодость

После смерти адмирала С.К. Грейга Екатерина взяла все его семейство под свое покровительство. Уже 4 декабря 1788 г. Алексей Грейг был произведен в капитан-лейтенанты. Оба его младших брата, Карл и Самуил, были пожалованы в этом же году в первый офицерский чин – мичманов [Е97; с.433-440].

9 сентября 1789 г. Алексей Грейг с братом Карлом были посланы в Англию для изучения морской практики; в 1789–1791 гг. молодые моряки совершили плавания в Китай и Индию на судне остиндской компании «Ласекс».

Во время этих плаваний Грейгу приходилось участвовать в сражениях с французским приватиром и голландскими судами.

В 1791 г. А. Грейг вернулся в Россию, но в следующем году по повелению Екатерины в третий раз был послан в Англию, где служил волонтером на разных английских военных судах, совершив плавание в Средиземное море. Впоследствии Алексей Грейг служил волонтером на корабле британского военного флота в составе эскадры под командованием известного адмирала лорда Худа [Ж70].

В 1796 г. Алексей Грейг был назначен на корабль «Ретвизан» и совершил плавание к берегам Англии под командованием бригадира Чичагова. Прямо с корабля он был командирован в порт Литт на фрегат «Архангел Михаил», чтобы сменить загулявшего с командой капитан-лейтенанта Бруна и привести судно в Россию. У мыса Порккала-Удд фрегат потерпел крушение, но А. Грейг, пытаясь спасти судно, проявил знания и распорядительность, за что был оправдан

морским судом и по его определению пожалован в чин капитана 2-го ранга.

В 1798 г. молодой капитан 2-го ранга Алексей Грейг (23 года) получил в свое командование первое судно – большой 66-пушечный корабль «Ретвизан», взятый в плен у шведов в 1790 г. эскадрой адмирала П.В. Чичагова.

В составе эскадры под командованием вице-адмирала Макарова Грейг плавал у берегов Англии, крейсировал с союзной английской эскадрой в Немецком море у о-ва Текселя и заслужил похвальный отзыв адмирала Нельсона. Новый год начался для А. Грейга весьма знаменательно: 1 января 1799 г. он был произведен в капитаны 1-го ранга. В этом же году Грейг участвовал в высадке десанта на голландский берег и взятии крепости Гельдер, возле которой был захвачен в плен голландский флот. За успешные действия молодой командир корабля был награжден первым военным отличием – орденом Св. Анны 2-й степени.

Во время боевых действий против Гельдера Грейг, идя на «Ретвизане» за английским кораблем «Глаттон», имевшим мелкую осадку, шел на камни; рядом с ним шли еще два английских корабля. Никакими средствами не удавалось снять «Ретвизан» с мели. Наступила ночь, принесшая шторм, и корабль стал разрушаться. Грейг, видя безвыходность положения, принял единственно правильное и остроумное решение. Он распорядился поднять стакселя. Давлением ветра на паруса корабль был буквально сорван с мели и вскоре (после небольшого ремонта) занял место в эскадре адмирала Митчела, вступив в бой. Этот случай стал классическим примером для всех моряков-современников и моряков следующих поколений.

Новый век начался для Алексея Грейга новыми успехами. В 1801 г. он был назначен председателем «Комиссии для исправления Кронштадтского порта» и за успешное исполнение возложенного на него поручения получил высокую награду и благодарность. В 1802 г. вступивший на престол Александр I, учитывая большой морской опыт и отличные знания кораблестроения, назначает молодого Грейга членом

Император Павел I

учрежденного Комитета «для исправления флота». Алексею Грейгу было всего 27 лет, и это был единственный капитан 1-го ранга среди шести адмиралов, образовавших Комитет. В этом же году Капитул ордена Св.Георгия Победоносца, рассматривая кандидатуры на награждение, первым представил к награде орденом Св. Георгия 4-го класса Алексея Грейга за личную храбрость, проявленную при взятии в плен у Гельдерской крепости голландского корабля «Вашингтон». И наконец, в 1803 г. Грейг становится капитан-командором, получая право командовать отрядами судов и небольшими эскадрами.

Соратник адмирала Сенявина

Начало века – это начало продвижения Наполеона по Европе. Россия находится в состоянии войны с Францией. Возглавив эскадру из четырех судов, А. Грейг в 1804 г. отправился в Средиземное море к о-ву Корфу. Там он несколько раз крейсировал между островами Ионической республики, находившейся под протекторатом России. Объединив в свою эскадру все русские суда, бывшие на Ионических островах, Грейг вместе с английской эскадрой высадил десант в Неаполе, однако под давлением превосходящих французских сил вынужден был его снять. Придя в Корфу, А. Грейг вступил под командование вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, сподвижника знаменитого адмирала Ф.Ф. Ушакова. Д.Н. Сенявин привез Алексею Грейгу новое повышение – чин контр-адмирала, пожалованный ему в 1805 г.

Пользуясь поддержкой Наполеона, Турция объявила в 1806 г. войну России. Д.Н. Сенявин с флотом направился к Константинополю, поручив Грейгу овладеть островом Тенедос – важным опорным пунктом турок у входа в Дарданеллы. Грейг лично повел на штурм острова колонну десанта и овладел Тенедосом (8 марта 1807 г.).

На Тенедосе была создана база русского флота для тесной

Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин

блокады Дарданелл. Турецкий флот, вышедший для снятия этой блокады, 10 мая был атакован русским флотом вблизи берега. После жаркого сражения турки бежали под прикрытие береговых батарей. А. Грейг на своем корабле «Ретвизан» принимал самое активное участие в Дарданелльском сражении. На следующий день с отрядом судов он был послан атаковать турецкий флот, вошедший в Дарданелльский пролив. А. Грейг загнал три турецких корабля на мель, где они и застряли. После этого высаженный им десант захватил о-в Лемнос.

19 июня турки снова предприняли попытку вернуть Те-

Истребление отрядом контр-адмирала Грейга трех турецких судов у Дарданелл, 1807 г. Рис. на камне К. Беггров

недос, их флот вышел в море, и у Афонской горы произошло новое сражение. Отряд из трех кораблей под командованием А. Грейга атаковал отставшие после битвы корабли турецкой эскадры и взял в плен адмиральский корабль. Три других судна бежали под берег. 21 июня Д.Н. Сенявин приказал Грейгу захватить их. Грейг настиг корабли в заливе Монте-Санто, но они выбросились на мель, после чего были сожжены самими турками.

Тильзитский мир, заключенный Александром I с Наполеоном, прервал боевые действия русского флота на Средиземном море. В 1808 г. Д.Н. Сенявин отвел его в Лиссабон.

За боевые успехи в Средиземноморской кампании контр-адмирал А.С. Грейг был награжден орденом Св.Анны 1-й степени. Из Лиссабона Грейг был вызван в Петербург.

В связи с начавшейся войной с Англией все англичане, служившие в русском флоте и по договору не имевшие права воевать против своей страны, были отправлены вглубь России, в Москву. Не избежал этой участи и А. Грейг, который по происхождению отца оставался гражданином Великобритании. «Грейг... удалился в Москву, где, не принимая участия ни в чем, прожил до 1812», – так говорится в анонимной биографии, написанной на английском языке и хранящейся в личном фонде Грейгов [Ж70]. Находясь в Москве почти четыре года, А.С. Грейг получил прекрасную возможность расширить и углубить свое образование по различным наукам и искусствам, к которым у него был неизменный интерес (кораблестроение, астрономия, физика, математика, история, гидрография, медицина, ботаника, музыка и литература).

С началом войны 1812 г. Грейг получил назначение в ставку Главнокомандующего Молдавской армией и Черноморским флотом адмирала П.В. Чичагова, откуда он был командирован в Одессу, Константинополь, на острова Мальту и Сицилию с дипломатическим поручением привлечь южные страны к войне против Наполеона.

В 1813 г. А. Грейг через Англию вернулся в Петербург и получил назначение командовать парусной и гребной флотилией при осаде Данцига. Грейг неоднократно лично водил матросов своих судов на штурм неприятельских батарей. После взятия Данцига А.С. Грейг был произведен в вице-адмиралы и награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

Понимая, что нельзя иметь два отечества, А.С. Грейг принимает русское подданство.

На этом закончился первый этап жизни и деятельности А.С. Грейга – этап морской закалки и боевой выучки. А.С. Грейг вырос в крупного военного деятеля, флотоводца и боевого военачальника. Мы остановились достаточно подробно на этом периоде его жизни, поскольку именно в это

Панорама Данцига. Фото середины XX в.

время из А.С. Грейга формировался будущий Главный командир Черноморского флота, кораблестроитель, ученый и государственный деятель.

Более подробно о первом этапе деятельности Грейга можно узнать из литературы и источников [3, 4, 5, 10, 11, 12, 32, 41, 74, 81, 84, 87, 211-214, Е37, Е43, Е75, Е78].

Неизвестная война

2 марта 1816 г. вице-адмирал А.С. Грейг назначается на должность Главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора Николаева и Севастополя, в которой он пробыл более 17 лет – до октября 1833 г. Почти все эти годы А.С. Грейг проживал в Николаеве, где находилось управление Черноморским флотом.

О деятельности А.С. Грейга по управлению флотом и адмиралтейством будет рассказано ниже, а сейчас завершим рассмотрение боевых действий Черноморского флота под командованием адмирала в Русско-турецкой войне 1828-1929 годов.

Вообще эта война в советское время для широких масс

оказалась неизвестной, хотя она была одной из наиболее удачных для России, и после капитуляции Турции это событие празднично и торжественно отмечалось по всей стране, включая сооружение триумфальных ворот и храмов-памятников. Однако в советской истории она или вообще замалчивалась, или ей уделялось не более страницы.

В 1827 г. европейские страны подняли вопрос о предоставлении независимости Греции от турецкого владычества, но Османская Порта отклонила эти предложения. В ответ Англия, Россия и Франция решили применить силу. Но и Турция, ожидая такого развития событий, готовилась к войне, объединив свои силы с Египтом.

Война неизбежно приближалась.

Согласно Лондонской конвенции 1827 г., Англия, Россия и Франция направили свои эскадры, чтобы потребовать от Турции предоставления автономии Греции.

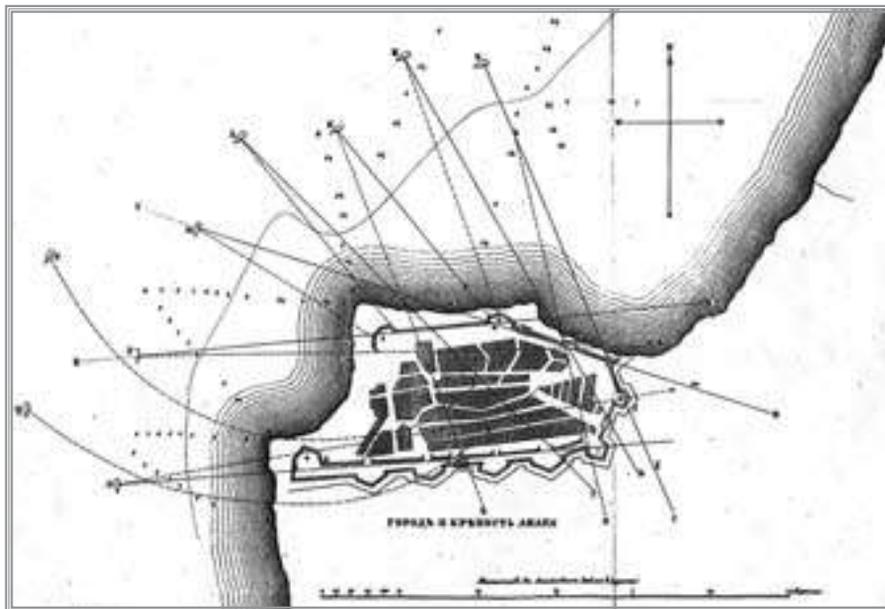
После Наваринского сражения Турция, подстрекаемая Англией и Австрией, начала вести решительную борьбу с русским судоходством на Черном море, закрыв русским судам проход через Босфор и Дарданеллы. Султан объявил расторгнутыми все договоры, заключенные ранее с Россией, и провозгласил «священную войну» против русских.

Царское правительство решило воспользоваться ослаблением турецкого флота после Наварина и, как только закончилась война с Персией, 14 апреля 1828 года объявило войну Турции.

Считая главным противником России на юге Турцию и предвидя неизбежность новой русско-турецкой войны, А.С. Грейг с первых же дней пребывания на посту Главного командира (с 1816 г.) стал спешно возрождать и совершенствовать Черноморский флот, превратив Николаев в главный судостроительный центр. К началу русско-турецкой войны 1828–1829 гг. только в Николаеве было построено: кораблей – 5, фрегатов – 2, бомбардирских судов – 2, пароходов – 3, бригов – 2, транспортов – 11, катеров, яхт и тендеров – 5, канонерских лодок и иолов для Дунайской флотилии – 34. Всего 25 крупных боевых судов и 39 мелких. Уже

*Вице-адмирал Алексей Самуилович Грейг.
С портрета Г.А. Гиппиуса, 1821 г. («Современники», 1822 г.)*

План десантной операции при штурме Анапы

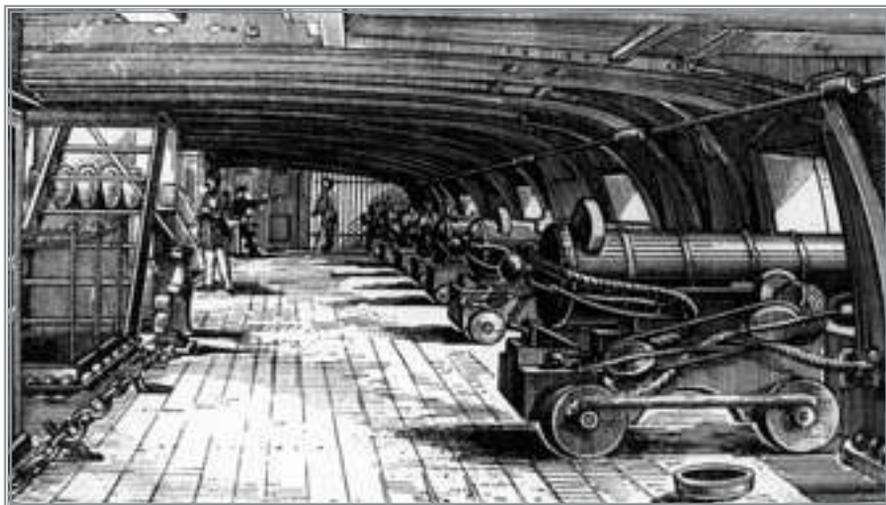
Корабль «Париж» на рейде Варны. С картины К. Круговихина

в процессе войны были спешно достроены в Николаеве и вступили в строй еще 2 корабля, 2 фрегата, 2 брига, 5 канонерских лодок, 13 иолов.

После Наваринского разгрома турки спешно восстанавливали свой флот под руководством опытных французских инженеров, но к началу войны турецкий флот на Черном море состоял только из 6 кораблей, 4 фрегатов, 9 мелких судов и большого количества транспортов.

Всего в русско-турецкую войну Черноморский флот, включая суда, построенные в Николаеве, Херсоне, Севастополе и др. городах, состоял из 11 кораблей, 7 фрегатов, 4 бомбардирских судов, 5 бригов, 29 транспортов, 3 пароходов и 72 мелких судов.

Черноморская эскадра под командованием А.С. Грейга, согласно плану ведения войны, овладела 12 июня Анапой, а затем перешла к Варне. После непродолжительной осады совместными действиями флота и армейских групп Варна была взята.

Батерейная палуба на линейном корабле начала XIX века

Отряды кораблей из эскадры А.С. Грейга овладели последовательно крепостями и укрепленными береговыми городами. Опережая наступающую армию, 16 февраля флот внезапным налетом захватил крепость и порт Сизополь, который был превращен в оперативную базу эскадры А.С. Грейга. Действуя из Сизополя, различные отряды кораблей из эскадры А.С. Грейга захватили с моря крепости и укрепленные города: Месемврию, Ахиолло, Басилико, Бургас, Агатополь, Сан-Стефано, Мидию и др.

Кроме взятых крепостей с моря, корабли Черноморского флота совершали успешные рейды вдоль Анатолийского и Румелийского берегов, уничтожая огнем артиллерии или с помощью абордажных партий турецкие военные и торговые суда, стоявшие в гаванях под прикрытием батарей. Диверсионные партии, действуя с кораблей в течение всей войны, овладевали множеством коммерческих и военных судов, стоявших у крепостей. Торжеством патриотического духа черноморцев был подвиг брига «Меркурий» (капитан-лейтенант А.И. Казарский), выдержавшего бой с двумя турецкими кораблями и заставившего их покинуть поле битвы.

В конце августа 1829 года русская балканская армия вышла на подступы к Константинополю, захватив Адрианополь; а Кавказский корпус, овладев Эрзерумом, подошел к Трапезунду; Черноморская эскадра А.С. Грейга блокировала Босфор, а Средиземноморская Л.П. Гейдена – Дарданеллы. Турция, зажата в клещи двумя русскими армиями и двумя флотами, вынуждена была прекратить войну. Был заключен Адрианопольский мирный договор. В этой войне приняли активное участие следующие николаевские суда: корабли – «Императрица Мария», «Париж», «Пармен», «Пантелеймон», «Норд-Адлер», «Чесма»; фрегаты – «Поспешный», «Флора», пароход «Метеор»; бриги – «Ганимед», «Орфей»; бомбардирское судно «Опыт», яхта «Утеха»; катера – «Соловей», «Ласточка»; 22 канонерских лодки, 17 иолов и все транспорты.

Во время русско-турецкой войны Черноморский флот успешно справился с оперативно-стратегическими задачами, поставленными перед ним Главным штабом. Буду-

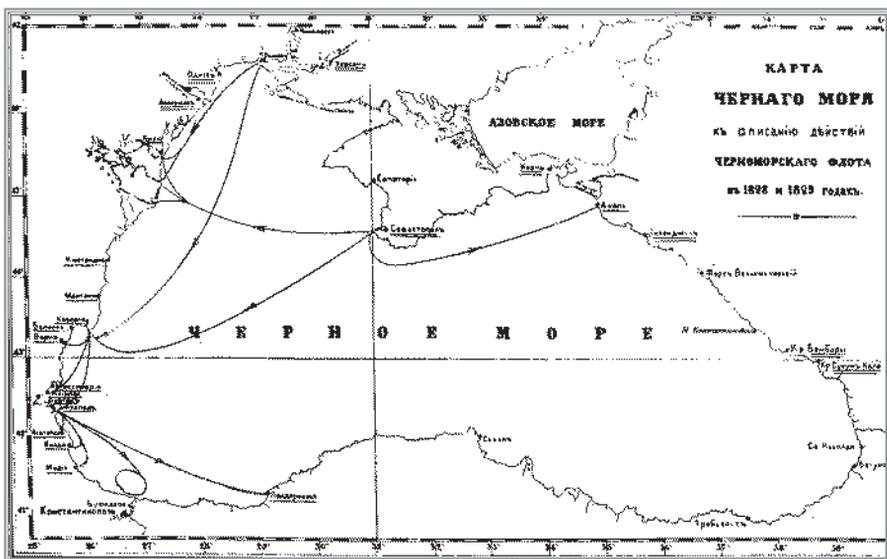

Схема боевых действий Черноморского флота в русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Публикуется впервые

чи учеником и последователем знаменитого адмирала Д.Н. Сенявина, А.С. Грейг проявил в этой войне мудрость настоящего тактика и стратега; благодаря продуманным действиям, сочетавшим дерзость с осторожностью, были достигнуты значительные успехи при минимальных потерях. Проявляя разумную осторожность, не рискуя без необходимости флотом, Грейг начинал активно действовать, если было обеспечено преимущество в силах над неприятелем, гарантирующее победу.

Русский флот потерял только одно судно: фрегат «Рафаил», сдавшийся без боя случайно встретившейся турецкой эскадре, за три дня до того, как эта эскадра попыталась захватить бриг «Меркурий».

Турецкий флот был настолько парализован и напуган, что не предпринял ни одной попытки вступить в бой с русскими эскадрами, хотя и «выглядывал» несколько раз из Босфора.

К этому нужно добавить, что Черноморский флот всю вторую половину войны вынужден был действовать в условиях разразившейся эпидемии чумы, создавшей острую нехватку личного состава и трудности во взаимодействии частей.

Условия Адрианопольского мирного договора, в результате которого внес достойный вклад Черноморский флот, возрожденный А.С. Грейгом, были весьма выгодны для России и помогли народам Балкан в борьбе за независимость: Греция получила свободу, Сербия, Валахия и Молдавия стали автономными областями.

Завершая этот краткий обзор русско-турецкой войны, подробно рассмотренный в работах [58, 61, 62, 67, 127-130], остановимся на описании двух неординарных событий этой войны, имевших последствия для А. Грейга.

«Рафаил» и «Меркурий»

Все мы слышаны о беспримерном подвиге брига «Меркурий» и его командира А.И. Казарского. Но за день до этого боя произошло совершенно противоположное собы-

тие – впервые в истории русского флота фрегат «Рафаил» сдался турецким судам без единого выстрела. Об этом событии наша официальная история старалась умалчивать. Но подвиг «Меркурия» нельзя рассматривать в отрыве от позорной сдачи «Рафаила» – эти события-антиподы, как и командиры судов, были тесно связаны: позор «Рафаила» еще более возвысил славу «Меркурия».

Бриг «Меркурий» оказался для Казарского «подарком судьбы». Но здесь я вынужден несколько отвлечься от нашего героя и переключиться ненадолго на человека и судно, которые оказались тесно связанными с Казарским, – это капитан второго ранга С.М. Стройников и его фрегат «Рафаил». Произошло прямо-таки, скажу, нечто мистическое. Казарский получил в командование бриг «Меркурий» из рук его прежнего командира Семена Михайловича Стройникова. Вскоре, оказавшись совершенно в аналогичной ситуации, Казарский покрыл себя вечной славой, а Стройников – несмываемым позором. И все это произошло почти в один день. Но обо всем по порядку.

Капитан второго ранга Стройников был храбрым и умелым боевым офицером. Командуя бригом «Меркурий», он прославился при взятии крепостей Анапа и Суджук-Кале, а также при штурме Варны, за что и получил в награду чин и высокий орден Святой Анны II степени. В мае фрегат «Рафаил» под командованием Стройникова был направлен в район Синопа, чтобы возглавить небольшой русский отряд судов, предназначенных для крейсерства в этом районе. В это же время после долгой стоянки в Босфоре, по настоянию английского советника Слэйда, турецкий капудан-паша вывел свою эскадру в Черное море. Но, как всегда, вместо того, чтобы направить ее в сторону Сизополя, где базировалась эскадра Грейга, и сразиться с русскими, османский адмирал повел ее в противоположную сторону – вдоль Анатолийского побережья. Тщетно Слэйд пытался убедить адмирала в необходимости генерального сражения: на все его предложения капудан-паша смиренно и спокойно отвечал: «На все воля Аллаха». 12 мая, когда утренний туман рассеялся,

Стройников вдруг обнаружил, что «Рафаил» оказался в гуще турецких судов. Положение осложнял штиль – в тихий ветер турецкие суда были быстроходнее русских. В полдень турецкие корабли окружили пытавшийся вырваться фрегат. Капитан собрал военный совет, на котором было принято решение начать сражение и потом, свалившись на абордаж с каким-нибудь турецким судном, взорвать «Рафаил». Как требовал того «Морской устав», командир судна должен был получить согласие команды – матросов и унтер-офицеров. Стройников послал к команде своего старшего офицера, который, вернувшись, доложил командиру, что команда не хочет погибать и просит сдать судно. И когда с турецкого флагманского корабля прозвучал приказ спустить паруса и сдаться, Стройников велел спустить Андреевский флаг. Торжествуя, турки повели пленный русский фрегат в Босфор под очи султана, чтобы похвастать своей морской победой, а офицеров «Рафаила» пересадили на корабль адмирала. Повернув назад к Стамбулу, турецкая эскадра 13 мая уже подходила к Босфору.

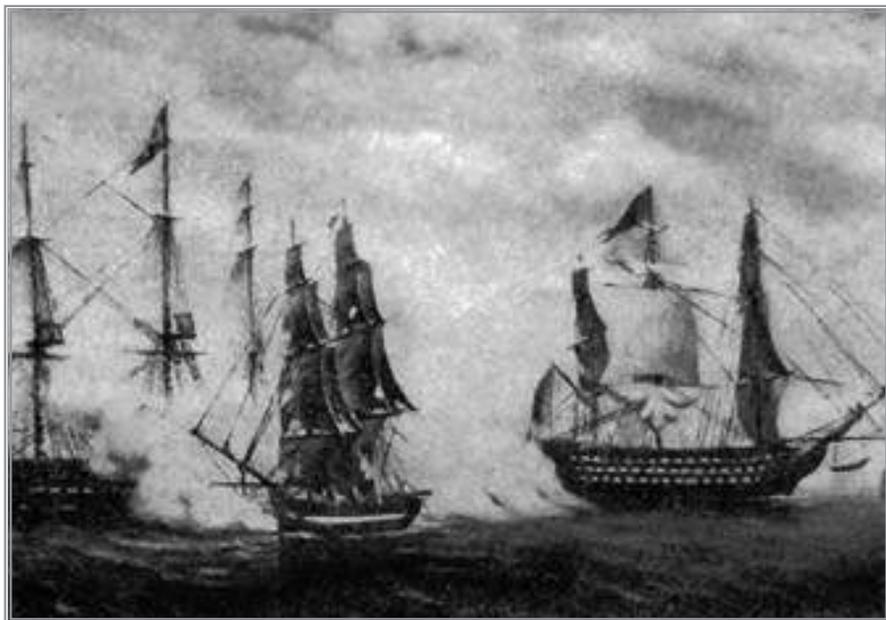
В это же время небольшой отряд русских судов в составе фрегата «Штандарт» и бригов «Орфей» и «Меркурий» крейсировал у Босфора, ведя разведку. Утром 14 мая турецкая эскадра заметила русский отряд и, воодушевленная сдачей «Рафаила», бросилась в атаку. Командир отряда, увидев превосходящие силы противника, приказал всем судам уходить к Сизополю наибольшим ходом. Вскоре «Штандарт» и «Орфей» оторвались от турецкой эскадры, а бриг «Меркурий», более тихоходный, стал отставать от своих, и Казарскому было ясно, что он не уйдет. Лучшие ходоки турецкого флота, два корабля, один 110-пушечный под флагом капудан-паши и второй 74-пушечный под адмиральским флагом, стали наступать на бриг.

После полудня ветер стих, и турецкие корабли оказались на небольшом расстоянии от брига. Казарский приказал выставить весла и грести, чтобы оторваться от турок. Но вскоре ветер посвежел, и корабли стали приближаться к бригу, открыв огонь из носовых погонных пушек. Видя пол-

Бриг «Меркурий» под парусами

ную невозможность уклониться от неравного боя, командир брига созвал военный совет офицеров судна. Согласно «Морскому уставу», первым высказался младший по чину, штурманский поручик Иван Петрович Прокофьев. Он предложил вступить с турками в бой, и если бриг будет в сражении разбит настолько, что более не сможет сопротивляться, то сцепиться с одним из кораблей и взорвать бриг, чтобы вместе с ним погиб и турецкий корабль. Офицеры брига единодушно приняли предложение Прокофьева, и для этой цели на шпиль был положен заряженный пистолет со взведенным курком. Настал ответственный момент – командир должен был получить согласие команды. Как пишет в донесении Казарский, он объяснил нижним чинам, чего ожидает

Бой брига «Меркурий» с двумя турецкими кораблями

от них государь и чего требует честь императорского флага, «и к удовольствию нашел в людях те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге». Получив согласие команды на сражение, командир приказал открыть огонь из ретиральных орудий. Турецкие корабли, спустившись под корму брига, открыли по нему стрельбу ядрами, кнпелями и брандскугелями, которые вызвали на судне пожар. Однако команде удалось быстро его погасить. С турецких судов кричали по-русски «сдавайся и убирай паруса». Но бриг, умело маневрируя, уходил из-под убийственного огня. Как говорится в донесении, счастливым выстрелом удалось перебить некоторые снасти 110-пушечного корабля, из-за чего он вынужден был выйти из боя. Однако в отместку второй турецкий корабль, также маневрируя, стал наносить чувствительные удары «Меркурию» и его команде, ранив нескольких человек. Но еще один удачный выстрел брига по рангоуту корабля

перебил крепление огромного рея, который упал на палубу, громя все по пути. И этот корабль вынужден был уходить, чтобы исправить повреждения. Так маленький бриг выиграл сражение с двумя огромными кораблями.

В своем донесении адмиралу Грейгу Казарский писал, что он «не находит слов для описания храбрости, самоотвержения и точности в исполнении своих обязанностей, какие были оказаны всеми вообще и нижними чинами в продолжение этого трехчасового боя, не представлявшего никакой совершенно надежды на спасение, и что только такому достойному удивления духу экипажа и милости Божией должно приписать спасение флага и судна Его Императорского Величества». Но сражение и для «Меркурия» не обошлось без потерь: четверо матросов были убиты, шесть ранено, в корпусе насчитали 22 пробоины, в рангоуте 16 повреждений, 133 пробоины в парусах и 148 перебитых снастей такелажа, помимо этого, разбиты гребные суда и повреждена карронада.

Узнав от прибывших «Штандарта» и «Орфея» о выходе турецкого флота, Грейг вышел с эскадрой из Сизополя на перехват турок. На следующий день, 15 мая, с марсов заметили идущее маленькое судно. Это был бриг «Меркурий», который уже считали погибшим. Он был весь избит. Грейг с радостью принял рапорт контуженного в бою Казарского и, поблагодарив его и экипаж за подвиг, направил судно на ремонт.

Как уже говорилось выше, на борту турецкого корабля находились офицеры плененного фрегата «Рафаил». Наблюдая, как бесстрашно сражается бриг с двумя крупными кораблями, бывший командир фрегата вновь пережил позор своего судна и свое падение. Находясь уже в плену, Стройников написал свой рапорт об обстоятельствах сдачи фрегата в плен. По его просьбе рапорт был передан турками русской стороне, попал к Грейгу, который направил его, как положено в этом случае, царю. Николай I был разъярен – в истории русского флота не было еще случая такой позорной сдачи судна. 4 июня вышел именно высочайший указ

Черноморскому флоту. Но прежде чем привести этот интересный указ, необходимо хотя бы кратко остановиться на всеподданнейшем рапорте капитана второго ранга Стройникова. Вот его основная часть: «...на рассвете 12 числа, находясь от ближайшего Анатолийского берега в 30 милях, увидел неприятельский флот, состоявший из 1 трехдечного и 5 двухдечных кораблей, 2 фрегатов, 5 корветов и 2 бригов, в расстоянии шести миль на ветре; судя по направлению ветра и местному положению, решились продолжить тот же курс, дабы удалиться от оногo... неприятель, пользуясь попутною зыбью и имея направление полнее, сближался с фрегатом, ...и пополудни в два часа пресек все направления; видя себя в столь неизбежном положении, созвал всех штаб и обер-офицеров для отобрания мнения каждого, которые общим согласием положили: обороняться до последней капли крови и в случае нужды свалиться с неприятелем и взорвать фрегат, но нижние чины, узнав намерение наше, объявили, что фрегата не допустят сжечь, а сделавшийся в сие время штиль лишил меня и последних способов к защищению и нанесению неприятелю вреда; и в 4 часа пополудни фрегат взят неприятельским флотом».

В императорском указе адмиралу Грейгу после слов восхищения подвигом экипажа и командира брига «Меркурий» содержались гневные выражения в адрес капитана второго ранга Стройникова:

«Вместе с донесением вашим о блистательном подвиге брига «Меркурий», мужественно вступившего в бой с двумя неприятельскими линейными кораблями, предпочитая очевидную гибель бесчестию плена, получил я прилагаемый при сем рапорт командира фрегата «Рафаил», капитана 2 ранга Стройникова.

Вы увидите из сей бумаги, какими обстоятельствами офицер этот оправдывает позорное пленение судна, ему вверенного, выставляя экипаж онаго воспротивившемся всякой обороне; он считает это достаточным для прикрытия собственного постыдного малодушия, коим обесславлен в сем случае флаг Российский.

Император Александр I

Император Николай I

Разделяя справедливое негодование, внушенное без сомнения всему Черноморскому флоту поступками, столь недостойными онаго, повелеваю вам учредить немедленно комиссию под личным председательством вашим для разбора изложенных капитаном Стройниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата. Заключение, которое комиссиею сделано будет, вы имеете представить на Мое усмотрение.

Уповая на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата «Рафаил», не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг Русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

Адмирал Грейг в приказе по флоту объявил волю императора Николая I, выраженную в указе от 4 июня, и обязал всех командиров кораблей, и в особенности фрегатов, в случае встречи с неприятельским флотом обратить главное внимание на овладение бывшим фрегатом «Рафаил», чтобы сжечь его, истребив тем самым память о нем. С этих пор ни одно новое судно русского флота не должно было носить это имя.

О боевой и флотоводческой деятельности А.С. Грейга, его участии в различных войнах более подробно рассказывается в литературе и документах [4, 5, 11, 12, 33, 35, 41-44, 52, 61, 62, 67, 70, 76, 78, 84, 87, 95, 104, 114, 127-130, 211, 212, 215, 221, 231, 236, Е30, Е40, Е41, Ж90].

Дело о фрегате «Рафаил»

Завершилась русско-турецкая война, капитан фрегата «Рафаил» Стройников, бывший в турецком плену, возвратился в Россию, но уже в качестве арестанта, преступника. Адмирал Грейг, исполняя волю императора, назначил военно-судную комиссию под своим председательством. В состав комиссии вошли все флагманы и командиры кораблей, а также начальник Штаба Черноморского флота В.И. Мелихов. Суд был,

как сейчас бы сказали, показательным. Еще бы – небывалый случай на Черном море, да и вообще в российском флоте!

Судьба моряков была предрешена: судили по петровскому «Морскому уставу», жестокому, как и вся жизнь в его время. Артикул 73 главы I книги V устава гласит: «Буде же офицеры, матросы или солдаты без всякой причины допустят командира своего корабль сдать; или из линии боевой уйтить без законной причины, и ему от того не отсоветуют, или его в том не удержат, тогда офицеры казнены будут смертию, а прочие с жребия десятый повешены». Такая судьба ждала всех – другого устава в России еще не было.

На суде выяснилось, что старший офицер обманул Стройникова, сказав, что команда «просила понапрасну не губить их души и сдать корабль». При опросе команда сказала, что сделает так, как велют офицеры. Введенный в заблуждение старшим офицером, командир решил сдать судно. Но суд не принял во внимание это обстоятельство: все равно виноват был командир, который должен был лично опросить команду.

Суд приговорил: командира фрегата Стройникова и всех офицеров – казнить, лишить жизни также каждого десятого матроса и унтер-офицера палубной команды – все как по петровскому уставу. Один лишь Грейг, проявляя все свое знание юриспруденции и природное человеколюбие, встал на защиту моряков. Он высказал свое особое мнение как председатель суда: предать казни только командира судна, офицеров отправить в тюрьму, а команду всю простить, так как рядовые матросы не могут нести ответственности за действия офицеров. Решение суда ушло на рассмотрение Николая I. Царь смягчил жестокий приговор суда. По его решению, Стройникова, лишив чинов, наград и дворянства, сослать в Бобруйск, офицеров разжаловать в рядовые до выслуги, палубную команду – простить. Так закончилось это неприятное для истории русского флота событие. И что удивительно, за действия Стройникова и офицеров не отвечали их семьи – никто их не трогал и не лишал прав. Наоборот, в николаевском архиве до революции хранилось реше-

ние царя оставить за капитаном 2-го ранга Стройниковым казенный хутор в Севастополе, которым пользовалась потом его семья.

Царь сдержал свое слово и не распространил свой гнев на семью и потомков антипода Казарского – Стройникова. Его сыновья служили на Черноморском флоте, и когда кто-то из офицеров непочтительно отнесся к одному из сыновей, то последовал резкий окрик адмирала П.С. Нахимова. В 1836 году было подтверждено право владения женой Стройникова дачей в Килен-балке в Севастополе. Один из сыновей Стройникова, Александр Семенович, был николаевским полицмейстером в чине капитана второго ранга и непременным членом Николаевского статистического комитета (в 60-е годы), а также членом попечительного о тюрьмах комитета.

В 1853 году эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова в Синопской бухте разгромила турецкую фрегатскую эскадру, в составе которой был и фрегат «Дар небес» – бывший «Рафаил». Бомбами русских кораблей он был подожжен и сгорел дотла. Так исполнилась воля царя Николая I уничтожить это судно как недостойное. Нахимову помогал громить турецкие суда второй флагман – контр-адмирал Новосильский – бывший лейтенант брига «Меркурий» в его знаменитом бою с двумя турецкими кораблями.

Дело об отравлении А.И. Казарского

С именем Казарского связано несколько легенд. И поскольку эти легенды играли на руку официальной версии правительства – и царского, и советского – и тешили чувства николаевцев и севастопольцев, то никто и не пытался выяснить, где в этих легендах истина, а где – выдумка.

Поэтому подробно остановимся на жизни и деятельности национального героя, опираясь только на документы.

Александр Казарский, родившийся в 1797 году, по видимому, был выходцем из Белоруссии, где у него жил

родной дядя. В возрасте 14 лет, в 1811 году он поступил во флот волонтером (в Штурманское училище). Этот факт говорит о том, что он был из зажиточной семьи, более того – Казарский происходил из дворян. Через два года службы он стал гардемаринном, а в 1814 году его произвели в первый офицерский чин – в мичманы. С 1815 года молодой офицер служил на Дунайской флотилии Черноморского флота. В 1819 году Казарского пожаловали в лейтенанты, и со следующего года он начал службу в парусном флоте, плавая на разных судах по Черному морю.

В 1826 году Казарский получил в командование первое судно – транспорт «Соперник», которым он командовал до 1828 года, когда началась русско-турецкая война, и транспорт был переоборудован в бомбардирский корабль. В составе эскадры под командованием Главного командира Черноморского флота вице-адмирала А. Грейга бомбардирский корабль участвовал в осаде и взятии турецкой крепости Анапа. За храбрость и умелые действия при взятии Анапы Казарский был произведен в чин капитан-лейтенанта. В том же 1828 году Казарский перешел на «Сопернике» к мощнейшей турецкой крепости Варна, которую обложила армия с суши и эскадра Черноморского флота во главе с Грейгом – с моря; осада длилась недолго, и после штурма, во время которого на борту флагманского корабля Грейга находился император Николай I, крепость сдалась на милость победителей, а Казарский получил из рук адмирала золотую саблю «за храбрость». Отважный и умелый моряк был замечен адмиралом Грейгом и назначен командиром небольшого боевого судна – брига «Меркурий». Это случилось в 1829 году.

Император Николай I весьма щедро отметил подвиг экипажа брига «Меркурий» и его командира. Капитан-лейтенант Казарский пожалован в чин капитана второго ранга с назначением флигель-адъютантом к его императорскому величеству; одновременно ему был вручен орден Св.Георгия Победоносца 4-го класса – за личную храбрость и мужество. Всем остальным офицерам также пожалованы следующие

Капитан 1 ранга А.И. Казарский

чины; лейтенантов С.И. Скарятин и Ф.М. Новосильского царь награждал орденами Св.Владимира с бантом, а штурмана И.П. Прокофьева, который первым предложил взорвать бриг, как и командира, – орденом Св.Георгия Победоносца 4-го класса. Всем нижним чинам даны Георгиевские кресты. Офицерам и экипажу пожалован пожизненный пенсион в виде двойного жалованья, какое они получали на день подвига. Самому бригу, чтобы увековечить его подвиг, пожалован кормовой Георгиевский флаг. Кроме того, всем офицерам, как дворянам, Николай повелел внести в их гербы изображение пистолета – в память об их беспримерном подвиге.

Вскоре после своей знаменитой битвы с двумя турецкими кораблями А.И. Казарский был назначен командиром фрегата «Поспешный», а затем – корабля «Тенедос». На этом корабле он снова участвовал в блокаде Босфора и во взятии турецкой крепости Мессемврия.

В сентябре победоносно закончилась эта война – русские войска и флот подошли к стенам Константинополя, но под давлением западных стран, боявшихся усиления России, вынуждены были остановиться и заключить мир. Вся страна праздновала эту победу. В ознаменование подвигов россиян Николай I повелел учредить особую медаль за Турецкую войну, которой наградили всех участников, в том числе офицеров и команду брига «Меркурий». Однако подвиг брига «Меркурий» не всеми воспринимался как реальный, особенно за рубежом. Многие газеты сомневались в его подлинности и считали это выдумкой русской пропаганды: не верилось, что маленький бриг мог выиграть бой у двух линейных кораблей, но им было невдомек, что у русского брига был предшественник, а у Казарского – его предтеча. Еще в 1788 году в начале русско-турецкой войны капитан второго ранга Сакен, командир дубель-шлюпки, будучи настигнут турецкими галерами, сцепился с ними на абордаж и взорвал свое судно. Вместе с ним на воздух взлетели четыре турецких галеры. В турецком флоте не забыли о подвиге Сакена, и во время боя с бригам «Меркурий» турки избегали

сближаться на короткое расстояние с русским судном.

И здесь мы перейдем еще к одной легенде о бриге «Меркурий». В журнале «Морской сборник» за 1850 год редакция привела перевод письма, написанного якобы штурманом турецкого флота, участником сражения: «Биолиман, 27 мая 1829 года. 22-го числа сего месяца мы вышли из пролива, и к ночи, после различных эволюций, мы стали править к О, чтобы взойти в залив Пендораклии, навстречу одного отряда русского флота.

По приходе мы нашли там только один турецкий фрегат, переделанный из корабля, который был сожжен русскими немного спустя после спуска его на воду.

Русский флот, состоящий из 14 судов, между которыми были шесть линейных кораблей, много потерпел от огня с батарей, как узнали мы от коменданта крепости.

Мы пошли снова к проливу и 25-го взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне, он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его Семен Михайлович, а фрегат называется «Рафаил».

Во вторник, с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна: один фрегат и два брика; мы погнались за ними, но только догнать могли один брик, в три часа пополудни. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться. Он дрался, ретируясь и маневрируя, со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Брик сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пистолетный выстрел, и он, конечно, еще более был поврежден, если бы капитан-паша не прекратил огня часом ранее нас и сигналом не приказал нам то же сделать.

В продолжение сражения командир русского фрегата (Стройников) говорил мне, что капитан сего брика никогда

не сдастся. И если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет брик свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме славы: он называется капитан-лейтенант Казарский, а брик – «Меркурием». С 20-ю пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Отрывки из этого письма неоднократно цитировались и русскими, и советскими авторами, которые писали о подвиге Казарского как о примере восхищения им даже врагов. Но было ли вообще такое письмо? Ученые, исследовавшие его перевод, сомневаются в подлинности письма. Во-первых, нет ни подписи автора, ни адреса и имени получателя. Во-вторых, нигде нет подлинника этого письма. Редакция «Морского сборника» пишет, что им доставили перевод перехваченного письма. Но сам стиль письма не отвечает образу мышления турецких моряков того времени. А даты, не совпадающие с истинными, – это известный прием придания письму достоверности: дескать, автор малость подзабыл, когда произошли события. Однако, думаю, читатель не разочаруется из-за этого: подвиг «Меркурия» и Казарского был, а это самое главное!

Печальной оказалась судьба главного героя Черноморского флота Александра Казарского. В апреле 1831 года он был уволен от командования кораблем и переведен в Николаев в штат Черноморского адмиралтейского правления. Здесь он как флигель-адъютант выполнял различные поручения императора. Дело в том, что звание флигель-адъютант – административно-фискальное. Такое звание давалось царем особо доверенным лицам, которые могли напрямую связываться с ним и должны были замечать все недостатки и преступления и доносить непосредственно Николаю I. За выполнение этих поручений в 1831 году Казарский был пожалован чином капитана первого ранга. Надо полагать, имея честную и прямую натуру, Александр Иванович ретиво исполнял свой долг перед царем и Отечеством. Из архивных

документов известно, например, что он принял активное участие в работе комиссии, расследовавшей деятельность Севастопольского порта по доносу флигель-адъютанта Римского-Корсакова. Согласно распоряжению императора, Грейг назначил комиссию в составе контр-адмирала Беллинсгаузена (с правами председателя), флигель-адъютантов Римского-Корсакова и Казарского, капитана второго ранга Юрьева и одного из аудиторов Черноморского флота. Комиссия работала три года, но так и не смогла доказать злоупотребления, так что Николай I указом от 4 февраля 1831 года прекратил это дело до производства общей ревизии по Севастопольскому порту.

Впоследствии Казарский жил в Николаеве, но спустя два года, 16 июня 1833 года скоропостижно скончался.

Так был ли отравлен Казарский?

Герой русско-турецкой войны 1828-1829 гг. капитан 1-го ранга А.И. Казарский, бывший командир знаменитого брига «Меркурий», неожиданно умер в Николаеве на тридцать шестом году жизни. Николаевская жандармерия донесла царю, что Казарский был отравлен, но через пять месяцев специальная комиссия, произведя вскрытие, опровергла это. Однако и через пятьдесят лет народная молва считала, что героя отравили. Так был ли отравлен Казарский?

В середине июня 1833 года от Адмиралтейского собора в Николаеве тронулся траурный кортеж и медленно направился по Адмиральской улице в сторону Слободки. За погребальным катафалком шли генералы и адмиралы, высшие чины и офицеры Черноморского адмиралтейского правления, матросы и солдаты, множество горожан. Еще больше народа высыпало на улицу; вдоль тротуара стояли толпы, крестились и плакали женщины и старухи, всхлипывали дети, военные отдавали честь. Траурный катафалк сопровождал комендант города генерал-майор П.И. Федоров, который командовал церемонией. Николаевцы провожали

Могилы А.И. Казарского на Николаевском городском кладбище. Арх. А.А. Авдеев

в последний путь героя русско-турецкой войны капитана 1-го ранга и флигель-адъютанта Александра Ивановича Казарского, бывшего командира брига «Меркурий», со славой отразившего нападение двух турецких кораблей. Его смерть поразила и удивила многих. В толпе шептались, слышались высказывания об умышленном отравлении, о причастности к его гибели силь-

ных мира сего. «Убили, погубили нашего благодетеля! Отравили нашего отца!» – восклицали многие.

Отгремел прощальный салют, на самом почетном месте кладбища – у церкви – вырос свежий холмик. Со временем администрация Черноморского флота поставила здесь строгий черный памятник с барельефами, повествующими о подвиге Казарского и брига «Меркурий». А в городе долго ходили слухи об этой ужасной и таинственной смерти.

Судя по архивным материалам и воспоминаниям современников, Казарский был холостым и не прочь, как кажется, приударить за дамами николаевского «полусвета». И они, по-видимому, весьма интересовались этим красивым моряком с блестящей карьерой, который с некоторых пор стал и довольно богатым. Дело в том, что в Николаев переехал жить из Белоруссии дядя Казарского Моцкевич. Вскоре он умер и завещал Александру Ивановичу приличную сумму наличными. Однако по смерти дяди наследство это было разграблено и, как утверждала николаевская жандармерия, ссылаясь на своих тайных агентов, к этому приложил руку городской полицмейстер Г.Г. Автономов. Возмущенный таким разбоем, Казарский стал везде вы-

сказываться, что он выведет всех на чистую воду.

Согласно донесению жандармерии, 14 июня 1833 г. Казарский обедал у вдовы капитан-командора Михайлова. Выпив после обеда чашечку кофе, Казарский почувствовал себя плохо. Он обратился к своему другу – штаб-лекару Петрушевскому, но было уже поздно. Лекарь застал Александра Ивановича в тяжелом состоянии и якобы признал отравление. Мучительная агония Казарского продолжалась почти двое суток, и 16 июня герой русско-турецкой войны скончался.

Жандармерия выявила, что с Михайловой был связан также Автономов, а сама вдова капитан-командора была «женщиной беспутной и предприимчивого характера». Она дружила с некоей Розой Ивановной, «состоявшей в коротких сношениях с женой одного аптекаря». Вот такую ниточку обнаружила николаевская жандармерия, о чем и донесла своему шефу, графу Бенкендорфу, в Петербург.

Каким же был А.И. Казарский как человек и личность? К счастью, история сохранила нам не только живописный, но и словесный его портрет. Вот как описывает Казарского жена его друга, некая Фаренникова: «Молодой человек, невысокого роста, худенький, с темными волосами, приятным, умным, подвижным лицом. Когда, бывало, приезжал он к нам,.. всех обласкает, всю прислугу обделит подарками. Живой говорун, остряк, шутник и любезный со всеми, он не любил сидеть на одном месте. Как теперь вижу скорую его походку по комнате, слышу живой, приятный разговор, громкий смех и неустанное истребление изюма».

...Прошло четыре месяца. В октябре 1833 года начальнику Главного морского штаба князю Александру Сергеевичу Меншикову была доставлена от шефа жандармов графа Бенкендорфа личная записка, заставившая надменного князя изрядно поволноваться.

Князь, держа голубоватый листок дрожащими руками, читал: «Дядя Казарского Моцкевич, умирая, оставил ему шкатулку с 70 тыс. руб., которая при смерти разграблена при большом участии николаевского полицмейстера Авто-

номова. Назначено следствие, и Казарский неоднократно говорил, что постарается непременно открыть виновных». Меншиков на мгновение отвлекся от чтения: он хорошо знал характер Казарского, его честность, принципиальность и смелость. Да, такой, как Казарский, сможет докопаться до истины.

Меншиков быстро пробежал текст записки: «Когда Казарский умер, все тело его стало черно, как уголь (князь брезгливо поморщился, читая описание ужасной смерти Казарского и стараясь поскорее дочитать до конца). Все это произошло менее чем в двое суток. Назначенное Грейгом следствие ничего не открыло».

Александр Сергеевич злорадно улыбнулся, его явно обрадовала еще одна служебная неприятность Грейга. Он знал, что Грейг уже на пути в Петербург, что место Главного командира Черноморского флота занял вице-адмирал Лазарев и что эта смена администрации произошла не без его, Меншикова, участия. А Грейгу здесь можно преподнести еще одну «горькую пилюлю» – как бывшему губернатору Николаева, не сумевшему уберечь любимца императора флигель-адъютанта Казарского.

Александр Сергеевич улыбнулся в свои холеные усы, но вспомнил о записке. Последние строки заставили несколько расстроиться самоуверенного князя. Первая реакция быстрого ума подсказала ему, что лучше всего эту записку «утопить» в бездонных архивах Морского министерства, доступ в которые фактически был закрыт для всех. Но под запиской стояла подпись могучего шефа жандармов Бенкендорфа, не исключено, что копия записки уже легла на стол Николая I. С Бенкендорфом не так-то легко совладать. Расстроенный князь, кряхтя, оторвался от кресла и велел подать карету. Через несколько минут он уже был в кабинете царя.

Стараясь подавить волнение, Меншиков читал записку Бенкендорфа царю, но на последних строках он все же почувствовал неприятное томление. Дрожавшим голосом он дочитал: «...другое следствие также ничего хорошего не обе-

щает, ибо Автономов – ближайший родственник генерал-адъютанта Лазарева».

– Слишком ужасно! – произнес глухим голосом император и, обмакнув перо, собственноручно написал резолюцию: «Поручаю вам лично, но возлагаю на вашу совесть открыть лично истину по прибытии в Николаев». Немного задумавшись, Николай дописал ниже: «Слишком ужасно» и расписался. Когда князь Меншиков прибыл в Николаев в начале ноября, он вызвал коменданта города генерал-майора П.И. Федорова и, сославшись на донос жандармерии, потребовал объяснений. Федоров твердо заявил князю, что Казарский не был отравлен. «Ну смотри же!» – грозно произнес Меншиков и велел создать следственную комиссию. В ее состав вошли флигель-адъютант Миллер и генерал штаб-доктор Ланге, а председательствовал начальник штаба Черноморского флота. Вот что открыла комиссия. Флигель-адъютант Казарский снимал квартиру «при ресторации Романовского». После сильного дождя, случившегося за несколько дней до болезни Казарского, он, «бывши в большом поту», прогуливался по бульвару и со 2 июня почувствовал сильную боль в груди, а 9 июня слег. Его лечил штаб-лекарь Петрушевский, определивший воспаление легких. 14 июня был консилиум, подтвердивший диагноз Петрушевского. Незадолго перед смертью больного Казарского навестили дважды А.С. Грейг и П.И. Федоров. 16 июня Казарский скончался на квартире своего дальнего родственника, «чиновника не у дел», Охоцкого, который заподозрил неестественную смерть и высказал это купцу 1-й гильдии Кореневу. Купец сочинил донос, «аудитор 10-го класса» Рубан придал ему нужную юридическую форму, писарь Фирсов переписал набело этот донос. Затем Рубан передал донос жандармскому полковнику Гофману «по его просьбе», который, в свою очередь, «доработал» этот навет и послал Бенкендорфу в Петербург. Этот донос и изложил Меншиков царю.

Комиссия приступила к допросу свидетелей и участников этого дела. У комиссии оказалось две версии отравления Казарского: по первой, известной уже, его отравили 14 июня в

доме Михайловой, а по второй – 9 июня на обеде в доме генерала Тулубьева, где дочь хозяина поднесла Казарскому чашечку кофе с ядом. Однако сочинители доноса при допросе отказались от всего, что в нем было написано, и сваливали вину друг на друга. Другие свидетели отказались от своих первоначальных показаний или опровергали все ссылки на их высказывания. Генерал-майор Федоров показал, что сразу по смерти Казарского он предложил сделать вскрытие, но штаб-лекарь Петрушевский, а затем и адмирал Грейг не согласились на это, поскольку смерть Казарского не была внезапной, а он более двух недель болел, что подтверждается историей болезни, которую вел Петрушевский.

15 ноября 1833 г., ровно через пять месяцев после смерти Казарского, комиссия вскрыла могилу и в присутствии многих ответственных лиц провела исследование останков. Комиссия не обнаружила следов яда и подтвердила диагноз – воспаление легких.

Так почему же и спустя пятьдесят лет народная молва утверждала, что Казарский был отравлен? Более того – что отравление произошло не без участия Петрушевского, бывшего его другом и лечащим врачом. Повод для этого дал сам Александр Иванович, который, как показали многие свидетели, был очень мнителен и считал, что его хотят отравить. Живя в трактире, он никогда не ел и не пил ничего, пока не снимет пробу хозяйка или Петрушевский. Будучи в гостях, он старался не есть и не пить. Уже упоминавшаяся Фаренникова в своих воспоминаниях утверждает, что Казарский перед смертью сказал: «Мерзавцы погубили меня». Его денщик В. Борисов рассказал, что во время болезни Казарский промолвил как-то: «Бог меня спасал в больших опасностях, а теперь убили вот где, не известно за что».

Так закончилось расследование «дошедшего до его императорского величества слуха о неестественной смерти в городе Николаеве флигель-адъютанта Казарского».

...Прошло более 170 лет. Я ищу следы этой трагической истории, которой так внезапно закончилась жизнь героя-моряка. Да, комиссия, назначенная адмиралом Грейгом,

не смогла установить истину. Но лично Грейгу было уже не до этого: происки Меншикова и Лазарева сделали свое дело – пришел указ о переводе его в Петербург, и он готовился сдать дела вице-адмиралу Лазареву, своему помощнику. Следует полагать, что вряд ли вице-адмирал и генерал-адъютант Лазарев в самом начале службы на посту «исправляющего должность» Главного командира Черноморского флота допустили бы, чтобы была доказана причастность главного полицейского начальника города, его родственника, Г.Г. Автономова к ограблению и убийству Казарского. Маловероятно также, чтобы князь Меншиков смог «лично открыть истину». Скорей всего, он мог погрешить против истины и постараться не открывать правду: слишком тесные и «приятельные» отношения были у него с Лазаревым. Открытие истины могло вызвать отставку и Лазарева, и Меншикова. Да и сам Бенкендорф, возможно, не дал хода этому делу, считая невыгодной для себя борьбу с двумя приближенными царя – князем Меншиковым и генерал-адъютантом Лазаревым.

Многое в этой истории осталось неясным. Если Казарский не был отравлен, то почему жандармский полковник Гофман, явно заинтересовавшийся этим делом, послал в Петербург донос, который оказался клеветническим? Почему он не понес за это наказание? Почему не были допрошены Гофман и обвиненный им в ограблении Казарского полицмейстер Автономов? Почему так «дружно» начали отказываться от своих слов свидетели и сочинители доноса? И можно ли быть уверенным в том примитивном анализе, который был сделан спустя пять месяцев после смерти? И зачем было Гофману посылать донос? Кого он хотел дискредитировать: Автономова, Федорова, Грейга или Лазарева? Если весь донос был сплошной клеветой, то почему никто из причастных к этому не был наказан? И чем объяснить быстрый взлет карьеры П.И. Федорова после этого? На все эти вопросы пока еще нет ответов, да и найдутся ли они.

Так и осталась сомнительной причина смерти героя русско-турецкой войны, храброго русского офицера А.И.

*Адмирал А.С. Грейг – герой войны 1828-1829 гг.
С портрета Г. Броунинга, 1830-1831 гг.*

Казарского, умершего в Николаеве в возрасте 35 лет, как считали, «при загадочных обстоятельствах». А в 1850 г. умер внезапно на службе полицмейстер полковник Г.Г. Автономов, единственный человек, который мог знать истину. Но он унес ее в могилу. Архивы также хранят эту тайну.

Матросы, участвовавшие в битве «Меркурия» с турецкими кораблями, завещали похоронить себя рядом с их доблестным командиром. Их могилы, включая и прах штурмана Прокофьева, который первым предложил взорвать бриг в случае возможности его захвата, были расположены рядом с могилой Казарского – у кладбищенской церкви Николаева. Сразу же после смерти Казарского, в 1833 г., Грейг обратился к царю с просьбой о возведении памятника Казарскому и бригу «Меркурий», но он не успел это сделать. Памятник Казарскому был воздвигнут в Севастополе в 1834-1839 гг. по проекту академика архитектуры А.П. Брюллова. На памятнике высечена надпись – слова из указа императора: «Казарскому. Потомству в пример», а в 1856 г. архитектор А.А. Авдеев разработал проект надгробного памятника Казарскому, который вскоре был воздвигнут и стоит по сей день. На Балтийском море был построен бриг, который в память о герое назван «Казарский». Не обошли почести и сам «Меркурий». Через 18 лет после окончания войны бриг был капитально отремонтирован, но это не спасло его – через несколько лет он все же обветшал и был разобран. Носовая фигура его в виде бога Меркурия была передана в военно-морской музей, из медной обшивки сделаны памятные пластины, а из дубовых частей корпуса – рамы для картин, изображавших эпизоды боя. В 1865 г. в Николаеве построили винтовой корвет, которому дали имя «Память Меркурия», потом это название перешло к легкому крейсеру Черноморского флота. В наше время имя «Память Меркурия» носит гидрографическое судно Российского флота. В Николаеве в честь Казарского названа улица, ведущая к новому городскому кладбищу.

Глава третья

Семья, потомки, родственники

Спутница адмирала

на называла себя Юлией, но враги злорадно обзывали ее Лейкой. Одни полагали, что Юлия – полька, другие утверждали, что – еврейка. Она считала себя супругой адмирала, но молва упорно приклеивала ей ярлык содержанки. Молодые флотские офицеры восторженно называли ее «прелестной Юлией», но злопыхатели вкладывали в эти слова другой смысл. Еврейская община Николаева боготворила ее и образно величала «царицей Эсфирь Николаевской», заступницей евреев. Ксендз считал Юлию католичкой, благодарил ее за помощь в постройке костела. А похоронена она на лютеранском кладбище...

Так кем же все-таки она была – Юлия Михайловна Грейг, спутница адмирала, прошедшая с ним путь длиной в 25 лет.

Однажды мне дали посмотреть книгу бывшего николаевца Иосифа Ицхака Каменецкого о хасидских ребе Николаева. Книга издана в Израиле на иврите и английском. Там был небольшой кусочек, посвященный Юлии Михайловне Грейг. Мне казалось, что он прольет свет на многие тайны, и я попросил сделать перевод. Вот он перед вами:

«*Тетушка Лия*. Первые годы поселения евреев в Николаеве связаны с одним из самых таинственных и захватывающих эпизодов в истории евреев в России – историей «тетушки Лии». Тетушку Лию прозвали «царицей Эсфирь Николаевской». Она родилась в семье хасидов и была благопристойной и честной молодой женщиной. По некоторым непостижимым причинам ее взял в жены Главный адмирал Российского военно-морского флота – адмирал Грейг, который, по утверждению некоторых, был еврейского про-

исхождения. Адмирал Грейг был личным другом царя Николая, и имеющий скверную репутацию царь был даже гостем на их свадьбе. Адмирал Грейг заложил основы Российского военно-морского флота в Николаеве. Тетушка Лия, несмотря на то, что была замужем, продолжала жить как религиозная иудейка во всех отношениях. Она была предана знаменитому хасидскому раввину – ребе Израилю Розгину, которому посылая «пидионоты» (просьбы о благословении – Ю.К.). Много грешных указов, касающихся еврейского населения России и которые царь Николай хотел издать, были отменены тетужкой Лией. Тетушка Лия была сестрой матери братьев Рафаловичей из Николаева. Она пригласила семью Рафаловичей в Николаев и гарантировала им права на строительство кораблей для русской армии.

Я был страшно разочарован: не знаю, чего здесь больше – исторической безграмотности или откровенного националистического бахвальства? Здесь, что ни строчка – то вранье! Вот краткие комментарии: адмирал А.С. Грейг никогда не был «Главным адмиралом» Российского флота. Им по традиции всегда был великий князь, генерал-адмирал, обычно, – наследник престола или брат царя. Грейг, как известно, шотландец, происходил он из клана Мак-Грегоров и был потомком короля Алпина. А.С. Грейг никогда не был другом царя Николая; император ценил его, но «держал на расстоянии» (возможно, из-за Юлии Михайловны). Царь Николай никак не мог быть гостем на их свадьбе, так как ее не было, и государь при Грейге ни разу не посетил Николаев (может быть, по той же причине). А.С. Грейг не мог «заложить основы Российского флота в Николаеве», так как это было сделано до него Г.А. Потемкиным и Н.С.Мордвиновым. Ну, а об «отмене» царских указов тетужкой Лией – это уж слишком! Тут даже комментировать было бы глупо. Так же, как и то, что Лия «гарантировала» Рафаловичам права на строительство в Николаеве флота.

А теперь от этого «забавного» исторического комикса перейдем к документально известным фактам.

У Михеля Сталинского, хозяина трактира в Могилеве,

были две дочери: Лия и Белла – обе красавицы и обе – на выданье. Могилев в то время был важным узловым пунктом военных дорог; русские офицеры часто останавливались в трактире у Михеля и охотно посещали его ресторан, в котором обслуживали две девушки дивной красоты. Обе были хорошо воспитаны, знали языки и отличались благородными манерами. И они не засиделись...

Первую сосватал проезжий поляк, капитан Кульчинский, а вторую – офицер, грек Лизгара. Лия, которую дома звали, как было принято, Лейкой, сменила иудейскую веру на католическую, а имя Лия – на Юлию. Но брак оказался неудачным, и если верить вездесущему Ф. Вигелю, вскоре Юлия развелась с Кульчинским (остается загадкой, как ей удалось это сделать, – ведь католиков не разводят!).

Узнав о богатых подрядах для кораблестроения, молодая женщина (ей было около 20 лет – она родилась в 1800 г.) приехала в Николаев. Выдавая себя за польку, Юлия предложила взять подряд на поставки корабельного леса. Не договорившись с Черноморским адмиралтейским департа-

Дом на Глазенаповской угол Католической ул. (совр. Декабристов – Адмирала Макарова), в котором по преданиям жила вначале Ю.М. Сталинская (Грейз).

ментом, решительная Юлия добилась приема у Главного командира Черноморского флота вице-адмирала А.С. Грейга.

Грейгу в это время было уже 45 лет, но он оставался холост. Зловредный Вигель в своих записках злословит по этому поводу, но это – на его совести. Мне представляется, что Грейг так долго не женился из-за гнетущего осознания, что все его потомки обречены на раннее вымирание, поэтому и заводить семью бесполезно. И действительно, Грейгам фатально не везло – отец Алексея Грейга, знаменитый адмирал С.К. Грейг, умер, когда сыну было 13 лет, а мать – когда 19. У Алексея было три брата и сестра, и все они умерли, не дожив до роковой цифры 36 лет. Брата Джона шестнадцатилетний моряк Алексей Грейг похоронил в море при возвращении из Ост-Индии, Чарльз умер в 32 года, Сэмюэль – в 27; любимая сестра отошла в мир иной в 36 лет. По-видимому, адмирал считал, что их семью преследует какой-то злой рок; может быть, именно поэтому у него был такой печальный взгляд и навязчивая боязнь заводить семью.

Используя свою красоту, мягкие манеры и обаяние, Юлия Михайловна вскоре увлекла Грейга и поселилась в жилом флигеле дома Главного командира вначале на положении экономки-содержанки, но быстро вошла в роль фактической жены, хозяйки обширного адмиральского дома. Грейг скрывал эту связь, но молва о «прелестной Юлии» не задержалась надолго в Николаеве, достигнув быстро сановного Петербурга. Шовинистически настроенный заштатный военный Николаев вначале вступил в жесткую оппозицию, шельмуя за глаза Грейга и его «сожительницу из евреев». Но, будучи хорошо воспитанной, зная языки и обладая тонким вкусом и обаянием, Юлия постепенно создала в адмиральском доме салон, в который входили молодые офицеры и чиновники флота. Здесь часто бывали братья Карл и Владимир Дали, братья Рогули, астроном К. Кнорре, адъютант Грейга Павел Вавилов, супруги Анна и Егор Зонтаги и многие другие. Душой салона была обворожительная красавица Юлия.

Но через три года этот идиллический молодежный кружок внезапно распался: одногодок Юлии николаевский

*Супруга адмирала Юлия Михайловна Грейг.
С натуры рис. Молдавский, ок. 1830 г.*

«сочинитель» мичман В. Даль, будущий наш знаменитый лексикограф, настроил на Юлию и Грейга грязные анонимные стишки, в которых особенно чернились Юлия, ее сестра Белла и их мать. Военно-морской суд во главе с вице-адмиралом Н.Л. Языковым обвинил Даля в сочинении пасквилей и присудил к разжалованию в матросы на три месяца. Морской аудиториат зачел ему в «штраф» многомесячное сидение под арестом. История не сохранила причины такого недостойного поступка Даля, но можно догадываться, что самоуверенный мичман рассчитывал на легкую интрижку с Юлией, но получил отпор и, будучи ярым анти-семитом, решил на мерзкую месть.

После этого скандала сама Юлия и ее окружение переменялись. Со временем ей удалось вновь завоевать благородное общество Николаева, став законодательницей мод среди дам и введя в свой круг влиятельных лиц. Но теперь это уже были не молодые мичманы и лейтенанты, а командиры кораблей, начальствующие чиновники и солидные коммерсанты. Среди них капитан 1 ранга Н. Критский, будущий обер-интендант Черноморского флота, повзрослевший Вавилов, управляющий хозяйственной экспедицией действительный статский советник П. Богданович, крупные поставщики и купцы – Е. Метакса, Ш. Рафалович, муж сестры Юлии, М. Серебряный и другие.

Теперь Юлия Михайловна стала уже законной «хранительницей домашнего очага» в доме адмирала: около 1827 г., когда Грейги ожидали рождения первого ребенка, они тайно обвенчались. В какой церкви и по какому обряду, история умалчивает. То ли Юлия снова сменила веру и стала протестанткой (лютеранкой), как Грейг, то ли осталась католичкой? Видимо, религия не представляла для нее нравственной проблемы: она подходила к ней практически, оказывая услуги всем культам. Как известно, все ее дети были лютеранами, да и она сама похоронена на лютеранском кладбище. Вместе с тем, известно также, что она охотно поддерживала еврейских купцов – поставщиков флота; как утверждает Каминецкий, она была правоверной хасидкой и «жила как

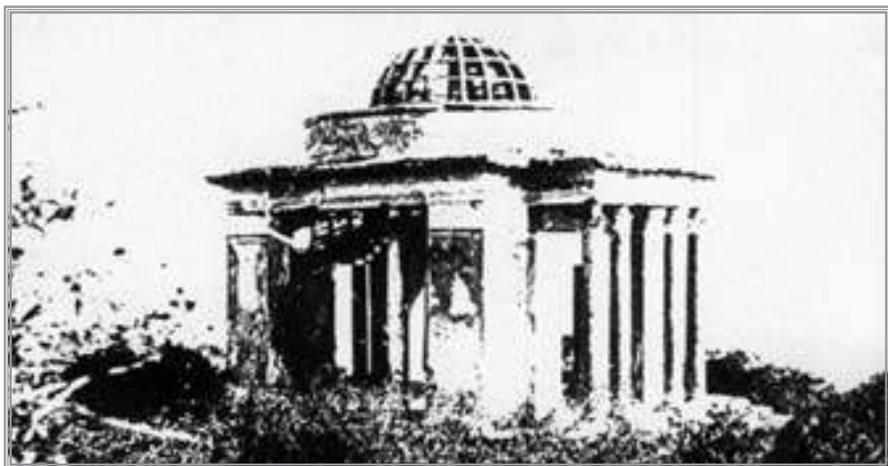
Владимир Иванович Даль. С портрета ок. 1830-х годов

религиозная иудейка во всех отношениях», поддерживая связи с раввинами, в особенности с Израилем Розгиным. И тут же узнаем из благодарственного письма ксендза, что Юлия Михайловна оказывала большие услуги и католической церкви.

Официально Грейг по-прежнему скрывал свою женитьбу. В послужном списке за 1831 г. он написал: «Англицкого вероисповедания. Холост», а в это время у него уже были дети. Тайная женитьба Грейга вызвала резкие нападки на него и его супругу со стороны некоторых шовинистов и антисемитов. В этом особенно преуспел вице-адмирал М.П. Лазарев, назначенный в 1832 г. начальником штаба к Грейгу. Находясь в Севастополе и питаясь сплетнями, Лазарев в издевательском тоне передавал их в Петербург начальнику Морского штаба князю А.С. Меншикову.

Вот краткие выдержки из его писем: «С Юлией я обошелся попросту, без затей, и надеюсь, что у нас ссоры не будет, ежели она не вздумает только мешаться как-нибудь в мою должность – тогда уж не я буду виноват и прошу не прогневаться». А вот другой перл: «За желание успехов и любви прелестной Юлии я благодарен, но признаться должен, что по неловкости своей в том не успеваю. Прелести ее достались в удел другому, они принадлежат Крицкому, который в отсутствии... по несколько часов проводит у ней в спальне... Вот вам тайны двора нашего, которые, я надеюсь, что в. с-ть, прочитав и посмеявшись, бросите в камин». И это пишет правая рука Грейга, вице-адмирал, который официально обращался к Грейгу не иначе, как на английский манер – «Мой дорогой адмирал».

В Николаеве у Грейгов родились три сына – Самуил, Иван и Василий и дочь Юлия. В честь рождения первенца Самуила в 1827 г. Грейг заказал ученику Академии художеств Р. Кузьмину, пансионеру Черноморского флота, проект павильона «Храм Весты». Вскоре этот белокаменный павильон, посвященный Юлии Михайловне как богине Весте – беспорочной деве и хранительнице домашнего очага, был сооружен в Диком Саду. Так Грейг отметил верность своей Юлии.

«Храм Весты», сооружен в Диком Саду в 1827 г. в честь рождения сына Самуила. Проект Р. Кузьмина под наблюдением арх. Михайлова

В 1833 г. Грейг получил назначение в Государственный совет и уехал с семьей в Санкт-Петербург. Здесь у них родилась вторая дочь Джейн. После переезда Грейгов по-прежнему преследовала шовинистически настроенная столичная верхушка. Юлию Михайловну не принимали в высшем обществе, и никто не хотел посещать их «жидовские» балы.

После смерти Грейга Юлия Михайловна посвятила свою жизнь благотворительности и устройству карьер и судеб своих детей, стараясь направить сыновей «по финансовой линии». Она развила большую активность, чтобы старший сын Самуил стал впоследствии министром финансов России. Но судьба, как и предчувствовал Грейг, преследовала его семью: обе дочери умерли, как и сестра Грейга, в 35-36 лет. Официально Юлию Михайловну признали женой А.С. Грейга только в 1873 г. при открытии памятника адмиралу, когда великие князья, приехав на это торжество, послали из Николаева поздравительную телеграмму Юлии Михайловне Грейг, отметив в теплых словах ее заслуги как спутницы адмирала.

В Николаеве Юлия Михайловна оказывала благотворительную помощь в городских делах. Священник К. Мацулевич в благодарственном письме так пишет об этом: «Вы разделили с ним (Грейгом) славу, заботясь о благе его (Николаева) жителей, о благе бедняков, о недостаточных семействах, о благе учащейся молодежи, а равно и о благе и благолепии Николаевской католической святыни».

Юлия Михайловна умерла в 1882 г. и похоронена на Смоленском лютеранском кладбище вместе с членами семьи Грейга.

Генерал Грейг – министр финансов России

У многих уже «на слуху» имя адмирала Алексея Самуиловича Грейга, но мало кто слышал о его сыне, нашем земляке, Самуиле Алексеевиче. А между тем, по административно-служебной лестнице он поднялся выше отца, став не только генералом, но генерал-адъютантом, министром финансов России, почетным академиком и почетным гражданином Николаева.

Самуил Грейг родился в Николаеве в 1827 г. Он был первенцем в семье Грейгов. Именно его рождение скрепило связь Алексея Самуиловича Грейга и Юлии Михайловны, превратив ее в законный брак, который еще долгие годы, до переезда в Санкт-Петербург, А.С. Грейг скрывал в официальных документах. Адмирал Грейг был настолько обрадован рождению сына, что велел соорудить в Диком Саду белокаменный павильон «Храм Весты», который свидетельствовал всему «благородному» Николаеву о высоких нравственных достоинствах Юлии Михайловны – хранительницы домашнего очага Грейгов.

Сын Самуил, согласно семейной традиции Грейгов, получил свое имя в честь и в память деда – знаменитого Самуила Карловича Грейга, победителя турок при Чесме и шведов при Гогланде. Раннее детство Самуил Алексеевич провел в Николаеве, затем был отдан в Пажеский корпус в Петербур-

*Генерал Самуил Алексеевич Грейг.
Грав. Ю. Барановский с фото Карелина.
Публикуется впервые*

ге. Здесь он сдружился с великими князьями и часто бывал в царских дворцах. В корпусе Самуил изучал военное дело и после окончания был выпущен в гвардию.

В 1854 г. Самуил в чине штаб-ротмистра служил адъютантом при великом князе Константине Николаевиче. Тогда же он участвовал в Крымской войне, был адъютантом главнокомандующего адмирала князя А.С. Меншикова. В одном из сражений получил контузию. После поражения русских войск в Альминском сражении Меншиков послал Грейга с донесением к царю, полагая, что имя Грейга и его дружба с царскими родственниками смягчат реакцию Николая I на это неприятное сообщение. Но разгневанный император резко обругал Грейга, припомнив ему и его происхождение (С.Н. Сергеев-Ценский, описывая эту сцену в книге «Севастопольская страда», смягчил выражения Николая).

В марте 1855 г. в связи с объявлением Николаева на осажденном положении, С. Грейг вместе с великим князем Константином Николаевичем прибыл в наш город и провел в нем более года, пока существовала опасность штурма Николаева союзными войсками. После Крымской войны С.А. Грейгу был пожалован придворный чин флигель-адъютанта и его включили в свиту императора.

В середине пятидесятых годов в возрасте около 25-26 лет Самуил женился на Александре Петровне Макаровой. Они проживали в доме, принадлежавшем матери Самуила Юлии Михайловне на Васильевском острове по Песочному переулку. У них родились две дочери – старшая Юлия, названная в честь своей бабки, и младшая Александра, получившая имя в честь матери.

По окончании Крымской войны С. Грейг продолжал военную службу, но под воздействием матери – Юлии Михайловны – стал «пробивать» финансовую карьеру. Юлия Михайловна, по-видимому, задалась целью «пристроить» всех сыновей к финансовой сфере. В областном краеведческом музее хранится письмо Ю.М. Грейг, адресованное Главному командиру Черноморского флота и военному губернатору Николаева Н.А. Аркасу с просьбой помочь «пристроить» Са-

муила к министру финансов в качестве помощника (письмо предоставлено праправнучкой А.С. Грейга, гражданкой ГДР Л.Н. Неезе). Это удалось Юлии Михайловне: в 1873 г. Самуил Алексеевич в чине полковника уже был товарищем министра финансов. Тогда же в составе свиты Грейг сопровождал императора на яхте «Держава» в плавании в Транзунд для смотра флота. Надо отметить, что С.А. Грейг сумел понравиться царю Александру II, поскольку в том же году он получил придворно-фискальное звание генерал-адъютанта, которое весьма ценилось не только при царском дворе, но и среди военных, и ставилось выше генеральского чина.

В 1873 г. Самуил Грейг во второй раз приехал на родину, в Николаев, на открытие памятника своему отцу – адмиралу А.С. Грейгу. Вместе с ним в Николаев прибыли братья Иван и Василий, а также «высокородные друзья» – великие князья, среди которых был и генерал-адмирал. Тогда же городская Дума присвоила С. Грейгу звание Почетного гражданина Николаева.

Впоследствии С. Грейг перешел на службу в морскую администрацию – он стал генералом по Адмиралтейству. Но, по-видимому, Самуил Алексеевич не оставлял надежд на финансовую карьеру. И, действительно, в 1878 г. царь назначил его министром финансов России, а с 1880 г. – членом Государственного совета. На посту министра финансов Грейг пытался улучшить положение России, проведя денежную реформу, но она не дала ожидаемых результатов, за что после смерти подвергся резкой критике. Например, граф С.Ю. Витте в своих воспоминаниях писал о Грейге: «в финансах он был чрезвычайно слаб, вообще это был один из наиболее слабых министров финансов России».

Самуил Грейг уделял много времени и общественно полезной работе. Унаследовав, возможно, от отца – Алексея Самуиловича – любовь к ботанике и садоводству, он как-то проявил себя на этом поприще, потому что на 1870-1880 гг. был избран президентом Российского общества садоводства. Известно, что в эти годы С.А. Грейг устроил в Петербурге первую выставку цветов. В те же годы он стал По-

четным членом Императорской академии наук. В это время С. Грейг проживал в Петербурге на Галерной улице в доме Бека, где когда-то жила вся семья А.С. Грейга.

За свою служебную деятельность С. Грейг был награжден несколькими орденами и медалями.

В конце жизни С.А. Грейг серьезно заболел и уехал лечиться на воды в Германию. Он умер в Берлине в 1887 г., но прах его был перевезен в Санкт-Петербург и захоронен в семейном склепе Грейгов на Смоленском лютеранском кладбище.

После смерти Самуила Грейга его друзья и почитатели внесли в фонд Императорской академии наук 3500 рублей для образования с процентов «премии имени генерал-адъютанта С.А. Грейга», присуждаемой Академией наук «за лучшие сочинения по политической экономии и науке о финансах». Премия с 1888 г. присуждалась раз в пять лет и составляла 1000 руб.

Самуил Грейг имел красивый голос и исполнял романсы и арии в салонах и на приемах.

Эпизодически Самуил Грейг вел дневники, однако, как он сам неоднократно отмечал, «природная лень» всякий раз останавливала записи. Интересны дневники времен Крымской войны, когда Грейг провел почти год в Николаеве. Но, к нашему разочарованию, читаем: «Суэта николаевской жизни не позволила мне вести записки там». Зато в дневнике много интересных рассуждений о Крымской войне, в которых Грейг довольно резко и правильно высветил причины поражения России.

Дочь Самуила Грейга Юлия Самуиловна, родившаяся в 1855 г., вышла замуж за графа Георгия Александровича Канкрина, родственника бывшего министра финансов России. Впоследствии была гоффраейлиной императрицы. Об их потомстве ничего не известно. Вторая дочь, Александра Самуиловна (1860-1915 гг.), была замужем за графом Германом-Карлом Стенбоком, генерал-лейтенантом, командиром корпуса гренадеров. Их сын Герман-Гарри – ротмистр конной гвардии, после революции эмигрировал в Англию. Умер в 1977 г. в Лондоне, не оставив потомства.

Объявленные через газету «Известия» розыски наследников не дали результатов, в связи с чем все достояние Германа Стенбока перешло к английской королеве.

Джон и Василий Грейги

Наиболее известна жизнь старшего сына С.А. Грейга, министра финансов, отраженная во всех энциклопедиях, и о которой я уже рассказал. Об остальных детях адмирала приходилось по крупицам, годами собирать отрывочные сведения, из которых потом удалось составить хотя бы маленькие биографии. В этом мне очень помогли воспоминания праправнучки А.С. Грейга, Л.Н. Неезе, с которой мне удалось встретиться в Лейпциге много лет назад.

Средний сын Иван Алексеевич – в семье его называли Джон – родился в Николаеве 6 марта 1831 года. Воспитывался в Пажеском корпусе и был дружен с великими князьями. В 1854 году И.А. Грейг в чине подпоручика участвовал в Крымской войне. В Санкт-Петербурге он проживал в доме матери, Юлии Михайловны, на Васильевском острове по Песочному переулку. В 1873 году, когда И.А. Грейг приезжал в Николаев на открытие памятника своему отцу, он имел чин полковника и звание флигель-адъютанта. В 1886 году он уже штаалмейстер двора его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Дальнейшую судьбу Ивана Алексеевича мне не удалось проследить: Лидия Николаевна Неезе также ничего не смогла сообщить. Во всяком случае, можно утверждать, что до 1886 года, т.е. когда ему было уже 55 лет, он не был еще женат. Л.Н. Неезе говорила, что Иван Грейг умер холостым. Дату его смерти установить не удалось, как и место его погребения, но, вероятнее всего, умер он до революции.

У Л.Н. Неезе сохранились живые и теплые воспоминания о «дяде Джоне» как о веселом, жизнерадостном человеке, бывшем «своим» в великокняжеском дворце. Это был балагур, позволявший себе некоторую фамильярность с царским

семейством. Как сказала Неезе, «он был большой нахал», и тут же припомнила один из экспромптов Джона Грейга, произнесенный им при посещении высокогородных супругов по случаю представления их новорожденного сына – князя Гавриила:

*Те же лица, те же рыла,
А на подушке очень мило
Почивает князь Гаврило.*

Конечно, не Бог вещь такая поэзия, но полное подтверждение характера Джона.

Третий сын – Василий Алексеевич – родился в Николаеве 10 марта 1832 г. Как и его старшие братья, детство провел в Петербурге, учась в Пажеском корпусе. Был в близких отношениях с великими князьями. Начал служить в 1850 году, участвовал в Крымской войне.

С 1869 года В.А. Грейг – председатель Лифляндской казенной палаты. В 1873 году имел чин полковника; в том же году в связи с переходом на гражданскую службу ему чин полковника заменили на равноценный чин статского советника. В следующем году Василия Алексеевича назначили управляющим Санкт-Петербургской казенной палатой. С 1877 года он уже в чине генерала – действительный статский советник. Через два года был удостоен высокого придворного чина – камергер двора его императорского величества. А с 1885 года В.А. Грейг – член совета Министерства финансов. Как видим, Василий стремился сделать карьеру в финансовой сфере, как к этому подталкивала всех сыновей Юлия Михайловна. Приобрел поместье «Вессен» в Курляндии.

В 1859 году Василий Алексеевич женился на Марии Яковлевне Куминг. У них было пятеро детей: три сына – Алексей-Яков, Самуил-Куминг, и Самсон и две дочери – Вера и Елена-Евгения. Детей назвали в память о предках и родственниках по отцовской и материнской линиям. В.А. Грейг проживал в Петербурге в собственном огромном доме по Литейному проспекту, 11. Когда и где умер В.А. Грейг мне не удалось установить. Ни Иван, ни Василий Алексеевичи не покоятся в семейном склепе Грейгов.

Дочери адмирала

Если сыновья Грейга дожили до глубокой старости, то дочери умерли в возрасте около тридцати шести лет. Случайность или злой рок? Но и сестра А.С. Грейга также умерла в этом возрасте. И все же каждый из них прожил свой миг истории, который, как я надеюсь, интересен нам.

Старшая дочь Грейгов Юлия Алексеевна родилась в Николаеве 5 сентября 1829 года. Имя получила в честь матери. Внешне была похожа на отца – Алексея Самуиловича. Ее выдали замуж за соседа по Английской набережной, тайного советника Николая Борисовича Штиглица, который был послом в Италии. Сохранился портрет Ю.А. Штиглиц, писанный в Италии, на котором она изображена в легком полупрозрачном голубом бальном платье. Поражает ее изящная фигура с необычайно тонкой талией. Жизнь Юлии Алексеевны оборвалась внезапно: на балу во время танца партнер не удержал эту хрупкую женщину, и она упала, сломав спину. Вскоре Ю.А. Штиглиц умерла и была похоронена в семейном склепе Грейгов. Прожила всего около 36 лет. В семье Штиглицов родилась единственная дочь Юлия, названная в честь матери и бабки. Л.Н. Неезе – прямой потомок Ю.А. Штиглиц.

Н.Б. Штиглиц был в близком родстве с одним из богатейших людей России – бароном А.Л. Штиглицем, банкиром царского дома. А.Л. Штиглиц – любитель и ценитель искусств – основал в Петербурге знаменитое впоследствии Училище технического рисования. После его смерти на завещанные деньги был также построен Музей Штиглица, вобравший в себя прекрасные образцы античного и западноевропейского искусства. Ю.А. Штиглиц проявила себя неплохой рисовальщицей, видимо, не без влияния барона А.Л. Штиглица. У Л.Н. Неезе хранилась тонкая акварель Юлии Алексеевны, на которой представлен поэтический пейзаж с дворцом «Санзаню», подаренным Екатериной II С.К. Грейгу.

Младшая дочь Алексея Самуиловича и Юлии Михайловны

Юлия Алексеевна Штиглиц (Грейз). С портрета итальянского художника , принадлежавшего Л.Н. Неезе. Публикуется впервые

родилась уже в Петербурге 16 февраля 1835 года. Ее назвали в память о прабабке Джейн, жены Ч. Грейга, и родной тетки. В России ее называли по-разному: Евгения, Джейн, Дженни (даже на могильном памятнике даны русское и английское имена). У Л.Н. Неезе была миниатюра с изображением Джейн, с которой она сделала мне цветную фотографию. Это был самый прелестный ребенок, которого Юлия Михайловна подарила стареющему мужу. Джейн похожа на мать, но с более открытыми, огромными глазами. Жизнь ее была не очень удачна. В 18 лет Джейн выдали замуж за графа Фридриха фон Цеппелина, бывшего вюртембергским поверенным в Санкт-Петербурге и одновременно – камергером двора ее королевского величества королевы Ольги Николаевны. Но брак оказался драматическим: граф, как рассказала Л.Н. Неезе, оказался гомосексуалистом. Джейн развели с мужем, и потом она вышла замуж за князя Эспера Алексеевича Ухтомского. Прожила Дженни недолго, около 35 лет, и умерла в 1870 году. Похоронена в семейном склепе Грейгов.

Сын Эспера и Джейн, князь Э.Э. Ухтомский, сопровождал наследника Николая Александровича (будущего императора) в его путешествии на Восток. В течение года экспедиция проехала всю Сибирь и побывала в Японии. Вернувшись в Россию, Эспер Эсперович издал три великолепных тома этого путешествия с подробным рассказом о природе, народах и их быте. Иллюстрировал книги Н.Н. Каразин. Впоследствии князь Э.Э. Ухтомский издавал газету «Санкт-Петербургские ведомости» и состоял председателем правления Русско-Китайского банка. О князе много пишет С.Ю. Витте в своих воспоминаниях.

К моему рассказу о потомках А.С. Грейга добавлю несколько строк о последних годах многострадальной Юлии Михайловны. Она жила в собственном доме на Васильевском острове, тихо старясь и устраивая через знакомых и бывших друзей мужа карьеры своим сыновьям и выгодные партии дочерям.

Лидия Николаевна Неезе рассказала мне, что когда Бис-

Джейн (Евгения) Алексеевна Грейг в юном возрасте. С миниатюры, принадлежавшей А.Н. Неезе. Публикуется впервые

*Юлия Михайловна Грейг в зрелом возрасте. С портрета, принадлежавшего праправнучке адмирала А.Н. Неезе, Лейпциг.
Публикуется впервые*

марк служил в немецком посольстве в Петербурге, он часто бывал у Грейгов и виделся с Юлией Михайловной. Его секретарь Шлецер, сопровождавший Бисмарка и впоследствии ставший историком, написал книгу воспоминаний «Петербургские письма», в которой много места уделено Грейгам. В частности, он писал, что в молодости Юлия Михайловна была очень красивой, но в старости, наоборот, очень некрасивой, похожей на типичную старуху-еврейку. С ним можно согласиться, посмотрев на портрет Ю.М. Грейг в пожилом возрасте, который висел в гостиной Неезе. Юлия Михайловна умерла в 1882 году в преклонном возрасте, пережив не только мужа, но и двоих дочерей.

Потомки Алексея Самуиловича Грейга

Несколько слов о «последних потомках» российского родословного древа Грейгов.

Внучка А.С. Грейга Юлия Николаевна фон Штиглиц вышла замуж за красивого молодого гусара Федора фон Кубе, ставшего впоследствии генералом, камердинером Зимнего дворца. Его брат, Николай фон Кубе был министром народного просвещения при Николае I. Сын министра А.Н. фон Кубе, исследователь и историк искусств, в 20-е годы прошлого века работал в Эрмитаже. Был оклеветан газетой «Вечерняя Москва» как хранитель писем царя к его отцу и репрессирован по «Эрмитажному делу».

Племянник Федора фон Кубе Николай был морским офицером, адъютантом великого князя Кирилла Владимировича. Во время взрыва «Петропавловска» находился с великим князем на мостике броненосца. Кирил Владимирович спасся, а его адъютант утонул.

У Федора и Юлии фон Кубе родилась дочь Евгения, которая вышла замуж за полковника Николая Александровича Заксе. В 1901 году в Москве у них родилась дочь Лидия – праправнучка адмирала А.С. Грейга.

Лидия Николаевна – «шестое колено», считая от первого ее

предка – шотландца Самуила Грейга, приглашенного Екатериной II на русскую службу. Вихри революции разбросали по всей Европе ее многочисленных титулованных родственников, изменили общественные отношения и взгляды на жизнь. Исполнилась мечта ее детства, о которой родители до революции даже слышать не хотели: молодая балерина с успехом выступает в театрах Москвы, исполняя восточные танцы. В Москве она встретила Ганса Неезе, немецкого специалиста, приглашенного Совнаркомом в качестве консультанта по электросварке.

Г. Неезе – «отец электросварки» в Германии. В 1926 году он создал первый институт электросварки в Брауншвейге и был его директором до 1929 года. С этого времени Г. Неезе – консультант по электросварке в СССР и одновременно профессор Политехнического института в Нижнем Новгороде (потом – Горький). В 1933 г. молодые супруги Неезе выезжают в Германию, на родину Ганса. Однако с первых же шагов Г. Неезе почувствовал гитлеровский «новый порядок». Ему предложили выступать со статьями и докладами, направленными против СССР. Но честный человек и ученый Г. Неезе отказался предавать своих друзей из Страны Советов. В ответ – бойкот со стороны всех государственных учреждений и предприятий. Г. Неезе, к тому времени известный ученый и специалист, доктор и профессор, не смог найти работу. Его даже не приняли в Брауншвейгский институт, который он сам основал и где был директором.

Переезды из города в город, нужда... Но рядом с Гансом Неезе – стойкая женщина, друг и помощник. Г. Неезе организует маленькую фирму, и, чтобы сэкономить «единицу», Лидия Николаевна работает рядом с ним. Честность, знания и стойкость оказались сильнее фашистского бойкота: эта небольшая фирма помогла супругам Неезе выжить.

Но лишь в Германской Демократической Республике Г. Нееза получил заслуженное общественное признание. С 1956 по 1960 годы он возглавил созданный им новый институт электросварки в Магдебурге. Профессор Неезе поддерживал творческие и дружеские связи с крупнейшими

*Правнучка адмирала А.С. Грейга Лидия Николаевна Неезе,
ок. 1925 г. Публикуется впервые*

советскими специалистами в области сварки – академиком Е.О. и Б.Е. Патонами и Г.А. Николаевым. Медаль Отто Герике и почетный золотой знак увенчали научную и общественную деятельность Г. Неезе.

Лидия Николаевна была не только женой, но и коллегой Г. Неезе. Прекрасно зная русский язык, она перевела шесть советских научных книг, среди которых и книгу Е.О. Патона (Г. Неезе был научным редактором немецких изданий).

Л. Неезе – персональная пенсионерка, член научно-технического Общества германо-советской дружбы. Прожив в Германии более 50 лет, она сохранила русскую душу и осталась большой патриоткой нашей страны. Удивляюсь, как этой 83-летней женщине, перенесшей столько невзгод, включая тяжелую операцию в 1983 году, удавалось сохранять живость, энергию, жизнелюбие и неиссякаемое остроумие. Это поистине русский характер.

Лидия Николаевна Неезе – последний прямой потомок российских Грейгов. Она подарила Николаевскому краеведческому музею великолепный портрет А.С. Грейга. После смерти в Лондоне ее родственника графа Германа Стенбока Л.Н. Неезе судилась с английской королевой за его наследство, но родство оказалось уж очень далеким, и наследство отошло английской короне. Лидия Неезе умерла в Лейпциге в 1985 г. на 83-м году жизни.

Английские родственники

Самуил и Сара Грейги имели четырех сыновей – Алексея, Джона, Самуила и Чарлза и дочь Джейн. Из них только первенец – Алексей – прожил долгую и славную жизнь.

Драматически сложились судьбы остальных детей С.К. Грейга и С.А. Грейг.

Второй сын Самуила Карловича Грейга Джон, или, как его именовали в России, Иван (1776-1792 гг.), был в детском возрасте указом Екатерины Великой зачислен во флот мичманом, а после смерти отца произведен в лейтенанты (в

12 лет). Стажировался вместе с Алексеем в английском флоте. Умер в 16 лет на борту судна «Ласекс» во время плавания в Ост-Индию и похоронен в море.

Следующий сын Сэмюэль (Самуил в русских документах, 1778-1807 гг.) после смерти отца произведен в мичманы и также стажировался на английских кораблях. В 1792 году вернулся в Россию и служил в русском флоте до 1801 года. Затем был уволен в чине капитан-лейтенанта и направлен в Англию в качестве комиссионера русского флота. Занимался поставками провианта и снабжения русских судов, заходивших в Англию. Алексей встретился с ним в Англии, когда вел эскадру в Архипелаг. Вскоре Самуил умер в возрасте 29 лет. Был женат дважды. От первой жены имел четырех детей: сыновей Алексиса и Чарлза и дочерей Элизабет и Амалию-Ребекку-Мар. От второй жены графини Воронцовой родился сын, известный в истории, как Воронцов-Грейг.

В связи с пресечением по мужской линии рода графа Воронцова, указом императора С.С. Грейгу присвоена двойная фамилия.

Последний сын Чарлз (в России – Карл, 1785-1817 гг.) с 1797 года плавал на русских судах в чине мичмана. Уволен с русского флота в 1801 году. Был учеником в английском торговом доме в Санкт-Петербурге, а затем уехал в Англию, где служил в Королевском флоте, потом занимался торговлей. Умер в 32 года. Карл был женат на Ребекке Юкс (Палмер – во втором браке).

Дочь С.К. Грейга Джейн (или по-русски – Евгения, 1784-1820 гг.) после смерти матери воспитывалась в доме английского банкира Андерсена, жившего в Санкт-Петербурге. В 1817 году (в 33 года!) вышла замуж за священника английской церкви в Петербурге Патерсона. Родила дочь Джейн и вскоре умерла (в 36 лет).

Как видим, судьба очень круто обошлась с потомками Самуила и Сары Грейгов: все они, кроме Алексея, умерли молодыми. Однако, как мне удалось узнать, в Шотландии сохранились потомки одного из сыновей Самуила Грейга.

По их просьбе я выслал им в 1998 году мою книгу «Самуил Карлович Грейг», которую перевела наша соотечественница Людмила, живущая в том же городе Аппен Ленджо, что и потомки Грейгов. Об этом я узнал из ее рождественского поздравления: «Я перевела вашу книгу о С. Грейге для потомков, которые живут рядом с нами. Они очень тронуты и удивлены, что в России помнят имя их предков. Большое вам спасибо. Людмила Мак-Гил».

Скажу, что я также очень тронут тем, что моя двадцатипятилетняя работа по исследованию жизни Грейгов завершилась вручением моей книги потомкам.

Круг замкнулся.

Штиглицы и Стенбоки

Всем, кто интересуется историей жизни и деятельности выдающихся личностей, важны не только биография самого героя, но и его окружение – потомки, родственники, друзья, сослуживцы и т.п. Весьма интересным был круг знакомых и родственников А.С. Грейга. Среди них – братья Штиглицы, графы Стенбоки и Стенбок-Ферморы, которые не только состояли в родстве с Грейгом и его семьей, но и оставили свой след на землях Николаевщины, начиная от его основания до последних предреволюционных дней.

После переезда в 1833 г. из Николаева в Санкт-Петербург адмирал А.С. Грейг поселился на фешенебельной Английской набережной (в советское время – набережная Красного флота). Выбор был не случаен. Здесь, на набережной, находился дом английского посла и величественные дома-дворцы богатых и знатных иностранцев и русской знати иностранного происхождения: Бека, Кейле, Раля, Вилье и других. Грейг и его семья чувствовали себя более уютно среди этих людей, не зараженных шовинизмом и антисемитизмом.

Адмирал снимал квартиру в доме Бека, выходившем парадным фасадом на Английскую набережную, а въездны-

ми воротами – на Галерную улицу (ныне Красная улица). Его ближайшими соседями были барон Л. Штиглиц, граф Стенбок-Фермор и английский посол. Напротив по Галерной улице находился дворец с садом непутевого сына Екатерины II и князя Г.Г. Орлова, графа Бобринского.

Как говорится в русской пословице, «скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты». Адмирал поддерживал дружеские отношения с названными выше лицами и, возможно, не догадывался, что в будущем с некоторыми из них он породнится. Так кто же были эти новые соседи и друзья Грейга?

Барон Людвиг Иванович Штиглиц (1777-1842 гг.) родился в городе Аральзене (Вельдекское княжество, Германия). В самом начале XIX в. молодой предприимчивый Людвиг вместе с братом уехал в Россию. В павловские времена он обосновался в молодом Херсоне, став купцом в этом городе. Совместно с А. Перетцом он заключил контракт на откуп крымской соли. Одновременно оба компаньона занялись подрядной постройкой судов для Черноморского флота. Разбогатев на откупе соли и купив земли в Херсонской губернии, Л. Штиглиц переехал в Санкт-Петербург, где вскоре стал придворным банкиром. Коммерческая деятельность Л. Штиглица была столь успешной, что в 1826 г. его пожаловали титулом барона Российской империи «за оказание правительству услуги и усердие к распространению торговли».

Во время моего пребывания в Лейпциге в гостях у праправнучки А.С. Грейга Л.Н. Неезе, Лидия Николаевна показала мне три тома стихов под названием «Картины Востока» (Лейпциг, 1831 г.). Стихи написаны немецким поэтом Генрихом Штиглицем, братом барона Людвига. На титуле книги посвящение: «Барону Людвигу фон Штиглицу».

Генрих Штиглиц (1801-1849 гг.) служил учителем в Берлине, но бросил школу, отдавшись поэтическому творчеству.

Однако поэзия Генриха Штиглица, и без того не блиставшая оригинальностью, стала из года в год терять форму и содержание. Понимая это, Генрих сильно страдал и деградировал как личность. Обеспокоенная жена Генриха, Шарлотта, обратилась за советом к врачам, и ей сказали, что

поэтический дар Генриха может восстановиться, если он переживет какую-либо сильную душевную встряску. Любящая женщина в 1834 г. (в 28 лет) заколола себя кинжалом. Но эта трагедия не помогла Генриху: его поэтический дар стал вообще угасать. Лидия Николаевна, рассказав мне эту историю, поведала, что она послужила основой для пьесы «Шарлотта Штиглиц», которая с успехом ставилась в Германии еще в тридцатые годы.

Сын Людвиг Штиглица, Александр, после смерти отца в 1843 г. унаследовал огромное состояние и должность придворного банкира. В 1840-1860 гг. А.А. Штиглиц управлял Государственным банком, финансировал строительство железной дороги Петербург-Москва и занимался другими коммерческими делами.

В 1866 г. Александр Штиглиц полностью отошел от дел и отдался покровительству наукам и искусству. В 1876 г. барон Штиглиц пожертвовал миллион рублей на устройство в Петербурге Училища технического рисования (ныне Училище им. Мухиной). Александр Штиглиц завещал шесть с половиной миллионов на создание Музея прикладного искусства. Открытый в 1895 г. музей обладал вторым после Эрмитажа собранием изделий прикладного искусства (около 30 тысяч экспонатов!). В прекрасном здании были воспроизведены самые знаменитые залы дворцов мира.

Лидия Николаевна Неезе рассказала пикантную семейную историю, связанную с бароном А.А. Штиглицем. У барона была любовница – горничная, от которой он имел дочь. Александр Людвигович удочерил ее и послал в Париж для учения. Он завещал этой дочери миллион рублей, который она успешно промотала в Париже. Братья А.А. Штиглица пытались отсудить эти деньги, но суд принял сторону дочери.

У А.А. Штиглица были двоюродные братья: полковник Федор Борисович и Николай Борисович Штиглицы. Старшая дочь адмирала Грейга Юлия Алексеевна вышла замуж за Николая Борисовича Штиглица, бывшего послом в Италии и имевшего высокий чин – тайный советник (III класс). Впоследствии, по-видимому, ему был пожалован баронский ти-

тул, потому что Л.Н. Неезе, внучка Н.Б. Штиглица, именовала его барон Н.Б. фон Штиглиц.

Бароны Штиглицы владели землями в наших краях (в районе Знаменки) и финансировали строительство железной дороги Николаев-Знаменка, открытой в 1873 г. и связавшей наш город со всей Россией и миром.

Весьма интересны и другие соседи Грейга, графы Стенбоки-Ферморы, ставшие впоследствии также родственниками адмирала. Графский род Стенбоков происходит от шведского государственного советника Нонса, жившего в XVIII в. Магнус Стенбок (1664-1717 гг.) был шведским маршалом. Ему установлен памятник в Гельсинборге. Его потомки переселились в Россию. Вильгельм Фермор (1702-1771 гг.) – русский генерал-фельдмаршал, главнокомандующий армией в Семилетнюю войну, награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

В 1825 г. Иоанну-Магнусу Стенбоку, мать которого была единственной дочерью графа В.В. Фермора, чтобы не пресекался этот род, разрешено именоваться графом Стенбок-Фермором. Внучка А.С. Грейга, дочь его старшего сына генерала С.А. Грейга, Александра Самуиловна вышла замуж за графа Германа Стенбока. Родственники Германа Стенбока, графы Иван Васильевич и Владимир Васильевич Стенбоки-Ферморы владели землями в Херсонской губернии (Троицко-Сафоново). Они были избраны гласными Херсонского Губернского Земства на 1910-1913 гг. Граф В.В. Стенбок-Фермор был председателем Земского собрания.

Интересна судьба их близкого родственника графа Александра Стенбока-Фермора. Когда я был в гостях у Л.Н. Неезе, она показала мне книгу. Это было третье издание автобиографии известного в ГДР писателя, драматурга и кинорежиссера А. Стенбока-Фермора. И вот что я прочел в предисловии к книге «Красный граф» (Берлин, 1976 г.):

Граф Александр Стенбок-Фермор родился 1902 г., племянник князя Д. Кропоткина. В 1920 г. флигель-адъютант царя бежал от революции в свое родовое имение Гютер Леттландс в Прибалтике, где возглавил борьбу белогвардейцев и при-

балтийских помещиков против латышских стрелков. Потерпев поражение, граф бежал в Германию. В 1923 г. он работал чернорабочим на фабрике «Фридрих Тиссен», затем горняком на шахте. Возглавлял забастовки угольщиков. Затем стал писателем-антифашистом, участвовал в подпольной борьбе. После разгрома фашистской Германии бывший граф был избран бургомистром города Нойштрелиц и оставался в этой должности 12 лет. Известен в ГДР своими книгами, статьями, пьесами и фильмами.

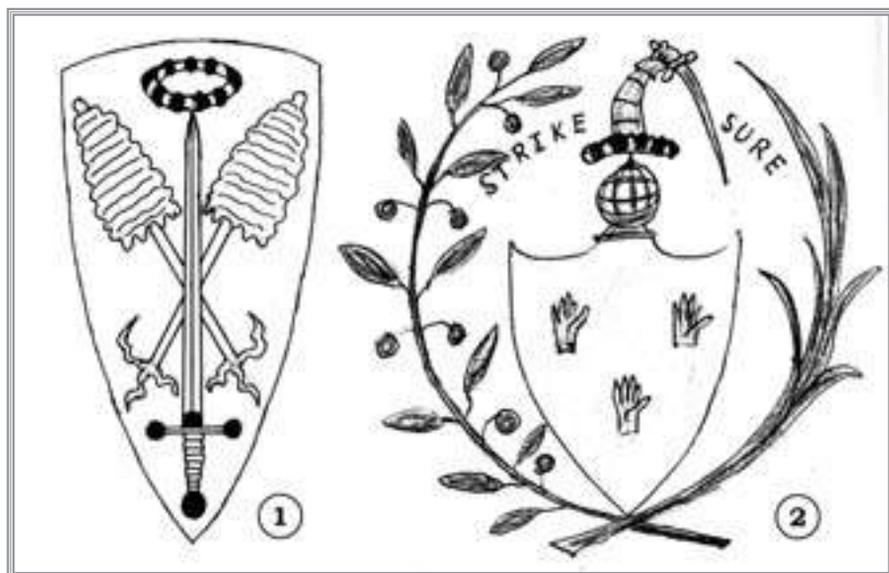
Таковыми были друзья и родственники адмирала Грейга и его потомков.

Герб рода Грейгов

Как известно, русское дворянство и герб адмирал Самуил Карлович Грейг получил в награду за Чесменский разгром турецкого флота в 1770 г. Автору, посвятившему 30 лет изучению жизни и деятельности адмиралов Грейгов, удалось собрать четыре изображения их герба. Но, странно! – все они оказались разными. Так каким же был герб рода Грейгов и когда он появился впервые?

В год рождения Самуила (1735 г.) Чарлз Грейг, видимо успешный предприниматель в Инверкейтинге, решил обзавестись родовым гербом. У Мак-Грегоров был свой клановый герб: две перекрещивающиеся сосны (символ их горной родины) и наложенный на них меч, который острием поддерживает корону шотландских королей (символ воинственности, преданности Шотландии и королевского происхождения клана). Известно, что древние короли носили в качестве короны «вульст» – обод из свитых цветных полосок тканей. Наличие вульста в гербе – признак древности рода и весьма почетно.

Но Чарлз Грейг не мог использовать для своего герба ни одной эмблемы Мак-Грегоров, поскольку это имя и все, что с ним связано, были запрещены. О бюргерском гербе Грейгов можно судить по его изображению на посмертном

1 – Герб клана Мак-Грегоров. Воспроизведен автором по описанию Вальтера Скотта

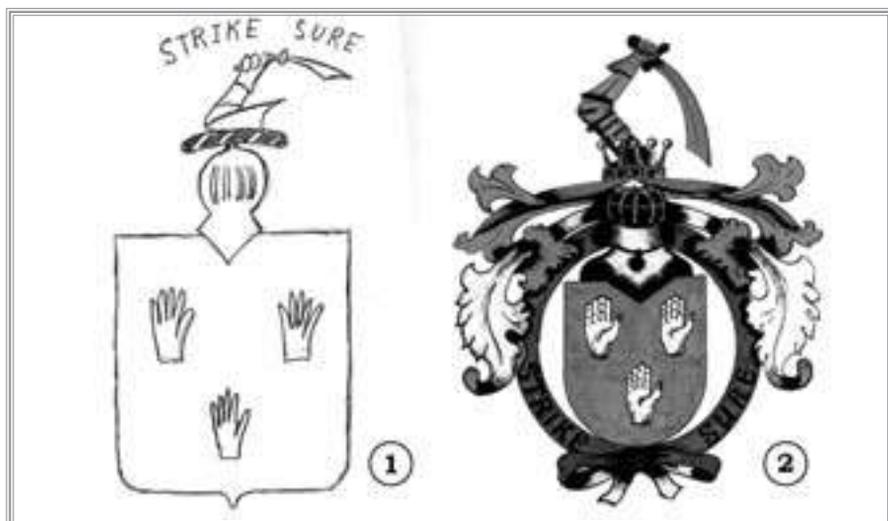
2 – Бюргерский родовой герб Чарлза Грейга, ок. 1735 г. С гравюры Дж. Уолкера, Лондон. Девиз «Рази верно»

гравированном портрете С.К. Грейга работы Дж. Уолкера: на норманском щите расположены три кисти рук, видимо, означающие или ликование по случаю побед, либо призыв к сражению («Три чиез» – тройное ура). Над щитом вульст – как признак древности рода и королевского происхождения, а сверху – поднятая рука в латах, держащая меч, но почему-то восточного типа. Над всем этим – девиз по-английски «Рази верно!», возможно, боевой клич клана Мак-Грегоров. Обрамление, как принято для бюргерских гербов, состоит из веток растений. При даровании С.К. Грейгу (после Чесмы, 1770 г.) русского дворянства, он, возможно, предложил включить в свой новый, уже дворянский герб все элементы родового бюргерского, заменив лишь вульст на дворянскую корону. Но на его надгробии в Домском соборе в Ревеле помещен родовой герб с вульстом.

Сохранилось краткое описание герба, данного С.К. Грейгу

Русский дворянский герб С.А. Грейга (1770 г.), дарованный за Чесменский разгром турецкого флота. Рис. Р.Ю. Кочкурова

1 – Герб с экслибриса Грейгов. Рис. Ю.С. Крючкова
 2 – Курляндский дворянский герб потомков А.С. Грейга – фон Грейгов, 1912 г. из «Baltisches Weppenbuch», 1980 г.

Екатериной II: «в голубом поле три руки (2 и 1), на шлеме – рука в латах с мечом. Девиз «Strike sure» («Рази верно»). Изображение герба русских Грейгов приведено в журнале «Гербовед», №12, 1996. На щите новофранцузского типа (прямоугольный щит со скругленными нижними углами и острием посередине нижней кромки) в голубом поле расположены три кисти рук – две вверху и одна внизу. Над щитом находился рыцарский шлем, над ним – русская дворянская корона, которую венчает рука в латах с прямым рыцарским мечом. Щит окружен наметом в виде листьев аканта голубого и телесного тонов. Под щитом – красная лента с девизом.

Третье изображение герба находим на экслибрисе (книжном знаке) А.С. Грейга, сына чесменского героя. На фоне орденов, лент и знамен помещен герб, представляющий комбинацию рассмотренных двух. На четырехугольном щите новофранцузского типа помещены те же руки, но шлем украшен не дворянской короной, а снова вульстом. Рука в

латах держит меч восточного типа. Можно предположить, что, желая сохранить для российских потомков память о шотландских предках, Алексей Самуилович Грейг велел поместить на экслибрисе родовой бюргерский герб (замечу, что в английской геральдической традиции вульст может находиться и в поле щита дворянского герба).

Последний по времени герб имели потомки А.С. Грейга, жившие в Прибалтике. Дело в том, что к началу XX в. потомки русских Грейгов по мужской линии все вымерли, что прекратило функционирование русского дворянского герба. Остались только потомки Василия Алексеевича, сына А.С. Грейга, которые переселились в Прибалтику. У прибалтийских (курляндских) дворян были свои родословные книги, гербовники и гербы.

Вот как выглядел герб Грейгов на прибалтийской (немецкой) иллюстрации: на голубом щите испанского типа (со скругленной нижней кромкой) расположены три руки, над щитом – шлем под немецкой дворянской короной, а над ней – рука в латах с восточным мечом; щит окружен наметом, а внизу – лентой с девизом. К гербу дается справка, которая в переводе с немецкого звучит так: «Родоначальник Чарльз Грейг, ок. 1735 г. Судовладелец в Инверкейтинге, Шотландия.

Русское дворянство в 1770 г. Самуэль Грейг, русский контр-адмирал, впоследствии русский адмирал.

Василий Грейг, в 1865 обосновался в Курляндии.

Матрикулирован в Курляндскую родословную книгу в 1912 г. Алексис фон Грейг» (*Baltisches Wappenbuch*, 1980).

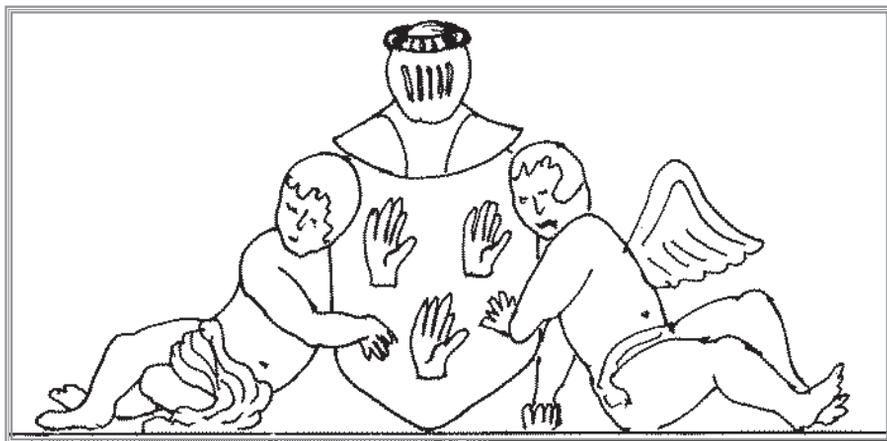
Эта справка нуждается в некотором пояснении. Согласно справке, основателем герба считается отец С.К. Грейга Чарльз Грейг (около 1735 г.). Сын А.С. Грейга Василий Алексеевич переселился в Курляндскую губернию в 1865 г., где купил поместье «Вессен». Его сын Алексей-Яков, получил в наследство поместье, стал прибалтийским помещным дворянином, прибавив к своей фамилии, по немецкому обычаю, приставку «фон». В 1912 г. он был матрикулирован (вписан) в дворянскую книгу прибалтийских родов под

именем Алексиса фон Грейга. С его смертью, по-видимому, пресекалась последняя мужская ветвь рода Грейгов.

Отмеченные факты позволяют объяснить, почему в описании герба русских Грейгов отсутствует упоминание о дворянской короне С.К. Грейга, который получив русское дворянство, при этом оставался подданным Англии и поэтому владел также своим родовым гербом. Поскольку основой герба является щит с его элементами, а обрамление могло быть произвольным, то Грейги помещали над шлемом или корону, или вульст – в зависимости от необходимости.

Таким образом, в роду Грейгов было три юридических герба: родовой шотландский (ок. 1735 г.), которым пользовались в зависимости от необходимости и Самуил, и Алексей Грейги; русский дворянский герб (1770 г.), который унаследовали все русские потомки С.К. Грейга; прибалтийский дворянский герб (1912 г.), которым пользовались потомки А.С. Грейга (фон Грейги), жившие в Курляндии.

Некоторые подробности о семье, потомках и родственниках А.С. Грейга, а также о гербах можно узнать из литературы и архивных материалов [Е17,Е44,Е63,Е67,Е82,Е92,Е94,Ж70,105,106, 109].

*Герб С.К. Грейга с надгробного памятника в Домском соборе
(г. Ревель). Прорисовка Ю.С. Крючкова*

Герб рода Григов (бюргерский) с девизом «Но надежда несокрушима» (сочинен Э. Григом). Из книги [Е.101]

Часть II

Восхождение на пьедестал

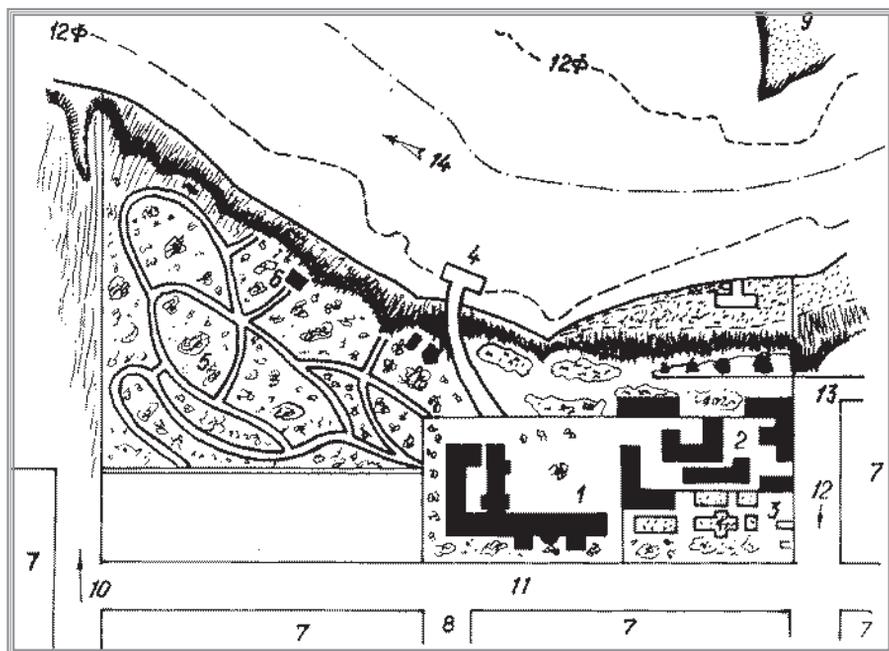
Глава четвертая

От лавров к терниям

Алексей Самуилович, естественно, жил не изолированно от мира, а в окружении сослуживцев, подчиненных и начальства, в общем, среди людей, у которых были свои желания и стремления, и свои характеры. Среди них встречались и карьеристы, и завистники, и недоброжелатели, и нерадивые, и шовинисты. Из-за этого иногда возникали недоразумения, разногласия и размолвки, следствием которых были явные и анонимные доносы. Ситуация усложнялась шотландским происхождением Грейга и его

Городская площадь в Херсоне. С картины Ф.Я. Алексева, ок. 1775-1778 гг.

План усадьбы Главного командира (с плана города):

1 – дом Главного командира с жилыми флигелями, 2 – служебные дома, 3 – регулярный сад, 4 – Адмиралтейская пристань, 5 – Дикий Сад, 6 – Храм Весты, 7 – городские кварталы, 8 – Наваринская ул., 9 – коса Стрелка, 10 – Артиллерийская ул., 11 – Адмиралская ул., 12 – Пушкинская ул., 13 – Набережная ул.

тайной женитьбой на еврейке. Поэтому, начиная с 1823 года появились первые неприятные для Грейга события, которые потом не прекращались в течение последующих десяти лет, создавая нервную и стрессовую обстановку для адмирала, пока он жил в Николаеве.

И первым в этой цепи доносов, клеветы и анонимок был, к сожалению, будущий знаменитый лексикограф В.И. Даль [Ж95].

Спуск судов в Херсоне (из собрания Эрмитажа)

«Шалости» мичмана Даля

В истории жизни выдающегося лексикографа В.И. Даля и знаменитого адмирала А.С. Грейга есть одно общее темное пятно, которое до сих пор все тщательно старались скрывать. Однако освобождение нашей истории от пут политики и партийности позволяет наконец-то узнать людям истину, какой бы неприглядной она ни была.

Случившееся не умаляет заслуг этих двух людей, но только правда, хотя и горькая, однако рассказанная без оглядки, поднимет и их, и нас над неприглядностью происшедшего...

В 1841 г. при поступлении В. Даля на службу в Министерство внутренних дел его заставили написать объяснение по поводу «подмоченного формуляра». Как ему хотелось превратить все в какую-то нелепость или шалость! Он тогда пояснил: «В Николаеве написал я не пасквиль, а шесть или восемь стихков, относившихся до тамошних городских властей, но тут не было ни одного имени, никто не был назван, и стихи ни в коем смысле не касались правительства...» Да, в стихках ничего не было против правительства, но в остальном он, мягко говоря, шукавил.

Так что же произошло в Николаеве в том далеком 1823 г.?

Вид Севастополя в начале XX в.

Слава Богу, архивы сохранили для нас эти события во всех деталях.

В 1819 г. юный Владимир, сын главного врача Черноморского флота Ивана Даля, обрусевшего датчанина, вернулся в Николаев после окончания Морского кадетского корпуса. Но моряком он оказался неважным, флот не любил, морские плавания переносил с трудом и до Севастополя добирался не попутным парусником, а тарантасом по степи.

Смолоду Даль баловался стихами и модными тогда «песнями», водевильями и прочим. В Николаеве восемнадцатилетний мичман прославился не как лихой моряк, что было бы свойственно его возрасту и духу города, а как «сочинитель», чьи водевили иногда ставились любителями. А в водевилях и других пьесах Даль высмеивал военную службу, моряков и горожан, их быт и интересы – сказался, видимо, известный комплекс: флотская жизнь не удалась, была нелюбима, карьера не клеилась – и вот молодой, только начинающий службу моряк вымещает свою горечь на тех, для кого она была повседневной, трудной, но нужной работой.

Поначалу на далевские опусы смотрели, по-видимому,

как на обычную дань моде (кто тогда не писал стихов и прозы?) и не очень реагировали. Но однажды...

Утром 20 апреля 1823 года Николаев был взбудоражен: кто-то ночью расклеил в нескольких местах грязный пасквиль. Узнав об этом, полиция быстро посрывала стишки, но многие горожане уже успели их прочесть. Подозрение пало на мичмана Даля, известного в городе «сочинителя». Полиция устроила у него в доме обыск и обнаружила не только список с расклеенного пасквиля, но и новый, еще более мерзкий.

Не будем анализировать действия полиции – на то она и полиция, чтоб выявлять преступников. Не все она сделала по закону: обыск произвели в отсутствие Даля и без понятых, что потом позволило Владимиру опротестовать приговор...

Итак, предо мной «Дело 28-го флотского экипажа о мичмане Дале 1-м, сужденном в сочинении пасквилей». Сейчас вы их впервые прочтете и сами сделаете вывод о ли-

Вид на Южную бухту Севастополя. С открытки конца XIX в.

тературных достоинствах и о нравственной стороне этих «опусов»:

Вот расклеенный по городу пасквиль:
С дозволения начальства
Профессор Мараки сим объявляет,
Что он бесподобный содержит трактир,
Причем всенароднейше напоминает
Он сброду, носящему флотский мундир,
Что теща его есть давно уж подруга
Той польки, что годика три назад
Приехала, взявши какой-то подряд.
Затем он советует жителям Буга,
Как надо почаще его навещать,
Иначе он всем, что есть свято клянется,
Подрядчица скоро до них доберется.

Профессор Александр Данжело Мараки – губернский секретарь – преподавал итальянский язык в Штурманской роте, ну а всеильная «полька» была также хорошо известна горожанам – это молодая обворожительная Юлия Кульчинская – наперсница Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя, вице-адмирала Грейга. Официально Грейг скрывал свою связь с Юлией, и это понятно: сановный Петербург и военно-мещанский Николаев не могли принять выбор адмирала. Еще бы: это – женщина не их круга, торговка, дочь трактирщика, да к тому же иноверка, и более

Вид на Дикий Сад и усадьбу Главного командира . Из лоцши.

того – еврейка. Но Юлия медленно продвигалась к цели, завоевывая внимание и уважение окружающих, особенно молодых офицеров и служащих Черноморского флота. Встречи, обеды, вечеринки и балы почти ежедневно происходили в адмиральском доме, и центром всех развлечений была «прекрасная Юлия», столь обольстительная, сколь и недоступная, как богиня Веста. Грейг поощрял эти развлечения, веря в свою хранительницу домашнего очага.

Именно против нее и был направлен анонимный пасквиль.

Прижатый уликами, Даль, однако, не растерялся и заявил, что он этот пасквиль не писал, но второй стишок, найденный у него в столе, написан им, якобы в защиту оскорбленного Мараки. Вот этот далевский пасквиль:

*Без дозволения начальства
Антикритика
Дурак, как Мараки над ним забавлялся,
Марая Мараку, он сам замарался
На всех, как Мараки пасквили писать.
Ума хоть не станет, бумаги читать.
Та полька – не полька, а Лейка жидовка,
Сатирик в герольдии знать не служил:
Сестра ее, мать – такие торговки,
Подрядами ставят, чем Бог наградил.
В таком то местечке меня уверяли,
Что Лейку прогнали и высекли там,
Я право же, верю, из зависти лгали:
Наш битого мяса не любит и сам!*

Из этого набора безграмотных, порой бессмысленных фраз прямо-таки лезут в глаза мерзкие намеки и оскорбления Юлии Михайловны, ее сестры Беллы и матери, которые в этом пасквиле представлены просто уличными женщинами.

Несколько месяцев длился суд (дело начато 3 мая 1823 г., а закончено 18 марта 1824 г.). Скажем прямо, Даль

блестяще изворачивался в суде, направляя дознание то на Мараки, то на полицмейстера П.И. Федорова, но он признал сразу же свою вину в том, что написал «Антикритику» и переписал ее в нескольких экземплярах, чтобы «дать друзьям и посмеяться». Военный суд под председательством вице-адмирала В.А. Языкова признал Даля виновным в сочинении пасквилей, и за этот проступок, не достойный офицера и дворянина, приговорил к разжалованию в матросы на шесть месяцев.

Но Даль, пользуясь своим правом, обратился с жалобой к царю. В Петербурге Морской аудиторский департамент не отменил решение суда, а лишь заменил наказание – Далю зачли в «штраф» почти восьмимесячное пребывание под арестом на гауптвахте. Нашлись и покровители Даля в Петербурге, и враги Грейга – в пику адмиралу пасквилянта перевели на Балтику, да еще с повышением в чине – он стал лейтенантом. Даль провел свою двухлетнюю «морскую службу» на берегу в Кронштадте. Офицера, который был неважным моряком, и в молодости, вместо того, чтобы служить и набираться опыта, попался на писании пасквилей, нельзя было назначать на корабли: ни один командир, ни офицеры корабля не приняли бы его в свою среду, он был бы среди них изгоем, так как нарушил законы чести, которая высоко ценилась в среде морских офицеров и дворян. Даль это понял и с 1 января 1826 года ушел в отставку.

А Юлия Михайловна продолжала блистать в николаевском обществе, оставаясь притягательным центром в доме Грейга, богиней-хранительницей его счастья, мифологической Вестой: «Веста славилась тем, что была единственной из великих олимпийцев, кто ни разу не воевал и не участвовал в ссорах. Более того, она как Артемида и Афина никогда не отвечала на ухаживания богов, титанов или кого-либо другого». Думается, что Даль, будучи одногодком с Юлией и наслышав в Николаеве сплетен о ней, решил добиться благосклонности адмиральской дамы сердца, но получил резкий отпор, а возможно, и пощечину. Считаю

себя уязвленным этой «полькой не полькой», Владимир из мести разразился пасквилями.

...Прошло три года. Юлия Михайловна заняла прочное место в жизни Грейга. В один из прекрасных дней она сообщила Алексею Самойловичу, что ждет ребенка. Грейг был несказанно рад: его Юленька хранила ему верность и была только его богиней. Он тайно обвенчался с Юлией, и чтобы воздать честь верной своей супруге, срочно написал в Петербургскую Академию художеств, где учились архитектуре посланные им юноши, – пансионеры Черноморского флота. По заданию Алексея Самойловича самый талантливый из них, «ученик третьего возраста», Роман Кузьмин под руководством архитектора Михайлова в 1827 году разработал проект «Храма Весты». В год рождения сына Самуила этот красивый белокаменный павильон был воздвигнут в Диком Саду над обрывом к Ингулу вместо бывшей там деревянной беседки – на том месте, с которого Александр I любовался разливом Бугского лимана в 1818 г. (именно тогда царь повелел построить здесь памятную беседку). Под названием «Храм Весты» этот памятник супружеской верности и был известен николаевцам.

Городская управа на Магистратской площади. Построена мурмейстером А. Вектоном. С открытки конца XIX в.

А Даля всю жизнь угнетали воспоминания о том, что произошло в середине апреля 1823 года. Везде, всюду при перемене места службы или обновлении формулярного списка Владимир Иванович вынужден был писать: «Осужден в Николаеве за сочинение пасквилей». И только 12 апреля 1859 года, через 36 лет, пришло «освобождение» – только третий «на его счету» император «всемилоостивейше повелеть соизволил... не считать дальнейшим препятствием к получению наград и преимуществ бессрочно служащим предоставленных... дело о сочинении пасквилей»...

Тогда же Владимир Иванович написал прошение о предоставлении ему двухмесячного отпуска «по болезненному состоянию», а осенью того же года получил уничтожающий ответ: «...уволить, согласно прошению, за болезнью, в отставку с мундирным полукафтаном». Это был последний удар николаевской «достойной наказания и забвения шалости», как расценивал свой проступок сам Далья.

Так в чем же все-таки причина столь недостойного поступка молодого Далья? К сожалению, ее знал только сам Владимир Иванович, а он унес ее в могилу, нигде не обмолвившись даже намеком. Видимо, причина была столь неприглядной, что он не рискнул ее раскрыть. Нам остаются лишь предположения, их может быть два: или махровый антисемитизм молодого Далья, или страстная, но отвергнутая любовь к «прекрасной Юлии» – они были одногодками и им было тогда по двадцать два...

А «Храм Весты» долго украшал обрыв над рекою, моряки, входя в Николаевский порт, брали створ на него и на угол адмиральского дома, соединяя их, – это был верный путь к родному причалу. Потрясения нашей истории уничтожили «Дикий Сад» и «Храм Весты». Но автор помнит еще его полуразрушенным в лето, когда началась война.

*Дом Главного командира, в котором жил А.С. Грейг.
С лит. И.А. Горбовского, 1808 г.*

Под прессом клеветы

Развитие любого города, в том числе и Николаева, зависит от личности градоначальника, от его заботливости и внимания к нуждам горожан. Но не всегда стремления руководителя города встречали поддержку со стороны его сослуживцев. Иногда ретрограды даже препятствовали всем добрым начинаниям градоначальника, а порой писали доносы, не брезгуя клеветой.

Так было и в Николаеве с адмиралом А.С. Грейгом, на которого его нерадивые сослуживцы писали доносы в Петербург, но все они оказывались злобной клеветой, стремящейся остановить прогрессивные начинания губернатора.

Об одном таком поучительном деле, длившемся десять лет, я и хочу рассказать.

В 1825 г. адмирал Грейг обратился в правительство с просьбой выделить экстраординарные суммы на постройку четырех кораблей и четырех фрегатов с подряда, учитывая приближение неизбежной войны с Турцией и слабость Черноморского флота. По распоряжению императора правительство выделило семь миллионов рублей. В торгах на

Здание бывшего Магистрата на площади. С открытки

постройку судов приняли участие купец 1-й гильдии М. Серебряный, действительный статский советник А.А. Перовский и другие. Изучив их прошения, император усмотрел, что среди них были, в основном, купцы-евреи. Не желая отдавать им выгодный подряд, царь приказал заключить сделку только с христианином А.А. Перовским. Но А.С. Грейг доказал царю, что целесообразно привлечь к строительству опытного подрядчика-судостроителя М. Серебряного, на что последовало высочайшее разрешение. Таким образом, выгодный подряд был поделен между А.А. Перовским и М. Серебряным, которые немедленно приступили к работе.

После утверждения царем контрактов эти бумаги в октябре 1825 года попали к главному бухгалтеру Черноморского департамента Яцыну. Возмущению Яцына не было предела: как это так, контракты заключены в обход Счетной и Исполнительной экспедиций, без его участия? Яцын не знал, что Грейг умышленно не пустил контракты обычным путем, зная, сколь прижимисто будут считать рубли и копейки в этих экспедициях, занижая до предела

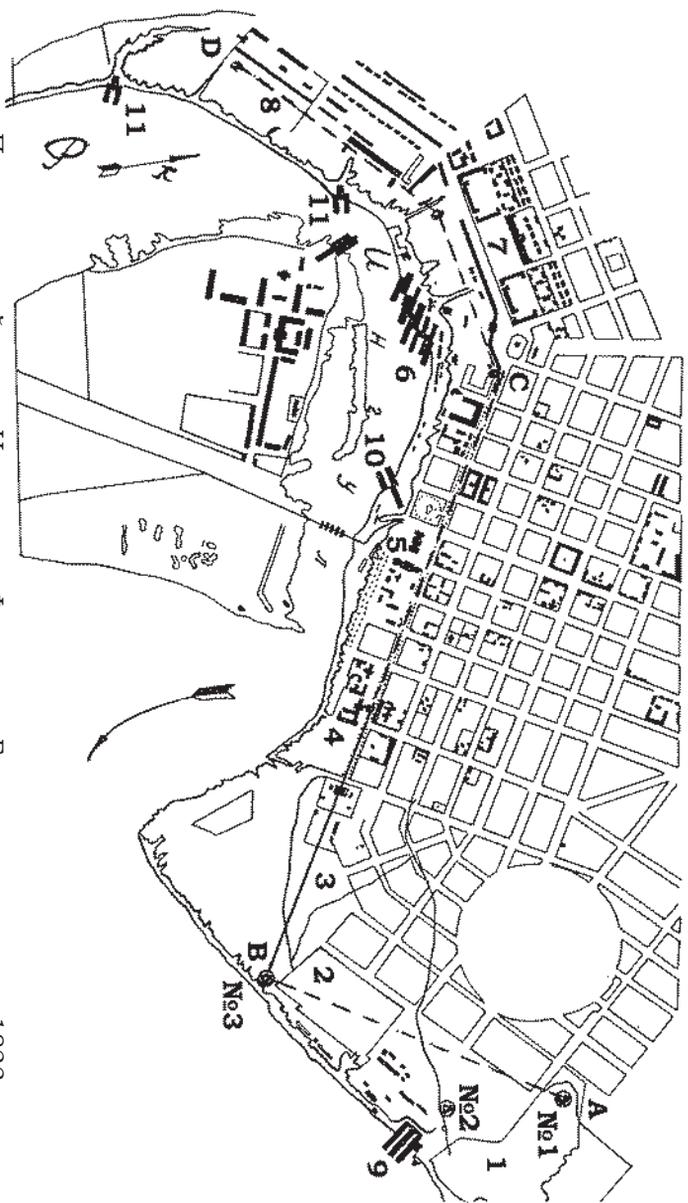

Вид на Военную гавань. С акварели А. Премаици, 1850 г.

стоимость постройки, в результате чего накануне грядущей войны флот не получит пополнения. Поэтому адмирал поручил выполнить расчеты стоимости постройки по вольным ценам начальнику кораблестроения инженер-генерал-майору Суровцову.

Подрядная постройка была немного дороже казенной, но она и эффективней: суда с подряда строят вдвое быстрее, а это в тех условиях – главное. На верфях Николаева и Севастополя не было уже свободных эллингов – везде строились суда, значит, для быстрого восполнения флота нужны новые эллинги, которые могли построить только подрядчики вольными мастеравыми. И хотя это стоило дороже, но было неизбежным, так как все адмиралтейские мастеравые были уже заняты.

Но Яцын не хотел этого понимать. Обиженный на Грейга за сделанное ему когда-то порицание, Яцын решил отомстить адмиралу. Бухгалтер написал донос морскому министру на Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга «о разных его ко вреду казны действиях».

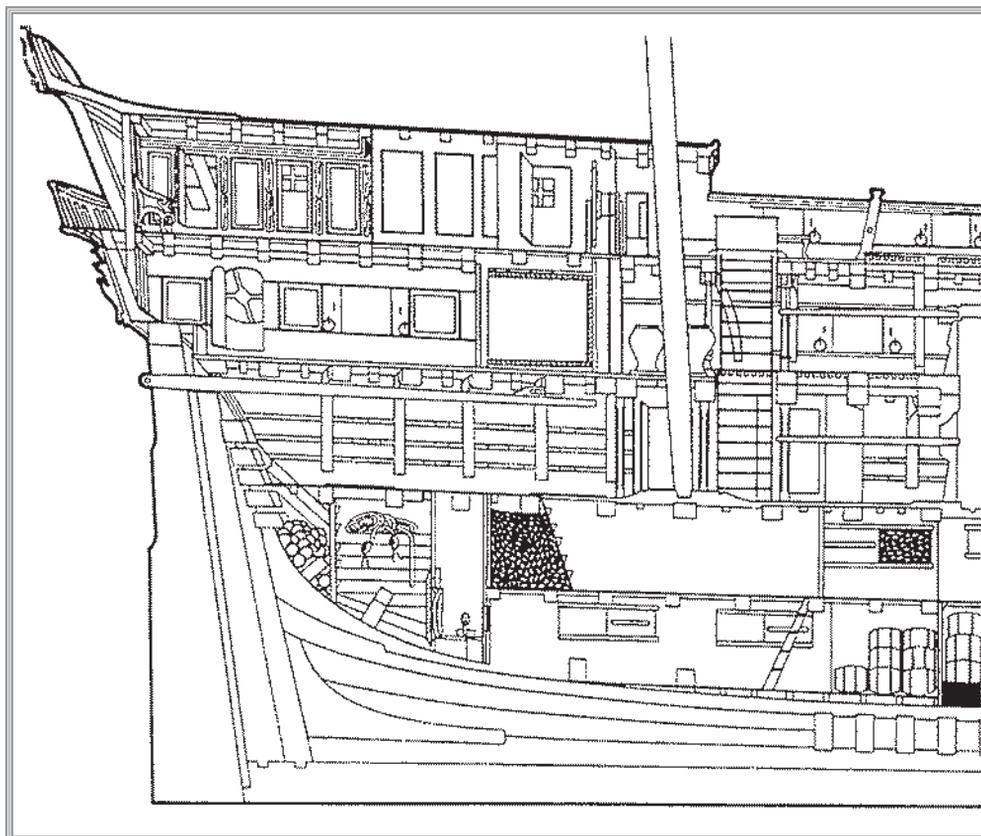
План северной части Николаева. Фрагмент Генерального плана 1833 г.

1 – Спаское урочище, 2 – Казенный сад, 3 – действующий участок Спаского водопровода, 4 – усадьба дома Главного командира, 5 – контора над портом и гауптвахта, 6 – Адмиралтейство, 7 – флотские казармы, 8 – Гостинательный сад, 9 – Спаское адмиралтейство, 10 – Морское эллинг, 11 – эллинг военных подрядчиков, №1-№3 – Спасские источники. Путиртам нанесена трасса строящегося Спаского водопровода.

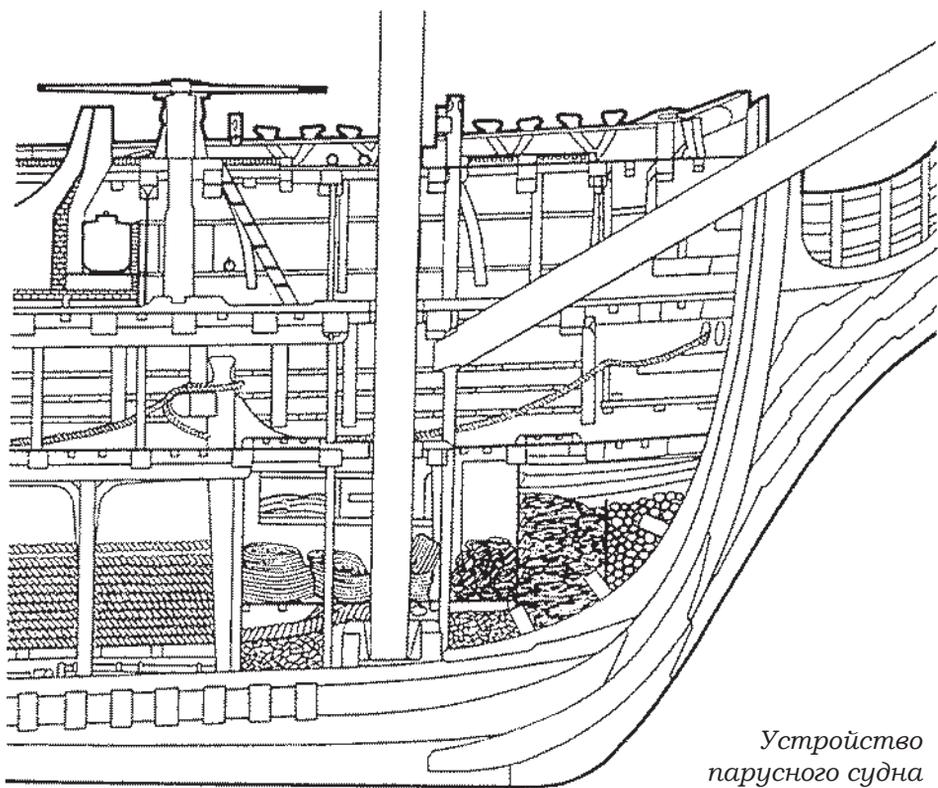
Начав с подрядной постройки судов, Яцын обвинил Грейга в нарушении порядка и в переплате денег подрядчикам. При этом бухгалтер умышленно умолчал о Перовском – русском помещике, действительном статском советнике, а указал только на Михеля Серебряного, иноверца. Поразмыслив, что этого мало для серьезного обвинения, Яцын стал нанизывать все, что, по его представлениям, порочило Грейга: Мордухом Бланком строится по перешейку каменная городовая стена, но срок уже истек, а стена не окончена, да она и не нужна; построен музыкантский дом для улады ушей сожительницы адмирала, жидовки, приобретаются в Англии морские и астрономические инструменты без дозволения на то правительства; строится

Постройки в Адмиралтействе

водопровод, от которого адмиралтейству и городу никакого проку; покупается каменный уголь вместо использования древесного; строится обсерватория, которая будет стоить до 200 тыс.руб., между тем как есть уже две обсерватории: одна над домом Главного командира, а другая – в Спасском. За сим последовала новая оранжерея, новое здание Штурманского училища и прочие грехи. И все эти обвинения излагались так, что они, якобы, порождены неприязнью Грейга ко всему русскому, его непатриотизмом, покровительством иностранцам и, особенно, евреям. «А между тем, – писал в заключение Яцын, – не достраиваются казармы, гошпиталь и другие необходимо нужные флоту сооружения», а деньги

*Устройство
парусного судна*

растранжириваются адмиралом ради собственной прихоти.

Грейг, как это было положено, отправил донос Яцына в Петербург курьером.

Вскоре адмирал Грейг получил от Морского генерал-аудитора письмо, в котором его уведомляли, что император назначил следственную комиссию по разбирательству доноса Яцына. Председателем комиссии Николай I назначил старшего над Грейгом по чину – полного генерала Ивана Васильевича Сабанеева, командовавшего Южным военным округом.

11 ноября 1826 года следственная комиссия под председательством генерала Сабанеева приступила к рассмотре-

нию дела по доносу бухгалтера Яцына на адмирала Грейга.

Статьи обвинений, предъявленные Яцыным, предварительно были направлены Алексею Самуиловичу, чтобы он мог дать письменные на них ответы. Грейг чувствовал себя неуютно: впервые он, вице-адмирал, сорок с лишним лет прослуживший флоту и России безупречно и честно, предстал в качестве обвиняемого, да кем – своим же сослуживцем, подчиненным, мелким чиновником – восьмого класса. И хотя это не был официальный суд, но рассмотрение дела велось по всем юридическим нормам и фактически представляло судебное разбирательство. К тому же Грейг предстал в качестве обвиняемого перед лицом своего друга Ивана Васильевича Сабанеева.

По главному пункту обвинения – переплате денег подрядчикам – комиссия не признала никакой вины адмирала, учтя реальные стоимости постройки судов с подряда, для чего были взяты справки от полицейских управлений Николаева и Херсона о заработной плате вольных мастеровых и о ценах на поставляемый лес. Интересны выводы комиссии по другим пунктам обвинения: «Обнаружилось же по доносу его только то, что на водопровод и употреблено было казенных денег до 47 тысяч рублей, но от него не было никакой для города пользы, ибо глиняные трубы не выдержали напора воды и многие разбились; почему впоследствии и признано нужным устроить чугунные трубы на каменном роствере.

Касательно водопровода видно, что адмирал Грейг доносил в марте 1820-го года морскому министру, что город Николаев нуждается в здоровой и хорошей воде и что нужно привозить оную из урочища Спасского почти за четыре версты; сие заставило его, адмирала, приискивать способ к проведению воды из Спасска в Николаев, о чем он докладывал блаженной памяти государю императору во время присутствия его величества в Николаеве и на представление проекта удостоился получить высочайшее соизволение; посему представляя водопроводу план и смету, просил об исходатайствовании высочайшего соизволения

на ассигнование суммы; но не получив на сие разрешения, предложил в ноябре Исполнительной экспедиции производить постройку. В марте же 1826 года начальник Главного штаба препроводил по высочайшему повелению к адмиралу Грейгу записку о водопроводе, найденную в кабинете блаженной памяти государя императора Александра I, которая по случаю кончины его величества осталась не утвержденною.

По причине ветхости прежней оранжереи, тако что и починкою поддерживать ее было невозможно, построена новая оранжерея, дабы сохранить многие редкие и нежные растения в течение многих лет собранные, и выполнить волю блаженной памяти государя императора Александра I, лично ему адмиралу Грейгу изъявленную, о употреблении старания к распространению дерев и кустарников разного рода...».

Разбирательство длилось долго. Вздорный и упрямый Яцын строчил возражения по каждому заключению комиссии. Дело пухло, заседания затягивались и, казалось, им не будет конца. Наступил 1827 год.

Наконец, приступили к заслушиванию сторон. После каждого пункта обвинения адмирал Грейг давал свои объяснения.

В отношении строительства обсерватории Грейг ответил: – Строится для усовершенствования морских офицеров в астрономической науке и для полезнейших открытий. Вместо же упоминаемых в доносе двух, ни одной нет, заслуживающей сие имя, из чего и видно, что он, Яцын, говорит о деле, о коем не имеет ни малейшего понятия.

По требованию адмирала суд огласил обращение его к морскому министру с обоснованием необходимости обсерватории, на которое тогда же последовало высочайшее разрешение; было это еще в 1820 году.

«По поводу водопровода, – писал в объяснении Алексей Самуилович Грейг, – проводится по чрезвычайной от сего пользе для всех жителей, что же касается до поясняемого доносителем изобилия в городе воды, то сие есть совершенно ложно». И, наконец, оранжерея: «Не построена, а пере-

*Морская астрономическая обсерватория.
Арх. Ф.И. Вуши, 1827 г.*

строена по крайней ветхости для предохранения от гибели многих редких и нежных растений, в течение нескольких лет старанием начальства собираемых, а при этом заплачено с подряду 9 тысяч, а не 20 тысяч рублей».

Для комиссии все было ясно: адмирал Грейг старался сделать много полезных дел для города и флота и на них получил устное или письменное разрешение умершего царя. Все было законно, да и денег лишних он не истратил, так как все это строительство шло за счет сэкономленных средств флота. Грейг не только не перебрал средства у казны, но, наоборот, еще смог из выделенных денег погасить старые долги его предшественников, выплатив более миллиона рублей подрядчикам. Комиссия полностью сняла с Грейга все обвинения и убедилась, что донос Яцына был сделан не во благо истины, а из-за личной неприязни бухгалтера к адмиралу.

Выслушав решение комиссии, Яцын, совсем потерявший голову, начал поносить оскорблениями не только Грейга, но и генерала Сабанеева со всей его комиссией. Умный и

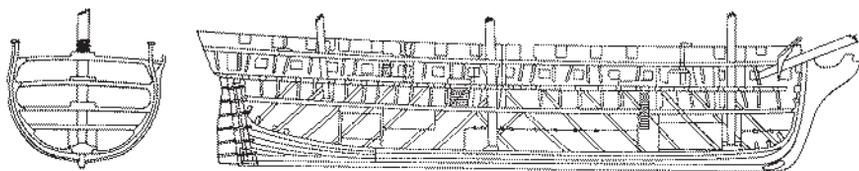
хитрый, как Суворов, на которого походил Иван Васильевич, генерал не стал прерывать разошедшегося Яцына, а велел секретарю записать все его высказывания в протокол.

Из протокола следственной комиссии: «После же окончания генералом Сабанеевым следствия Яцын в поданных прошениях и объяснениях суду поместил дерзкие на счет адмирала Грейга и генерала Сабанеева выражения, между прочим, касательно первого, что он выписывал из Англии вещи от одного явного к русским художникам презрения, что построения в Николаеве домов и обсерватории учинены им от одной прихоти, а дом для музыкантов построен для удовлетворения собственной высокомерной прихотливости, чтобы дать вблизи себя помещение тем людям, которые обязаны ежедневно игрою услаждать чувства адмирала Грейга и его из евреев сожительницы, что действия его необращением на казармы и гошпиталь, и на другие построения, суммы показывают в нем совершенный недостаток патриотического усердия...».

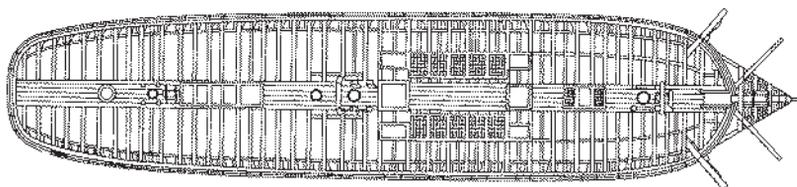
На следующий день бухгалтер настроил донос и на Сабанеева. А 2 июня 1827 года Сабанеев привлек Яцына к судебной ответственности за клевету и наветы.

Законченное пухлое дело по доносу Яцына на Грейга и Сабанеева пошло морскому министру, а потом на утверждение императору, который с нетерпением ждал конца этой склоки. В мае Грейг получил от начальника Главного Морского штаба генерал-адъютанта Меншикова секретное письмо, в котором князь сообщил адмиралу, что император нашел донос Яцына на Грейга ложным и велел отдать бухгалтера под суд, но государь все же усмотрел в Черноморском адмиралтейском правлении стачку чиновников с подрядчиками, о чем и повелел сообщить Грейгу. А вслед за тем пришел милостивый рескрипт Грейгу от самого императора, в котором Николай подтвердил свою веру в честность Грейга и сообщил ему, что за ложный и оскорбительный донос велел предать Яцына военному суду.

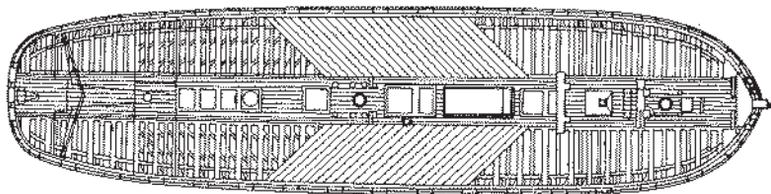
Так донос Яцына на Грейга обернулся против самого доносителя, превратив его из обвинителя в обвиняемого.

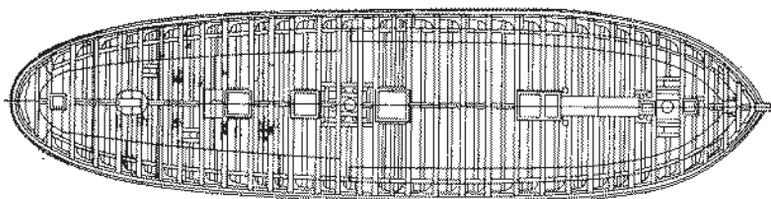
Внутреннее расположение фрегата (общий вид)

Чертеж квартер-дека и форкастеля

Опер-палуба

Орлоп-палуба

Схема диагонального набора корпуса по системе Сеппингса

11 ноября 1826 года началось следствие, а 2 июня 1827 года суд приступил к рассмотрению дела, которое закончилось только через девять лет – 8 апреля 1836 года; на время суда Яцына посадили в Новомиргородскую гауптвахту, где он и просидел с 21 января 1833 года.

Яцын был осужден, но его дело, как это было принято, пошло на утверждение в генерал-аудиторат. Рассмотрев пухлое дело, содержавшее более 200 листов, генерал-аудитор принял такое решение: «По сим обстоятельствам генерал-аудитор заключает, что... хотя же Яцын и изъясняет, что он сделал донос из одного только желания быть полезным Отечеству; но напротив того оказалось, что он сделал донос из неудовольствия к адмиралу Грейгу за взыскания с него Яцына по службе; сие доказывается как дерзкими в прошениях и объяснениях Яцына на счет адмирала Грейга выражениями, так и тем, что он, по некоторым вопросам, сделал донос не своевременно, а более всего в дерзких на счет адмирала Грейга, генерала от инфантерии Сабанеева, также и на счет следователей выражениях, то за сие и подверг себя Яцын и лишения чинов и написания в рядовые; но обращая внимание на то, что сделанным Яцыным доносом касательно построения с подряда, по прошению купца Серебряного, кораблей, обнаружился неправильные действия, с ущербом казны сопряженные, то по сему и во уважение содержания Яцына с 1833 года и до сего времени под арестом, генерал-аудиториат полагает:

Вменить Яцыну в наказание долговременное содержание под арестом и удалить его от службы».

Царь утвердил решение генерал-аудитора, и дело было бы забыто, если бы не появился новый товарищ генерал-аудитора. Им стал контр-адмирал В.И. Мелихов, бывший сослуживец Грейга, не сработавшийся с ним. Яцын подал прошение о пересмотре его дела по доносу на Грейга, снова обвиняя Грейга во всех смертных грехах. Со временем Мелихов добился возврата Яцына на службу, да еще в армию, и с повышением в чине – он стал полковником.

...В 1837 году Алексей Самуилович почувствовал, что

*Башня оптического телеграфа на Спасском холме
(у обсерватории). С открытки*

здоровье его ухудшилось, и он отправился в Ревель для лечения водами. Уже пароход должен был отправляться, когда курьер принес Грейгу пакет из генерал-аудиториата с вызовом на суд по новому доносу Яцына. Грейг был возмущен всей этой историей, поскольку знал, что в высшем морском суде служит теперь контр-адмирал Мелихов, и все это – его происки. Из Ревеля он написал императору резкое письмо с требованием прекратить давно законченное дело. Грейг напомнил Николаю I его же собственное мнение о наветах Яцына: «Обнаружено, что сделанный Яцыным донос в отношении к вам не только несправедлив, но вообще имеет основанием личную злобу на вас за взыскания с него по службе».

Оскорбленный новыми подозрениями, Грейг написал дальше: «Сия мысль для меня столь крайне обидна и отвратительна, что мне стыдно и унижительно на нее отвечать. Возможно ли думать, чтобы я дерзнул в чем-либо обмануть всемилостивейшего моего государя, когда вся моя жизнь, могу смело сказать, и все мои действия доказы-

вают неусыпное старание к отвращению зла и строгому соблюдению казенных выгод? Совесть моя ни по сему, ни по какому другому делу службы меня не упрекает, и душа моя покойна».

Адмирал Грейг радовался и гордился успехами своих действий и, конечно, не мог думать, чтобы они впоследствии навлекли на него самую гнусную и злобную клевету.

В конце письма Грейг сослался на личный рескрипт государя еще от 11 ноября 1826 года, которым он снял с адмирала все обвинения, а донос Яцына посчитал «приистекающим от ябедничества». Адмирал также назвал истинного инициатора этого нового дела – товарища генерал-аудитора, попытавшегося через десять лет пересмотреть решенный вопрос.

14 января 1838 года адмирал Грейг получил записку от военного министра с приглашением зайти в канцелярию Военного министерства. Когда Грейг пришел, генерал Чернышев объявил ему, что император повелел прекратить новое дело и что Николай I недоволен действиями генерал-аудитора.

Так закончилось дело Яцына–Грейга длиной в десять лет.

Севастопольский чумной бунт

Недавно исполнилось 175 лет со времени Севастопольского «чумного бунта». В соответствии с кампанией борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед границей» (1947-1960), виновником бунта и кровавой расправы над бунтовщиками называли не истинного виновника – графа М.С. Воронцова, а адмирала А.С. Грейга, который удачно подходил под концепцию «борьбы с космополитизмом», будучи шотландцем.

Автор, работая в архивах (ЦГА ВМФ СССР, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), обнаружил ряд документов, опровергающих установившуюся советскую оценку этих событий. Эти объективные материалы были изложены в статье

«Кораблестроитель», НКИ, №24, 20.06.86 и в книге «История Николаева от основания до наших дней», 1996 г. Но вот в недавно вышедшей книге «Исторія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства» в лучших советских традициях снова очерняется А.С. Грейг и безосновательно называется виновником бунта и его подавления. Думаю, в связи с этим читателям будет небезынтересно узнать о подлинных событиях, изложенных на основе объективных историографических и архивных материалов.

Русско-турецкая война 1828–1829 годов проходила при тесном взаимодействии армии и Черноморского флота, которым командовал адмирал А.С. Грейг. Впервые в истории русского флота эскадры и отдельные суда действовали в зимнее время, в очень суровых условиях: на Черном море с сентября начинаются штормовые погоды с густыми снежными зарядами и сильными зимними морозами. К этим тяжелым условиям добавилась чума, вспыхнувшая в турецких войсках и с пленными перешедшая в русскую армию.

Чтобы преградить распространение чумы во флоте, а с ним и в Крыму, Грейг ввел эффективные карантинные меры как в районе боевых действий, так и в Севастополе, куда приходили суда с ранеными, больными и пленными. Люди и суда проходили через специальный режим выдержки и обработки в бухте, которая называлась «Карантинной», и только потом получали право на въезд в Севастополь.

Однако, несмотря на принятые меры, все же в 1830 году, после окончания войны, отдельные вспышки болезни появились в Севастополе. Грейг, чтобы ограничить распространение болезни, ввел карантинный кордон также в Южной бухте, где в основном базировался флот.

Узнав о появлении чумы в Севастополе, генерал-губернатор Новороссийского края граф М.С. Воронцов (кстати, друг и боевой соратник Грейга по осаде и штурму Варны) распорядился ввести жесткие карантинные меры по всей территории Севастополя и Крыма. Грейг, как военный губернатор Севастополя, счел эти меры из-

Севастопольский «Чумной бунт». С совр. рисунка

лишними, так как вспышки болезни в Севастополе были эпизодическими. Но гражданские власти, подчинившиеся Воронцову, исполнили его приказ, введя с 10 марта 1830 года «всеобщее оцепление» города, включая и Корабельную слободку, где, по свидетельству Грейга, вообще не было заболеваний.

Введение жестких карантинных мер привело к ограничению перемещений жителей, конфискации и сжиганию продуктов питания и товаров. Семьи рядовых матросов и унтер-офицеров, живших в Корабельной слободке, у которых значительным подспорьем были личные сады и огороды и «мелочная» торговля, лишились средств к существованию, начали голодать. Пользуясь неограниченными правами, гражданские власти, полиция и медицинские чиновники занялись злоупотреблениями.

Не выдержав тяжелых условий необоснованно жесткого карантина, жители обратились к городским властям с требованием отменить его. Но городские власти отказались. И тогда вспыхнул бунт. В ярости матросы и жители города убили севавтопольского губернатора генерала

Н.А.Столыпина и ряд других лиц, разгромили и разграбили множество домов чиновников и флотских офицеров. Несколько дней (с 3 по 7 июня) город находился в руках «бунтовщиков».

Узнав о «бунте», Грейг прибыл из Николаева в Севастополь и обратился к его участникам с призывом прекратить бессмысленные убийства и вернуться к нормальной жизни. Адмирал Грейг, будучи противником жестоких мер, но в силу существовавших законов обязанный пресечь бунт, потребовал выдачи его зачинщиков, а остальным обещал полное прощение. Бунт, вспыхнувший стихийно и не имевший политической цели, затих.

Чтобы разобраться в причинах бунта, Грейг создал под своим председательством комиссию, которая рассмотрела жалобы и свидетельские показания жителей и моряков. Комиссия выяснила, что поводом к бунту послужили необоснованно жесткие карантинные меры и злоупотребления чиновников. Медицинские, полицейские и гражданские чиновники, прикрываясь особыми полномочиями, врываются в дома жителей, грабят их, и даже доходило до убийства.

На основе показаний пострадавших Грейг подготовил обстоятельный доклад Новороссийскому генерал-губернатору Воронцову. Это был один из редких случаев в истории царской России, когда высокий государственный деятель (адмирал, военный губернатор Николаева и Севастополя, Главный командир Черноморского флота) выступил, по существу, в поддержку «бунтовщиков» против царских властей.

Однако комиссия, собравшая множество показаний и обвинившая гражданские власти в должностных и уголовных преступлениях, не завершила своей работы. Прибывший вскоре в Севастополь Воронцов, чиновники которого, совершая преступления, довели народ до восстания, не допустил, чтобы его люди были виновными. Он распустил комиссию Грейга, его отстранил от расследования обстоятельств бунта и конфисковал материалы показаний. Грейг

пожаловался Николаю I на незаконность действий Воронцова, но, разумеется, не получил поддержки у царя, а, наоборот, вызвал его гнев.

Граф Воронцов расценил это как неслыханную дерзость. Сохранилось любопытное свидетельство чиновника для особых поручений А.Я. Фабра. Воронцов написал письмо Николаю I с обвинениями Грейга в нарушении карантинного режима, прося предать адмирала суду. Вызвав Фабра в кабинет, граф вручил ему письмо со словами:

– Прочтите и немедленно отправьте с курьером.

Фабр прочел письмо и разорвал его в клочья. Граф, пораженный такой дерзостью подчиненного, спросил его:

– Как вы смели решиться так поступить?

Но мудрый Фабр спокойно ответил Воронцову:

– Эта жалоба противу человека, которого ваше сиятельство так уважает, недостойна великой души вашей.

– Благодарю вас, я погорячился, – сказал граф и велел выбросить обрывки письма в корзину.

Отстраненный от дальнейшего расследования и оклеветанный, Грейг «сказался больным» и ушел на яхте в Николаев.

С приездом Воронцова началась расправа не только с участниками бунта, но и с Грейгом, который позволил себе поддерживать «бунтовщиков». Защищая царских чиновников, граф Воронцов пошел даже на подлость по отношению к другу: через своих лиц он подкупил одного из крымских чиновников, который написал донос на Грейга, указав в нем, что адмирал якобы фальсифицировал показания «бунтовщиков». А чиновники Воронцова, поддержанные штывами введенных войск, начали «вершить суд». К следствию было привлечено около 6 тысяч человек. Расправа была жестокой: семеро мастеровых и мещан были расстреляны, многих присудили к каторге и другим наказаниям.

Николай I, узнав о бунте, написал на докладе собственноручную резолюцию «Дело наигнуснейшее, и которое примерно накажется». После этого он же собственноручно начертал «примерные наказания»: сыновей (старше 5 лет) всех лиц, участвовавших в бунте, сдать в военные поселе-

ния, всех отставных нижних чинов с семьями и «всех баб и вдов, живущих по слободам», выслать из Севастополя, а «слободы выжечь до основания», адмиралу Грейгу всех женатых матросов выслать в Херсон, семьи их выслать из Севастополя, а «слободы сжечь до основания». Репрессиям подверглось также большое число морских офицеров-греков, которые были переведены на Балтику

Адмирал Грейг пытался смягчить участь хотя бы 1065 семейных матросов, подав 24 июня 1830 года рапорт царю «о встреченных затруднениях к переводу их в Херсон». Но реакция царя была еще более крутой: он повелел разлучить их с женами, детей сдать в военные поселения, а матросов отправить, «не останавливаясь», по этапу в Архангельск.

«Чумной бунт» и попытка Грейга вскрыть истинные его причины резко обострили его отношения с царем. Началась организованная травля адмирала царскими клеветами. На основании доносов Николай присылал в Севастополь и Николаев одного за другим своих флигель- и генерал-адъютантов, которые пытались «раскрыть» мнимые «преступления» Грейга. Однако, не найдя никаких существенных упущений в управлении Черноморским флотом, Николай все же не простил Грейгу его позицию при расследовании «чумного бунта»: в 1833 году Грейг был освобожден от должности Главного командира и назначен в Государственный совет.

Граф Воронцов после переезда Грейга в Петербург, увидев, что его клевета не смогла опорочить Грейга как командующего флотом, предпринял шаги к примирению со своим другом. В архиве Грейга сохранилось письмо Воронцова, в котором он просит простить его за сотворенную в Севастополе подлость, и что ради этого он готов стать перед Грейгом на колени. Но Грейг не простил Воронцову ничего и сохранил для истории папку с документами, раскрывающими преступления царских чиновников в Севастополе.

К сожалению, на протяжении многих лет в исторических книгах и статьях Грейга представляли как главного «палача, потопившего в крови Севастопольское восстание». Но

подлинная история этого бунта, основанная на документах и воспоминаниях очевидцев, говорит о совершенно противоположном: о моральной поддержке Грейгом восставших и о попытке юридического оправдания подавляющего большинства «бунтовщиков». Заметим, что в двух книгах о Севастополе, вышедших к 200-летию города, авторы, следуя истине, не упоминают Грейга как представителя администрации, который выступил с репрессиями, а называют настоящего душителя восстания – новороссийского жандарма графа Воронцова, получившего впоследствии за преданную службу царскому правительству княжеский титул.

Кстати, вернувшись в Николаев из Севастополя, А.С. Грейг принял образцовые меры по предотвращению чумы в городе. Благодаря этим мерам, когда весь причерноморский юг был охвачен этой заразой, в Николаеве не возникло ни одного заболевания.

Изгнание евреев из Николаева и Севастополя

После основания верфи и города (1789–1790 гг.) Николаев стал заселяться, в основном, крепостными из России, Белоруссии и Украины. Селились также и иностранцы, приглашенные Екатериной II осваивать новые земли. Преобладающим населением в городе были русские, что связано со спецификой Николаева – центра Черноморского флота и судостроения, куда переводились офицеры, матросы и мастеровые с Балтики. На втором месте вначале были греки, бежавшие в Россию от турецкого ига. Но с приходом к власти Павла I Николаев был закрыт для захода иностранных судов и проживания в нем иностранцев, кроме тех, кто принял русское подданство или служил в Морском ведомстве по контрактам. Поэтому греки, державшие в городе местную и заморскую торговлю, уехали в Одессу, а их место заняли евреи, русские подданные. В связи с этим второе место в городе по численности вскоре

заняли евреи, что также было обусловлено и исторически: еще в 1778 г. Новороссийский губернатор Муромцев разрешал переселяться на земли нынешней Николаевщины евреям из бывшей Польши, но с условием, чтобы каждый иудей привел с собой пять христиан.

Право гражданства в Екатеринославском наместничестве и в Таврической области, а значит, и в Николаеве, было предоставлено евреям указом Екатерины II от 23 декабря 1791 г. При этом им было разрешено жить в любых городах и заниматься торговлей, ремесленничеством и предпринимательством, но запрещалось служить в государственных учреждениях, армии и флоте.

Еврейские купцы, местные и пришлые, занимались в Николаеве не только торговлей, но в значительной степени охватили поставки флоту и подрядное судостроение. Привлечение их к этой деятельности началось еще при маркизе И.И. де Траверсе и особенно развилось при адмирале А.С. Грейге. Когда при Грейге началось бурное развитие флота, судостроения и города, то евреи из разных окрестных мест и из других губерний переселились в город, заняв почти всю сферу торговли в городе и поставки флоту. Евреи, в основном, селились на Черниговской улице (совр. – Карла Либкнехта), здесь были построены синагоги и открыты молитвенные дома и хедеры. При открытии первой синагоги присутствовал сам адмирал А.С. Грейг.

Черноморский флот был лакомым куском: ежегодно через него проходило от 8 до 12 миллионов рублей, поэтому еврейские купцы охотно занимались поставками флоту. С 1813 по 1830 гг. из 52 поставщиков флота 30 были евреями, т.е. 58 процентов. Небезынтересно назвать их фамилии: Абрам Перетц, Фавель Исаков, Самуил Бертензон, Маркус Варшавский, Михель Серебряный, Файбиш Бланк, Анна Бригерова, Соломон Бригер, Шлема Добровенский, Шифрин, Моисей Дубенский, Нусин Перетц, Лейба Зельцер, Шавель Рабинович, Михель Шлеман, Шлема Рафалович, Халанай, Ауслендер, Натанзон, Берко Барановский, Лейба Айзеншток, Пейсих Бегун, Фельзер, Штулькарц, Ро-

венский, Нахман Берков, Гальпер, Ицка Финкельштейн и др. (Может быть, их потомки еще живут в Николаеве?)

Можно только представить себе, как перекашивалось злобой лицо главного бухгалтера Черноморского флота Яцына, яркого антисемита, когда он подписывал эти «жидовские контракты». Но, что бы ни думал Яцын, а еврейские купцы и подрядчики-судостроители помогали строить Черноморский флот и снабжать его всем необходимым. Среди судостроителей-подрядчиков следует назвать таких крупных, как Абрам Перетц, Маркус Варшавский, Михель Серебряный и семья Рафаловичей – отец Шлема Рафалович, мать Ревекка и сын Александр. Сообща эта группа построила 25 процентов судов Черноморского парусного флота!

Преимущественное положение евреев, особенно при адмирале Грейге, вызывало недовольство, жалобы и доносы о «еврейском засилье». Последним таким крупным «делом» стали торги на подряд постройки 4 кораблей и 4 фрегатов, о которых подробно рассказано выше. Торги выиграли черниговский помещик действительный статский советник А.А. Перовский, М. Серебряный и М. Варшавский. Но бухгалтер Яцын написал донос на Грейга, будто весь подряд отдан евреям из-за «непатриотичности адмирала» и его потакания «сожительнице из евреев». С большим трудом Грейгу удалось убедить Николая I в несправедливости доноса, и царь велел разделить весь подряд (8 миллионов) между Перовским и Серебряным.

Очевидно, этот скандал привел к резкой реакции Николая I. Указом от 20 ноября 1829 г. евреи были выселены из Николаева. Основание для их выселения было составлено весьма деликатно:

«Находя неудобным и вредным пребывание неслужащих евреев в гг. Севастополе и Николаеве, повелеваем на счет поселившихся в сих городах евреев постановить следующие меры». Далее шел перечень этих мер, которые не были столь «драконовскими», как о них принято говорить. Давался двухгодичный срок для распродажи имущества, а тем, кто был связан с казной поставками и судостроением,

разрешалось проживать с семьями и слугами до окончания обязательств.

Адмирал Грейг ходатайствовал о продлении срока пребывания евреев в Николаеве. Последовало несколько указов о льготах – 20.12.1830, 5.07.32, 10.12.37. В 1837 г. Грейг, находясь уже в Петербурге, снова ходатайствовал о продлении срока пребывания евреев-купцов в Николаеве, но министр внутренних дел Баум ответил ему, что все евреи уже выселены из Николаева. Кстати, этому выселению охотно способствовал новый военный губернатор М.П. Лазарев.

«Исход» евреев из Николаева неблагоприятно повлиял не только на поставки флоту, но и на жизнь в городе: началась дороговизна, возникли трудности со снабжением; купцы-христиане, для которых все это было сделано, сговорились («стакнулись») и стали взвинчивать цены, торговля упала. Чтобы привлечь купцов-христиан в город были дарованы льготы указами от 17.02.31 и 7.01.38 гг. Но это не помогло, и правительство было вынуждено разрешить вернуться евреям в Николаев вначале купцам (указом от 29.06.1859 г.), а затем, и ремесленникам (указ от 4.06.1661 г.). Замечу при этом, что, несмотря на выселение евреев, Рафаловичи жили в Николаеве со всеми слугами до начала Крымской войны, так как строили с подряда суда на Спасской верфи.

«Грековщина – грейговщина»

Греки появились на юге России в Северном Причерноморье и на флоте еще задолго до того, как евреи «освоили» эти прибыльные места. За много веков до присоединения Крыма к России греки уже жили там, занимаясь торговлей и морским промыслом. Затем настала «вторая волна» заселения Крыма и вообще Юга, после того, как эти места были присоединены к России и начался «исход» греков из всех тех мест, которые находились под властью Турции.

Из документов князя Г.А. Потемкина известно, что он

охотно принимал греков-моряков в Черноморский флот и на гражданскую службу. Даже на свой флагманский корабль князь распорядился набрать в команду греков. Когда греки стали «завоевывать» суда, флот и торговлю в главных городах Причерноморья – Николаеве, Херсоне и Севастополе – Потемкину стали жаловаться на то, что большинство греков-офицеров не имеют образования, не знают навигации и русских кораблей. На это князь ответил, что «практика нужней теории в малом море, каково наше». Примерно то же ответил Потемкин и при недовольстве морских офицеров, когда он назначал греков командирами судов Лиманской флотилии, – «Лиман не море, лишь бы дрались храбро», и еще: «На Лимане решительность, храбрость и ревность к службе нужнее компаса и астрономии» [Е108, с.39].

К моменту прихода к власти А.С. Грейга греки уже прочно обосновались в Черноморском флоте, а их семьи «освоили» все Причерноморье и города Херсон, Николаев, Одессу и Севастополь.

В записках безымянного автора из Севастополя, не служившего при Грейге и знавшего о его деятельности только из рассказов «стариков», можно прочесть:

«Разные печальные обстоятельства, злоупотребления по казенным подрядам, наводнение флота греками до того, что греческий язык в кают-компани вытеснил русский, и еще кое-какие вещи, пока еще остающиеся под завесой – заставили Грейга подать в отставку. Попросту сказать, он пал... Лазарев начал с уничтожения во флоте грековщины-грейговщины, как тогда выражались» [246, с.1581-1582].

Но так ли уж много было греков на флоте? Вытеснил ли греческий язык в кают-компани русский, как об этом пишет «севастополец»?

Во имя истины я подсчитал, сколько было греков среди командиров судов Черноморского флота в 1829–1830 годах. Оказалось, что на 44 судах, числившихся в списках Черноморского флота, греков было всего 5 человек, других иностранцев – 4, украинцев – 12, остальные – русские.

Так что говорить о засилье греков на флоте при адмирале Грейге – явная ложь. Не так уж много было греков и при Черноморском адмиралтействе, их можно пересчитать по пальцам: обер-интендант Критский, гидрографы Кумани и братья Манганари, братья Аркасы – это наиболее известные фамилии. Так что заявление о том, что «в кают-компаниях чаще услышишь греческую речь, чем русскую», – это на совести клеветников.

Михаил Петрович Лазарев начал свою преобразовательную деятельность с того, что стал уничтожать многое из сделанного Грейгом, стремясь вытравить даже память о нем и создавать «свою команду», пригласив на Черноморский флот бывших сослуживцев – своих подчиненных: Нахимова, Истомина, Хрущева, Матюшкина и других. Началось очернение всех грейговских дел, гонение на его соратников, особенно греков, служивших на флоте, уничтожение, как говорили сторонники Лазарева, «грейговщины-грековщины».

Полагая, что все беды на Черноморском флоте происходят из-за греков, Лазарев обрушился на них с яростью махрового шовиниста. Я уже писал, что греки на Юге появились еще во времена Екатерины II; это были беглецы с островов Архипелага, не вынесшие гнета турецкого владычества. Они истово служили России, многие из них были прекрасными моряками, отважно воевали, но стремление к торговле и коммерции, вообще живущее в крови у каждого грека, вызывало часто озабоченность морского начальства, а иногда приводило к стычкам между русскими и греками. Грейг умело гасил эти стычки и, ценя ревность к службе греков-моряков, не притеснял их, а, наоборот, способствовал их карьере.

Лазарев же считал, что греки разворовывают флот, в чем с ним был солидарен и император. Первый удар по грекам был нанесен еще до перевода Михаила Петровича на Черноморский флот – после севастопольского чумного бунта. Главный шовинист России Николай I посчитал, что в чумном бунте повинны греки, и повелел перевести их с

семьями на Балтику, но Грейгу удалось отстоять многих греков-моряков.

Лазарев же продолжил начатый царем разгром греков. Он неоднократно и устно и письменно просил Николая I решить окончательно судьбу греков.

Морской врач Н. Закревский, служивший на кораблях при Грейге и Лазареве, оставил много образных картин жизни Севастополя, Николаева и флота в своих объемистых мемуарах. Он отмечал, что греки «разворовывают флот» и между русским и греческим населением этих городов существовала вражда, доходившая до того, что потребовалось вмешательство адмирала А.С. Грейга [242, с.179-184]. В следующей статье о Севастополе (1931 г.) [Е12] он снова пишет о греках и их «вредности на флоте» (с.63-67), борьбе русских с греками (с.72) и приводит письмо унтер-офицера о греках (с.85), а затем касается разгрома «греческого элемента» Лазаревым (с.70, 84).

Адмирал Лазарев, невзлюбивший греков, повел жестокую борьбу с ними, стараясь выжить их из Черноморского флота. В «партикулярном» письме князю А.С. Меншикову он откровенно писал (8 декабря 1836 г.): «О... балаклавских греках при случившемся разговоре с государем в Чембире я докладывал, что они имеют большие связи и родство с служащими греками во флоте и как вообще они склонны к интересу и воровству, то смежность их с Севастополем очень вредна по беспрестанным между собой сношениям, а потому я просил е.в., не благоугодно ли будет приказать дать другие места около Кубани или где е.в. заблагорассудится, а места, принадлежащие балаклавцам, как тоже дарованные, отдать под германские колонии или отставным матросам... Ныне же, как греки занимаются одним только дурным виноделием и контрабандной торговлей, то Севастополь ни малейшей пользы от них не имеет... В.с-ть сделаете величайшее благодеяние, если примете в сем участие и обратите полугреческий Крым в страну русскую» [208, с.331-332].

Адмирал И.А. Шестаков, смолоду служивший под нача-

лом Лазарева, сын адмиральского друга А.А. Шестакова, в своих «Записках» со свойственной ему прямоотой написал: «Наряду с усилиями по возрождению флота, вместе с приглашениями прежних сослуживцев прийти помочь ему в многотрудном деле Лазарев начал преследовать греческий элемент с тем большей ревностью, что нестрогие принципы местного греческого общества возмущали его как человека» [208, с.492].

В сетях доносов и клеветы

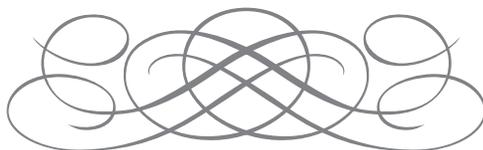
Как видим, в конце жизни в Николаеве (1832–1833 гг.) адмирал Грейг, несмотря на свою честность и личные заслуги, был оплетен сетью интриг, клеветы и доносов. Закулисная борьба начальника штаба Черноморского флота генерал-адъютанта М.П. Лазарева, пытавшегося «столкнуть» с поста Главного командира Грейга, недружелюбное, даже враждебное, отношение к адмиралу его непосредственного начальника князя А.С. Меншикова и испорченные отношения с генерал-губернатором Новороссийского края графом М.С. Воронцовым – вот лишь вершина айсберга, который окружил холодом жизнь и деятельность Алексея Самуиловича.

Но продолжались и «подводные течения» – поток обвинительных «партикулярных» писем М.П. Лазарева князю Меншикову и графу М.Ф. Орлову, доносы подчиненных на неверные действия Грейга, доносы не в меру ретивых молодых флигель-адъютантов, желавших быстро продвигаться по службе. Но и А.С. Грейг иногда сам был виновен в этом. Его явная, открытая поддержка евреев и греков вызывала злобу у шовинистов и антисемитов. Смерть А.И. Казарского, размолвка с А.К. Каверзневым и В.И. Мелиховым – все это «подливало масла в огонь». В случае с инженер-капитаном Бурачковым, наказанным Грейгом за неповиновение и дерзость, адмирал оказался в положении начальника, превысившего власть, поскольку Бурачков юридически подчинялся великому князю – начальнику

военно-строительного департамента. За это Грейг получил замечание и от царя и от великого князя.

Более того, будучи уверенным в своей правоте, Грейг часто вступал в спор с Меншиковым, великим князем и даже с императором, что не только не нравилось им, но и раздражало. В конце его службы на Черном море поступил донос от флигель-адъютанта Римского-Корсакова, обвинявшего руководство Севастопольского порта в хищениях. Началась длительная тяжба уже изможденного постоянными доносами адмирала с правительством и Морским ведомством. Грейг сумел доказать беспочвенность обвинений, но, чтобы снять подозрение со своих подчиненных, потребовал немедленной ревизии. Николай I, веривший и доверявший Грейгу, остановил все дела, связанные с доносами, «до полной ревизии Севастопольского порта», прекратив тем самым травлю Грейга.

И мне представляется, что решение императора о переводе Грейга в Петербург и назначении членом Государственного совета (от флота) было верным: оно освободило адмирала от необходимости непрерывно оправдываться, испытывая унижение, сняло нервную нагрузку на Грейга, бывшего на грани стресса, и показало недругам и открытым врагам, что их попытки очернить и оклеветать Грейга – бесполезны, потому что в Государственный совет назначали только достойных и честных людей, каким и был Алексей Самуилович. Обо всех рассказанных в этой главе событиях более детально можно узнать из литературы и документов [5, 44, 101, 106, 109, 114, 139, 152, 157, 161, 163-165, 183, 187, 192, 194, 208, 242-244, 246, E11-E13, E15, E16, Ж48, Ж71, Ж73, Ж86-Ж88, Ж95].

Глава пятая

Адмирал, академик, гражданин

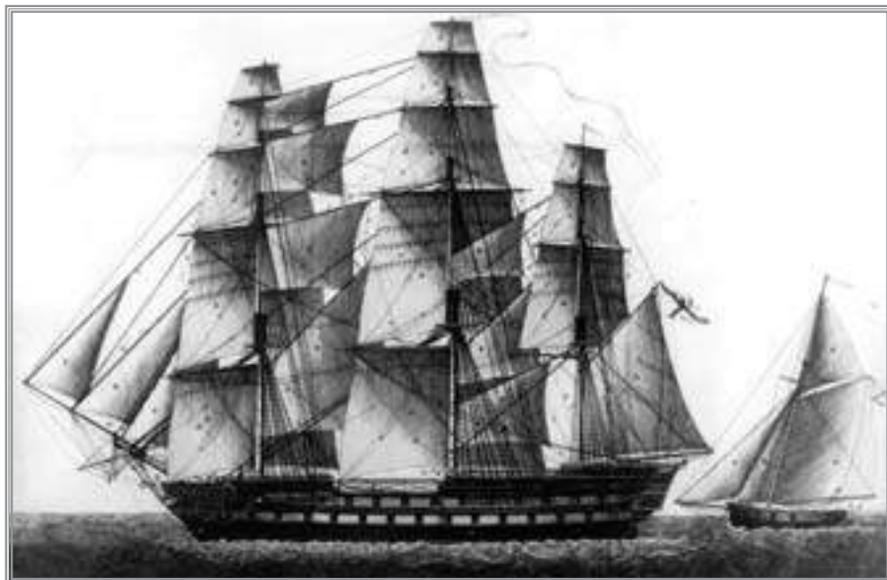
Во главе Черноморского флота

С первых же дней А.С. Грейг обратил особое внимание на совершенствование конструкций судов Черноморского флота и технологии их постройки. Он вдохнул новую жизнь в застой, охвативший Черноморский флот при его предшественниках, реорганизовал и развил кораблестроение, ввел механизацию многих технологических процессов, разработал новые, улучшенные проекты кораблей, использовал в производстве паровые машины и каменный уголь, впервые создал на Черном море паровые суда, улучшил артиллерию, ввел новые типы парусных судов, широко применял научные методы при проектировании кораблей, реорганизовал администрацию Черноморского адмиралтейского департамента, улучшил его организацию, смело внедрял различные экономические методы, основанные на точном расчете, развивал гидрографию, связь и т.д.

А.С. Грейг построил первый в России военный пароход, вооруженный 14 орудиями, лично спроектировал первый на Черном море 120-пушечный корабль «Варшава» и мощные канонерские лодки типа «Дерзкая», руководил проектированием первых в России 60-пушечных фрегатов типа «Тенедос» и других. Грейгом было построено новое Спасское адмиралтейство в Николаеве, адмиралтейство в устье Дуная, начато сооружение севастопольских доков и т.п. При нем в Николаеве суда строились сразу на 11-ти стапелях – наибольшее число построечных мест за всю эпоху парусного флота в городе.

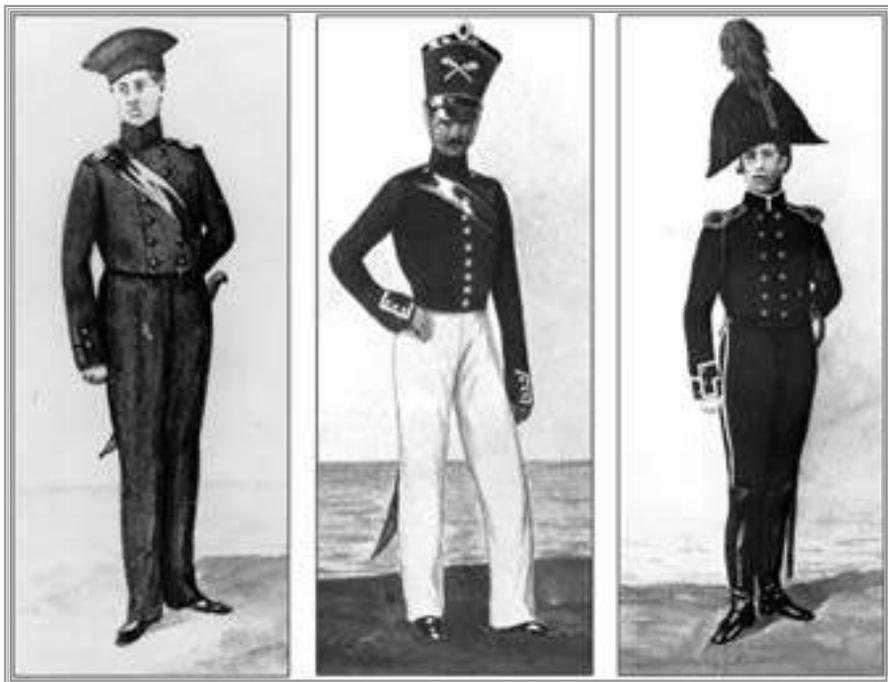
В области кораблестроения А.С. Грейг применял научные методы: он разработал и широко использовал на практике

Корабль, идуций в полветра, и тендер

Фрегат «Сизополь» у Румелийских берегов

Форма моряков и судостроителей при А.С. Грейге.

Публикуется впервые.

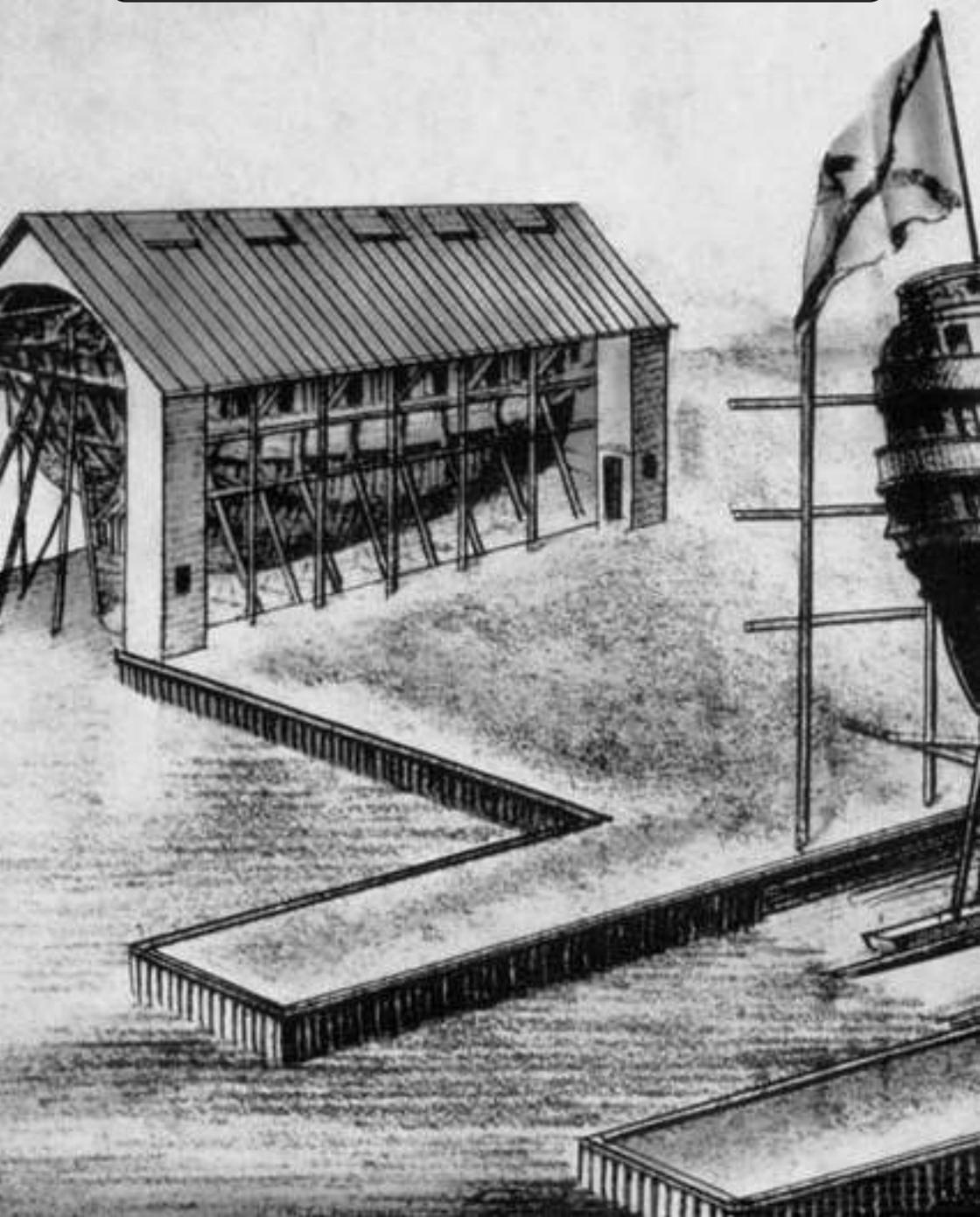
*1 – ластовый матрос при флотской роте, 1812 г., 2 – рядовой
военно-рабочих рот Морской строительной части, 1833-х г.,
3 – обер-офицер морского полка, 1812 г.*

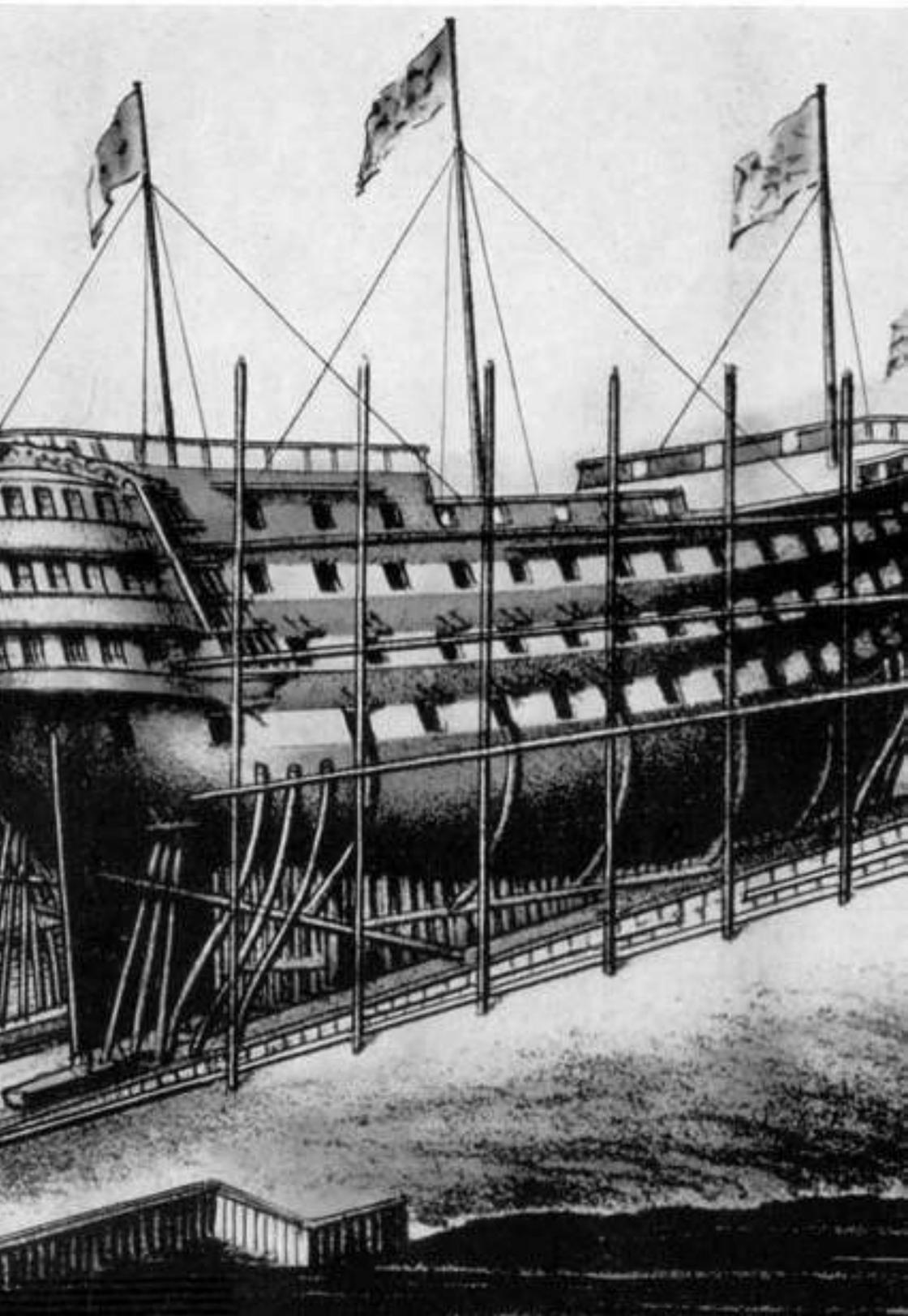
математический («параболический») метод проектирования судов, по которому на Черном море было построено 54 судна разных классов. Эта работа получила высокую оценку Академии наук.

А.С. Грейг улучшил морскую систему сигнализации и связи, разработал новый сигнальный аппарат для ночной связи, изобрел новый оптический телеграф и установил первую на Юге телеграфную линию Николаев–Херсон–Севастополь; Николаев–Очаков–Одесса–Измаил.

Под руководством Грейга энергично развивалась практическая гидрография на Черном море, устанавливались маяки и навигационные знаки, углублялись фарватеры с по-

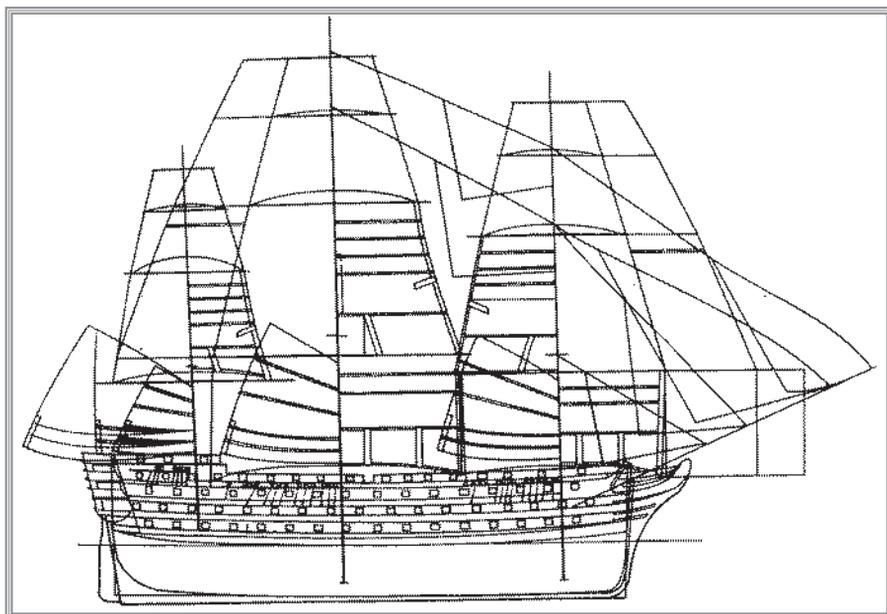
*Спуск 120-пушечного корабля в Адмиралтействе.
С лит. А.С. Прохорова*

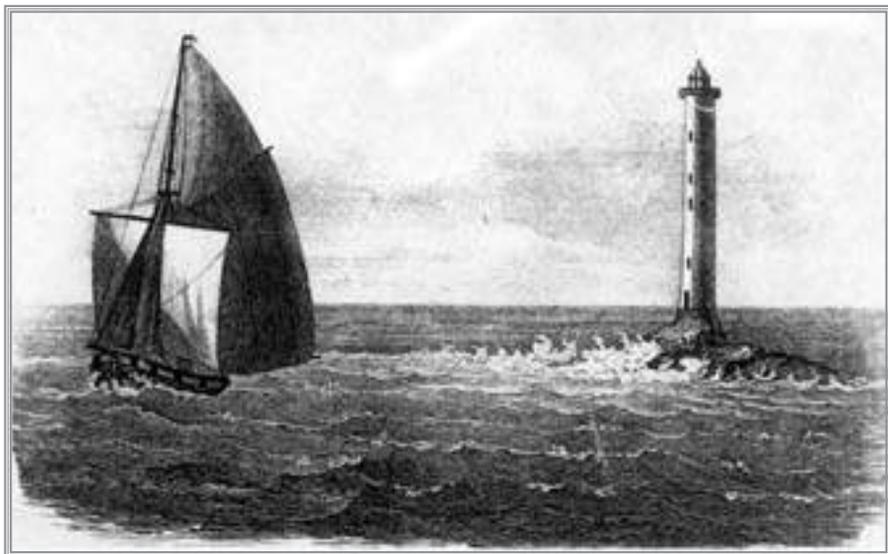

Фрегат, идущий полным ветром, и корвет

Общий вид 120-пушечного корабля «Варшава». (С чертежа)

Тендер, идущий попутным ветром

мощью паровой землечерпалки, создавались первые описи берегов, карты и атласы.

Значителен вклад Грейга также и в экономику судостроения: основывая хозяйственную деятельность Черноморского флота на строгих экономических расчетах, он сумел сэкономить стране миллионы рублей.

Грейг также усовершенствовал административную систему Черноморского адмиралтейского департамента; будучи инициатором научного подхода к руководству, он реорганизовал структуру и управление флотом, впервые в России создал штаб, упростил делопроизводство и т.п.

Большое внимание А.С. Грейг уделял воспитанию моряков и специалистов, особенно молодежи: он лично экзаменовал выпускников николаевских морских училищ, активно содействовал созданию в Севастополе морской библиотеки, а в Николаеве – библиотеки при Депо карт, организовал в Николаеве офицерские курсы (прообраз Военно-морской Академии) и т.п.

Именно в николаевский период раскрылись в полной

мере научный дар А.С. Грейга, его высокие организаторские способности, умение командовать флотом, руководить людьми и самому быть образцом для подчиненных. Через 10 лет успешного управления А.С. Грейга Черноморский флот снова превратился в мощную боевую организацию. С 1817 по 1827 г. Грейг ежегодно лично командовал эскадрами, крейсируя с ними в Черном море.

Вместе с этим А.С. Грейг находил время и для научных занятий, увлекался астрономическими наблюдениями, физикой, математикой, занимался воспитанием моряков, совершал ежегодные плавания с эскадрой и т.п.

За успешное руководство Черноморским флотом в первый же год своего управления А.С. Грейг в 1818 г. награжден орденом Св. Александра Невского.

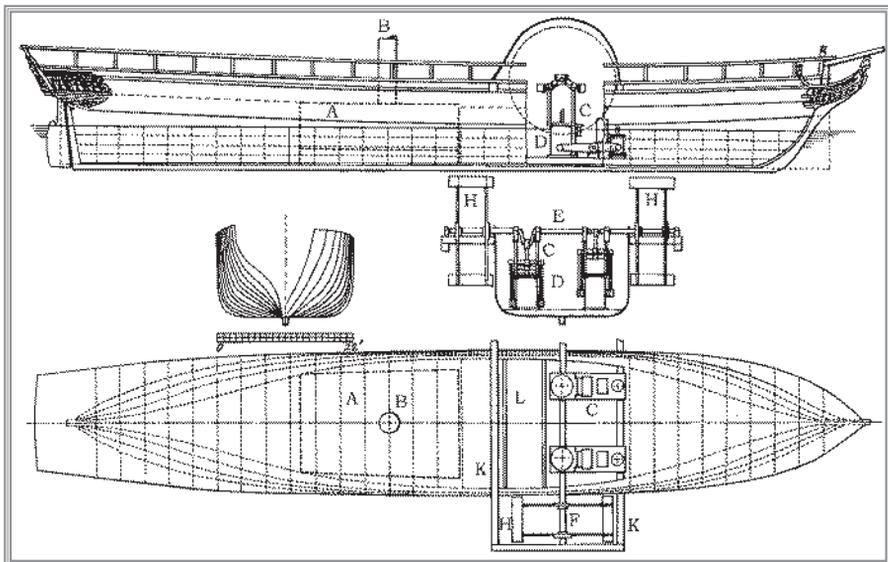
Уважение, которым в это время он пользовался среди сослуживцев, нашло отражение и в географических названиях, появившихся на карте мира. Мореплаватели М.Н. Станюкович и Ф.Ф. Беллингаузен, служившие на Черном море под командованием А.С. Грейга, назвали его именем открытые ими географические пункты: мыс Грейга в Бристольском заливе Берингова моря (открыт в 1818 г. М.Н. Станюковичем) и о-в Грейга в Тихом океане, архипелаг Россиян (открыт в 1820 г. Ф.Ф. Беллингаузеном).

Более подробно организаторская, инженерная и научная деятельность А.С. Грейга в области кораблестроения и управления флотом изложена в моей книге [44].

Инженер, ученый, академик

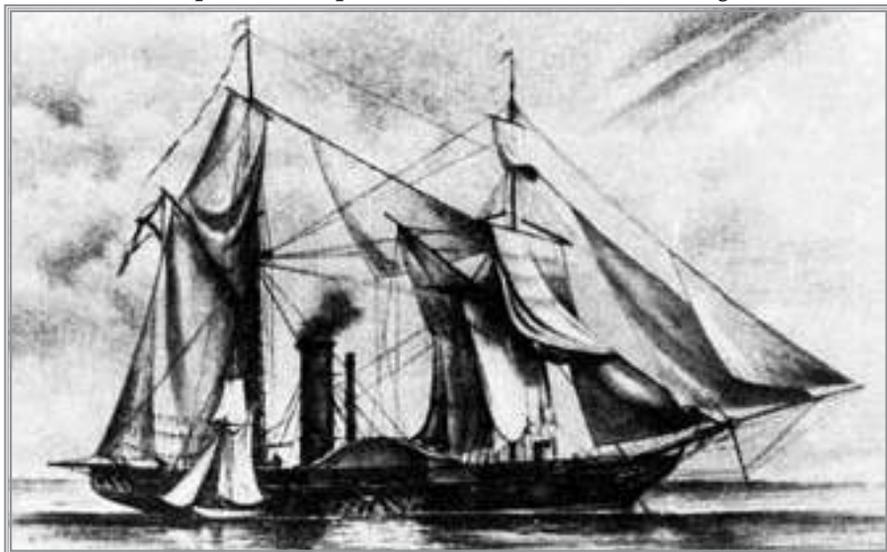
Нельзя не оценить невероятную работоспособность, могучую волю и настойчивость Грейга, позволившие ему в условиях феодально-крепостнической России начала XIX в. внести крупный вклад в различные области науки и техники.

Адмирал А.С. Грейг руководил созданием ряда астрономических обсерваторий в России, в том числе Морской обсерватории в Николаеве (1821–1827 гг.), был председателем

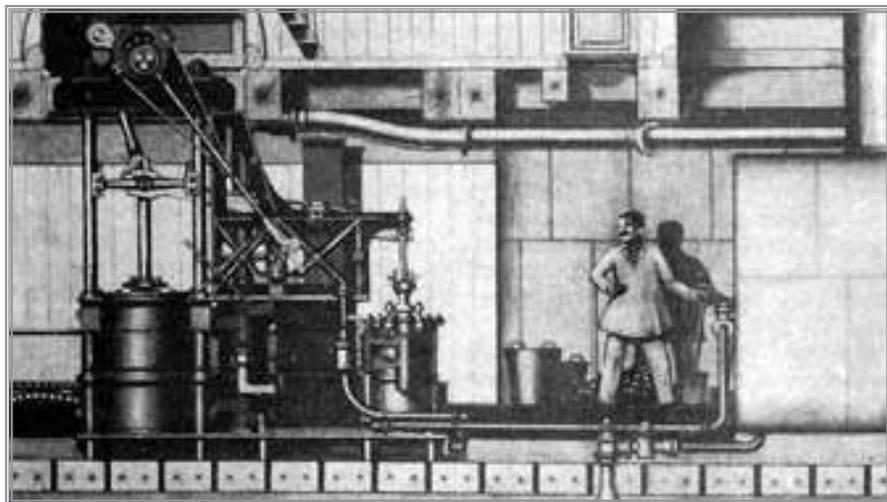

Устройство парохода.

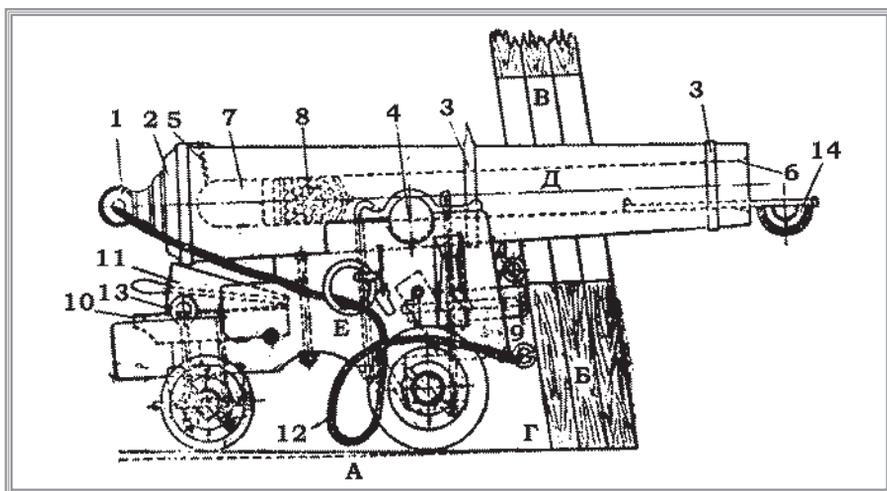
A – паровой котел; B – дымовая труба; C – паровая машина; D – паровые цилиндры; E – соединительные валы; F – валы гребных колес; G – балки, несущие паровую машину; K – поперечные брусья для крепления гребных колес; L – ящики для угля

Военный пароход «Грозный». С литографии Подуетова

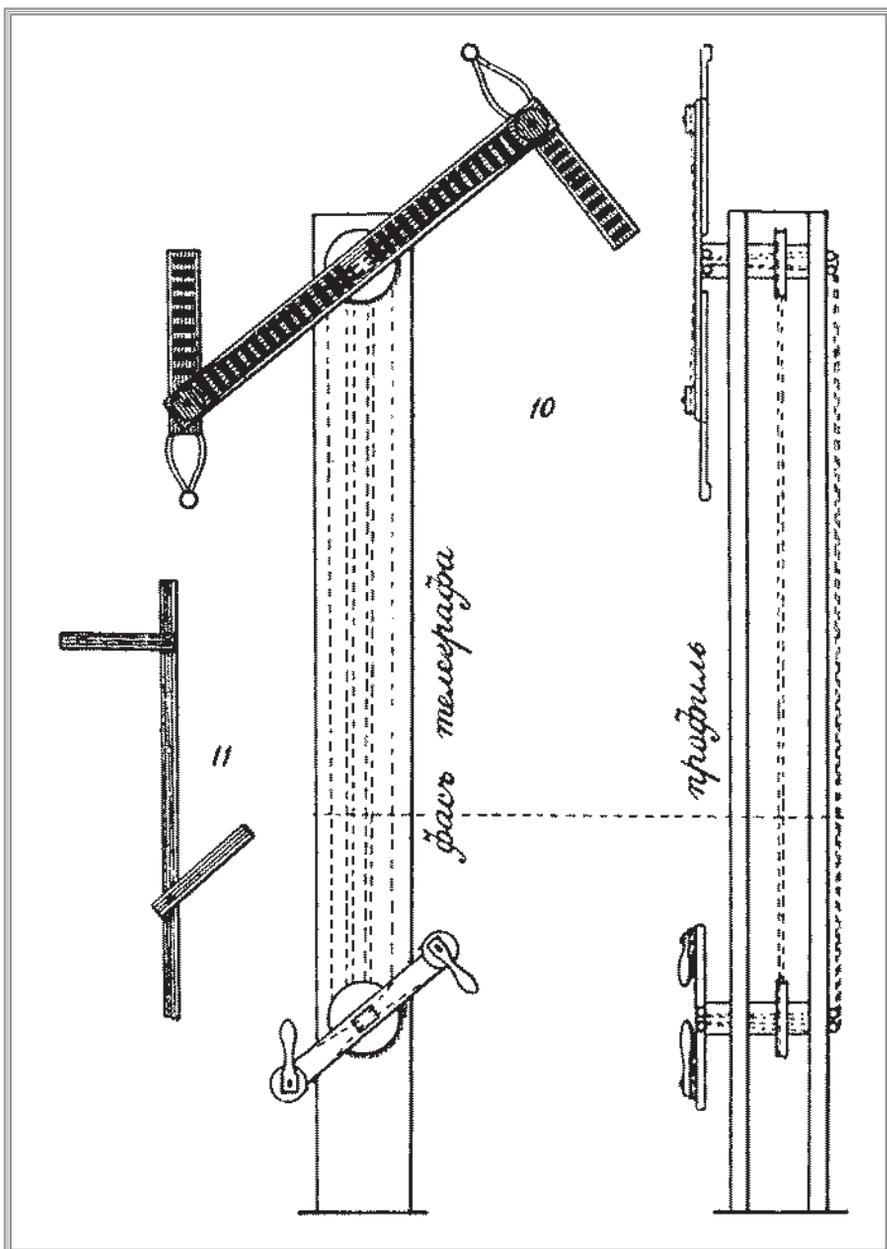
Машинно-котельное отделение парохода «Метеор» (прод. разрез)

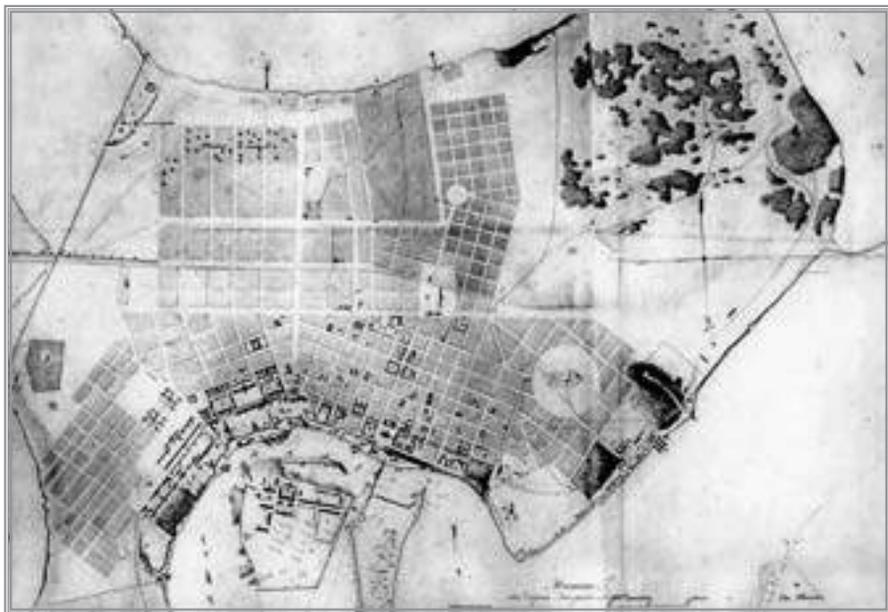
Корабельная 36-фунтовая пушка.

А – палуба; Б – борт; В – пушечный порт; Г – ватервейс; Д – пушка; Е – станок на колесах.

1 – винград с проушиной; 2 – торель; 3 – пояса; 4 – цапфы с заплечиком; 5 – запал; 6 – распал; 7 – заряд; 8 – картель; 9 – упор; 10 – скамейка под клин; 11, 12 – брюк, ограничивающий откат пушки; 13 – обухи для талей для наката системы; 14 – квадрант

Оптический (семафорный) телеграф для связи между судами

Генеральный план города Николаева, 1833 г., РГА ВМФ

Комитета по строительству Пулковской обсерватории, известен своими астрономическими наблюдениями, вошедшими в небесные атласы.

За свои заслуги в области астрономии, кораблестроения, гидрографии и экономики А.С. Грейг был удостоен высоких научных званий и наград. Помимо избрания почетным академиком, он был избран также почетным членом и вице-президентом Вольного экономического общества в Петербурге, членом Статистического общества в Англии, Астрономического общества в Копенгагене, Московского общества испытателей природы, Московского сельскохозяйственного общества и пр. Грейг был членом трех комитетов по улучшению русского флота, в одном из которых он был председателем («Комитет Грейга»). За работу по гидрографии А. Грейг был награжден золотой медалью Петербургской Академии наук.

По приезде в Николаев А.С. Грейг перестроил «адмираль-

ский дом», соорудив под чердаком купол обсерватории. В этой «домашней обсерватории» адмирал вместе с астрономом К. Кнорре и мичманом К. Далем вели наблюдения ночного неба, пользуясь прозрачностью летнего южного воздуха. Результаты этих наблюдений публиковались в астрономических ежегодниках [125].

В 1820 г. А.С. Грейг ставит вопрос о необходимости постройки в Николаеве Морской астрономической обсерватории, которая была создана и начала свою работу в 1827 г. В 1821 г. в награду за ревностную службу он был награжден бриллиантовыми знаками к ордену Св.Александра Невского. За научную работу в области астрономии и руководство созданием обсерватории в Николаеве в 1822 г. А.С. Грейг был избран почетным членом Петербургской Академии наук (единственный наш земляк, удостоившийся звания академика, живя в Николаеве).

В 1825 г. А.С. Грейг был назначен членом нового Комитета образования флота, в работе которого принимали участие известные в то время адмиралы.

Как уже упоминалось, Грейг совместно с Кнорре разработал математический («параболический») метод формирования обводов судов, основанный на весьма плодотворной идее знаменитого шведского кораблестроителя Ф.Чапмана [198, 200, 201, 232].

Грейг широко и с успехом использовал методы прикладной математики не только в вопросах кораблестроения, но и в экономике, разработав простые, основанные на статистике, формулы для оценки грузоподъемности судов, стоимости их постройки, количества экипажа, веса снаряжения и оснастки, якорей и т.п.

В 1830-1831 гг. Грейг был вызван в Санкт-Петербург и назначен руководителем Комитета по улучшению флота и кораблестроения. Почти в течение года этот комитет провел 53 заседания и разработал свыше 350 мероприятий по вопросам кораблестроения и организации флота. Во многих случаях в качестве образцов принимались конструкции и устройства, разработанные по

инициативе адмирала для Черноморского флота.

А.С. Грейг выписывал научную и техническую литературу из-за рубежа, внимательно следя за новостями науки и техники и внедряя все полезное для Черноморского флота. Так, он впервые в мире предложил на кораблях Черноморского флота применять громоотводы, что спасло от гибели не одно судно. Другая научная новинка – использование открытой Дэви электрохимической коррозии. Заметив, что на кораблях, обшитых медными листами, железные гвозди «съедаются медью», Грейг распорядился крепить листы только медными гвоздями, что повысило долговечность обшивки.

Мы не будем подробно рассматривать здесь научную и инженерную работу А.С. Грейга во многих областях, которыми он занимался, поскольку этому специально посвящена моя книга [44]. Упомянутые выше основные вехи его деятельности характеризуют Грейга как выдающегося инженера-кораблестроителя и крупного знатока прикладной астрономии и математики.

«Вписать гражданином города навечно»

Нынешним николаевцам адмирал Грейг мало известен даже как боевой моряк, ученый и кораблестроитель (политизированная пресса до последних лет запрещала публикации о нем); но еще меньше было известно о его деятельности как военного губернатора города.

Чем же вызвал любовь граждан и моряков-николаевцев Грейг-губернатор? Он, будучи широко образованным человеком с государственными взглядами, понимал, что город моряков и кораблестроителей обречен на прозябание в рамках его официального статуса «заштатного», если не будет развиваться внутренняя и внешняя торговля и не появится свое собственное сословие купцов и промышленников. Для этой цели Грейг испросил разрешение у императора Александра I на создание первого в городе кредитного банка с

Морской бульвар в Николаеве. С открытки

Богадельня и приют для детей на Адмиралтейской площади

использованием принадлежащих флоту 268810 рублей, которые хранились в одесском банке. В 1821 году это учреждение под названием Городового комитета стало выдавать крупные ссуды купцам, живущим или желающим осесть в Николаеве. В результате в Николаеве стали поселаться купцы и промышленники, основавшие местную и зарубежную торговлю (хлеб, скот и т.п.). Стало развиваться каботажное

и морское торговое судоходство. Для его улучшения и сокращения издержек по предложению городского головы Е. Кустова Грейг добился разрешения правительства на постройку первой купеческой пристани на Лимане (в конце 1-й Слободской улицы), положив начало морскому торговому порту.

Адмирал Грейг, невзирая на закрытость города, испросил разрешение на привлечение иностранного капитала. По его приглашению приехали в Николаев и обосновались в нем английские и итальянские промышленники. Например, Самаси открыл вначале кирпичный и черепичный заводы, а затем и фаянсовую фабрику, которые выпускали продукцию, не уступающую зарубежной. Л. Алиауди открыл фабрику по производству сукна и фланели, а затем и другие предприятия.

Грейг проявил большую заботу о снабжении города водой. При нем Спасский источник был оборудован специальным бассейном для сбора и раздачи воды водовозам. Однако, понимая, что это решение – лишь паллиатив, он обратился

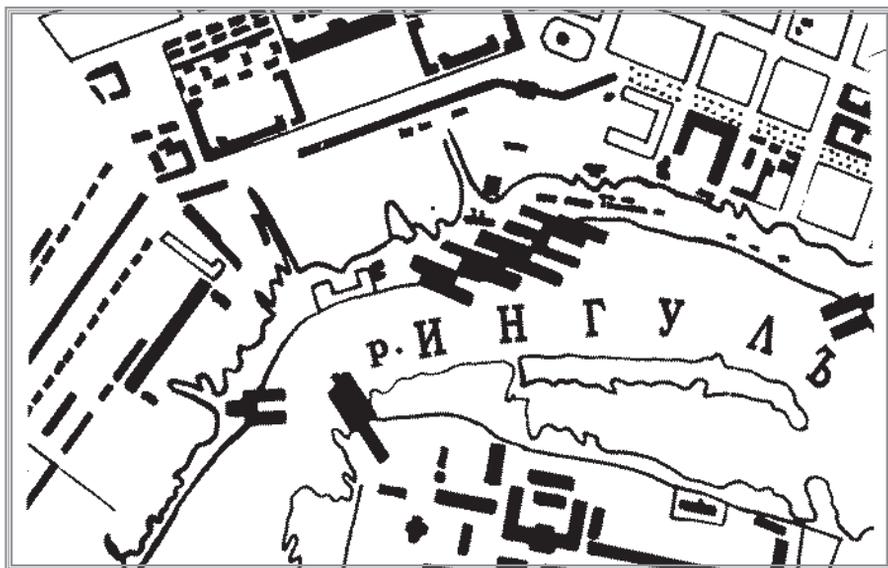

Вид на Штурманское училище. С открытки

к Александру I за разрешением на строительство Спасского самотечного водопровода. Это грандиозное инженерное сооружение осуществлялось инженерами Рокуром, Аюи, Шарпантье и другими на сэкономленные флотом средства в 1821-1823 гг. Первая очередь водопровода подавала свежую родниковую воду до современной улицы Наваринской, которой в честь этого вначале предлагалось дать название Фонтальная. Спасский водопровод – это особая тема, которая требует для своего освещения специального раздела.

Здесь же отмечу только, что с отъездом Грейга в Санкт-Петербург в 1833 году сменивший его Лазарев прекратил финансирование строительства водопровода, оставив город без качественной воды на многие десятилетия.

Заботясь о красоте города и его благоустройстве, адмирал Грейг привлек для проектирования и строительства морских и общественных зданий лучших архитекторов Николаевского адмиралтейства. Он впервые ввел должность городского архитектора и назначил на нее Л. Опацкого. Из

*Эллинги в Адмиралтействе при А.С. Грейге.
Фрагмент плана города 1833 г.*

построек, воздвигнутых по инициативе Грейга, сохранилась Морская астрономическая обсерватория на Спасском холме (архитектор Ф. Вунш, строитель Б. Фан-дер-Флис), Дом флагманов и командиров (современный Дом офицеров флота), училище для дочерей нижних чинов, архитектор Ч. Акройд (до революции в насмешку прозванное жителями «Рогатый институт» – из-за коротких шпилей, украшающих карниз здания), Морской острог (проект Ф. Вунша) и др. Флотские казармы, расположенные у главных ворот Адмиралтейства (в одной из них находится строительный колледж), также были спроектированы Ч. Акройдом и начато строительство при А.С. Грейге. По заданию Грейга архитектор Акройд разработал Генеральный план развития города с освоением земель на запад от Артиллерийской улицы.

Забываясь об образовании и воспитании молодежи, Грейг открыл уже упомянутое училище для дочерей нижних чинов, уездное училище для мальчиков. Он направил в Академию художеств в Петербург четверых юных моряков-николаевцев. Закончив академию за счет флота, двое из них вернулись в Николаев, а Д. Ефимов и Р. Кузьмин стали известными петербургскими архитекторами.

Для призрения и лечения больных и неимущих адмирал учредил богадельню и больницу (в здании богадельни сейчас располагается Исторический факультет Николаевского государственного гуманитарного университета. При нем построен дом на берегу Ингула для спасения утопающих, основаны «вольные» аптеки, перенесены скотопригонный рынок и бойни из пределов города на окраину, а также из центральной части переведен в Спасское урочище Воловий двор Морского ведомства. Для расширения торговли в конце Соборной улицы был основан огромный рынок («базар») с мясными лавками, которые сохранились еще в послевоенное время. Для обеспечения продовольствием жителей Дальней Слободки на Военной площади был открыт так называемый Военный рынок. На проценты, полученные с выданных ссуд, по его распоряжению на перешейке между Бутским лиманом и Ингулом была сооружена высокая ка-

*Строительство кораблей в Адмиралтействе при А.С. Грейге.
Диорама работы В.М. Семернева, научный консультант
Ю.С. Крючков*

менная стена, оградившая город от диких зверей, разбойников и заразных болезней. Благодаря этой стене Николаев избежал эпидемии чумы, разразившейся на Юге после русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

Во время правления Грейга открылось регулярное морское сообщение между Николаевом и Одессой, которое осуществлял пароход «Одесса», построенный в Николаеве.

А.С. Грейг проявлял заботу о благоустройстве города. Этим занимались Ф. Вунш и Б. Фан-дер-Флис. На месте бывшей свалки над Военной гаванью был разбит Морской бульвар, и сейчас украшающий город. Впервые началась прокладка тротуаров, освещение улиц и массовое озеленение. Тротуары и керосиновые фонари были сделаны на двух главных улицах – Адмиральской и Соборной. Специальным распоряжением адмирала поддерживались и обновлялись Лески. Самый высокий, Спасский холм, покрытый песками, заносившимися в ветреные дни в город, по повелению Грейга был озеленен. И хотя некоторые приближенные адмирала смотрели на такую деятельность Грейга с усмешкой, через

несколько лет эта местность стала молодым парком. А южнее, вдоль Лесковой дороги, по распоряжению Грейга, были насажены Ближние Лески из шелковицы, частично сохранившиеся и сегодня.

Краткость раздела не позволяет более широко осветить деятельность Грейга по развитию Николаева, но и уже сказанное объясняет, почему жители города с признательностью относились к адмиралу. В день отъезда Грейга из Николаева общественность города устроила в Думе в его честь прощальный обед, на котором была высоко оценена его деятельность как военного губернатора. Грейг подарил городу на память свой портрет, который хранился в городской Думе, и обратился с прощальным письмом, в котором были следующие теплые строки:

«Гражданам города Николаева.

День разлуки с вами, любезные граждане, преисполнил сердце мое чувствами невыразимой и веской признательности к тому беспримерному усердию, привязанности и любви вашей ко мне...

Так, любезные граждане! Я не нахожу слов к изъяснению вам вполне чувств искреннейшей моей благодарности, коею обязан я столь лестному расположению ко мне вашему...

Да пребудет над вами благословение Всевышнего и да ниспошлет он вам долголетие и благоденствие, чего душевно желает вам истинно преданный и почитающий вас.

Ваш, милостивые государи, покорный слуга

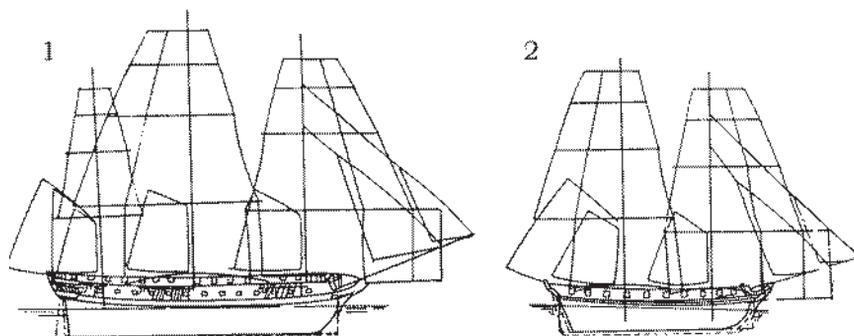
Адмирал Грейг.

9 октября 1833г.»

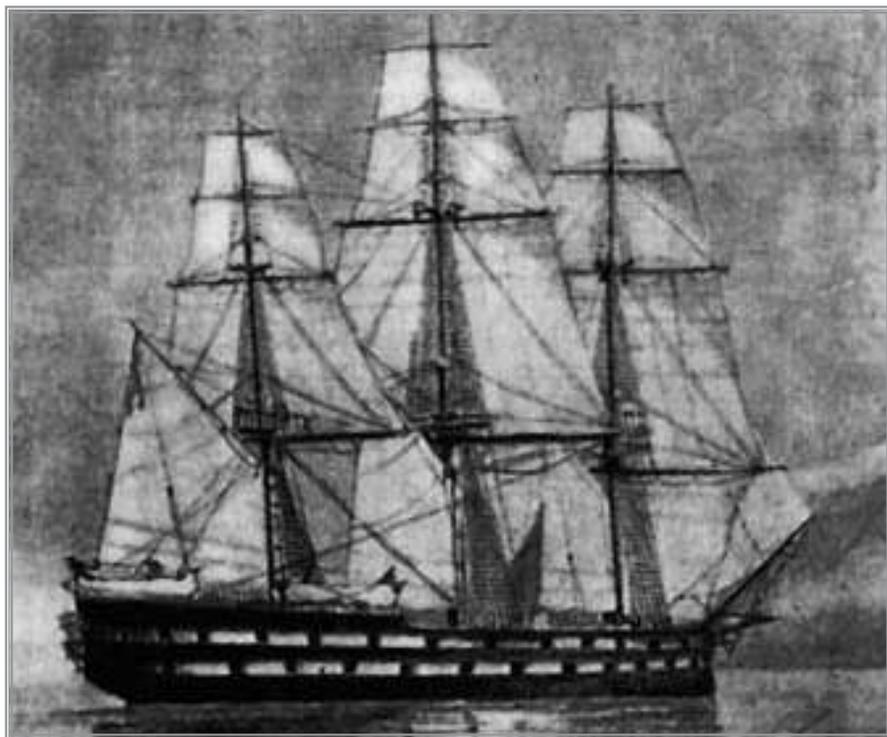
В день отъезда Грейга толпы николаевцев вместе с детьми вышли провожать адмирала. Они расстались с ним на границе города у Московской заставы. Вскоре городская Дума, учитывая пожелания граждан, вписала Грейга «навечно» гражданином города.

Грейг был далек от царского двора, в общении с царем и царедворцами он был официален и не проявлял стандартного по тем временам подбострастия. Николай I ценил Грейга, но держал его «на расстоянии», царедворцы не лю-

Суда, построенные при А.С. Грейзе

*1 – 44-пушечный фрегат «Штандарт»,
2 – боковой вид 20-пушечного брига*

*84-пушечный корабль «Императрица Мария», спущенный на воду
в Николаеве в 1853 г. (строитель И.С. Дмитриев)*

били его за честность и независимость суждений. Чуждый интригам, заискиванию и узаконенному фиску, Грейг был в их кругу неподходящей фигурой. За всю свою деятельность А.С. Грейг не получал ни крепостных «душ», ни поместий. Не был он «допущен» и в число придворных фискалов, генерал-адъютантов, каковыми были его «коллеги»: новороссийский генерал-губернатор князь Воронцов, начальник Морского штаба князь Меншиков и вице-адмирал М.П. Лазарев.

А.С. Грейг был чутким, отзывчивым, заботливым начальником, внимательным к людям. Он официально облегчил телесные наказания на флоте, а фактически их запретил (и это – во времена Николая I), отменил решение военноморского суда по делу команды фрегата «Рафаил», требовавшего расстрелять каждого десятого матроса, и признал их невиновными; известна его роль в раскрытии преступной деятельности гражданской администрации Севастополя, приведшей к «чумному бунту» – восстанию матросов и их семей; уже после подавления восстания Грейг предпринимал попытки облегчить участь женщин и детей.

В 1873 году на перекрестке Адмиральской и Соборной улиц был торжественно открыт памятник адмиралу.

Более подробно деятельность Грейга как Главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева, Севастополя и других городов изложена в литературе и источниках [5, 11, 14, 15, 16, 37, 39, 44, 46-54, 57, 60, 64, 77, 80, 83, 85, 89, 91-94, 97, 98, 101-103, 107-109, 111, 112, 116, 117, 119, 121, 123, 197-199, 202-208, 210-218, 220, 223, 224, 239-243, 247, 252, 253, Е1, Е3, Е5, Е10-Е16, Е18, Е20-Е22, Е24-Е27, Е29, Е30, Е32-Е34, Е38, Е46, Е49, Е52, Е72-Е74, Е77, Е80, Е86, Е87, Е109, Е113, Е114, Ж1-Ж5, Ж8, Ж9, Ж11-Ж16, Ж18-Ж26, Ж28, Ж29, Ж31-Ж47, Ж49-Ж70, Ж72, Ж74-Ж84, Ж89, Ж91-Ж94, Ж95, Ж95а, 397-3103, И104-И108, К109-К136].

Часть III

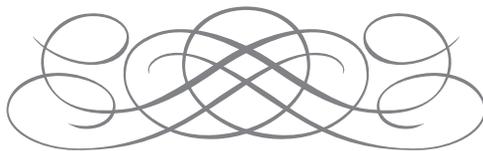
Сослуживцы и соратники

русская пословица гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты». В этом кратком изречении скрыт глубокий смысл: личность формируется под влиянием своего окружения, но и она сама влияет на это окружение.

Адмиралу Грейгу, в силу своего положения, как Главного командира Черноморского флота и военного губернатора, приходилось вступать в деловые, административные и чисто человеческие отношения с разными людьми: моряками-сослуживцами, кораблестроителями, снабженцами, начальниками и подчиненными, учеными, астрономами, гидрографами, государственными и общественными деятелями, городскими властями, купцами и промышленниками, архитекторами и строителями и многими другими.

Среди этих лиц встречались люди, представлявшие собой высоких профессионалов и личностей. О некоторых из них и пойдет ниже речь. А о других сослуживцах и соратниках А.С. Грейга можно узнать из кратких биографических справок, помещенных в энциклопедии «Николаевцы» [Е115].

Адмирал Николай Андреевич Аркас

Глава шестая

Моряки–соратники

Обер–интендант Н.Д. Критский

Он первый открыл и описал древнегреческие храмы на островах Тендра и Фидониси, он был гидрографом и воином. Суровый император Николай I наградил его золотой саблей за храбрость прямо на борту корабля «Париж» у стен покоренной Варны, но свита царя его не любила, считая слишком гордым и грубым. Вице-адмирал Лазарев называл его «язвой Черноморского флота», а адмирал Грейг доверял ему и высоко ценил. Лазарев его люто ненавидел, но он достойно парировал все нападки вице-адмирала. И все же, его – контр-адмирала Н.Д. Критского – выжили с флота.

Николай Дмитриевич Критский родился в семье греческих дворян, бежавших в Россию в конце XVIII века. В 1789 г., когда Николаю было около восьми лет, его отдали в корпус чужестранных единоверцев в Санкт-Петербурге. Через пять лет кадета Критского выпустили из корпуса гардемаринном. Два следующих лета он плывал по Финскому заливу. В 1796 г. юного Николая произвели в мичманы и направили в Черноморский флот. В течение 1796-1798 гг. Критский плывал на судах Черноморского флота, а затем получил в командование сразу две канонерские лодки, на которых плывал между Глубокой Пристанью и Севастополем. В 1799-1800 гг. мичман Критский командовал лансоном «Аммос», занимая брандвахтенный пост у Очакова.

С 1801 г. молодой моряк, обнаруживший интерес и знания в области гидрографии, командуя разными судами, занимается описью берегов Черного моря. После производства в лейтенанты, с 1804 по 1807 гг., Критский служил на

коммерческих судах, обслуживавших порты Черного моря. С началом войны с Турцией, в 1807 г., лейтенант Критский перешел в Черноморский флот, получив в командование отряд канонерских лодок. Тогда же во главе этого отряда Критский участвовал в сражениях за крепости Анапа, Платан и Трапезунд. В мирное время, с 1808 по 1823 гг., он ежегодно плавал на разных судах по Черному морю.

В 1823 г. Критскому, командовавшему шхуной «Севастополь», а затем корветом «Язон», снова поручили гидрографические работы: он описывал и снимал планы островов Ада (Березань) и Фидониси (Змеиный). В 1824 г. при строительстве первых маяков на этих островах Критский обнаружил остатки древнегреческих храмов Ахилла Понтийского. Он сделал зарисовки и описание этих сооружений, а находки передал в Одесский музей. В этом же году за двадцать пять лет службы в офицерских чинах капитан-лейтенант Критский был награжден орденом Св.Георгия 4-го класса.

В последующие два года Критский, командуя яхтой «Голубка», снова занимался описанием берегов Северного Причерноморья. Таким образом, с 1803 по 1826 гг. Николай Дмитриевич описал все побережье – от Керченского пролива до Одесского залива – и острова Ада и Фидониси.

Получив в 1827 г. в командование корабль «Николай», Критский перешел на нем из Севастополя в Николаев, здесь Главный командир Черноморского флота вице-адмирал А.С. Грейг, ближе познакомившись с Критским, назначил его офицером для особых поручений на адмиральскую яхту «Утеха» и флагманский корабль «Париж». В этом же году за долгую и ревностную службу Николай Дмитриевич получил сразу две награды – чин капитана 1-го ранга и орден Св.Анны II степени. Впоследствии Критский принял русское подданство и был причислен к русскому дворянству.

Критский хорошо знал турецкий язык, поэтому Грейг использовал его для дипломатических поручений, сочетавших одновременно и разведку. Понимая, что война с Турцией неизбежна и уже не «за горами», Грейг послал Николая Дмитриевича берегом к анапскому паше для вручения ему бо-

гатого подарка от русского правительства – золотой табакерки с бриллиантами. Но основная миссия Критского была иной – разведать состояние крепости Анапа и настроение горцев. Успешно выполнив задание и вернувшись, Критский возглавил на пароходе «Везувий» проводку мостовых понтонов для армии из Очакова в Дунай, где они были необходимы в случае войны.

В 1828 г. началась новая война с Турцией. Николай Дмитриевич, как флаг-офицер, находился вместе с Грейгом на борту флагманского корабля «Париж» и участвовал во взятии Анапы и блокаде Варны. Адмирал Грейг поручил Критскому взять штурмом с моря местечко Инаду и разрушить его укрепления. Во главе небольшого отряда судов, внезапно подойдя к Инаде, Критский высадил десант и стремительным штурмом овладел местечком и всеми его укреплениями. Взорвав пороховой погреб, истребив все запасы и заклепав орудия, Критский вернулся с отрядом под Варну, привезя 12 трофейных пушек. За успешные боевые действия царь пожаловал ему алмазные знаки к ордену Св.Анны, двухгодовой оклад жалования и орден Св.Владимира 3 степени.

В конце августа 1828 г. под стены Варны прибыл император Николай Первый со всей свитой. Он хотел лично участвовать во взятии этой неприступной крепости, возглавив общее командование армией и флотом. Государь с приближенными разместился на флагманском корабле «Париж». Командовал кораблем капитан I-го ранга Бальзам, мужчина тучного сложения и страдавший сильной одышкой, а поэтому – медлительный и не очень требовательный. Понимая, что это произведет на императора неблагоприятное впечатление, Грейг назначил вместо Бальзама флаг-офицера Критского, показавшего свои способности и характер при взятии Инады. По отзывам знавших его, Николай Дмитриевич действительно был энергичным и требовательным командиром, но его не любили за раздражительность и резкость, проявляемые при обнаружении им беспорядка.

Нахождение свиты на корабле вносило беспорядок в отлаженную, как часы, службу экипажа. Мягкосердечный Грейг,

по-видимому, считал неудобным делать замечания высококордным придворным, тем более этого избегал Бальзам. Став командиром корабля, Критский быстро навел порядок, показав, что на корабле, несмотря на присутствие адмирала и императора, главный все же он – командир корабля.

На «Париже» находились две роты гвардейского флотского экипажа под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена. Считая себя выше экипажа корабля, гвардейцы при Бальзаме не выполняли судовые работы. Но резкий и прямой Критский быстро сбил с них гвардейскую спесь: при очередном выходе на палубу царя Николая в сопровождении Грейга и свиты Критский скомандовал – «К ноге!» и закричал гвардейцам: «Всякий, кто ест хлеб государя, должен производить все работы; ступайте подтягивать канат!». Граф Потоцкий и другие свитские, услышав это, приняли команду на свой счет, ухватившись за канат. Гвардейцам оставалось лишь присоединиться к ним. С этого момента они уже выполняли все судовые работы.

При Бальзаме придворные в любое время требовали для себя катер, не спрашивая об этом командира корабля. Николай Дмитриевич и здесь навел порядок. Когда один из высокородных придворных, князь, потребовал для себя катер, чтобы съехать на берег, вахтенный офицер отказал ему в этом, сославшись на Критского. Разгневанный князь подошел к Николаю Дмитриевичу и стал ему раздраженно жаловаться на то, что его, князя, требования не выполняются. Выслушав, Критский спокойно ответил: «Разве вы здесь на почтовой станции? Я не дам вам катера, пока не соберутся многие другие, желающие отправиться на берег, а вы можете жаловаться кому угодно». Критский сказал это достаточно громко, чтобы услышал адмирал Грейг. Возмущенный князь подошел с жалобой к Грейгу, но адмирал, чтя «Морской устав», ответил ему: «Хотя я адмирал, но в подобных случаях сам состою в распоряжении командира корабля». Так Критский восстановил порядок на корабле, но нажил себе смертельных врагов среди придворных, что потом и сказалось на его карьере.

После взятия крепости Варна капитан I-го ранга Критский получил в награду золотую саблю с надписью «За храбрость» и вскоре был назначен исправлять должность обер-интенданта Черноморского флота, продолжая служить снова в Николаеве. В 1829 г. за успешное обеспечение боевых действий флота материалами и снабжением он получил монаршее благоволение.

В Николаеве Критский стал ближайшим другом адмирала Грейга. Они дружили семьями. Но дружба не помогла Критскому в его карьере: обычно русские офицеры продвигались от первого чина мичмана до контр-адмирала в среднем за 30 лет. Критскому для этого понадобилось 36 лет – видимо, в Санкт-Петербурге помнили, что он вел себя независимо, да к тому же еще и грек.

Закончившаяся война не принесла флоту облегчения: весь Юг охватила чума, занесенная из мест боевых действий пленными турками и ранеными. Был введен жесточайший карантин на любые передвижения. Поэтому поставки флоту пришли в упадок, появилось много недостатков в снабжении.

1832 г. принес Критскому и радости и огорчения: он был произведен в чин контр-адмирала, но на его беду начальником Штаба Черноморского флота прислали вице-адмирала М.П. Лазарева, получившего вскоре придворное фискальное звание генерал-адъютанта. В этот год флот готовился прийти на помощь турецкому султану, против которого восстал его вассал, подошедший уже к Стамбулу. Грейг поручил подготовку эскадры и командование ею своему помощнику Лазареву. Требовательный и не терпящий промедления Лазарев не мог быстро осуществить подготовку эскадры из-за нехватки многих материалов. Он не принимал во внимание предшествовавший «чумной застою» и во всем обвинял обер-интенданта Критского. Лазарев строчил непрерывные доносы на Критского адмиралу Грейгу и через его голову – Начальнику Морского штаба князю А.С. Меншикову. В своих докладных Лазарев назвал Критского жуликом, разворовывающим запасы Черноморского флота, и считал, что обер-интендант специально разваливает флот.

В письме Лазарева своему другу А.А. Шестакову он пишет о Критском:

«Вот язва в Черноморском флоте, а ежели теперь гр. Орлов его не столкнет, тогда я не знаю, что делать! Про мерзости его рассказывать тебе долго, да и не для чего, после узнаешь». Из другого письма: «Критский подал в отставку и на разных транспортах перевез уже в Севастополь множество лесу, досок, мебели, сделанную казенными мастеровыми, и намеревается строить дом, а с тем вместе покупает в Крыму прекрасное имение». Нам трудно сейчас судить, насколько был прав Лазарев в своих обвинениях – история не сохранила никаких подтверждений его доносам, а Грейг считал Критского честным человеком и деятельным сотрудником.

В 1833 г. настали тяжелые времена и для Грейга и для Критского: непрерывные доносы Лазарева и других на Грейга и Критского сработали. Николай I решил положить конец этим дрязгам радикальным образом: он назначил Грейга членом Государственного совета, а вместо него Лазарев стал исправлять должность Главного командира Черноморского флота и портов. Лазарев тут же отстранил Критского от должности обер-интенданта и потребовал предать его суду. После этого начались прямые гонения на Критского, доходившие иногда до смешных анекдотов, ходивших по флоту, как например, «дело о сундуке», присвоенном, якобы, Критским, а на деле – переданным самому Лазареву в бытность его начальником штаба. В одной из стычек с Лазаревым, когда новый Главный командир заявил, что не видит необходимых запасов для судов, Критский резко ответил: «Я хоть и кривой на один глаз, но вижу, а вы и с двумя глазами не видите!» (Критский в результате легкого ранения ослеп на один глаз).

И все же Критского «столкнули», как этого хотел Лазарев. Адмирал Грейг и контр-адмирал Критский покинули Николаев в один и тот же день 9 октября 1833 года. Грейг уехал в Санкт-Петербург, а Критский – в Одессу.

Но Грейг не оставил своего друга, к которому питал нео-

граниченное доверие, на растерзание Лазареву. Уже будучи в Петербурге, адмирал добился от Николая I «чистой отставки» Критского, без ревизий и судебных разбирательств. Царь доверял Грейгу, поэтому согласился с ним: 2 апреля 1834 г. контр-адмирал Критский был уволен от службы. К сожалению, дальнейшая судьба Николая Дмитриевича мне неизвестна.

В Николаеве память о Критском долго сохранялась в названии морских казарм, построенных в 1829-1830 гг.; впоследствии на месте «критских казарм» были сооружены здания Морского госпиталя.

Потомки Н.Д. Критского служили на флоте. Среди них были подводники и судостроители. Инженер-контр-адмирал В.Ф. Критский в молодости, в 1926 г., служил в Николаеве приемщиком по механической части подводных лодок на заводе имени 61 коммунара. В Санкт-Петербурге и сегодня живут потомки Н.Д. Критского.

Адмирал М.Н. Кумани

Михаил Николаевич Кумани родился в Севастополе примерно в 1773 г. в семье знаменитого впоследствии черноморского контр-адмирала, грека по происхождению, Н.П. Кумани, выходца с острова Кандия.

В 1789 г. в возрасте около 16 лет Михаил поступил на службу в Черноморский флот гардемаринном и на фрегате «Покров Богородицы» участвовал в военном крейсерстве по Черному морю. В следующем году его перевели на корабль «Иоанн Богослов», которым командовал его отец – капитан 1-го ранга Н.П. Кумани. В сражении у Гаджибея корабль «Иоанн Богослов» вел упорный бой с тремя турецкими кораблями. Михаил, находясь на батарейной палубе, испугался массированного огня турецких судов и спрятался за мачту. Проходя по палубе, Николай Петрович случайно увидел струсившего сына и подверг его суровому испытанию: посадив Михаила на пушку, он велел выпалить из

нее. С тех пор Михаил переборол страх и стал отважным моряком.

В 1791 г. Михаил получил чин мичмана и на корабле «Преображение» сражался с турецким флотом у мыса Калиакрия. С 1792 г., командуя небольшими судами, Кумани совершал плавание по Черному морю. В 1798 г. он на линейном корабле «Ерофей» стоял на николаевском рейде. Затем до 1805 г., командуя разными судами, плавал по Черному морю, заходя в Николаев. В этом же году его командировали в Кострому, откуда Кумани привел в Николаев рекрутов для флота.

С 1806 по 1810 гг. он командовал разными судами в составе Средиземноморской экспедиции Д.Д. Сенявина, участвовал в блокаде Превезы и защите острова Санта-Мавра. В 1810 г. берегом возвратился в Николаев, затем до 1817 г. на различных судах плавал по Черному морю. С 1817 по 1821 гг. в чине капитана 2-го ранга служил в Николаеве, занимаясь гидрографическими работами. В 1822 г. Михаил Николаевич командовал в Николаеве 29 флотским экипажем.

В 1823 г., получив чин капитана 1-го ранга, Кумани привел из Херсона в Николаев корабль «Пимен», а затем ежегодно совершал на нем плавания по Черному морю.

В русско-турецкую войну в 1828 г. Михаил Николаевич, командуя кораблем «Пимен», в составе эскадры, возглавляемой А.С. Грейгом, участвовал в штурме Анапы, а затем и в осаде крепости Варна. За отличие при осаде Варны произведен в чин контр-адмирала и награжден золотой саблей «За храбрость». Тогда же получил в командование отряд судов и овладел островом св. Анастасии.

В следующем году Кумани, видя выгодное для русского флота положение турецкого города и крепости Сизополь, предложил адмиралу Грейгу взять этот город с моря. Грейг, как это было принято тогда, поручил выполнение операции ее инициатору. Кумани во главе небольшой эскадры захватил город и крепость, после чего в Сизополе была создана оперативная база Черноморского флота.

За это он был награжден орденом Св. Анны I-ой степени, дополненным затем императорской короной.

До 1835 г. М.Н. Кумани командовал эскадрами на Черном море, выполняя различные операции, необходимые флоту. В 1843 г. в чине вице-адмирала его назначили членом Черноморского интендантства (Николаев). В Николаеве Михаил Николаевич прожил до 1855 г., когда его произвели в полные адмиралы и перевели в Санкт-Петербург членом Адмиралтейств-совета. В 1859 г. Кумани получил в потомственное владение казенный каменный дом в Николаеве и снова стал жить в нашем городе.

Умер Михаил Николаевич в 1865 г.

В последние годы, живя в Николаеве, Михаил Николаевич занимался историей города и писал мемуары. Он работал в Портовом архиве, который был, по существу, архивом Черноморского флота. В 1861 г. им опубликована в «Морском сборнике» обширная статья об истории и географии нашего города. Написанная живым языком, она содержит множество колоритных деталей раннего Николаева. Статья ценна тем, что написана очевидцем, проведшим в Николаеве много лет.

Из статьи можно узнать, что наш город расположен почти на одном меридиане с Санкт-Петербургом (1°39'12" восточной долготы от Пулковской обсерватории). Интересны его сведения о начале города. «Место, на котором построен Николаев, с незапамятных времен принадлежало запорожским казакам и причислялось к Бугогардовской Паланке. На нем, как и везде по левому берегу Буга, были рассеяны более или менее значительные их заселения, хутора и зимовники. Но в то время, когда избрана эта местность для города, на ней никаких следов казачества не отыскано, кроме небольшого хутора, принадлежащего иностранцу Фабру на месте, называемом теперь Спасск».

Далее Кумани, опираясь на архивные материалы, приводит сведения об основании города, о происхождении его названия, о постройке первого корабля «Св. Николай», о застройке Николаева и его заселении. От Кумани мы впер-

вые узнали историю о нападении турок на хутор Фабра и последовавшем за сим изъятии этих земель для верфи на Ингуле.

Кумани подробно описал географию Николаевского полуострова, его геологию и гидрологию, естественную растительность, климат и погоду в разные времена года. Им подробно описаны и николаевские бульвары, сады и Лески, рассказано, какие фруктовые породы хорошо плодоносят и какие декоративные деревья целесообразно разводить.

Особенно интересна мемуарная часть статьи. Именно Кумани, со слов протоиерея Заушкевича, у которого он жил одно время, поведал нам, как создавались семьи в раннем Николаеве: «Из ближайших мест приводились женщины и девки, и каждое воскресенье, выводя их на Адмиралтейскую площадь, расставляли фронт. Тогда выпускались из Адмиралтейства мастеровые, жившие в нем постоянно. По данному знаку, каждый, как говорится, на шарап, выбирал себе спутницу жизни, какую мог и как мог».

Как пишет Кумани: «Николаев, с начала своего существования, славился в Новороссийском крае своею дешевизною. Фунт мяса первого сорта продавался по 3 и не дороже 5 копеек ассигнациями».

Не буду пересказывать все воспоминания Кумани, но не могу не привести его восторженного высказывания о николаевских женщинах: «Замечательно, что николаевское общество всегда отличалось красотой женщин. Вы не найдете на балах безобразного молодого дамского лица, напротив, встретите несколько таких, которые очаруют ваши взоры, если вы молоды, и заставят, призадумавшись, вздохнуть, если уже седина проглянула в бороде вашей».

Адмирал Егор Колтовской

Эта война была тяжелой и кровопролитной: помимо боевых потерь, люди гибли от эпидемии чумы. В честь ее победоносного окончания воздвигались памятники и соборы,

Адмирал Егор Иванович Колтовской, 1891 г.

герои этой войны были у всех на устах. Но прошло время – и о них забыли. Среди забытых героев этой войны было немало выдающихся личностей. Об одном из них – адмирале Е.И. Колтовском я и хочу рассказать.

По преданию, старинный дворянский род Колтовских ведет свое происхождение от касожского князя Редеди. Это были знатные, но небогатые дворяне. Егор Колтовской родился в 1792 году и двенадцати лет был отправлен в Морской кадетский корпус; в этом же году он остался круглым сиротой. В корпусе Егор проявил блестящие способности и показал прекрасные успехи. Он увлекался музыкой и стал большим ее знатоком. Помимо этого, у него развился очень хороший баритон, и Егор пел в корпусной церкви, где его однажды услышал император Александр I и пригласил петь в придворной капелле.

В 1809 г. Колтовской блестяще окончил курс Морского корпуса и был выпущен гардемаринном. А через три года император лично поздравил его с производством в чин мичмана. С этого времени молодой офицер служил в Архангельске, совершая плавания по Белому морю и Ледовитому океану, дважды побывав и в Кронштадте.

В 1818 г. Колтовского перевели в Черноморский флот; он служил в Николаеве, совершая разные плавания в черноморские порты. С 1824 г. Егор Иванович командовал люгером «Стрела», а с 1826 – катером «Жаворонок».

В 1828 г. началась война с Турцией. Колтовской в это время командовал бригом «Орфей». В июне 1828 г. войска генерала Ридигера осадили крепость Кюстенджи. Крейсировавший недалеко Колтовской услышал выстрелы и направился к крепости, чтобы помочь русской армии. Но под стенами крепости он оказался в окружении нескольких турецких судов. Три дня длился неравный бой. Бриг был весь избит, 26 человек было убито и ранено, судно оказалось на грани гибели. Вдобавок, видя легкую добычу, турецкие суда бросились на абордаж. В яростной рукопашной схватке Егор Иванович был ранен в руку турецкой саблей, но моряки отбили эту атаку. Вырвавшись из сцепки, бриг

ушел в море. Как потом вспоминали старые моряки: «Орфей» был в аду, но оттуда его вытащил Колтовской!».

«За отменное мужество и храбрость» Колтовского наградили золотой саблей с надписью «За храбрость», а император Николай I пожелал лично увидеть героя. Колтовской на бриге «Орфей» прибыл на рейд Одессы, где на даче Рено жил император с семьей. Для высоких гостей губернатор Одессы решил поставить на открытом воздухе оперу «Танкред», которую исполнила итальянская труппа. Бриг «Орфей» был живой декорацией. После спектакля император пригласил Егора Ивановича и перед всем народом обнял его и сказал: «Колтовской, я буду тебя помнить».

В конце 1828 г. император Николай I понял бессмысленность этой кровопролитной войны и задумал ее прекратить. Для этого он решил обратиться сразу к турецкому султану, минуя дипломатические пути. Император попросил адмирала А.С. Грейга подыскать офицера-моряка, который смог бы выполнить эту деликатную миссию. Адмирал Грейг назвал Колтовского. 5 ноября 1828 г. Егор Иванович повел свое судно из Севастополя прямо в логово врага – в Константинополь и сумел пройти туда целым и невредимым, передав письмо царя барону Гюбшу для вручения султану. Объявляя Колтовскому монаршее благоволение, император при личной встрече снова повторил: «Колтовской, я тебя никогда не забуду».

После этого Егор Иванович на «Орфее» совершил ряд крейсерских плаваний, истребил несколько турецких судов, а три захватил в качестве «приза», за что был награжден орденом Св. Анны II-й степени. Вскоре новый успех – придя к турецкому городу Ахиоло, Колтовской высадил с «Орфея» десант, захватил город, взяв в плен 40 турок и богатые трофеи, среди которых было 12 медных орудий. За этот подвиг Колтовского произвели в чин капитана 2-го ранга и назначили командовать фрегатом «Поспешный».

На этом фрегате Колтовской участвовал в штурме и захвате с моря крепостей Василико, Агатополи и Инада. При штурме Инады Егор Иванович лично вел свой отряд на

приступ, захватив две батареи с 36-ю орудиями. Орден Св.Георгия 4-го класса стал наградой за это.

Адмирал Грейг, Главный командир Черноморского флота, высоко ценил Колтовского не только за его ратные дела, но и за распорядительность и знания. Соратники Колтовского вспоминали о таком событии: «Случилась неприятная история с одним громадным военным кораблем: он сел на мель вблизи Очакова и до такой степени врезался в песок, что полгода никакие усилия инженеров не могли стащить его; это приводило в отчаяние адмирала Грейга. Однажды он давал обед, на который были приглашены все лучшие командиры, в том числе и Егор Иванович Колтовской... После обеда, придя со своими гостями в кабинет, адмирал Грейг, как бы случайно, остановился перед развернутой картой той местности Черного моря, где стоял корабль.

– Господа, – сказал Грейг, – неужели же невозможно его стащить?

Начали судить и рядить. Посмотрел на карту и Егор Иванович и говорит:

– Это самое пустячное дело.

– Вы думаете?

– Да над этим и думать долго не надо.

– Ну, так вы его стащите. Завтра получите прогонные. В средствах недостатка не будет. Поезжайте завтра же.

Не прошло и месяца, как корабль был «стащен».

Между адмиралом Грейгом и Колтовским установились дружеские отношения. Егор Иванович с большим уважением относился к Грейгу, под руководством которого прошли его лучшие годы морской жизни. Уже после смерти адмирала Колтовской, сам будучи в преклонных годах, писал Юлии Михайловне, жене Грейга: «Это пишет старый сослуживец вашего супруга, бывшего моего благодетеля и начальника, под руководством которого я приобрел себе некогда известность того времени. И немудрено: быть руководимым таким вождем, какой покойный адмирал, и не приобрести себе известности!.. Но Алексея Самойловича, а с ним и многого, мы лишились невозвратно. Остались воспоминания. И

скажем мы своим детям и внукам: «Смотрите, это адмирал Грейг!». Живу только одним воспоминанием прошлого, но уже невозвратимого времени. Со смерти адмирала моего я всего лишился. Явились новые лица, новые деятели...».

Этими «новыми деятелями» были адмирал М.П. Лазарев, сменивший Грейга, и близкие ему моряки, некогда служившие у него на корабле «Азов». Лазарев не любил старую гвардию «грейговцев» и не способствовал их деятельности и продвижению.

Первой сложной работой, выполненной при новом Главном командире Черноморского флота, была экстренная проводка первого на Черном море 120-пушечного корабля «Варшава», спроектированного Грейгом и построенного еще в его правление. Колтовской успешно справился с проводкой из Николаева в Севастополь этого огромного судна, за что еще раз получил монаршее благоволение. После этого Егор Иванович командовал кораблями «Эривань», «Норд-Адлер» и «Варшавой». Только в 1839 г. его произвели в чин контр-адмирала (в 47 лет) и назначили командовать бригадой кораблей. До 1852 г. Колтовской ежегодно совершал плавания, командуя эскадрами, наплавав в общей сложности 15 лет непрерывного пребывания в море.

В 1851 г. Колтовского произвели в чин вице-адмирала и затем назначили председателем Комитета по сооружению сухих доков в Севастополе. С присущей ему энергией Егор Иванович принялся бороться со злоупотреблениями, процветавшими при сооружении объектов Морского ведомства. Однажды, придя домой, он воскликнул: «Лучше война, чем бороться со злоупотреблениями. Ох трудно, ох, как трудно искоренить зло».

С началом Крымской войны и обороны Севастополя Колтовской занимался перевозкой казенного имущества из Севастополя в Николаев. После Альминского поражения русской армии Егор Иванович перевез семью в Николаев и сам был назначен туда же. Спустя несколько лет император Александр II решил назначить Колтовского членом Адмиралтейского совета. Но, будучи уже в возрасте и страдая

«грудной жабой», Колтовской не захотел переезжать в Петербург. В связи с этим он был «отпущен» в отставку с производством в полные адмиралы. Огорченный Егор Иванович переехал в Одессу, где его жене по наследству достался дом. Находясь в отставке, он много читал и интересовался музыкой, поддерживая дружеские отношения с музыкантом и композитором итальянцем Уголини и рассказывая потомкам о своей морской службе.

Умер Егор Иванович Колтовской от приступа стенокардии в 1870 г. На мраморной плите над его могилой выбита скромная надпись: «Адмирал Егор Иванович Колтовской».

Егор Иванович был женат на Розалии Ильиничне Дубовик, происходившей из украинских дворян. У Колтовского было двое детей: сын и дочь. Митрофан Егорович Колтовской – моряк, защитник Севастополя, адъютант П.С. Нахимова; в чине вице-адмирала занимал пост Керченского градоначальника. Умер в 1896 г. Дочь Розалия была замужем за А.Г. Сталем, который командовал в Севастополе батареями; он был ранен и контужен. После падения Севастополя до самой смерти жил в Николаеве; умер в 1861 г.

Адмирал Григорий Рогуля

Исторически так сложилось, что в Черноморском флоте эпохи паруса среди офицеров было мало украинцев: морских офицеров готовили, в основном, в Кронштадте и Санкт-Петербурге и присылали потом на Юг. Среди немногих моряков-украинцев выделяется семья Рогулей, живших в Николаеве, а из четырех братьев – фигура Г.И. Рогули, боевого офицера и прекрасного организатора, ставшего впоследствии адмиралом Черноморского флота.

Согласно преданию, семья Ивана Рогули происходила из запорожских казаков, служивших еще при Г.А. Потемкине.

Григорий Иванович Рогуля родился примерно в 1793 г. По-видимому, он, как и его братья, получил хорошее домашнее образование, что дало ему возможность в 1810 г.

сдать все экзамены по курсу Морского училища и поступить на Черноморский флот гардемаринном. Через два года его произвели в первый офицерский чин – мичмана. В 1816 г. Григорий Рогуля стал лейтенантом.

В течение многих лет (1810-1827 гг.) молодой моряк плавал на различных судах по Черному морю, заходя и в Николаев. Во время стоянок судов в Николаеве Григорий познакомился и сблизился с Главным командиром Черноморского флота вице-адмиралом А.С. Грейгом. Алексей Самуилович Грейг, обнаружив у Григория Рогули не только отличные знания морского дела, но и прекрасные организаторские способности, назначил лейтенанта в 1824 г. своим офицером для особых поручений. В этой должности Г.И. Рогуля пробыл восемь лет, до 1832 г., став не только доверенным офицером у адмирала, но и другом его семьи.

В эти годы Григорий Рогуля, по-видимому, проживал в доме отца, располагавшемся на Католической улице. В этом можно убедиться, прочитав в проекте наименования улиц полицмейстера П.И. Федорова (1822 г.) фразу: «Католическая – от площади при обсерватории, мимо дома Рогули до стены Воловьего двора».

В 1828 г., с началом русско-турецкой войны, А.С. Грейг назначил Рогулю своим флаг-офицером на корабль «Париж». На этом корабле Григорий Иванович участвовал в осаде, штурме и взятии крепостей Анапа и Варна, за что был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и другими отличиями. В следующем году на корабле «Пармен» Рогуля принимал участие в набеге на Пендераклию, во взятии Мессемврии, Инады и Мидии. За это его произвели в капитаны 2-го ранга.

В 1830 г. распоряжением императора адмирал Грейг был назначен председателем Комитета по улучшению флота («Комитет Грейга»). В Санкт-Петербурге адмирал пробыл год, где под его руководством разрабатывались материалы для совершенствования кораблестроения и флота. Через Комитет проходило множество предложений моряков со всех флотов, которые надо было изучать, оценивать и рекомен-

довать или отклонять. Для управления всей этой канцелярией Грейг пригласил Рогулю. Работа Григория Ивановича была высоко оценена адмиралом, и он представил Рогулю к награде – император Николай I перевел его в гвардейский экипаж (1831 г.).

В следующем году египетский паша поднял восстание против турецкого султана и дошел со своим войском почти до Стамбула. Султан срочно попросил помощи у России. Николай I велел Черноморскому флоту, взяв мощный десант, идти в Стамбул на помощь султану. Адмирал Грейг назначил руководить этой экспедицией нового начальника штаба контр-адмирала М.П. Лазарева, направив его в Севастополь. Незадолго до этого Григорий Рогуля был произведен в чин капитана 1-го ранга и назначен «исправляющим должность капитана над Севастопольским портом». Вся тяжесть подготовки флота к экспедиции легла на его плечи.

Несмотря на объективные трудности, Рогуля успешно справился с заданием, что было отражено в представлении Лазарева Грейгу. После успешного завершения Константинопольской экспедиции адмирал Грейг представил Рогулю к награде. Император пожаловал в 1833 г. Григорию Ивановичу 2000 рублей «за успешное приготовление судов к кампании». Это, как обычно, вызвало негативную реакцию М.П. Лазарева. В письме начальнику Морского штаба князю А.С. Меншикову он оценил подготовку Черноморского флота к экспедиции плохо. В частности, в отношении Г.И. Рогули он написал: «...за небольшую похвалу Рогуля был представлен к награде за то только, что не отказывал в том, в чем видел явную необходимость».

Несмотря на доносы М.П. Лазарева, Г.И. Рогуля в 1834 г. был утвержден в должности капитана над Севастопольским портом. В последующие годы Григорий Иванович в основном жил в Севастополе, а во время приездов в Николаев – в том же собственном доме по Католической улице, о чем свидетельствует список улиц города, утвержденный в 1835 г. М.П. Лазаревым.

В 1839 г. Рогуля был произведен в контр-адмиралы, а в 1849 г. назначен членом Общего присутствия Черноморского интендантства и снова переехал в Николаев. В областном архиве города сохранился любопытный документ, отражающий юридическо-бытовые отношения того времени. В 1851 г. жена контр-адмирала Рогули Варвара Константиновна продала собственное имение близ Николаева капитан-лейтенанту Г.А. Рафтопуло, но он всех денег сразу не отдал, и за ним остался долг 750 рублей серебром, который адмиральша никак не могла с Рафтопуло «выбить». Она написала жалобу в полицию, но, как сказано в документе, «Рафтопуло долг не признал». На том дело и кончилось (надо сказать, что греки Рафтопуло были богатейшими землевладельцами в нашем крае).

В 1852 г. Рогуля был назначен «исправляющим должность Севастопольского коменданта» и произведен в чин вице-адмирала, а в 1865 г. он стал адмиралом. С этого времени Григорий Иванович снова жил в Николаеве, но уже в доме по Большой Морской №7, рядом с так называемым «домом Корнилова», о чем написано в адрес-календаре за 1869 г. Умер Г.И. Рогуля в 1871 г. около 78 лет от роду.

К сожалению, история не сохранила ни рисованных, ни фотографических, ни словесных портретов адмирала, поэтому мы не можем себе представить, как он выглядел.

За безупречную, долгую и трудную службу Григорий Иванович, помимо золотой сабли, был отмечен многими орденами и медалями, ценными подарками и денежными награждениями.

Как я уже говорил, братья Григория Ивановича также были моряками, офицерами Черноморского флота. Василий Иванович много проплавал на разных судах между Николаевом и черноморскими портами. В 1823 г. в чине лейтенанта он плавал на бриге «Мингрелия» между Николаевом и Севастополем. На этом же бриге служил мичман В.И. Даль, с которым В.И. Рогуля был весьма дружен, как об этом свидетельствуют документы. В 1829 г. Василий Иванович перевел книгу Макензи «Опись морских берегов», за

что был награжден бриллиантовым перстнем. С 1831 г. В.И. Рогуля служил в Николаеве помощником инспектора штурманов Черноморского флота. В 1834 г. он умер.

Николай Иванович в чине лейтенанта плавал на разных судах по Черному морю. Умер он рано, в 1829 г., в возрасте около 30 лет.

Менее всего с Николаевом был связан Алексей Иванович. Он плавал по Черному морю и жил в основном в Севастополе.

Генерал-майор В.О. Залесский

Василий Онисимович Залесский прожил короткую, но насыщенную жизнь. С детства его готовили стать священником, но он стал боевым моряком, осаждал крепости, плавал и создавал новое Артиллерийское училище в Николаеве, в котором в дальнейшем преподавал. К концу своей короткой жизни он стал начальником артиллерии Черноморского флота.

Василий Залесский родился в 1782 г. в Смоленской губернии в семье сельского священника. Не имея средств, чтобы дать сыну хорошее образование, отец Онисим не видел для него другого пути, как по духовной стезе. В 1790 г. Василий поступил в Смоленскую духовную семинарию на полное семинарское содержание, так как его отец не мог оплатить учебу. Но поскольку Василий был хорошо подготовлен дома, то его сразу же приняли в «третий разряд».

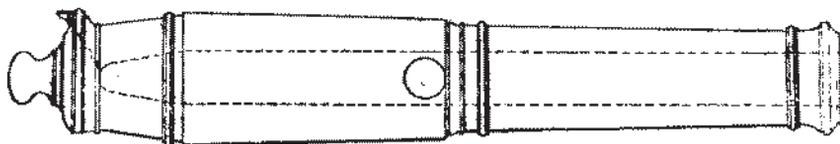
Так и вышел бы вскоре отрок в жизнь сельским священником, если бы не «его величество – Случай». В 1794 г. семинарию посетил епархиальный епископ Вениамин. По поручению императрицы Екатерины Великой он должен был отобрать несколько лучших учеников для перевода в Черноморские училища (молодому флоту не хватало офицеров, и из местного населения невозможно было набрать необходимое число кадетов).

Отобранную группу в том же году направили в Херсон,

бывший тогда центром Черноморского флота. После беседы молодых людей с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Н.С. Мордвиновым наиболее подготовленных зачислили в Морское артиллерийское училище. В 1798 г., закончив училище и сдав офицерские экзамены, Василий Залесский получил чин констапеля. Надо отметить, что, хотя Василий отлично учился, но, как он сам вспоминал, не раз проявлял предосудительные «шалости», о чем в зрелом возрасте искренне сожалел.

С 1798 по 1807 годы Залесский плавал на разных судах по Черному морю в качестве артиллерийского офицера. С 1807 г. молодой офицер участвует в русско-турецкой войне. На корабле «Ратный» он прибыл к Анапе и участвовал в десанте, командуя артиллерией. После взятия крепости Василия наградили орденом Св.Анны IV-й степени. Затем Залесский принял участие в набеге на Трапезунд. По окончании войны в 1808 г. Василий Залесский возвратился на «Ратном» в Севастополь, после чего непрерывно плавал по Черному морю.

На корабле «Ратный» Василий подружился с другим ар-

1-пудовый корабельный единорог конца XVIII в.

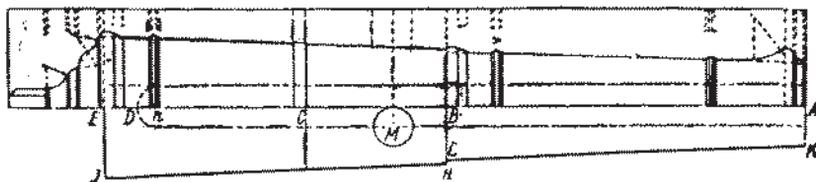

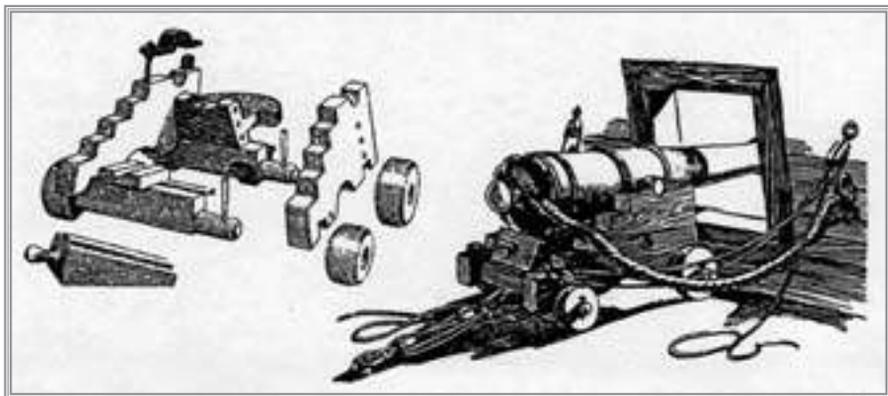
Схема составления чертежа орудия начала XIX в.

тиллерийским офицером – лейтенантом Дмитрием Примо. И хотя Примо был на семь лет старше, Василий оказался для него наставником, так как имел прекрасную подготовку в области математики, артиллерии и морских наук. Дружба эта не прерывалась до самой смерти Залесского.

В 1818 г. Василий Онисимович был переведен в Николаев и назначен преподавателем высших наук в Черноморском артиллерийском училище. Залесский начал свою деятельность с попытки преобразовать подготовку офицеров в училище, осовременить ее, сделать более эффективной, но начальник училища, привыкший к хорошо знакомым методам обучения, не принял нововведения.

Как отмечали современники, В.О. Залесский был в училище не только блестящим преподавателем, но и духовным наставником кадетов. Он старался воспитать в них, прежде всего, личности, избегал излишней строгости и тем более телесных наказаний. Среди его учеников были Челеев, написавший впоследствии «Руководство для составления потешных огней» (1824 г.), и Ильин, создавший капитальный труд «Наука морской артиллерии» (1846 г.), куда вошли многие разработки Залесского. Деятельность В.О. Залесского заметил Главный командир Черноморского флота вице-адмирал А.С. Грейг, который и сам был знатоком морской артиллерии. Между ними возникли дружеские отношения. Грейг старался поощрять талантливого морского артиллериста. В 1823 г. за выслугу 25 лет в морских кампаниях Залесского наградили орденом Св.Георгия 4-го класса, а за отличие по службе – орденом Св.Владимира IV-й степени. В следующем году за усовершенствование пушечных станков на образцовой канонерской лодке, проект которой разработал А.С. Грейг, Залесскому пожаловали чин капитана 3-го ранга.

С началом русско-турецкой войны, в 1828 г., по приказу Грейга В.О. Залесский поступил на флагманский корабль адмирала «Париж». Залесский снова участвовал в осаде и взятии крепости Анапа, командуя десантом морской артиллерии. Во время одной из вылазок турок Залесский лично защищал батарею, поразив двух неприятельских солдат,

Общий вид корабельного орудия, установленного на деке

уже ворвавшихся в редут. За боевые действия под Анапой В.О. Залесский получил в награду чин капитана 2-го ранга и рескрипт с «особенным монаршим удовольствием».

Следующим этапом боевой деятельности Залесского стали осада и штурм мощнейшей турецкой крепости Варна. Здесь, на корабле «Париж», он снова встретился со своим другом Примо, который командовал артиллерией Черноморского флота. По совету Залесского Грейг вызвал также на корабль «Париж» лучшего ученика В.О. Залесского А.В. Ильина, который к тому времени уже преподавал в Черноморском артиллерийском училище. Залесский командовал у стен Варны осадной артиллерией, которая пробила две бреши в стенах крепости, после чего турецкий гарнизон, видя безысходность своего положения, сдался адмиралу А.С. Грейгу.

Овладение крепостью Варна происходило на глазах императора Николая I, бывшего на флагманском корабле «Париж», и его многочисленной свиты. Обходя покоренную крепость, государь, сопровождаемый великим князем и свитой, взшел на брешь-батарею, где находились В.О. Залесский и инженер-полковник К.А. Шильдер. Царь обратился к Залесскому с лестными словами и возложил на него орден Св.Владимира III-й степени, поцеловав при этом. Шильдера

император наградила орденом Св.Георгия 4-го класса. Получив орден, инженер-полковник обратился к Залесскому со словами: «Я вами заслужил этот славный орден, что обязывает меня быть признательным вам». Вскоре Василий Онисимович за заслуги был дополнительно награжден чином капитана 1-го ранга и 3000 рублями.

В 1829 г. Грейг назначил Залесского начальником над двумя бомбардирскими судами «Опыт» и «Подобный», которые участвовали в покорении крепости Мессемврия. За это время Василий Онисимович был награжден орденом Св.Анны II-й степени с императорской короной и вскоре назначен командиром 6-й морской артиллерийской бригады. По заключении мира Залесский получил медаль «За Турецкую войну». В 1831 г. за отличия в войне Залесского наградили чином генерал-майора и назначили начальником артиллерии Черноморского флота. Эту должность Залесский принял из рук своего друга Примо. С этого времени до самой смерти В.О. Залесский снова жил в Николаеве.

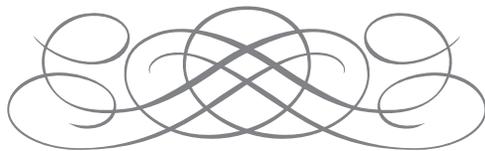
В 1832 г. Залесский участвовал в Босфорской экспедиции Черноморского флота, проходившей под начальством контр-адмирала М.П. Лазарева. Экспедиция была послана в помощь турецкому султану для борьбы с египетским вице-королем Ибрагимом. Испугавшись русского флота и мощного десанта, Ибрагим отступил от Константинополя. Возвратясь в Николаев, Василий Онисимович тяжело заболел и умер в конце 1833 г. Последние слова, сказанные им, были: «По мере сил моих и разумению, я всегда старался быть христианином и правдиво служить своему Отечеству».

Залесский слыл прямым в суждениях человеком, не любил подлецов и лжецов, всегда резко выступал против них. очевидцы рассказывают, что однажды на праздничном обеде в Морском собрании (Николаев) один из членов собрания, побывавши случайно в Англии, рассказывал с восторгом о великой цивилизации в этой стране, но при этом заявил, что в Англии «все есть и все можно купить, даже ум». На это Василий Онисимович заметил: «Отчего же вы не изволили купить его?».

Залесский, имея огромные знания и опыт в области морской артиллерии, работал над научным трудом «Техника морской артиллерии», который нашли после его смерти в бумагах. Этот труд использовал его ученик А.В. Ильин в ряде своих работ по морской артиллерии.

Василий Онисимович в первые годы службы вел дневник, в котором отражено его отношение к морской службе и морякам.

После смерти В.О. Залесского у него остались малолетние сын и дочь. Род Залесских никогда не пресекался, его потомки дожили до наших дней. Один из его потомков, военный моряк Н.А. Залесский – историк русского флота, написал две книги о судостроении в Николаеве «Одесса» выходит в море» (1987 г.) и «Краб» – первый в мире подводный заградитель» (1967 г.), а также ряд статей в журнале «Судостроение».

Глава седьмая

Кораблестроители

Кадры кораблестроителей для Черноморского флота и их подготовка

Как уже упоминалось, в Николаеве в эпоху паруса всегда ощущался недостаток в опытных инженерах-кораблестроителях, особенно во времена Грейга и Лазарева, когда Черноморский флот бурно развивался. Дело в том, что созданный в Херсоне Морской кадетский корпус, готовивший небольшую группу корабельных мастеров, по воле князя Потемкина предполагалось перевести в Николаев, куда должно было переехать все управление Черноморским флотом. Корпус действительно был переведен, но кадетов кораблестроительного отделения оставили доучиваться в Херсоне, а затем вообще расформировали это отделение. Так Черноморский флот остался без собственных кадров кораблестроителей.

Для обеспечения кораблестроения в Херсоне, Николаеве и Севастополе в эти города присылались инженеры-кораблестроители (корабельные мастера и подмастерья) из Петербурга и других судостроительных городов Севера. Некоторых из них приглашал в Николаев лично А.С. Грейг, добиваясь их перевода на Черноморский флот. Но нехватка кораблестроителей с каждым годом ощущалась все острее, поэтому Грейг вынужден был прибегнуть к крайней мере: он решил провести переподготовку офицеров и переучивание их по кораблестроительной специальности. Для этого он добился разрешения послать в Англию и Францию на несколько лет бывших офицеров-штурманов, которых подго-

тавливало николаевское Штурманское училище; они должны были изучить кораблестроительное дело и, вернувшись, пополнить ряды черноморских кораблестроителей, возраст многих из которых достигал предельного срока службы.

Вступив в должность Главного командира Черноморского флота, А.С. Грейг привлек для южного судостроения лучших инженеров, добившись их перевода в Николаев. Среди них были И.С. Разумов, М.И. Суровцев, А.К. Каверзнев, И.Я. Осминин, А.Н. Мелетин и А.И. Мелихов. Помимо них еще с полгода продолжали работать старые корабельные мастера Д. Кузнецов и Тарусов. Бывших выпускников николаевского Штурманского училища В.Г. Апостоли, А.С. Акимова, С.И. Чернявского и И.Д. Воробьева Грейг послал в Англию для переучивания, а после возвращения они активно включились в судостроение. Успешно закончивший образование в Николаеве И.С. Дмитриев стал также образцовым кораблестроителем.

Следует сказать и несколько слов о корабельных мастерах, уже служивших в Николаеве и Севастополе до назначения Грейга.

Старейшим кораблестроителем был Дмитрий Кузнецов, родившийся в 1752 г. Он начинал свою работу на Днепре в Кременчуге, где построил в 1791 г. восемь транспортов. С 1800 г. построил в Николаеве 7 судов: корабли «Лесной» (1811 г.), «Кульм» (1813 г.), «Николай» (1816 г., совместно с Тарусовым), фрегат «Минерва» (1811 г.), яхту «Твердая» (1807 г.), транспорты «Дунай» (1810 г.) и «Прут» (1813 г.). Состоял корабельным подмастерьем в Адмиралтейской команде при Николаевском адмиралтействе. В год прихода к власти А.С. Грейга Кузнецов, по-видимому, был уволен в отставку в чине поручика, так как более не упоминается в документах, и корабль «Николай» достраивался Тарусовым (Кузнецову было уже тогда за 60 лет – возраст почтенный для поручика).

Корабельный мастер Тарусов, родившийся около 1780 г., работал на разных верфях в Причерноморье и Приазовье. С 1798 г. работал в Херсоне, где построил одно судно. С

1815 по 1817 служил в Севастополе и Николаеве. В Севастополе построил два судна; в Николаеве достроил начатый Д.Кузнецовым корабль «Николай». На этом сведения о корабельном мастере Тарусове обрываются – видимо, он был отправлен в отставку по возрасту.

Инженер-кораблестроитель Алексей Никитич Мелетин родился в 1787 г. В 1811 г. он окончил Училище корабельной архитектуры и был направлен служить в Николаев, где наблюдал за постройкой фрегатов и мелких судов, однако самостоятельно ничего не построил. При Грейге – член Учетного и кораблестроительного комитетов Черноморского адмиралтейского департамента. В 1821 г. разработал проект эллинга для постройки в Николаевском адмиралтействе 100-пушечных кораблей, корабельный мастер. В 1833 г. Мелетин удостоен чина полковника и с 1837 г. назначается постоянным членом Кораблестроительного и учетного комитета в Севастополе, имея все то же звание корабельного мастера. В Севастополе он также не проявил себя как мастер-кораблестроитель, занимал различные административные должности. Умер А.Н. Мелетин после 1849 г.

Адмиралу А.С. Грейгу удалось не только привлечь к кораблестроению на Черном море талантливых и продуктивных инженеров, но и вырастить молодых талантливых мастеров. Впоследствии большинство из этих инженеров-кораблестроителей достигли генеральских чинов и высокого положения в кораблестроительных предприятиях. И в этом немалая заслуга адмирала Грейга, заметившего их талант и поощрявшего их деятельность.

Инженер–полковник И.С. Разумов

Илья Степанович Разумов родился около 1778 г. в семье дворянина, обер-офицера русской армии. Службу на флоте начал с малых лет корабельным учеником.

В 16 лет вместе с И.В. Курепановым был командирован в

Англию для совершенствования в кораблестроительной науке и практике. Там он сделал переводы нескольких книг по кораблестроению, одна из которых была издана после возвращения в Россию в 1805 г. («Исчисление груза кораблей всех рангов с изъяснением всех правил, служащих к определению якорей и канатов, взятое из французского сочинения вице-адмирала Тевенарда». – СПб.: Изд. Морск. мин.)

В 1805 г. И.С. Разумова назначили корабельным мастером в эскадру А.С. Грейга, которую он повел в Средиземное море. В эти же годы Разумов преподавал корабельную архитектуру в Училище корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге.

Свою кораблестроительную деятельность Илья Степанович начал в Санкт-Петербурге после возвращения в Россию. В 1811 г. под руководством мастера Г.С. Исакова участвовал в постройке 60 канонерских лодок, а под руководством корабельного мастера И.В. Курепанова строил фрегат «Архипелаг». Самостоятельная работа Разумова началась в 1813 г. с постройки корабля «Нептунус», затем он построил еще два корабля и два фрегата.

После назначения А.С. Грейга на пост Главного командира Черноморского флота вице-адмирал, зная Разумова по Архипелагской экспедиции, добился перевода его в Николаев, где Грейг активно возрождал судостроение и флот. В Николаеве И.С. Разумов построил большое число судов, в том числе корабли «Пармен», «Пимен», «Париж», «Императрица Мария» (1823-1827 гг.).

По инициативе А.С. Грейга Разумов разработал чертежи и построил первые на Черном море пароходы «Метеор» и «Молния» (1825-1826 гг.), а также первый товаро-пассажирский пароход «Одесса» для Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова (1827 г.). Этот пароход осуществлял первые регулярные рейсы на линии Одесса–Николаев–Херсон. Разумов построил и первый в России спроектировал по математическому («параболическому») методу под руководством Грейга корабль «Императрица Мария». Все суда, построенные Разумовым, активно участвовали в русско-

турецкой войне 1828-1829 гг. (штурм с моря крепостей и пр.), а также в первых абхазских экспедициях.

И.С. Разумов был одним из самых продуктивных кораблестроителей. Только в Николаеве им построено 40 судов, всего же он участвовал в постройке 105 судов! Он был деятельным помощником Грейга в организации судостроения в Николаеве, дослужившись до чина полковника Корпуса корабельных инженеров.

Умер И.С. Разумов в Николаеве в 1827 г.

Генерал-майор М.И. Суворцев

Михаил Суворцев родился в 1769 г. Начал службу в 1780 г. мачтовым учеником в Таганрогском адмиралтействе на Азовском море. В 1783 г. его перевели в тиммерманские ученики. Учеба закончилась в 1789 г. – Суворцев получил звание обученного тиммермана. Через пять лет работы на верфи был произведен в корабельные подмастерья ранга прапорщика (первый офицерский чин), а в 1796 г. – поручика. Через два года М.И. Суворцев становится корабельным мастером майорского чина.

С 1799 по 1800 гг. Михаил Ильич построил в Таганроге два корабля, фрегат и камели под 110-пушечный корабль, сразу заявив о себе как о зрелом судостроителе.

В 1800 г. Суворцева перевели в гражданские чиновники 7-го класса, а с 1803 г. назначили первоприсутствующим в Контрольной экспедиции при Херсонском порте. С этого времени началась его активная кораблестроительная деятельность в Херсоне: с 1804 по 1818 гг. им построены четыре 110-пушечных и три 74-пушечных корабля, шесть фрегатов, два транспорта, плавучая батарея и 21 канонерская лодка. За заслуги Суворцев был пожалован в 5-й класс «Табеля о рангах».

В 1820 г. по просьбе А.С. Грейга М.И. Суворцев был переведен в Николаев исполняющим должность советника Черноморской исполнительной экспедиции Кораблестро-

тельного отделения. В 1826 г. произведен в 4-й класс и назначен помощником обер-интенданта Черноморского флота Ф.И. Цаца. В следующем году Суворцева снова перевели в офицеры, переименовали в инженер-генерал-майора и назначили инспектором Корпуса корабельных инженеров Черноморского флота.

С 1829 г. Суворцев снова приступил к практическому кораблестроению, построив в Николаеве за три года 84-пушечные корабли «Анапа», «Память Евстафия», «Адрианополь» и «Императрица Мария», а также 60-пушечные фрегаты «Эривань», «Варна» и «Бургас» с подрядов А.А. Перовского и М.Ш. Серебряного.

В 1831 г. М.И. Суворцев назначен в начальники корабельных инженеров Черноморского флота. Он был одним из самых продуктивных кораблестроителей эпохи парусного флота. Им построено 50 судов! Но имя его не часто упоминается историками судостроения, теряясь среди официально указанных советскими идеологами «образцовых» судостроителей.

Следует отметить, что Михаил Ильич Суворцев был «правой рукой» и опорой Грейга в развитии кораблестроения. Он изучал и применял передовые методы постройки судов, в частности, «параболический» метод Грейга, по которому им непосредственно было спроектировано несколько судов. Суворцев принимал участие также в проектировании первого 120-пушечного корабля «Варшава».

Умер М.И. Суворцев в 1833 г. – в год, когда Грейг оставил свой пост на Черном море и выехал в Санкт-Петербург.

Корабельный мастер А.И. Мелихов

Александр Иванович Мелихов родился около 1773 г. Он начал свою самостоятельную кораблестроительную деятельность в Санкт-Петербурге на Охтинской верфи. Здесь А.И. Мелихов построил два галета (небольшие транспортные суда). В столице Александр Иванович проработал до

1810 г., построив 28 судов различных классов.

В 1810 г. как опытного кораблестроителя А. Мелихова перевели на Черное море в Севастополь, где им были построены корветы «Крым» (1810 г.) и «Язон» (1813 г.), бриг «Мигрелия» (1813 г.). После назначения А.С. Грейга Главным командиром Черноморского флота Мелихова перевели в Николаев (1816 г.). Здесь им построены корабль «Норд-Адлер» (1820 г.), фрегаты «Флора» (1818 г.) и «Поспешный» (1821 г.), пароход «Везувий» (1820 г.), бриги «Ганимед» и «Орфей» (1820-1821 гг.), яхта «Утеха» (1821 г.), тендер «Андрей» (1817 г.), транспорты «Мария» и «Ингул» (1819-1820 гг.), первые канонерские трехорудийные лодки (проект А.С. Грейга) «Дерзкая» и «Злая» (1819 и 1822 гг.). В этот же период А.И. Мелихов был командирован в Херсон, где в 1821 г. построил корабль «Император Франц».

На фрегате «Флора», спущенном на воду в присутствии императора Александра I, Мелихов впервые на Черном море применил сепинговую систему набора корпуса. Вместе с И.С. Разумовым, М.И. Суворцевым, А.И. Каверзневым Мелихов помогал А.С. Грейгу возрождать Черноморский флот. Все суда, построенные им на Черном море, успешно участвовали в боевых действиях в русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Всего А.И. Мелиховым построено 44 судна.

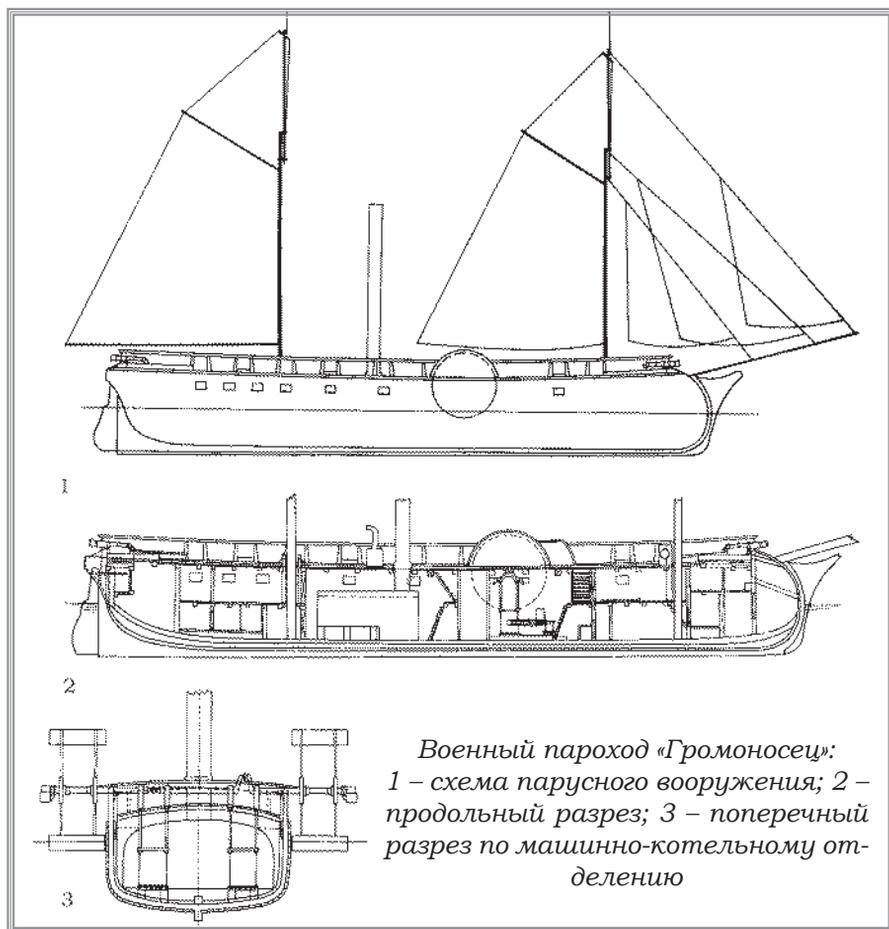
Умер Александр Иванович после 1825 г.

Его братом, возможно, был В.И. Мелихов.

Генерал-лейтенант А.К. Каверзнев

Александр Кириллович Каверзнев относится к числу самых продуктивных кораблестроителей грейговского времени. Он родился около 1784 г.

В 1794 г. Александр начал службу корабельным учеником 2-го класса, а через четыре года он получил первый кораблестроительный чин – обученный тиммерман. С 1804 г. Каверзнев служит помощником мастера и одновременно преподает в Петербургском училище корабельной архитектуры.

Начал Каверзнев кораблестроительную деятельность на верфях Санкт-Петербурга, Риги, Ревеля и Лодейного Поля. В 1806 г. он построил 11 канонерских лодок. В 1807-1808 гг. участвовал в постройке 113 канонерских лодок, а 1808-1809 гг. построил самостоятельно 46 таких же судов. В 1814 г. построил первое большое судно – фрегат «Россия».

В 1821 году Каверзнева перевели в Херсон, где он построил корабли «Пимен» (1823 г.), «Иоанн Златоуст» (1825 г.), фрегат «Штандарт» (1824 г.), бомбардирские суда «Соперник» и «Подобный» (1826 г.), люгера «Глубокий» и «Широкий» (1827 г.).

С 1825 г. произведен в чин подполковника Корпуса корабельных инженеров.

В связи с прекращением судостроения в Херсоне в 1826 г. Каверзнев был переведен в Николаев. Здесь он построил корабли «Чесма» (1828 г.) и «Адрианополь» (1830 г.), фрегаты: первый 60-пушечный «Тенедос» (1828 г.), «Эривань» (1829 г.), бриги «Кастор» и «Поллукс» (1829 г.), канонерские лодки нового проекта: «Шумная», «Змея», «Скорпион», «Гиена», «Хорек», «Коршун», «Ястреб», «Азартная» и «Крикун» (1822-1823 гг.), а в 1828 году: «Громкая», «Беспокойная», «Сердитая», «Барсук», «Тарангул». В 1828-1829 гг. им построено также 13 иолов. Всего за 5 лет работы в Николаеве Каверзнев построил 33 судна.

Александр Кириллович Каверзнев был одним из самых выдающихся судостроителей на Черном море. Его высоко ценил А.С. Грейг, вместе они возрождали Черноморский флот, для которого Каверзнев построил 44 боевых судна. Однако в 1828-1830 гг. между Грейгом и Каверзневым возникла незначительная размолвка, порожденная обер-интендантом Н.Д. Критским. Суть ее в следующем.

В 1826 г. Грейг издал приказ №273, которым предписал сохранять ценный подольский большемерный лес для строительства больших судов и запретил использовать его для мелкого судостроения. Помимо строительства больших судов, Каверзневу в 1828-1830 гг. поручили постройку шхун. Из-за отсутствия маломерного леса Каверзнев вынужден был использовать для их постройки большемерный лес, что привело к потерям ценного леса, перешедшего в щепу. Критский обвинил Каверзнева в нарушении приказа №273, перерасходе леса и мастеровых при постройке мелких судов. Каверзнев был предан суду, в связи с чем ранее посланное представление (1829 г.) на производство Александра Кирилловича в чин полковника было Грейгом приостановлено.

Судная комиссия постановила взыскать с Каверзнева по 1 руб. 54 коп. за каждый кубический фут подольских лесов и по 1 руб. 40 коп. – за польские леса. Если учесть, что на три строившиеся корвета требовалось 81610 куб.фу-

тов древесины, то за нее нужно было заплатить 118334,5 рублей! Каверзневу не хватило бы всей жизни, чтобы выплатить такую сумму.

Понимая бессмысленность такого судебного решения, Грейг вторично послал представление на пожалование Каверзневу чина полковника. Но тут Александр Кириллович, обидевшийся на несправедливость суда, не стал более выходить на службу, ссылаясь на болезнь. Грейг также не стерпел этого и вторично попросил вернуть свое представление, так как Каверзнев «сказывался больным, но был здоров». Эта размолвка кончилась тем, что А.К. Каверзнев написал просьбу об отставке по болезни.

По распоряжению императора Николая I Александра Кирилловича 21 января 1830 г. перевели на Балтийский флот. Ему был пожалован чин полковника с 1829 г., т.е. с даты первого представления Грейга. Каверзнева назначили временным членом Кораблестроительного и учетного комитета.

Инспекторский департамент, рассмотрев присланное судебное дело, освободил Каверзнева от следствия, о чем и сообщил Грейгу письмом №859 от 15 ноября 1830 г.

В Петербурге Каверзнев служил в Новом Адмиралтействе, где построил три корабля (1832-1839 гг.) и канонерскую лодку (1833 г.). Всего с 1806 по 1844 год Александр Кириллович построил 146 боевых судов.

В 1844 г. А.К. Каверзнев был произведен в чин генерал-майора, а в 1853 г. он стал генерал-лейтенантом.

Умер А.К. Каверзнев после 1855 г.

Инженер-полковник А.С. Акимов

Алексей Семенович Акимов родился в 1807 г. в Харьковской губернии в семье солдата. С 1816 по 1824 гг. учился в Черноморском штурманском училище в Николаеве. Выпущен штурманским помощником 14-го класса (чиновничьего чина).

В 1824-1825 гг. Алексей плавал на корабле «Пармен» и

служил на Николаевской брандвахте у входа в Военную гавань, а затем на адмиральской яхте «Утеха». В 1827 г. в чине подпоручика Корпуса корабельных инженеров по рекомендации А.С. Грейга командирован в Англию для обучения кораблестроению. Находился там до 1832 г. В 1831 г. произведен в поручики Корпуса корабельных инженеров. В 1834 г. – штабс-капитан, а в 1835 – капитан; с 1846 г. – подполковник. В 1855 г. пожалован в чин полковника и назначен инспектором кораблестроительных работ Николаевского порта.

С 1832 по 1860 гг. Алексей Акимов построил в Николаеве 37 судов, среди которых корабли «Силистрия», «Гавриил», «Уриил» и «Храбрый», фрегаты «Кулевчи», «Флора» и «Кагул», корветы «Орест», «Ястреб», «Сокол» и «Кречет», бриг «Фемистокл», яхта «Орианда», шхуны «Четырдах» и «Алушта», тендеры «Проворный», «Поспешный» и «Скорый», транспорты «Портица» и «Балаклава», а также много мелких судов (грузовые и перевозные боты, флашхоуты, понтоны для переправ и др.). В 1837 г. в Одессе наблюдал за постройкой парохода «Митридат».

В 1843 г. А.С. Акимов разработал проект 120-пушечного корабля «Три Святителя», затем построил одно из самых крупных судов в России – 135-пушечный винтовой паровой корабль «Синоп». В 1852 г. командирован в Севастополь, где возглавил ремонт и постройку судов.

Во время обороны Севастополя А. Акимов ремонтировал и поднимал затонувшие суда, подготовил флот к Синопскому сражению, а затем ремонтировал поврежденные суда. В 1854 г. построил наплавной мост с южной на северную сторону. Участвовал в обороне Севастополя в составе его гарнизона.

В 1855 г. по болезни вернулся в Николаев; построил мост через Днепр у Береслава для переправы войск. В том же году срочно построил первый наплавной мост через Бугский лиман («Варваровский»), имевший важное стратегическое значение и просуществовавший более 100 лет (Спасск-Варваровка, длина около 880 метров). Одним из первых

строил в Николаеве паровые суда.

За постройку судов и мостов, а также как участник обороны Севастополя и Николаева А.С. Акимов награжден пятью орденами, двумя медалями и знаком «30 лет беспорочной службы».

Алексей Семенович Акимов жил в Николаеве в собственном доме, где и умер после 1860-го года.

Инженер–полковник И.Я. Осминин

Иван Яковлевич Осминин родился около 1787 г. В 1799 г. он поступил учеником в Училище корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге. В 1805 г. Иван Осминин был выпущен из училища с чином 12-го класса и командирован в Англию для усовершенствования в кораблестроении. В 1808 г. вернулся в Россию, получив звание помощника корабельного мастера.

С 1811 по 1813 гг. Осминин преподавал в Училище корабельной архитектуры. В 1813 г. командирован в Прибалтику, где находился при осаде Данцига (судами, участвовавшими в блокаде этого города, командовал тогда А.С. Грейг). Осминин исправлял повреждения, полученные судами в боевых действиях.

В марте 1817 г. произведен в 9-й класс и переведен в Николаев, где Грейг разворачивал строительство флота, а инженеров-кораблестроителей не хватало. Из Николаева Грейг направил Осминина в Севастополь. С 1819 по 1829 гг. Осминин построил в Севастополе 13 судов, среди которых 20-пушечный бриг «Меркурий», 36-пушечный фрегат «Рафаил», вошедшие в историю Черноморского флота (см. разделы 2.4. и 2.6.) и бригантина «Нарцисс». В 1820 г. Ивана Осминина произвели в корабельные мастера, а с 1822 г. его повысили в чине до 8-го класса. С 1827 г. – произведен в подполковники Корпуса корабельных инженеров (в связи с образованием этого корпуса).

А.С. Грейг очень высоко ценил И.Я. Осминина как кора-

блестроителя и в 1830 г., дав ему блестящую аттестацию, исходатайствовал присвоение Ивану Яковлевичу чина полковника с переводом его в Николаев.

С 1830 по 1834 г. Осминин построил в Николаевском адмиралтействе 24-пушечные корветы «Сизополь» и «Пендераклия» (1830-1831 гг.), яхты «Резвая» и «Сатуново» (1830 г.), 12-пушечные шхуны «Курьер» и «Вестник» (1830 г.), пароходы «Громоносец», «Везувий» и «Подобный» (1830 г.), 12-пушечные люгера «Геленджик» и «Поти» (1831 г.), транспорты «Слон» и «Чапман» (1831 г.), 7 иолов (1833 г.), флэшхоут «Дуб» (1834 г.), корабль «Память Евстафия» (1830 г.) и первый на Черном море 120-пушечный корабль «Варшава» (1833 г.), спроектированный Грейгом. Всего за четыре года Осмининым построено в Николаеве 23 судна – более, чем по пять судов в год!

Все суда, построенные Осмининым, принимали активное участие в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в абхазских экспедициях Черноморского флота.

В 1834-1837 гг. Осминин исправлял должность начальника корабельных инженеров Черноморского флота и был председателем Учетного кораблестроительного комитета (Николаев).

Умер Иван Яковлевич в Николаеве в 1838 г.

Инженер–генерал–майор С.И. Чернявский

Степан Чернявский родился в 1804 году в семье унтер-офицера (Херсонская губерния).

В 1813 г., в девять лет, еще ребенком, он поступил на Черноморский флот юнгой. С 1814 по 1819 гг. Степан учился в Севастопольском флотском училище, а с 1820 г. переведен в Черноморское штурманское училище (Николаев), которое закончил в 1825 г.

Он был в числе троих выпускников Штурманского училища, которые по ходатайству А.С. Грейга были командированы Морским министерством в Англию для обучения ко-

раблестроению и «мелочным мастерствам» (детали оснастки парусных судов).

Вначале избранных выпускников прикомандировали к Штурманской роте для изучения английского языка, а в 1826 г. они поехали в Англию на три года. Будучи в Англии, Чернявский получил чин штурманского помощника унтер-офицерского ранга. За границей молодой моряк проявил себя как способный и усердный в занятиях ученик, поэтому Грейг в 1828 г. перевел его в Корпус корабельных инженеров.

По ходатайству Грейга учебу молодых инженеров продлили до пяти лет, поэтому за границей Чернявский пробыл почти шесть лет, где получил свой первый офицерский чин – подпоручик Корпуса корабельных инженеров. В 1832 г. С.И. Чернявский вернулся в Россию и был назначен в Николаевское адмиралтейство. Чтобы проверить знания и умение молодых инженеров-кораблестроителей, Грейг, как уже упоминалось, поручил Чернявскому построить «легкое судно» (шлюпку), что им было успешно сделано. После этого его назначили заниматься мачтовым и шлюпочным производством. Вскоре С. Чернявского назначили в Севастопольское адмиралтейство, где он построил катера «Скорый» и «Быстрый».

Степан Иванович служил в Севастополе с 1832 по 1837 год; здесь он в основном занимался судоремонтом. В 1834 году он временно работал в Николаевском адмиралтействе, где достраивал первый 120-пушечный корабль «Варшава», спроектированный Грейгом. В 1833 г. его за отличие произвели в поручики, а в 1835 г. за постройку фрегата «Брайлов» наградили орденом Станислава III степени. С 1836 г. Чернявский уже штабс-капитан.

В 1837 г. С.И. Чернявского назначили в Николаевское адмиралтейство, в котором он построил 84-пушечный корабль «Три Иерарха» и 120-пушечный «Двенадцать Апостолов». До 1844 г. им построены фрегат, несколько корветов, бригов, шхун и транспортов. В этом же году его снова командировали в Англию для усовершенствования в области кораблестроения. С 1845 по 1853 гг. Чернявский постро-

ил большое количество судов различных рангов, включая корабль «Храбрый» и 10 канонерских лодок. Он наблюдал за постройкой различных судов, заведовал коллекцией чертежей и библиотекой по кораблестроению. В этот же период построил два 120-пушечных корабля «Париж» и «Великий князь Константин», начал строить первый в России 131-пушечный паровой винтовой корабль «Босфор», построил несколько десятков канонерских лодок и транспорты.

В 1852-1853 гг. Чернявский снова отправился за границу – в Англию и Францию, где изучал новейшие корабли и пароходы. В 1855 г. произведен в подполковники и командирован в Санкт-Петербург для постройки 125-пушечного корабля «Император Николай I» и 10 броненосных плавучих батарей. Тогда же назначен членом Морского ученого комитета. В 1856 г. пожалован в чин полковника и назначен членом Комиссии по реконструкции Охтинской верфи. И в этом же году высочайшим указом назначен председателем Кораблестроительного технического комитета, а в следующем – членом Комитета по изучению лесов Царства Польского.

В 1869 г. Степана Ивановича произвели в чин генерал-майора, что было редкостью для кораблестроителей. С 1858 по 1861 гг. снова командирован в Англию и Францию для изучения кораблестроения этих стран, флоты которых продемонстрировали подавляющее преимущество в Крымскую войну. По возвращении назначен членом Особого комитета по нововведениям в артиллерии и по броненосному судостроению. В 1862 г. назначен членом еще двух комитетов и исполняющим обязанности председателя Морского ученого комитета, а в следующем – членом двух Особых комитетов по рассмотрению перспектив развития флота и его вооружения; в 1864 г. его назначили членом Комитета по подводному плаванию – новой области кораблестроения. В эти же годы Чернявский наблюдал за постройкой фрегата «Петропавловск». В 1865 г. Степана Ивановича назначили председателем Кораблестроительного технического комитета и членом Морского ученого комитета, где он прослужил до своей кончины.

С.И. Чернявский был высокообразованным морским офицером, выдающимся инженером-кораблестроителем. Он владел английским и французским языками. За свою многолетнюю службу Чернявский построил в Николаеве и Севастополе 32 военных судна, среди которых 6 кораблей и 2 фрегата. Степан Иванович Чернявский способствовал созданию в России парового броненосного флота.

За заслуги в области кораблестроения его наградили орденами Св.Станислава II степени, Св.Анны II степени, Св.Владимира III степени, Св.Станислава I степени, и в 1865 г. – высоким орденом Св.Анны I степени, а в следующем – дополнением к этому ордену в виде короны. Кроме того, он удостоен знака «30 лет беспорочной службы» и нескольких медалей.

С.И. Чернявский был женат на дочери военного архитектора Черноморского флота Джона Уптона Марии Ивановне. В Николаеве он проживал в собственном каменном доме.

Умер Чернявский в 1868 г. в Санкт-Петербурге [73].

Генерал-майор И.Д. Воробьев

Иван Дмитриевич Воробьев родился в 1789 г. в солдатской семье. С 1803 г. служит юнгой на судах Черноморского флота и при береговой команде в Таганроге. С 1807 по 1809 гг. учился в Училище флотских юнгов в Николаеве. С 1809 по 1812 гг. Иван – тиммерманский (кораблестроительный) ученик 2-го, а затем – 1-го классов при Николаевском порте, находился «при черчении» проектов судов.

В 1815 г. Ивана Воробьева произвели в тиммерманы унтер-офицерского чина, а в 1822 г. – в тиммерманы 12-го класса (по «Табели о рангах»). В том же году переименован в помощники корабельного мастера. В 1826 г. получил 9-й класс, а в 1827 г. переименован в инженер-капитаны Корпуса корабельных инженеров. В 1831-1832 гг. служил временным членом Учетного кораблестроительного комитета в Николаеве. С 1833 г. – инженер-подполковник, а с 1838 – инженер-

полковник, впоследствии произведен в генерал-майоры.

С 1837 г. И.Д. Воробьев назначен членом Учетного кораблестроительного комитета, а с 1838 г. – его председатель и одновременно исправляющий должность начальника корабельных инженеров Черноморского флота.

Кораблестроительная деятельность Воробьева началась в Николаеве в 1812 г. и продолжалась до 1842 г. Некоторое время он работал на верфях Херсона и Севастополя. Иван Дмитриевич построил в Николаевском адмиралтействе 120-пушечный корабль «Три Святителя» (1838 г.) и участвовал в постройке и ремонте разных судов. С 1838 по 1842 г. он построил 84-пушечный корабль «Варна» и наблюдал за постройкой более 50-ти разных судов как начальник корабельных инженеров (от 120-пушечных кораблей до перевозных ботов). Всего с 1834 по 1842 гг. И.Д. Воробьев построил в Николаеве семь судов.

За свою кораблестроительную деятельность Иван Дмитриевич награжден тремя орденами и ценными подарками. Он жил в Николаеве в собственном доме.

Умер И.Д. Воробьев после 1847 г.

Инженер–генерал–лейтенант И.С. Дмитриев

Иван Сергеевич Дмитриев родился в 1804 г. в Херсонской губернии. В 1814 г., будучи любознательным мальчиком, он поступил на службу в кораблестроительную команду Черноморского флота тиммерманским учеником (в Николаеве). В 1821 г. Ивана Дмитриева выпустили тиммерманом (корабельный плотник, чертежник). Через шесть лет произведен в прапорщики Корпуса корабельных инженеров, после чего служил корабельным плотником, занимаясь ремонтом судов.

Самостоятельная работа по кораблестроению началась в 1834 году. За два года И.С. Дмитриев построил в Николаеве несколько судов, включая пароход «Северная звезда», после чего был направлен в Англию и Северную Америку для со-

вершенствования в области кораблестроения.

По возвращении в Николаев, с 1839 по 1854 гг. построил в Николаевском адмиралтействе несколько судов, включая 84-пушечные корабли «Ягудиил», «Ростислав», «Святослав», «Императрица Мария» и «Чесма», пароходы «Грозный» и «Молния». В 1855 году произведен в чин полковника.

В 1854-1858 гг. построил в Николаеве на Спасском адмиралтействе первый в России 135-пушечный паровой винтовой корабль «Цесаревич» и яхту «Тигр» с машиной 400 лошадиных сил.

В 1858 году Дмитриева перевели в Петербург, где он построил два фрегата. С 1860 года Дмитриева произвели в чин генерал-майора и назначили инспектором кораблестроительных работ Петербургского порта.

В 1863 г. Дмитриев был командирован за границу для изучения железного и броненосного судостроения, после чего он построил в 1865-1871 морскую паровую яхту «Держава». В 1868 г. произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен председателем Морского технического комитета. В 1877 г. за большие заслуги в области кораблестроения назначен членом Конференции (Совета) Николаевской морской академии (С.-Петербург).

В эти годы Дмитриев разработал проект современного броненосного крейсера, за что в 1879 г. был награжден бриллиантовым перстнем.

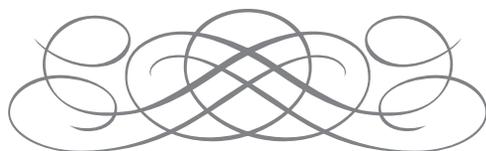
За плодотворную работу в области кораблестроения в 1870 г. Дмитриева наградили орденом Св. Анны I-й степени. Через десять лет он был произведен в корабельные инженер-генералы (первый случай!) и назначен членом Адмиралтейств-совета.

И.С. Дмитриев был одним из самых активных судостроителей. В Николаеве им построено 20 судов, включая 5 кораблей; в Петербурге – 3 судна. Он – признанный зачинатель парового броненосного судостроения в России.

Умер Иван Сергеевич в 1881 г. в Санкт-Петербурге.

Р.Г. Судковский. Одесский рейд, 1876 г.

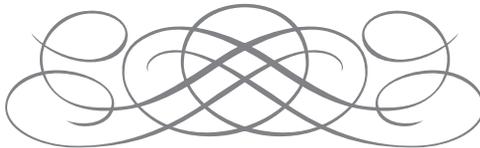
Глава восьмая

Государственные и общественные деятели, купечество

Алексею Грейгу как Главному командиру Черноморского флота по долгу службы приходилось поддерживать деловые контакты с вышестоящими лицами: начальником Морского штаба, управляющим Морским министерством или с морским министром, а в ряде случаев и непосредственно с императором. Помимо этого, Грейг как военный губернатор Николаева, Севастополя и других портов, подведомственных ему, взаимодействовал с городскими властями – городской Думой и городским головой, с полицмейстером и т.д. Будучи главным финансово ответственным лицом, он обязан был поддерживать связи с различными купцами, с поставщиками и промышленниками. По долгу службы ему приходилось также общаться с генерал-губернатором Новороссии. Занимаясь вопросами экономики, Грейг взаимодействовал также с рядом общественных организаций, например, с Вольным экономическим обществом.

Остановимся на некоторых лицах из указанных выше, с которыми у Грейга были хорошие деловые отношения, и даже дружеские.

Адмирал граф Н.С. Мордвинов

Об этом человеке во втором издании Большой советской энциклопедии сказано только то, что он был «видным общественным и государственным деятелем и экономистом». Но ничего не говорится о том, что он был боевым моряком, одержавшим две победы в морских сражениях под стенами Очакова; более того, он был адмиралом, Главным командиром Черноморского флота и портов. Его неоднократно назначали на высокие посты, но вскоре снимали. Он дружил с М.А. Фалеевым и А.С. Грейгом, но его не любили Г.А. Потемкин, А.В. Суворов и Ф.Ф. Ушаков. Кто же эта столь противоречивая личность в истории России? Имя этому человеку – Николай Семенович Мордвинов.

В дни мира и войны

Что бы ни говорили классики марксизма, но ход Истории зависит, в основном, от личностей, управляющих ее рычагами. Так и история Николаева в большей степени зависела от того губернатора, который управлял городом. К числу неординарных личностей относится адмирал Н.С. Мордвинов.

Николай Мордвинов родился в 1754 г. в селе Покровском Новгородской губернии. Около десяти лет он был взят в царский дворец для совместного воспитания с великим князем Павлом Петровичем (тогда так было принято). С двенадцати лет Николай начал служить на флоте гардемаринном, ежегодно плавал по Балтийскому морю. В 14 лет его произвели в первый офицерский чин – в мичманы. С 15 лет он уже командовал придворной яхтой «Счастье».

В 1770 г. Николая назначили флигель-адъютантом к его отцу, старейшему русскому адмиралу Семену Мордвинову, который командовал Кронштадтским портом, а в следующем году определили в генеральс-адъютанты майорского ранга к адмиралу Ноульсу, англичанину на русской службе. В двадцатилетнем возрасте Николая Мордвинова отправили а Англию служить волонтером в Королевском флоте.

Во время службы в английском флоте Мордвинов неод-

*Адмирал граф Николай Семенович Мордвинов.
С портрета К. Рейхеля, 1817 г.*

нократно плавал в Америку, путешествовал по Германии, Франции и другим странам. В 1781 г. ему преподнесли новогодний подарок – произвели в капитаны 2-го ранга, а через два года – в капитаны 1-го ранга. С 1781 г. Н.С. Мордвинов командовал кораблями, а в 1782–1784, командуя кораблем «Царь Константин», он в составе эскадры вице-адмирала Чичагова совершил плавание в Ливорно и обратно.

В конце 1784 г. Николай Семенович был уволен за границу на один год, но по каким-то соображениям ему было сохранено жалование, что случалось крайне редко в русском флоте. Мордвинов прибыл в Ливорно и здесь женился на Генриете Александровне Кобле, родной сестре Партридж (Кобле), которая была женой английского консула. Генриета Кобле родилась в Англии, но воспитывалась в семье сестры, жившей с мужем в Италии. Она была умна и «удивительная красавица».

Н.С. Мордвинов был умным и образованным человеком, он прекрасно знал математику и несколько европейских языков – английский, немецкий, французский, греческий и латынь. Наслышав о достоинствах Мордвинова как человека, любящего порядок, точность и дисциплину, князь Потемкин ордером от 11 сентября 1785 г. пригласил его на должность старшего члена Черноморского адмиралтейского правления, только что открытого в Херсоне, т.е. назначил его своим первым и прямым помощником по флоту.

В 1787 г. Николая Мордвинова произвели в контр-адмиралы, и тогда же началась Русско-Турецкая война. Князь Потемкин обложил Очаков – сильнейшую турецкую крепость в устье Днепровско-Бугского лимана. В этом же году, командуя эскадрой из 8 судов, Мордвинов одержал свою первую морскую победу, прогнав турецкий флот из-под стен Очакова и начав бомбардировку крепости с воды. За это сражение контр-адмирала наградили орденом Св.Анны I степени.

7 июня 1788 г. русская Лиманская флотилия нанесла еще одно поражение турецкому флоту у стен Очакова. Н.С. Мордвинов, как всегда чрезмерно мечтательный, уже ви-

дел новую «Чесму» под стенами Очакова и себя в качестве героя-победителя. Еще 23 сентября 1787 г. он писал в Севастополь командующему парусным флотом М.И. Войновичу: «Пришлите ко мне надежнейших и таковых, которые могли бы совершить сильный удар, который я намерен непременно учинить при Очакове».

В тот же день Мордвинов высказал Потемкину свою тайную мечту: «Дай, Боже, возобновить мне Чесменский бой, а сухопутным силам скорое овладение Очаковым. Получив такие победы, могу я тогда пуститься в открытое море или безопасно отстаиваться на Буге».

17 июня в Лимане снова разразилось морское сражение, а 18 июня турецкий флот был разгромлен и бежал из-под стен Очакова. Императрица Екатерина была в восторге от этой победы и даже сравнивала ее с Чесменской викторией. Но – ирония судьбы! – Мордвинова при этом сражении снова не было. Он заседал в Херсоне в Адмиралтейском правлении и оттуда командовал, рассылая приказы и циркуляры. Именно в Херсоне проявились отрицательные стороны характера контр-адмирала: медлительность, слепая вера в силу приказа, формализм и подавление инициативы. Это скоро стало заметно и А.В. Суворову, командовавшему войсками на Кинбурнской косе, и главнокомандующему Г.А. Потемкину, осаждавшему Очаков.

Видя неповоротливость Н.С. Мордвинова, Суворов неоднократно жаловался на него и высмеивал в письмах. Черноморское адмиралтейское правление Суворов именовал не иначе, как «премудрая Академия» и «Херсонская Академия». В одном из писем Мордвинову Суворов прямо обвиняет его в бездействии: «Вы по службе делаете столь слабое воздаяние...». В письме секретарю князя В.С. Попову: «Они, ни Пауль Жонс, не виноваты, но способность Николая Семеновича. Боже сохрани предсуждения! Коли останусь жив, суд разберется». А вот из письма принцу Нассау-Зигену: «Бог да хранит нас от Академии». Не очень лестно оценил Суворов и первую морскую победу под стенами Очакова, написав Потемкину, что Мордвинов с флотом «воевал с мельницами».

Формализм контр-адмирала особенно проявился, когда турки предприняли десант из Очакова на Кинбурнскую косу. Все это происходило на виду Лиманской флотилии, но она ничего не предпринимала, так как Мордвинов, следуя букве «Морского устава», запретил без приказа начинать какие-либо действия. Лишь мичман Джулиано де Ломбард, командир галеры «Десна», бросился на помощь Суворову. Турки, завидя бесстрашную галеру и приняв ее за брандер, обрубали якоря и удрали к Очакову. Мордвинов, узнав о поступке Ломбарда, за самостоятельные его действия приказал отдать мичмана под суд. Только вмешательство Суворова, написавшего в резкой форме Потемкину о решении контр-адмирала, спасло Ломбарда. Князь дал жесткую отповедь Мордвинову и наградил Ломбарда орденом и следующим чином.

Видимо, Мордвинов понял, что он не проявляет себя как флотоводец, сидя в Херсоне, поэтому в октябре 1788 г. он лично возглавил Лиманскую флотилию. 30 октября эта флотилия под командованием контр-адмирала уничтожила под стенами Очакова 23 турецких судна. Тем самым была оказана неоценимая помощь Потемкину, осаждавшему крепость, так как у турок не оказалось судов для поддержки Очакова со стороны Лимана.

Однако эта победа уже не спасла положения Мордвинова. Отношения между Потемкиным и Мордвиновым не сложились: слишком разные они были люди. Князь – это быстрота, энергия, стремительность, напор, принятие скорых и неординарных решений. Мордвинов – полная ему противоположность: медлительность, строгое следование инструкциям, стремление всю жизнь подчинить предписаниям, действовать только по сложившемуся трафарету.

Такой стиль управления флотом несколько раз приводил к стычкам между Мордвиновым и Потемкиным. 12 октября 1788 г. Потемкин написал контр-адмиралу резкое письмо с обвинениями: «Я вам откровенно скажу, что во всех действиях правления больше формы, нежели дела... Есть два образа производить дела: один, где все возможное обраца-

ется в пользу и придумываются разные способы к поправлению недостатков, – тут, по пословице, – и шило бреет; другой – где метода наблюдается больше пользы – она везде брементит и усердию ставит препоны».

Наконец, не выдержав, Потемкин уволил Мордвинова от службы, назначив вместо него контр-адмирала М.И. Войновича. 27 декабря 1788 г. Н.С. Мордвинов сдал дела Войновичу, отправившись в отпуск. В следующем году Мордвинов был официально уволен, но в 1790 г. вновь принят на службу с тем же чином. Однако отношения между Потемкиным и Мордвиновым вновь не складывались. Обиженный контр-адмирал обратился к светлейшему с кратким, но выразительным письмом. «Светлейший князь, Милостивый Государь! Долговременное и бесполезное пребывание мое в Херсоне подает мне смелость просить увольнения. Я призываю все добродетели Ваши к освобождению моему. Не отложите их для того, который усердно Вам служил и свято славу и пользу Вашу охранял. Осуждения против меня не известны мне. Означенные в ордере, произнесены были во время гнева. Самый гнев молчанием моим я почитал. В спокойный час явите мне милость, правосудие и великодушные. Имею честь быть с глубочайшим почтением и преданностью. Николай Мордвинов, 16 мая 1790».

В том же году письмом от 16 августа Мордвинов попросился у Потемкина в отпуск «для обозрения имения». Через год Мордвинов снова обратился к Потемкину с письмом, в котором обрисовал свое бедственное положение и попросился в отставку с пенсией. «Упражняясь в сельском хозяйстве, не менее буду служить я отечеству своему, – писал контр-адмирал, – склонность и знание мое приобретенное долговременным учением земледелия, могут сделать меня полезным и для общего блага». В конце письма Мордвинов не забыл и попросить у князя «землицы»: «Если не будет сочтено дерзновением, но единственно признанием добродетели и благоволения Вашей Светлости ко мне, осмеливаюсь просить в Тавриде землю, называемую Таракташ» (24 мая 1791 г.)

Осенью 1791 г. умер князь Потемкин-Таврический, и звезда Мордвинова взошла над Николаевом. Екатерина почему-то выбрала именно Мордвинова в качестве первого Главного командира Черноморского флота и портов и назначила его на эту должность 24 февраля 1792 г. с производством в вице-адмиралы. И вскоре появились награды: вспомнив о победах Н.С. Мордвинова под стенами Очакова, императрица наградила его в 1792 г. высоким орденом Св.Александра Невского, а в следующем году – Св. Владимира I степени «за храбрые подвиги в начале последней войны с турками».

В 1794 г. состоялся переезд Мордвинова с его огромной семьей в Николаев в новый «адмиралский дом», и началась тихая и спокойная жизнь в новом для него городе. Николай Семенович не торопил события, больше проявлял заботы о своей обременительной семье, чем о судостроении, портовых городах и флоте.

В благословенном Николаеве

Мордвинов не очень утруждал себя заботами о развитии города. В силу своего характера, это был кабинетный философ, мечтатель и педант. В мечтах он рисовал прекрасное будущее молодому городу и ярко расписывал это будущее в своих докладных, о которых Екатерина говорила, что они «написаны золотым пером». О том, каким виделся Мордвинову Николаев, можно судить по прекрасному генеральному плану, подписанному им примерно в 1795 г. Но все его прекрасные мечты – только в «желтом цвете», которым окрашивались предполагаемые постройки – так и не были осуществлены за время его правления. Мордвинов мог только мечтать, планировать, писать записки «золотым пером», но он не был человеком действия. Для осуществления всего этого нужны были деньги, и немалые, их надо было тогда также «выколачивать» у правительства, как и сейчас, но вице-адмирал считал, что правительство обязано было дать средства. А оно не давало! И все же, город понемногу строился, что-то само по себе двигалось вперед, появлялось новое.

Точно так же Мордвинов не проявлял особых забот и о развитии судостроения в Николаеве. Он по-прежнему пополнял флот только за счет Херсонской верфи. В Николаеве потихоньку достраивали суда, заложенные еще при Потемкине: корабль «Св.Павел», два легких фрегата, да построили два небольших транспортных судна; еще два ранее заложенных фрегата, застрявших надолго на стапелях, разобрали на дрова.

Зато общественная жизнь в Николаеве процветала. Вот как вспоминает дочь вице-адмирала Н.С. Мордвинова о жизни благородного общества в городе: «В Николаеве мой отец устроился очень хорошо, климат там здоровый, и жизнь его вообще изменилась, сделалась гораздо удобнее во всех отношениях. Его семейство составляло около двадцати человек, кроме семейства нашего и родственных наших, тетушки Елизаветы Семеновны с сыном, дядюшки Фомы Александровича Коблея, в ежедневном нашем обществе были приятельница матушки мадам Гакст с дочерьми и баронесса Боде с детьми, граф Александр Иванович Остерман-Толстой, граф Гейден и Гамильтон – оба моряки, многие из французских эмигрантов, которые поступили на службу в Черноморской флот, также посещали довольно часто, графиня Кастро де-ла-Сердо, богатая помещица, постоянно проживавшая зиму в Николаеве со своими детьми, и многие городские дамы приезжали к нам по вечерам.

У отца моего был всегда открытый стол: кроме всего нашего семейства, многие офицеры, служившие под его началом, часто приходили обедать без особенного приглашения, так что у нас бывало за столом иногда тридцать и сорок человек. Всегда были полны приятным оживленным обществом, и так как в Николаеве было много молодых людей, то два раза в неделю были балы, один раз у нас, а другой – в клубе; были маскарады, кавалькады и вообще проводили время очень весело...

Лето мы всегда проживали за городом; один год жили в Богоявленском, в 12-ти верстах от Николаева, остальные годы – в Спасском, прекрасном месте на берегу реки Бут

(оба основаны Потемкиным). Туда по воскресеньям приезжали гости из города, гуляли, веселились, и вечер всегда оканчивался танцами.

Многие путешествующие останавливались в Николаеве, проживали месяцами в этом счастливом уголке, увлекаясь приятным обществом и жизнью, которую тут проводили, и называли его маленьким оазисом в степи, в новом нашем малонаселенном крае».

Тесная дружба связывала Н.С.Мордвинова со строителем города М.А. Фалеевым, начавшаяся еще в Херсоне. Вот как об этом пишет дочь вице-адмирала Н. Мордвинова: «Г-н Фалеев был очень богат и не имел прямых наследников; несколько раз при жизни своей он просил моего отца, в знак дружбы, принять от него это имение (Кача – в Крыму), и мой отец всегда отказывал, но по смерти Фалеева принял в память, по завещанию».

Взойдя на престол, император Павел Петрович обрушил свой гнев на Н.С. Мордвинова, как это было со всеми екатерининскими вельможами, а, наоборот, наградил своего друга детства очередным чином: в 1797 г., в сентябре, Мордвинов был произведен в адмиралы.

Идиллическая жизнь в Николаеве прервалась внезапным тайным приездом императора Павла I. В октябре 1797 г. Павел решил лично ознакомиться с новоприобретенными землями и убедиться, что затраты огромных средств оправданы какими-либо успехами. Инкогнито царь побывал в Николаеве, где проверил деятельность Мордвинова, затем выехал в Одессу, где ознакомился с новым городом и портом, проверив распорядительность О.М. Дерибаса. В это время между двумя адмиралами разразилась жестокая борьба: Мордвинов считал, что новый морской порт надо строить не в Одессе, а в Очакове, а Дерибас хотел вообще перевести все управление Черноморским флотом и судостроение в приморскую Одессу. Но более ловкий Дерибас успешнее интриговал против Мордвинова.

Инспекторская поездка Павла по южным губерниям кончилась тем, что оба враждовавших адмирала были вызваны

в Санкт-Петербург и предстали перед Павлом Петровичем. Это случилось в 1798 г. Мордвинов после аудиенции у императора был посажен под домашний арест, а Дерибас вернулся в Одессу, достраивать ее. Н.С. Мордвинов просидел под арестом недолго и был вскоре возвращен в Николаев на прежнее место. Однако управлял он флотом и городом недолго. В конце 1798 г. в Глубокой пристани, что у Станислава, взорвался пороховой погреб Черноморского флота, и 28 января 1799 г. по этой причине Николай Семенович был уволен от службы.

Н.С. Мордвинов не оставил после себя в городе никаких достойных упоминания построек и дел. Лишь сточная канава для спасения низкой части города от ливневых наводнений, построенная в 1795–1798 гг., осталась нам на память об адмирале (известна в городе как «Мещанская канава»). Адмирал был первым, кто стал раздавать пустующие казенные земли под дачи, сады и огороды; им основан Казенный сад.

О николаевском периоде правления Н.С. Мордвинова дал весьма нелестный отзыв канцлер А.А.Безбородко. Вот отрывок из его письма графу С.Р. Воронцову (9 февраля 1795 года): «Все однако же ничто в сравнении корабельного флота Черноморского. Там все до такого бедственного дошли состояния, что и сказать – стыдно и жалко. В с-во удивитесь, когда узнаете, что князь Потемкин по крайней мере успел хотя гнилые корабли вводить в море в большом числе и что он при всем прочем имел великое в отношении людей проницание. Он худо отзывался о Мордвинове. И сие относя к личному гонению, по его смерти поставлен Мордвинов в главном начальстве над флотом и адмиралтейством.

Теперь выходит дело, что сей человек, при наружном виде англичанина и твердого в своих правилах, делает вещи страшные и, конечно, вскоре очутится богатым человеком. Все втрое становится там; долгов накопилось с суммою потребною на необходимые постройки до 9000000 рублей, кораблей, вместо положенных 20 по штату, всех только 9, когда турки назначили у себя иметь 25 линейных на одно

Черное море. Гребной флот тут не существует, кроме гнилых остатков князя Потемкина и несколько десятков запорожских лодок, на кои покойник втащил осадные орудия. Рибас, хотя также кармана своего не забывает, но гораздо скромнее нашего природного адмирала и всеми образы хочет увильнуть от сообщества с ним. В бытность Мордвинова здесь держаны были конференции у здешних флагманов с ним о штатах, на кои наши доказали ему все оплошности, а ныне бралися за гораздо меньшие деньги сделать больше, подчиняя Черноморское Адмиралтейство коллегии; но тут я думаю помешало самолюбие и охота присвоить себе ежели не точную команду, то по крайней мере опеку над всем тамошним краем и всем, что в нем есть... Хваленый ваш Мордвинов более свои дела делает».

Петербургский триумф

В 1799 г. отставной адмирал вместе со своей многочисленной семьей и родней уехал из Николаева в Санкт-Петербург. Но отставка длилась недолго: в 1801 г. Мордвинов вновь принят на службу и назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. В сентябре этого года адмирала назначили присутствовать в учрежденном при императорском дворце Совете. В этом Совете Мордвинов, активно занимавшийся экономикой России, представил проект «Трудопоощрительного банка для развития промышленных сил страны и обеспечения производительного труда».

В начале сентября 1802 г. новый император Александр I назначил Н.С. Мордвинова министром морских сил. Но и здесь адмирал проявил себя образцовым бюрократом, вызвав недружелюбие и интриги других высоких морских чинов. Примерно через три месяца, за три дня до нового года, Мордвинов был снят с поста министра. Но за короткое время пребывания на посту министра адмирал успел составить два важных документа: об обшивке всех вновь строящихся кораблей медью и об освобождении матросов от тяжелой обязательной работы.

В Петербурге Мордвинов занялся основательно любимым делом – экономикой России. Он предлагал развивать

промышленность России в рамках помещичьих хозяйств. Николай Семенович был ярким сторонником сохранения крепостного строя в России. Он написал несколько основных работ по сельскому хозяйству и промышленности.

Летом вся семья уезжала на юг, в Крым, где были обширные имения адмирала, или в Одессу к брату жены его, Ф.А. Кoble, который стал одесским градоначальником. Если семья оставалась на лето в Петербурге, то они отдыхали на дачах друзей Мордвинова или на даче «Санзанюй» у А.С. Грейга, или у адмирала Чичагова, или у Бека, хозяина дома, где жил Грейг, пребывая в Петербурге. Любопытный факт вспоминает дочь адмирала Наталья: «В Николаеве была трогательная встреча отцу моему. При переправе через реку Буг матросы, бывшие прежде под его начальством, на спуске к реке отпрягли лошадей и карету его повезли на себе в доказательство любви и преданности к бывшему своему начальнику». Это было осенью 1805 г. при возвращении Мордвинова с семьей из Крыма.

В 1806 г. Мордвинов находился в Москве, где был избран предводителем земского ополчения Московской губернии (для борьбы с Наполеоном).

С 1810 г. адмирала Мордвинова назначили членом Государственного совета, где он пробыл до 1823 г., занимая последовательно посты председателя департаментов государственной экономики, гражданских и духовных дел. В эти же годы он был назначен членом Комитета министров, Комитета финансов и Земледельческого комитета. В 1820 г. Н.С. Мордвинов основал Московское общество сельского хозяйства.

За выдающуюся деятельность на пользу государства Мордвинов в 1823 г. был награжден высшим орденом России, основанным еще Петром I, – Св. Андрея Первозванного.

С 1823 по 1840 гг. адмирала Мордвинова, как выдающегося русского экономиста, ежегодно избирали председателем Императорского Вольного экономического общества. В эти же годы он был избран почетным членом Императорской академии наук. В 1829 г. Мордвинова награди-

ли алмазными знаками ордена Св.Андрея Первозванного. 25 июня 1834 г. Мордвинов получил титул графа Российской империи, но, как вспоминают современники, «это не обошлось без интриг».

У адмирала Мордвинова была большая семья. Во время эпидемии в Херсоне он потерял сына Николая, родившегося в этом городе, и старшую дочь Софью. В Москве родилась дочь Вера, а в Николаеве дочь Наталья и сын Александр, ставший известным русским художником-маринистом. Сын Павел, как и отец, был моряком. Помня о южных эпидемиях, унесших множество людей, в том числе и его детей, Мордвинов много сделал для оспопрививания в России.

Несколько слов следует сказать о роли Мордвинова в деле декабристов. Адмирал был членом Следственной комиссии. Он не разделял взглядов и не одобрял действий декабристов. Мордвинов не подписал смертный приговор только потому, что, будучи «законником», считал нарушенным закон Екатерины II о запрещении смертной казни в России. Вместе с тем, декабристы весьма чтили Мордвинова, и некоторые предлагали его, после переворота, сделать «диктатором». К. Рылеев посвятил Мордвинову оду «Думы»; оду «Гражданское мужество» написал также о нем. А.С. Пушкин намеревался написать роман «Русский Пелам», где одним из героев должен был стать Н.С. Мордвинов.

Умер адмирал Мордвинов в 91 год, в 1845 г., в один год со своим другом А.С. Грейгом. Он жил в шести царствованиях, начиная от Елизаветы и заканчивая Николаем I. О Мордвинове написаны две книги: «Граф Н.С. Мордвинов» В.С. Иконникова и «Воспоминания об адмирале, графе Н.С. Мордвинове», написанные его дочерью Натальей.

Завершая этот очерк о жизни и деятельности Мордвинова, я хочу предоставить слово самому адмиралу: «Всевышний создатель не сотворил меня равнодушным к общественному благу, и всякое побуждение к личным выгодам и собственным пользам исторг из мысли и сердца моего».

Н.С. Мордвинов похоронен в Санкт-Петербурге.

Адмирал маркиз И.И. де Траверсе

Среди морских министров России, пожалуй, самым непопулярным среди моряков, а впоследствии и историков, был адмирал, маркиз Иван Иванович де Траверсе. Его обвиняли в развале флота и кораблестроения, а некоторые недоброжелатели называли его даже предателем. Его необычайно быстрый взлет, от капитана французского флота до российского адмирала, вызывали удивление, зависть и злобу, в особенности, когда он стал неожиданно для всех морским министром. В насмешку маркиза прозвали «адмиралом «маркизовой лужи», а Финский залив и Невскую губу, где когда-то прошла служба де Траверсе и где плавал Балтийский флот, когда он был министром, прозвали «маркизовой лужей». И при жизни де Траверсе считали самым плохим министром, и после смерти – в разгар славянофильства, и в советское время. Но таким ли он был на самом деле? Давайте все же попробуем разобраться в оценке этой личности объективно.

В 1739 г. первого Главного командира Черноморского флота адмирала Н.С. Мордвинова сменил в Николаеве адмирал В.П. фон-Дезин, родом из прибалтийских немцев. Это был адмирал-неудачник, как и его брат М.П. фон-Дезин. Все его командование эскадрами на Балтике заканчивалось провалами. Екатерина II не любила обоих братьев и удивлялась тому, что они стали адмиралами. Императрица говорила: «Тот виновен пред Отечеством, кто ввел в адмиралы обоих фон-Дезинов». А однажды в сердцах она воскликнула: «Я бы повесила тех, кто сделал фон-Дезинов адмиралами!».

Но время уже было другое. Россией правил Павел I, который назначал на высокие посты всех, кто был в опале при Екатерине. Так В.П.фон-Дезин стал Главным командиром Черноморского флота и пробыл в этой должности до 1802 года, ничего не сделав ни для флота, ни для развития судостроения. При нем в Николаеве не было заложено ни одного судна, эллинги гнили, судостроение зачало, ничего примечательного не было сделано и для самого города.

После смерти Павла I, с приходом к власти Александра, бездарный адмирал фон-Дезин был переведен на Балтийский флот, а на его место в августе 1802 года император назначил маркиза И.И. де Траверсе, бывшего сослуживца фон-Дезина и подчиненного.

Путь в адмиралы

Маркиз Иван Иванович де Траверсе, как его окрестили в России, – французский аристократ, бежавший от ужасов революции, – был капитаном Королевского Французского Флота. Настоящее его имя – Жан-Батист Прево де Сан-Сак маркиз де Траверсе. Он родился в 1752 г. Смолоду служил в армии и флоте. В России 7 мая 1791 г. его зачислили в гребной флот капитаном генерал-майорского ранга. На русскую службу пришел не волонтер, никогда не служивший на флоте, как де Траверсе часто представляли русские и советские историки, а почти сорокалетний офицер, прошедший морскую выучку и колониальные войны. Спустя месяц его «переименовали» в контр-адмиралы гребного флота. Командуя гребной эскадрой, Иван Иванович крейсировал между Кронштадтом и Роченсальмом (в северной части Финского залива). А далее начинаются сплошные загадки, о чем повествует его «формулярный список о службе и достоинстве».

В 1792–1796 годах де Траверсе командовал гребным флотом при Петербургском порте, т.е. в месте стоянки бездействовавших тогда судов, будучи более пяти лет в Петербурге. Жизнь его спокойно протекала на берегу, поскольку гребной флот не выходил в море.

В 1796 г. Ивана Ивановича назначили командиром Роченсальмского порта. В следующем году он, командуя эскадрой канонерских лодок под общим начальством адмирала В.П. фон Дезина, плавал между Роченсальмом и Аспэ. 30 сентября этого же года де Траверсе был произведен в чин вице-адмирала и получил в награду очень высокий орден – Святой Анны 1-й степени, минуя все более низшие награды. К этому император Павел I добавил еще 500 душ крепостных в Пензенской губернии. С чем связаны эти награды, посыпавшиеся как из рога изобилия, неизвестно: в формулярном

Адмирал маркиз Иван Иванович де Траверсе

списке маркиза ничего не сказано, хотя это должно было быть отмечено. Но от эксцентричного Павла I можно было ожидать чего угодно: сегодня он наказывал, а завтра миловал. И все же надо отметить, что с девяти лет великий князь Павел Петрович был генерал-адмиралом, он любил флот, но любил также и внешнюю блестящую выправку. Возможно, при каком-либо смотре флота изысканный маркиз произвел на императора особое впечатление, и Павел I осыпал его наградами.

С 1798 г. де Траверсе снова, командуя эскадрой канонерских лодок, плавал в Финском заливе. И только.

И вдруг через два года его производят в адмиралы!

В ночь на 11 марта 1801 г. заговорщики, с согласия цесаревича Александра, убили его отца – Павла I, а через три дня, 14 марта, новый император Александр произвел И.И. де Траверсе в адмиралы. Удивляет, что еще подавленный случившимся и не пришедший в себя царь нашел время для рассмотрения и подписания бумаг о производстве в чинах. За какие заслуги? Но среди участников заговора никто не называет де Траверсе. Опять загадка. Может быть, маркиз также просто понравился новому императору?

Главный командир

В 1802 г. адмирал И.И. де Траверсе был назначен на должность Главного командира Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя, как о том говорится в «Общем морском списке». Еще ничего не успев сделать для флота, Николаева и Севастополя, он через два года награждается высоким русским орденом Святого Александра Невского, который давался за ревностную государственную службу и высокополезные дела. Что ни говорите, но снова загадка!

Так в чем же дело? Историки русского флота склоняются к следующему ответу.

Маркиз И.И. де Траверсе, утонченный французский аристократ с прекрасными манерами, знавший, когда и что нужно сказать, был, безусловно, ловким царедворцем, но умным и блестяще образованным человеком. Зная о

господствовавшей в России континентальной доктрине, которую поддерживал Александр I, де Траверсе не проявлял особой инициативы в действиях флота на Черном море. Например, во время вспыхнувшей русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русское правительство в 1806 г. разработало смелый план захвата Константинополя с моря десантом с кораблей Черноморского флота. Де Траверсе и герцог Ришелье, новороссийский генерал-губернатор, отклонили эту операцию, сославшись на недостаточное число сухопутных войск и слабую их подготовку.

Но, возможно, де Траверсе поступил правильно: высадка десанта на северное побережье Турции, чтобы потом пробиваться через горы к Константинополю – это (при известной стойкости турок в обороне) грозило разгромом десанта; еще более рискованным было бы прорываться через Босфор под огнем турецких береговых орудий. И хотя своим отказом от этой десантной операции де Траверсе не приобрел военной славы, но он уберег русскую армию и флот от огромных потерь.

Так Черноморский флот, в котором принимали участие и николаевские суда, ничем не проявил себя в этой войне, исключая набеговые операции, во время которых дважды была взята и разорена турецкая крепость Анапа, захвачена крепость Сухум-кале, совершены неудачные набеги на Трапезонт и диверсия с захватом турецких судов в Пендераклии. Но и в этих операциях де Траверсе не принимал участия. Он ни разу не вышел с флотом для встречи с турецкими эскадрами в море, чтобы попытаться нанести им ощутимый ущерб.

В связи с войной с Турцией де Траверсе предпринял все меры к защите Николаева и Херсона с воды: на Волошской косе и в Глубокой пристани были запроектированы временные батареи, разработан проект восстановления потемкинского блок-форта на искусственном островке напротив Очакова (совр. о. Майский). Херсонский купец М. Варшавский для этих укреплений изготовил с подряда 50 поворотных платформ для крепостных орудий.

Несмотря на сдержанное отношение правительства к Черноморскому флоту, де Траверсе все же смог возродить в Николаеве судостроение. В 1809 г. был заложен второй в истории Николаевской верфи корабль «Лесное» и фрегат «Минерва», в 1808 г. – корвет «Або», в 1807 г. – спущены две бригантины, «Десна» и «Днестр», и личная яхта Главного командира «Твердая». Как видим, по сравнению с полным бездействием предшественников маркиза, постройка 6 судов была неплохим началом

В 1804–1805 гг., согласно распоряжению правительства, в Адмиралтействе построена компасная мастерская, которая стала первым предприятием точной механики и оптики в Николаеве.

В 1802 г. 8 октября вышел императорский указ об образовании Николаевской губернии с центром в Николаеве и был назначен губернатором действительный статский советник Акулов. Но губерния просуществовала недолго. Де Траверсе считал, что Николаев – слишком маленький город, чтобы в нем могли мирно ужиться две управляющие силы – Главный командир Черноморского флота и независимый губернатор. Поэтому с его подачи указом от 15 мая 1803 г. Николаевская губерния была ликвидирована, а вместо нее образована Херсонская губерния с городом Николаевом, входящим в нее. Так было произведено «разделение властей».

В сентябре 1803 г. де Траверсе учредил Депо карт, которое должно было заниматься гидрографической службой. Заботясь о духовной жизни моряков, составляющих основное население, маркиз организовал при нем Кабинет древностей, типографию и литографию. Кабинет древностей, куда свозилась все исторические находки, обнаруженные на землях Морского ведомства, стал первым музеем в Николаеве. При Депо карт была создана прекрасная библиотека.

7 октября 1803 г. был учрежден первый герб Николаева, включавший в свою эмблему атрибуты Св. Николая Мирликийского. Для подготовки военных моряков в 1804 г. открыто Училище флотских юнг, куда принимали детей ма-

тросов, солдат и разночинцев, но годом раньше ликвидировано Училище корабельной архитектуры, не выпустившее ни одного судостроителя (за ненадобностью).

Военный губернатор

20 марта 1805 г. официально утверждена должность Николаевского и Севастопольского военного губернатора, которую должен был занимать Главный командир Черноморского флота. Первым губернатором Николаева и Севастополя утвержден маркиз де Траверсе. Этим он окончательно отделил управление города от Херсонской губернии, сделавшись независимым военным губернатором. Такое управление сохранялось почти 100 лет.

В Николаеве де Траверсе, как истый французский аристократ, начал с создания нормальных удобств для жизни. Он перестроил мордвиновскую «избу», торжественно называвшуюся «адмиральским домом» в красивый небольшой дворец, выполненный в стиле позднего русского классицизма (по-видимому, по проекту Ф.И. Вунша), перепланировав его и пристроив боковые крылья с колоннами.

Маркиз завел ботанический сад с ажурной оранжереей, где разводил экзотические растения, основал вокруг своего дома дикий и фруктовый сады, цветники и клумбы. Адмирал повелевал также раздавать пустующие земли морякам и горожанам для разведения садов и огородов.

В 1801 г. под покровительством директора Штурманского училища контр-адмирала графа М.И. Войновича был создан любительский театральный кружок из учеников, который впервые дал представление 28 октября. В следующем году граф Войнович издал приказ по училищу, поощряющий работу любительского театра (с этого времени и следует считать начало театральной деятельности в Николаеве). Несмотря на то, что этот театр был создан в угоду прихотям Павла I, любившего представления, его впоследствии поддерживал де Траверсе. Театр при училище был закрыт приказом А.С. Грейга в 1823 г. после на шумевшего в городе дела В.И. Даля как рассадник безнравственности среди юных морских воспитанников.

При де Траверсе город продолжал строиться и развиваться. Но архитекторов и строителей осталось в нем мало, так как казенные постройки, кроме как на территории верфи и в Слободке, не возводились. Уехали из Николаева архитекторы: И.И. Князев, П.В. Неелов, В.А. Ванрезант и М.И. Портарий. Всею архитектурной работой занимался один только Ф.И. Вунш, да вернулся прощенный бывший гзель К. Орлов. Строительством по-прежнему руководил каменных дел мастер А.И. Вектон.

В 1803 г. Ф.И. Вунш разработал новый Генеральный план города и чертежи нескольких адмиралтейских зданий, адмиральского дворца, воловьего двора, домов штаб- и обер-офицеров, казарм на 500 человек, магазина корабельных лесов, провиантского магазина, морского острога. Все это было сооружено на территории Адмиралтейства и в городе.

С легкой руки маркиза в Николаеве стали разводить сады и огороды. Де Траверсе проявлял заботу о Спасском урочище, и о Лесках, где основал свои летние резиденции. Как и во времена Н.С. Мордвинова, в перестроенном изящном «адмиральском доме» по вечерам собиралось благородное общество, давались балы, а летом веселились в Молдаванке, Спасском доме и в Лесках.

А город по-прежнему «пополняли» преступным людом. В 1803 г. вышел Манифест об освобождении ссыльных невольников и о поселении их в южных городах. Немало в городе проживало и пленных турок. В 1807 г. в Николаеве проживало их несколько сот. Для них нанимали частные дома или поселяли на блокшивах.

С ними вместе были семьи и прислуга. Так, у трехбунчужного паши было две жены, свита из 219 человек да у жен свита из 107 человек! А всего в районе Николаева проживало 16635 пленных турок и их семей, составлявших опасную силу. Всю эту ораву надо было кормить, поить и одевать. Только на содержание в Николаеве «трехбунчужного паши и того же достоинства вдовы» тратили 1000 рублей в месяц. Все это было очень накладно, поэтому правительство приняло решение о возврате всех пленных в турецкие земли. В

марте 1808 г. они были вывезены.

Де Траверсе, понимая, что в степной зоне, где находится Николаев, должны хорошо прижиться овцы и бараны, в 1803 г. послал в Испанию габару «Иосиф» за породистыми баранами для разведения на Николаевщине. Так началось у нас овцеводство.

О том, как выглядел город во времена маркиза, можно судить по воспоминаниям французского негодника Сикарда, проезжавшего через Николаев в 1808 г. по пути в Одессу: «Николаев стоит на левом берегу Буга... В сем городе находятся складни и магазины Черноморского флота. Когда мы проезжали, то еще в гавани не было ни одного линейного корабля в отстройке; как скоро они отделяются, немедленно отправляют их в Севастополь. Жителей в городе около девяти тысяч. Почти все – служащие во флоте или жида; сии последние имеют отвратительный вид. Положение Николаева не так хорошо – улицы широки, а дома низкие и выстроены по большей части из дерева или глины». Как видим, то, что радует наш глаз – широкие, прямые улицы – кололо глаз француза, поскольку его глаза привыкли к западноевропейским городам с узкими, кривыми улочками и высокими домами. По-прежнему город страдал от недостатка воды. Спасский водопровод, для которого Мордвинов заказал даже трубы, так и остался на бумаге. Воду приходилось привозить в бочках издалека – из Спасска, работа эта была тяжелой, и вода стоила дорого.

Сохранилось любопытное «жанровое» воспоминание Н.С. Селивановского о капитане Д.А. Лукине, знаменитом силаче, жившем в это время в Николаеве:

«Около пяти лет батюшка был в Николаеве, где подружился со многими флотскими и, между прочим, с силачом Лукиным, бывшим капитаном корабля. Он жил бедно, кучер его Илья, впоследствии бывший у императора Александра, тоже был силен. Бывало у Лукина гости, Илья привозит бочку воды сорок ведер (около 480 килограммов только одной воды, не считая веса дубовой бочки) и вызовет барина со-

ставить; они двое снимут с телеги бочку и бережно опустят на землю».

«С Лукиным было в то же время весьма любопытное происшествие за жену его, бывшею красавицей и несколько кокеткою, – вспоминает далее Селивановский. – Лукин ездил в экспедицию, за женою его ухаживал какой-то итальянец, также лейтенант или капитан флота, и хвастался ее благосклонностью. Лукин вернулся, слухи дошли до него. Желая придрататься к хвастуну, но под другим предлогом, раз на бале у адмирала, проходя мимо его, любезничавшего с дамами, наступил ему на ногу и придавил всю силою. Тот закричал и вскочил на одной ножке – начались объяснения, и назначена была поутру дуэль, и отец мой был выбран Лукиным в свидетели. Весь вечер Лукин был скучен, стоял молча, прислонясь к стене, пил пунш и все не развеселялся. Дело стало гласно; хвастун, боясь встречи с Лукиным, пришел рано прощаться с сестрою, любовницею какого-то адмирала, и матерью, они пристали к нему. Как за секрет, он рассказал в чем дело. Его не пустили, заперли, бросились к начальству; Лукина, ожидавшего на месте, арестовали, а его противника послали куда-то в тот же день, тем и кончилось все».

Лукин погиб в Афонском сражении 19 июня 1807 г., командуя кораблем «Рафаил» (ему оторвало голову турецким ядром).

7 июля 1803 г. в Николаеве учреждена ремесленная управа, ведавшая жизнью мещанского населения города.

В 1805 г. вместо наплавного Ингульского моста из бревен был сооружен понтонный, а в следующем году в Николаеве утвержден Сиротский суд.

Вот то немногое, что сделал маркиз для города. Но самое главное – это отчуждение для Николаева земли. Нам сейчас кажется это вообще каким-то недоразумением, но дело в том, что в русских городах, независимо от их ранга, разрешалось держать скот, включая и крупный рогатый. Для его выпаса требовались земли которые, согласно екатерининскому городовому положению, отмежевывались вокруг пе-

риметра города (заметим, что коров и коз держали в Николаеве вплоть до 30-х годов XX века и гоняли скот через весь город на пашню). Маркизу удалось добиться отмежевания земли за Николаевским полуостровом в сторону Богоявленска и Водопоя и за Ингульским мостом.

В 1807 г. вышло постановление правительства о разборке недостроенных домов Г.А. Потемкина и А.В. Браницкой в Богоявленске на камень для строительства казарм. Так закончили существование еще два своеобразных архитектурных творения И.Е. Старова, которые использовались главными командирами в качестве загородных дач.

О состоянии города во время правления И.И. де Траверсе узнаем из отчета, составленного по требованию министра полиции (27 января 1812 г.). В справке говорится, что в городе при «адмиральском доме» заведен ботанический сад. Морскому ведомству принадлежат: домов деревянных двухэтажных – в городе 2, в Спасске – 1, занимают их Главный командир и «капитан-паша» (пленный турецкий адмирал), каменных двухэтажных – за Слободкою – 4, штаб- и обер-офицерские, каменных одноэтажных – в Николаеве 50, в Слободке 14 и в Спасске 8, всего 71 дом, занимают их «генералитет, штаб- и обер-офицеры», «фонтанов водосточных в Спасске 5» (видимо, два их них – колодцы), пороховых каменных погребов в Спасске 2. Далее в справке говорится: «Обывательских домов каменных 1010, деревянных 358, жителей обоего пола 3285 душ; купцов 2-й гильдии евреев 6 душ, 3-й гильдии христиан 80, евреев 4 души, мещан 1478, цеховых 130 душ. Лавок каменных 57, деревянных 22, всего 79».

В городе уже было 4 водочных и 3 винных завода («Воздвигается фруктовая водка на манер французской»). Очевидно, в Николаеве пили уже тогда крепко. И еще сведения из справки:

«Сверх того коммерческие люди строят для себя мелкие суда.

Училища: штурманское, артиллерийское, флотское для юнг.

Попечением бывшего главного командира г.адмирала маркиза де Траверсе Депо карт снабжено довольно обширно библиотекою и собранием редкостей во всех родах.

...У турецкого паши турок 19».

Морской министр

В 1809 г. адмирал де Траверсе был переведен в Санкт-Петербург и определен управляющим Морским министерством (без оставления прежней должности). В Николаеве вместо маркиза и от его имени управлял в эти годы флотом и городом вице-адмирал Н.А. Языков, которого назначили «исправляющим должность главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора». Только в 1811 г. Иван Иванович был официально «отрешен» от этой должности, а Языков утвержден в ней.

1 января 1810 г. император Александр I преподнес маркизу новогодний подарок, назначив его членом Государственного совета с оставлением в прежней должности, а в следующем году 28 ноября де Траверсе был назначен морским министром; одновременно царь наградил его алмазными знаками к ордену Святого Александра Невского. Затем награды следуют одна за другой: 1814 г. – маркиз награжден «перстнем с портретом Государя Императора, осыпанным бриллиантами и 50000 рублей», в 1816 г. – шведским орденом Меча, в 1821 г. – высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного, в 1828 г. – орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса – «За 25-летнюю службу». Невольно возникает вопрос, за какие заслуги де Траверсе получал эти награды?

Интересно, что за все время, начиная от Петра I, у де Траверсе, как у адмирала, оказался самым коротким «формулярный список» (послужной). В нем указаны все награды, но, кроме ордена Святого Георгия, полученного за выслугу лет, не пояснено ни разу, за что же давались разные награды, которых было довольно много.

Маркиз Иван Иванович де Траверсе 20 марта 1828 г. был уволен с поста морского министра «по собственному желанию» с оставлением его членом Государственного совета и

сохранением всего получаемого им жалования. Было ли это «собственным желанием»? Скорее всего, отставка де Траверсе связана с двумя обстоятельствами: в 1828 г. маркизу исполнилось 76 лет, а это, по понятиям того времени, был уже дряхлый старик, а главное – против него и его деятельности активно выступали моряки и общественность России. Насколько они были объективными, попробуем разобраться далее.

Адмирал И.И. де Траверсе умер 19 мая 1831 г, через три года после отставки.

Взгляд сквозь двухсотлетнюю даль

И все же, был ли де Траверсе случайным человеком в администрации флота, фаворитом или хорошо ориентирующимся в российской и внешней политике профессионалом?

Думается, что последнее предположение более отвечает истине. Никчемный человек не смог бы пробыть 19 лет у руля российского флота, из которых 17 лет – морским министром. Этот своеобразный «рекорд» никем не был превзойден. Более того, пребывание министром у сравнительно мягкого, но двуличного Александра I, не баловавшего флот своим вниманием, и у жесткого и прямолинейного Николая I, пестовавшего свой флот, говорит не только о профессионализме де Траверсе, но и о его умении «лабиринтировать» в зависимости от обстоятельств, учитывая требования флота, возможности государства и внешние условия.

Управление Морским министерством маркизом припало, в основном, на мирные годы. Опыт Отечественной войны с Францией подтвердил, что Россия непобедима своей могучей армией, а ее Балтийский флот играет второстепенную роль в мировых войнах. Так родилась «континентальная доктрина» Александра I, которую умело поддерживал де Траверсе.

Россия не владела спорными заморскими территориями, которые можно было защищать только с помощью флота, поэтому мощный флот ей не требовался. Маловероятными в то время были войны с сильными морскими державами как

Англия и Франция. А ближайшие соседи России – Пруссия, Дания, Голландия и Бельгия – не имели сильных флотов. Бывший главный враг России на Балтике – Швеция – была уже надолго «замирена» Екатериной (вспомним награждение де Траверсе шведским орденом Меча). Поэтому маркиз и не стремился к созданию мощного Балтийского флота, а не потому, что он был предателем.

В те времена единственным серьезным противником России оставалась Турция, поэтому адмирал уделял очень большое внимание Черноморскому флоту, чего не замечают почему-то «историки». Он знал его не понаслышке, а команду им семь лет фактически, а девять – юридически.

Думается, что назначение А.С. Грейга в 1816 г. Главным командиром Черноморского флота произошло с подачи де Траверсе, и во всяком случае, не могло пройти без его представления и поддержки перед царем. Черноморскому флоту требовался энергичный и знающий командир. Таким был адмирал Грейг, и де Траверсе его рекомендовал.

Маркиз де Траверсе не был адмиралом-флотоводцем, он не участвовал не только в знаменитых морских сражениях, но даже в мелких военных стычках, которые происходили далеко от него. Но он был умным, дальновидным начальником флота, прекрасным администратором.

Именно при правлении адмирала де Траверсе русский флот стал активно участвовать в освоении Мирового океана, совершать плавания с целью географических открытий и исследования новых земель. В 1815–1816 гг. состоялась первая российская кругосветная экспедиция под руководством О.Е. Коцебу с целью географических исследований. В 1819–1821 гг. совершились сразу две морских географических экспедиции: антарктическая Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, в результате которой, как считается в отечественной исторической географии, была открыта Антарктида, и арктическая – М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева – для поиска северного морского пути из Тихого в Атлантический океан. В 1822–1824 гг. состоялась северная гидрографическая экспедиция Ф.П. Литке. В 1826–1829 гг.

– новая кругосветная экспедиция под руководством Ф.П. Литке и М.Н. Станюковича. На картах океанов и побережий появились русские имена, в том числе и адмирала де Траверсе: его именем назван остров в Сандвичевом архипелаге и атолл в Тихом океане (Маршалловы острова). Так моряки отметили заслуги адмирала в организации морских географических экспедиций. Как видим, флот не только «барахтался в маркизовой луже».

Обвинения и насмешки в адрес адмирала де Траверсе в том, что при нем флот ходил только в пределах Финского залива, прозванного «маркизовой лужей», и это, якобы, мешало приобретать навыки «хорошей морской практики» (как говорят моряки), также не имеют под собой почвы. Финский залив – далеко не «лужа». Он известен морякам и прибрежным жителям своей дикой мощью и коварством. В анналах истории Балтийского флота хранятся трагические воспоминания о гибели парусного линейного корабля «Лефорт» со всей командой и с тысячью пассажиров, гибель со всей командой броненосной лодки «Русалка» и т.д. И все это – на коротких переходах – поперек Финского залива. (Я сам знаю «характер» Финского залива не понаслышке, а из личного опыта, когда нас при переходе Рига-Ленинград на небольшом парусном катамаране захватил шторм – семь баллов). Кроме того, в навигационном отношении Финский залив очень сложен – множество мелей, банок и луд (каменных «пятен» на уровне поверхности моря). Поэтому в Финском заливе можно было получить прекрасную морскую практику. Гонять же флот и эскадры в мирное время к «английским берегам» или в «Мидетерранию» было накладно для казны, что хорошо понимал прагматичный адмирал де Траверсе.

Нужно еще сказать, что без финансовой и административной поддержки со стороны де Траверсе даже Грейгу не удалось бы возродить флот и судостроение на Черном море и сделать флот боеспособным. К этому добавлю ежегодное финансирование Черноморского флота в размере 6010 миллионов рублей, что позволяло поддерживать судострое-

ние на должном уровне, выделение Николаевскому адмиралтейству дополнительно 8 миллионов экстраординарных сумм для постройки 4 кораблей и 4 фрегатов. Это все – при поддержке адмирала де Траверсе. Далее – преобразование Николаевского адмиралтейства, постройка Спасского и Измайловского адмиралтейств и многое другое.

При маркизе де Траверсе началось паровое судостроение в Петербурге и Николаеве, построена Морская астрономическая обсерватория в нашем городе, по предложению И.Ф. Крузенштерна в С.-Петербурге открыты первые Высшие офицерские курсы, по существу, – Морская академия. Вскоре А.С. Грейг организовал такие же курсы и в Николаеве. По предложению маркиза де Траверсе, в С.-Петербурге была создана общероссийская гидрографическая служба. Все это способствовало началу серьезной научной работы в области кораблестроения, навигации, мореходной астрономии и других морских наук.

Не оправдались и опасения недругов адмирала И.И. де Траверсе в том, что Балтийский флот, проводивший практические плавания только в пределах «маркизовой лужи», потеряет свои навигационные и боевые способности. Посланная в 1827 г. в Средиземное море эскадра Балтийского флота во главе с А.П. Гейденом, объединившись с английской и французской эскадрами, одержала в этом же году блестящую морскую победу при Наварине, в честь которой улица в Николаеве была названа Наваринской. А выпестованный при А.С. Грейге и при поддержке де Траверсе Черноморский флот обеспечил свое господство на море в войне с Турцией в 1828–1829 гг., взяв с моря все стратегические крепости и города на румыно-болгарском и кавказском побережьях. Это обеспечило победоносное продвижение русских войск к Константинополю.

После отставки маркиза де Траверсе в 1828 г. ему на смену пришел пехотный генерал князь А.С. Меншиков. Грейг, «оморячив» его в первой же операции русско-турецкой войны – взятии Анапы, рекомендовал «переименовать» только что «испеченного» управляющего Морским министерством

в контр-адмиралы. Утвердившись потом на этом посту и став морским министром, этот «адмирал» превратился в ярого недруга А.С. Грейга и, не в пример де Траверсе, не только не помогал восстановлению Черноморского флота после войны и чумы, но даже мешал.

Как видим, непредвзятый анализ деятельности де Траверсе, как адмирала и министра, позволяет нам считать его незаурядной личностью.

Потомки маркиза де Траверсе живут в Украине. Один из них – кандидат исторических наук О.А.Траверсе – бывает у нас в городе, он приезжал из Киева на торжественные дни, связанные с историей Николаева.

Городской голова Егор Кустов

По долгу службы А.С. Грейг, как военный губернатор, должен был взаимодействовать с городским самоуправлением – Городской думой и ее председателем – городским головой. Согласно положению о военном губернаторе, он был обязан контролировать действия Думы и городского головы, чтобы не происходило нарушения общегосударственных законов, поэтому все решения городских властей были подконтрольны Грейгу. А это требовало умелого сотрудничества обеих ветвей власти в городе, не приводящего к конфликтам.

Во время правления Грейга в России существовало четыре сословия: дворяне, духовенство, мещане и крестьяне. Армия, флот, полиция и жандармерия не относились к сословиям. Представители всех сословий входили тогда в состав населения Николаева и Севастополя. Но духовенство и дворяне не платили никаких налогов – так же, естественно, как и офицеры армии, флота, полиции и жандармерии. Налоги собирались только с податных сословий – мещан (горожан) и крестьян, живших в городах.

В Николаеве и Севастополе – этих морских портах – основное население составляли представители флота и армии (особенно много было флотских) и их семьи. Они составляли

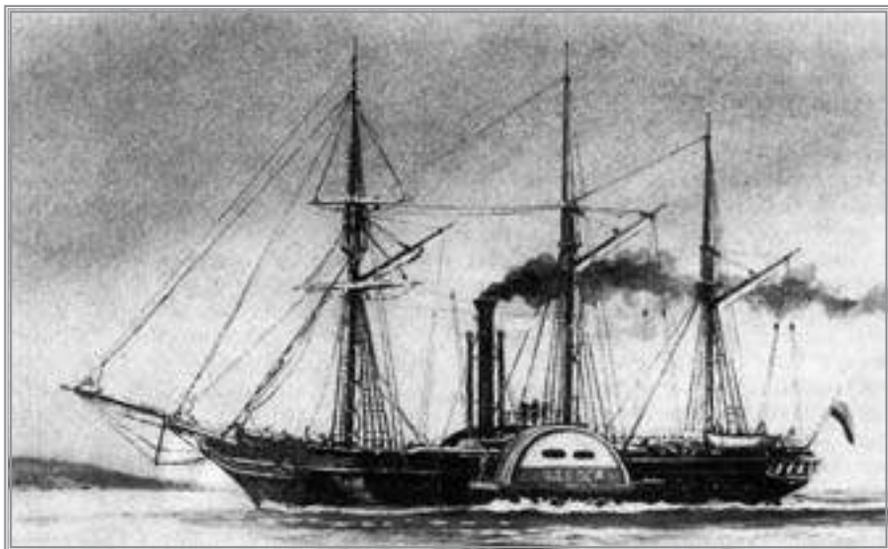
подавляющее большинство, поэтому непомерная тяжесть налогов ложилась на плечи мещан, к которым относились все – инженеры, служащие, интеллигенция, врачи, купцы, торговцы, ремесленники и т.п., и живших в городах крестьян, которые занимались «отхожими промыслами». В связи с этим бюджет города был чрезвычайно малым, и Дума едва сводила концы с концами, заканчивая нередко год с дефицитом. А надо было поддерживать город, порядок в нем, обеспечивать торговлю и развитие города, благоустраивать его.

Адмирал Грейг, понимая все трудности подвластных городов, которые были, по существу, лишь «придатками» при флоте, всячески старался помочь городским властям, строя и благоустраивая Николаев и Севастополь за счет средств флота («хозяйственным способом» – т.е. за счет экономии флотских расходов).

Так были построены павильоны на базаре, Купеческая

Купеческая пристань в Николаеве. Фрагмент плана

Пароход «Одесса». Рис. Е.В. Войшвилло

пристань на Бугском лимане, озеленены, замощены и освещены две улицы – Адмиральская и Соборная, построен бассейн для питьевой воды в Спаске, велось строительство Спасского водопровода, пристани и переправы в Спаске и т.п. Грейг за время своего правления сотрудничал с тремя городскими головами, но особенно плодотворным было его взаимодействие с Егором Кустовым.

Егор Григорьевич Кустов родился в 1785 году. Был купцом третьей гильдии. Избран городским головой в 1818 году и пробыл в этой должности десять лет. Как отмечал Г.Н. Ге, «это был умный и горячий общественный деятель, в каком нуждался город». С 1820 г. он ставил вопрос перед военным губернатором Грейгом об открытии в Николаеве школы, но только в 1827 г. вице-адмиралу Грейгу удалось добиться у правительства разрешения на открытие первой приходской школы (училища) для 25 мальчиков с одногодичным курсом обучения. Для училища город нанял дом Кустова, и его назначили исполняющим обязанности надзирателя училища.

Большим совместным достижением Грейга и Кустова

было основание первой Коммерческой (Купеческой) пристани в районе Поповой балки в Николаеве. До этого все торговые суда шли в Военную гавань, где им было отведено место, огибая большой Николаевский полуостров. При этом в случае противных ветров терялись многие часы, а то и сутки. Новая пристань позволила купеческим судам разгружаться сразу же за входным маяком в Николаев, а оттуда гужевым транспортом везти товары на склады, что существенно сокращало время и затраты.

Е.Г. Кустов имел большую семью, состоящую из жены и четырех сыновей. Его братья Владимир и Григорий также были купцами.

Умер Егор Григорьевич Кустов после 1836 г.

Полицмейстер П.И. Федоров

Он придумал первые названия улиц города, более десяти лет следил за порядком в Николаеве, свыше двадцати лет был фактическим Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором и умер, затравленный клеветой. Имя этому человеку – Павел Иванович Федоров, и оно часто встречается в истории Николаева и Одессы.

Павел Федоров родился около 1780 г. Служил в армии, был прилежным и грамотным офицером. В 1820 г. военный губернатор Николаева вице-адмирал А.С. Грейг, заметив способности и инициативность полковника Федорова, назначил его полицмейстером города.

Считая, что безымянность улиц Николаева создает трудности жителям и властям, Павел Иванович разработал первые названия улиц и в 1822 г. преподнес свой план на утверждение Грейгу. Это были такие названия:

- продольные – Набережная, Адмиральская, Греческая (Никольская), Спасская, Купеческая (Большая Морская), Бирженская, Ризницкая, Католическая, Херсонская, Кузнечная, Рыбная, Сенная и Пограничная (здесь, на этой улице заканчивалась жилая застройка города и начинались левады);

- поперечные – Фонтальная (Наваринская), Бульварная, Интендантская (Фалеевская). Молдаванская, Сторожевая, Елисаветградская (Соборная) и Соборная (Московская). Эти названия были понятны жителям и хорошо «читались». Но вице-адмирал Грейг не утвердил этот проект, отложив его до тех времен, когда у Черноморского флота появятся свои заслуги, и можно будет придать названиям улиц морского города «морской дух». Замечу, что большинство Федоровских названий улиц впоследствии было использовано полицмейстером Г.Г. Автономовым в его проекте, который был утвержден адмиралом М.П. Лазаревым в 1835 году.

В 1823 г. в Николаеве возникло судебное дело, связанное с мичманом В.И. Далем, написавшим пасквили на гражданскую жену Грейга Юлию Михайловну и некоторых жителей города. Именно П.И. Федоров обнаружил на квартире Даля вещественные доказательства его вины, которые послужили основанием для осуждения мичмана.

В 1829 г. Федорова назначили Одесским градоначальником, а его пост занял подполковник Г.Г. Автономов. Однако Павел Иванович не долго пробыл в Одессе. Уже в начале 30-х годов он – генерал-майор, комендант Николаева.

В 1833 г. в Николаеве внезапно умер герой русско-турецкой войны 1828-1829 гг., бывший командир брига «Меркурий» А.И. Казарский. Федоров вместе с Грейгом посетили его за несколько часов до смерти. Народная молва утверждала, что Казарского отравили. Николаевская жандармерия обвинила в этом преступлении полицмейстера Г.Г. Автономова и донесла на него царю. Согласно решению императора, в Николаев прибыл начальник Морского штаба князь А.С. Меншиков для расследования этого дела. В Николаеве Меншиков вызвал к себе Федорова, но на вопрос «Был ли отравлен Казарский?» тот твердо ответил, что Казарский умер естественной смертью. «Ну, смотри же!» – грозно сказал ему князь. Но вскрытие показало, что Федоров был прав – комиссия не подтвердила отравление.

Через несколько дней после этого Федоров был назначен исправляющим должность Новороссийского и Бессарабско-

го генерал-губернатора взамен уехавшего графа М.С. Воронцова, назначенного наместником на Кавказе. Молва тут же обвинила Федорова в том, что это он отравил Казарского, за что и получил такое повышение. Нелепость этого утверждения очевидна – Казарский был флигель-адъютантом Николая I и его любимцем. Если бы хоть капля истины была в этой молве, то царь не только не назначил бы Федорова на столь высокий пост, но подверг бы его судебному преследованию. Да и какие у Федорова были мотивы для отравления?

Павел Иванович фактически был Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором свыше 20 лет, с 1834 по 1856 гг., живя в Одессе. Здесь он был вторично оклеветан, но на этот раз все закончилось трагически.

Перед Крымской войной распоряжением правительства был запрещен вывоз хлеба за границу. Но несколько судов все же ушли из Одессы с зерном. Федоров был заподозрен в злоупотреблении с корыстной целью: якобы он отпустил суда за взятку. Его уволили от должности и предали суду. Несколько лет длилось расследование. В 1856 г. Павел Иванович был вызван в Москву, чтобы предстать перед судом. Но, не доезжая немного до Москвы, Федоров, считая себя невиновным и желая избежать позорного суда, отравился. А народная молва долго еще утверждала, что злоупотреблениями с хлебным вывозом занимался Одесский градоначальник Местмахер.

Так закончилась жизнь Павла Ивановича Федорова. Она оборвалась, когда ему было около 75 лет.

Полицмейстер Г.Г. Автономов

Григорий Автономов родился в купеческой семье Санкт-Петербурга в 1793 году. По-видимому, получил хорошее домашнее образование. С 1812 года служил солдатом, поступив добровольцем в лейб-гвардии Гренадерский полк. Через полгода он уже стал унтер-офицером. В том же году

за отличия по службе девятнадцатилетний Григорий был произведен в прапорщики. Молодого способного офицера заметили и назначили в главное дежурство армии. Как дежурный офицер он участвовал во всех знаменитых сражениях: под Бородино, при Березине, Красном, Смоленске, Тарутине, Люцене, Бауцене, Дрездене и Кульме, закончив войну в битве под стенами Парижа. За участие в войне Григорий Автономов получил в награду орден Св.Анны четвертой степени и медали.

После окончания войны, в 1814 году, Автономов на корабле «Принц Густав» в составе русской эскадры вернулся из Любека в Кронштадт. Это плавание навсегда запало в душу поручика Автономова.

Прослужив еще более десяти лет в армии, Автономов получил назначение в Николаев – столицу Черноморского флота. Здесь в 1827 году он поступил на службу в Адмиралтейство. В чине майора Автономов стал командиром 12-го рабочего ластового экипажа – мелкие суда экипажа перевозили грузы в Адмиралтействе и Военной гавани. Вероятно, Автономов проявил хорошие администраторские и организаторские способности, и Главный командир Черноморского флота, военный губернатор Николаева адмирал А.С. Грейг в 1829 году назначил его «исправляющим должность» николаевского полицмейстера вместо уехавшего в Одессу полковника П.И. Федорова. Вскоре за хорошую службу на новом посту Григорий Григорьевич Автономов получил монаршую благодарность. В следующем году высочайшим указом он был утвержден в должности.

В 1833 году над Автономовым нависли черные тучи: неожиданно и в муках скончался герой русско-турецкой войны, бывший командир брига «Меркурий» капитан первого ранга А.И. Казарский. Шеф III отделения граф Бенкендорф на основании донесений николаевской жандармерии доложил царю, что Казарский отравлен, а перед этим было разграблено полученное им наследство. В этих грехах жандармы обвинили николаевскую полицию и Автономова, якобы приложившего к этому руку. Однако специально созданная

по распоряжению императора комиссия не обнаружила отравления, поэтому эти обвинения отпали, тем более, что в этот момент на смену Грейгу на пост военного губернатора Николаева вступил вице-адмирал М.П. Лазарев, родственник Автономова. Дело было закрыто.

В 1835 году Г.Г. Автономов, опираясь на первый проект наименования улиц, разработанный еще П.И. Федоровым, предложил новый проект – более полный и интересный. Чтобы утверждение проекта прошло без осложнений, улицу, идущую от дома Главного командира мимо Дома начальника штаба флота, Автономов назвал Наваринской – в честь главного командира, поскольку М.П. Лазарев прославился в Наваринском сражении. Проект был утвержден М.П. Лазаревым, и с тех пор на плане города появились названия 69-ти основных улиц, сохранившиеся до революции.

Вот некоторые из них: Набережная, Адмиральская, Никольская, Спасская, Большая Морская, Купеческая (совр. Потемкинская), Таврическая (совр. Шевченко), Католическая (совр. Адмирала Макарова), Херсонская (совр. проспект Ленина), Артиллерийская, Наваринская, Бульварная (совр. Пушкинская), Немецкая (совр. Фалеевская), Молдавская (совр. Декабристов), Рождественская (совр. Лягина), Соборная (сейчас все еще Советская), Московская, Черниговская (совр. Карла Либкнехта), Малая Морская – это все в центре. В Адмиралтейской и военной Слободках появились шесть Слободских, десять Военных и несколько улиц с профессиональными названиями. Многие из этих названий сохранились по сей день, часть переименованных улиц восстанавливают свои прежние имена.

Полицмейстер Автономов также впервые разделил город на административно-полицейские части: Городовую, Адмиралтейскую и Херсонскую (Военную).

Автономов был женат на Марии Дмитриевне Львовой, дочери статского советника. У них родилось трое детей: две девочки – Елисавета и Ольга и младший сын Петр, который учился в Ришельевском лицее в Одессе.

Полковник Автономов умер в 1850 году на службе от сер-

дечного приступа на 57-м году жизни. Что вызвало такой сильный стресс, история никогда не узнает. Может быть, полицмейстер знал тайну ограбления и смерти Казарского, и она напомнила о себе? Кто его знает...

Негоциант Егор Метакса

Положение А.С. Грейга как Главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева и Севастополя обязывало его вступать в деловые контакты с купцами, поставляющими припасы для Черноморского флота, ведущими строительство в Адмиралтействе и в городе, строившими суда, а также ведшими торговлю в городах и за их пределами.

В числе этих лиц были крупные негоцианты, которые вели обширную заморскую торговлю. И среди них встречались умные, высококультурные и образованные люди, иногда отставные офицеры флота, с которыми у Грейга складывались не только хорошие деловые, но и дружеские отношения. К числу таких лиц относился Егор Павлович Метакса.

Егор Метакса родился около 1774 года в зажиточной греческой семье, переселившейся в Россию из Греции, бывшей тогда под властью Турции. В 1785 г. он поступил в Корпус чужестранных единоверцев кадетом (Петербург). Через пять лет Егора выпустили из корпуса гардемаринном.

В 1791 году Егор Метакса получил чин мичмана и был переведен из Балтики на Черное море. Тогда же на корабле «Князь Владимир» молодой мичман плавал с Черноморским флотом у Румелийских берегов (Болгария и Румыния) и участвовал в сражении у мыса Калиакрия.

В 1793 г. мичман Метакса «был в кампании на Севастопольском рейде» на брандвахтенном фрегате «Св.Иероним», охраняя вход в Севастопольскую бухту.

С 1794 по 1798 гг. он плавал с флотом по Черному морю. В 1795 г. Егор произведен в чин лейтенанта. В следующем году его командировали из Николаева в Санкт-Петербург с

бумагами от адмирала Н.С. Мордвинова.

После возвращения на Черное море Егор Метакса снова служил на разных судах. С началом войны с Францией и заключением союза России с Турцией, в 1798 г. из Севастополя в Константинополь (Стамбул) была направлена эскадра под командованием вице-адмирала Ушакова. В составе этой эскадры на корабле «Св.Мария Магдалина» был и Е.Метакса. Вскоре как знающего три языка (русский, греческий и турецкий) лейтенанта Метаксу перевели на турецкий флагманский корабль для связи с адмиралом Ушаковым.

Объединенная русско-турецкая эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова (что ныне причислен к лику святых) прибыла в архипелагские воды, где Метакса участвовал в десантах для овладения островами Цериги и Занте, за что был награжден орденом Св.Анны 3-й степени. Тогда же был командирован Ушаковым в Превезу для доставки письма Янинскому паше Али и для переговоров с ним об освобождении русского консула из плена.

В 1799 г. Метакса на турецком флагманском корабле участвовал во взятии острова Видо и крепости Корфу, а потом с эскадрой перешел в Неаполь. С 1800 по 1804 гг. на фрегате «Св.Михаил» Е.П. Метакса плавал между Неаполем и Палермо и из Неаполя в Корфу. В следующем году на разных судах он плавал от Корфу в Мессину и Неаполь. Затем в течение двух лет на фрегате «Автропол» Метакса плавал по Адриатике и ходил в Корфу и Триест.

В 1809 г. Егора Метаксу наконец произвели в капитан-лейтенанты (на четырнадцатом году службы лейтенантом!). В том же году он был назначен командовать фрегатом «Михаил», стоявшим на рейде в Триесте. Возвратясь берегом в Николаев (1811 г.), Метакса затем служил при Черноморском адмиралтейском правлении.

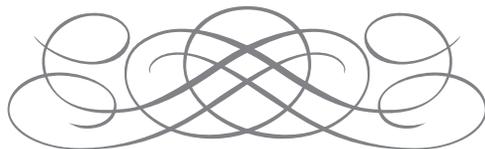
В 1814 г. Егор Павлович Метакса был уволен с флота с чином капитана 2-го ранга. В Николаеве Метакса занялся крупной оптовой торговлей. Он был вхож в дом адмирала Грейга, будучи частым гостем в салоне его жены Юлии Ми-

хайловны, у которой, помимо офицеров и чиновников флота, собирались и купцы – М. Серебряный, Ш. Рафалович, Е. Метакса и другие.

Живя в Николаеве, Егор Метакса написал интересные воспоминания о Средиземноморском походе русско-турецкого флота, содержащие множество важных наблюдений, подробностей и деталей, которые были опубликованы в «Морском сборнике» и вышли отдельной книгой («Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы». – М.–П., 1915 г.).

Е.П. Метакса умер после 1833 г.

Младший брат Егора Павловича Фома также был черноморским моряком. Прослужил на флоте с 1790 по 1812 год. Уволен от службы капитан-лейтенантом.

Глава девятая

Ученые, астрономы, гидрографы

Коллеги–ученые

В связи со служебными делами и личными научными интересами А.С. Грейгу довелось общаться и переписываться со многими учеными – коллегами по профессии и интересам. Это были, в первую очередь, астрономы, физики и математики – академики Императорской академии наук, ученые-экономисты из Вольного экономического общества и других общественно-научных организаций, связанных с естествознанием, растениеводством, и ученые-кораблестроители или механики, также из Академии наук. Среди них академики В.Я. Струве, Ф.И. Шуберт, Г.Х. Шумахер, Э.Х. Ленц, А.Д. Купфер, Н.И. Фусс, Б.А. Коллер, Ф.И. Круг, А.Ф. Гумбольдт, В.К. Вишневский, Е.И. Паррот, А.Н. Савич, П.Я. Гамалея, Э.Д. Коллинс и др.

Не имея возможности привести подробные научные биографии этих лиц, приведу лишь краткие справки о них.

Эдуард Давидович Коллинс (1791-1840 гг.) – русский математик, академик Петербургской академии наук, немец по национальности, правнук Л. Эйлера.

Павел Николаевич Фусс (1798-1855 гг.) – русский математик, академик Петербургской академии наук, швейцарец по происхождению.

Адольф Яковлевич Купфер (1799-1865 гг.) – русский физик, метеоролог, кристаллограф, минеролог и метролог, академик Петербургской академии наук, прибалтийский немец, основатель геофизических обсерваторий в России.

Эмилий Христианович Ленц (1804-1865 гг.) – русский фи-

зик, академик Петербургской академии наук, прибалтийский немец.

Федор Иванович Шуберт (1758-1825 гг.) – русский математик, астроном, геодезист, академик Петербургской академии наук; прадед С.В. Ковалевской, немец.

Василий Яковлевич Струве (1793-1864 гг.) – русский астроном и геодезист, академик Петербургской академии наук, немец по национальности.

Платон Яковлевич Гамалея (1766-1917 гг.) – русский математик, механик и теоретик кораблестроения, капитан-командор, почетный член Петербургской академии наук, академик Российской академии наук.

Николай Иванович Фусс (1755-1825 гг.) – русский математик, академик Петербургской академии наук, швейцарец.

Александр Фридрих Вильгельм Гумбольдт (1769-1859 гг.) – немецкий естествоиспытатель и путешественник, геофизик, профессор Берлинского университета, основатель геомагнитных обсерваторий в Германии.

Викентий Карлович Вишневский (1781-1855 гг.) – русский астроном, первый профессор астрономии Петербургского университета, академик Петербургской академии наук.

Егор Иванович (Георг Фридрих) Паррот – русский физик, первый ректор Дерптского университета, академик Петербургской академии наук, немец по происхождению.

Александр Николаевич Савич (1810-1883 гг.) – русский астроном и геодезист, академик Петербургской академии наук.

Наиболее обширные научные контакты были у А.С. Грейга с учеными астрономами, геодезистами и математиками, которые всегда оказывали ему поддержку.

В отзыве академика Ф.И. Шуберта на проект создания в Николаеве обсерватории, поданный в 1820 г., читаем: «Заведение обсерватории в Николаеве, следовательно почти на самом Южном конце России, и в стране прекрасной, есть такое предприятие, которое может сделаться весьма важным для географии России, и вообще послужит к величайшей пользе наук астрономических, и также содействовать

*Астроном Василий Яковлевич Струве.
Из книги [Е. 193]*

распространению образования в государстве Российском, и притом не иначе, как способствуя славе сей империи». В письме к В.Я. Струве Шуберт называет адмирала «большим любителем и знатоком астрономии».

Ряд астрономических наблюдений Грейга, Кнорре и К. Даля были опубликованы в Австрии Г.Х. Шумахером в его астрономическом атласе, а впоследствии в «Небесном атласе», изданном Берлинской академией наук.

Исследования склонения и девиации, проводимые Николаевской обсерваторией по распоряжению Грейга, были опубликованы академиком А.Я. Купфером.

Активная научная и научно-организационная работа А.С. Грейга в 1817-1821 гг. в Николаеве в области астрономии заслужила высокие оценки русских ученых. В 1822 г. ученые-астрономы Б.А. Келлер, Ф.И. Шуберт и Ф.И. Круг поставили перед президентом Петербургской академии наук графом С.С. Уваровым вопрос об избрании А.С. Грейга почетным академиком.¹ С его согласия, общее собрание конференции Академии наук 30 января 1822 г. избрало вице-адмирала почетным академиком.

После переезда в Санкт-Петербург Грейг получил возможность более тесного и непосредственного общения с учеными-коллегами. В 1834 г. под председательством А.С. Грейга была создана комиссия по строительству Пулковской обсерватории, в состав которой вошли академики В.К. Вишневский, Е.И. Паррот, В.Я. Струве и П.Н. Фусс.

Академик В.Я. Струве, назначенный впоследствии директором Пулковской обсерватории, писал: «Председателем этой комиссии был назначен почетный академик адмирал Грейг. Этот ученый-морьяк был известен в Европе обширными познаниями в астрономии, изучению которой он с жаром предавался с молодых лет, и заслужил признательность России за учреждение обсерватории в Николаеве».

Такой же блестящий отзыв о роли Грейга в строительстве

¹Почетный академик не являлся непосредственным сотрудником академии, не занимал в ней никаких должностей и не получал академическую зарплату. Обычно почетными академиками избирали лиц, живших вне пределов Петербурга.

Пулковской обсерватории дал и профессор (впоследствии – академик) А.Н. Савич.

Немаловажны заслуги Грейга в создании первых в России геомагнитных обсерваторий. В 1830 г. академики Купфер и Ленц, занимавшиеся изучением земного магнетизма, приехали в Николаев и совместно с Грейгом основали на Юге несколько геомагнитных обсервационных пунктов. При возвращении из Прикаспийской области с Грейгом встретился также Гумбольдт, который интересовался также геомагнитными обсерваториями и пунктами на Юге России. Впоследствии Гумбольдт основал первые геофизические обсерватории на территории Германии.

Грейг переписывался с Гумбольдтом по разным вопросам, включая также исторические. В РГА ВМФ сохранилась эта переписка, где встречается и письмо о списке фараонов одной из династий.

При разработке усовершенствованного способа математического проектирования обводов судов А.С. Грейг, уже как почетный академик, представлял эту работу на отзыв в Петербургскую академию наук. Граф С.С. Уваров, на имя которого были посланы две работы Грейга – Кнорре, передал их на рассмотрение созданной для этого комиссии в составе академиков В.К. Вишневого и Э.Д. Коллинса и адъютанта П.В. Тарханова. Изучив эти работы, комиссия дала обстоятельный отзыв (1827 г.), в котором есть такие строки: «В этих двух сочинениях автор изложил истинно математическую теорию начертания планов подводной части корабля... Сия теория имеет ту математическую общность, ясность и строгость, которых доселе не доставало в сей части корабельной архитектуры, посему сей труд может быть почитаем важным обогащением науки и, следовательно, вполне заслуживает одобрения Академии...»

К адмиралу Грейгу обращались и отдельные ученые и Академия наук с просьбой дать отзыв на ту или иную работу. Так, Грейг одобрил капитальный труд известного кораблестроителя академика П.Я. Гамалеи «Вышняя теория морского искусства» (4 тома). По просьбе Академии наук Грейг

Адмирал Иван Федорович Крузенштерн

изучил большую работу первого русского кругосветного мореплавателя И.Ф. Крузенштерна «Атлас Южного моря» и «Гидрографические записки». Объемистый и дельный отзыв был настолько профессиональным, что Академия наук по предложению самого Крузенштерна вручила Грейгу золотую медаль, которую присудили Крузенштерну за его работы.

Плодотворными были научные связи А.С. Грейга и по вопросам экономики. Он участвовал в работе Вольного экономического общества, организованного известным русским экономистом, адмиралом Н.С. Мордвиновым. После переезда в Санкт-Петербург А.С. Грейг был избран членом общества, а затем и его вице-председателем.

Более подробно взаимодействия Грейга с учеными и научными обществами изложены в литературе и источниках [16, 40, 44, 63, 108, 123, 198, 199, 201, 220, 227, Е20, Е21, Е29, Е48, Е52, Е69, Е76, Е109, Ж64, Е95в – Е95ж].

О научных связях адмирала Грейга с его сослуживцами рассказано ниже.

Главный астроном Черноморского флота К. Кнорре

Карл Христофорович Кнорре родился в 1801 г. в Дерпте (ныне – Тарту, Эстония) в семье первого астронома-наблюдателя Дерптской обсерватории.

Карл учился в Дерптском университете на богословском факультете, но проявлял интерес к точным наукам. В университете Карл познакомился с преподавателем В.Я. Струве, который занимался астрономией и геодезией. Кнорре увлекся этими науками и достиг больших успехов в их изучении. В 1820 г. Струве, с которым А.С. Грейг был хорошо знаком и к которому он обратился за рекомендацией специалиста на пост морского астронома для Черноморского флота, посоветовал назначить на эту должность молодого Карла Кнорре. И хотя Карлу исполнилось только девятнадцать лет и он не закончил университет, Грейг прислушался к совету Струве и добился утверждения на эту должность

*Главный астроном Черноморского флота
Карл Христофорович Кнорре*

совсем молодого К. Кнорре, проявляющего незаурядные по его возрасту знания в области астрономии.

В эти годы вице-адмирал Грейг добился у правительства разрешения на строительство в Николаеве Морской астрономической обсерватории Черноморского флота, проект которой разработал архитектор Ф. Вунш. Кнорре прибыл в Николаев и стал главным астрономом Черноморского флота и директором строящейся обсерватории.

В начале 1823 г. А.С. Грейг обратился к начальнику Морского штаба с предложением отправить К. Кнорре в научную командировку за границу в города, где есть известные обсерватории, для изучения их. В июне в Государственном адмиралтейском департаменте был рассмотрен этот вопрос и зачитан отзыв на рапорт Грейга почетного члена этого департамента действительного статского советника Шуберта, который был давним коллегой Грейга в области астрономии: «В сем я совершенно мнения господина вице-адмирала Грейга, что если в Николаеве должно учредить обсерваторию, которая России сделала бы честь, а астрономии принесла бы пользу, то не только полезно, но и нужно послать астронома Кнорре в чужие земли, дабы он сам лично ознакомился с превосходнейшими обсерваториями и инструментами... Предложение совершенно одобрено вице-адмиралом Грейгом, мужем, который обширные познания астрономические соединяет со строгою совестью в исправлении важной своей должности и с дальнейшим попечением о благе вверенного ему флота».

И в заключение отзыва Шуберт пишет: «...ибо я уверен, что, осмотрев все это, он [Кнорре] на Петербургской обсерватории, особенно в нынешнем ее состоянии, ничего не найдет, что вознаградило бы время и издержки путешествия».

После такой поддержки Адмиралтейств-коллегия разрешила астроному Кнорре путешествие за границу «для приобретения всех познаний, нужных к лучшему устройению Николаевской обсерватории». Он побывал в обсерваториях Вены, Мюнхена, Готы, Лондона, Копенгагена и Кенигсберга.

Вернувшись из этой долгой заграничной командировки,

Карл Кнорре помогал Грейгу оборудовать строящуюся Морскую обсерваторию, а по ночам они вместе продолжали наблюдать ночное небо в «домашней обсерватории» адмирала, находившейся в его доме. С ними вместе вел наблюдения и Карл Даль, младший брат В. Даля, который также увлекался астрономией. Результаты их общих наблюдений публиковались в известных в то время астрономических изданиях. В это же время Карл Кнорре преподавал астрономию в Николаевском штурманском училище.

По результатам наблюдений впоследствии К. Кнорре составил 5-й лист звездной карты Берлинской академии наук (1832 г.). Кнорре определил положение многих комет, в том числе и кометы Галлея при ее приближении к Земле в 1835 г. Он руководил всеми производившимися в то время гидрографическими работами, требовавшими знания геодезии и астрономии для точного определения места. Благодаря этому побережье Черного и Азовского морей было покрыто сетью триангуляционных пунктов, позволявших снимать точные карты берегов.

Помимо общих астрономических интересов, у Грейга и Кнорре были также совместные работы и в другой области точных наук – в кораблестроении и математике. Ознакомившись с книгой Ф. Чапмана – автора математического описания поверхности корпуса судна, – Грейг развил этот метод и в содружестве с Карлом Кнорре придал ему научную строгость и завершенность. Две их совместные работы по «параболическому» формированию обводов судов получили высокую оценку Академии наук, а для книги А.С. Грейга [201] о «параболическом методе», по признанию самого адмирала, Карл Кнорре вывел все необходимые формулы. Кнорре и позже работал в этой области: так, по поручению адмирала М.П. Лазарева Кнорре написал книгу по применению математической линии «прогрессивки» для построения обводов судов [200], исправив некоторые ошибки в книге А. Попова [225].

Кроме названных работ, Кнорре издал в Николаеве еще несколько книг по прикладной математике, астрономии и

геодезии: «Лекции практической астрономии» (1855 г.), «Наставление для сыскания широты места», «Изъяснение способа Бесселя для исправления лунных расстояний» и т.д. – всего около 20 научных изданий.

Карл Христофорович Кнорре был бессменным морским астрономом Черноморского флота в течение 50 лет. В 1870 г. его избрали членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. Но в 1871 г. Кнорре уже вышел на пенсию и уехал в Берлин, оставив в Николаеве своих потомков: старшего сына Федора и младшего – Владимира. Федор Карлович стал архитектором и работал в Ставрополе, а Владимир со временем переехал в Санкт-Петербург, где был назначен на должность флагманского врача Балтийского флота.

Умер Карл Христофорович в Берлине в 1883 г.

Гидрографы братья Манганари

Михаил Павлович Манганари родился 6 ноября 1804 года в городе Евпатории в семье греков-переселенцев, ставших русскими дворянами после принятия гражданства своего нового отечества. Михаил Манганари, как и его старший брат, Егор, получив начальное домашнее образование, в одиннадцатилетнем возрасте поступил в Черноморский флот гардемаринном. В 18 лет он получил первый офицерский чин – мичмана. У молодого моряка проявился большой интерес к гидрографическим исследованиям. С этого времени начались первые основательные исследования гидрографии Черного моря, проводившиеся братьями Манганари. Однако начавшаяся в 1828 году русско-турецкая война прервала гидрографические исследования.

В июне 1828 года началась боевая жизнь молодого лейтенанта. На фрегате «Рафаил» в составе эскадры под командованием контр-адмирала Мессера он участвовал в крейсерстве вдоль неприятельских берегов от Босфора до Варны, а затем перешел на корабль «Пармен», который в составе Черноморского флота, возглавляемого А.С. Грейгом,

Адмирал Михаил Павлович Манганари

осаждал с моря крепость. Опасаясь, что множество мелких турецких судов, стоявших у стен Варны, турки могут превратить в брандеры, адмирал Грейг предложил «вырезать» их и увести в плен. Среди добровольцев-охотников был и лейтенант Михаил Манганари.

Ночью русские моряки скрытно напали на эти суда и увели большую часть судов, а остальные сожгли. За эту боевую операцию Манганари получил сразу два ордена: Св.Георгия четвертой степени – за активное участие в захвате турецких судов и Св.Владимира четвертой степени с бантом – «за выказанную храбрость при сожжении нескольких неприятельских судов». В этом сражении Манганари был ранен пулей в грудь, но вскоре снова участвовал в боевых действиях.

Перед заключением мира в 1829 году адмирал Грейг, зная Манганари как знатока гидрографии и астрономии, направил его в главную квартиру русских войск в Адрианополь для определения астрономических пунктов, в которых находились наступающие русские войска. Эти наблюдения позволили впоследствии братьям Манганари произвести опись и снять карту Румелийского побережья Турции.

После окончания войны М.П. Манганари служил в Николаеве в Депо карт, продолжая заниматься гидрографией и накапливая научный материал для составления карт, описей берегов и других навигационных материалов. С 1837 по 1843 год М.П. Манганари возглавил изучение берегов Черного моря, продолжив работу старшего брата. Впоследствии, воспользовавшись мирными отношениями с Турцией, русское правительство получило разрешение Стамбула на составление карт Мраморного моря и проливов. Эта гидрографическая работа была успешно выполнена М.П. Манганари.

С 1849 по 1853 годы Манганари был откомандирован в Петербург. В Гидрографическом департаменте Морского министерства он занимался изданием законченных карт. Вышедший вскоре великолепный «Атлас Черного, Азовского и Мраморного морей» был первой серьезной работой по гидрографии этого бассейна. В атласе были использованы описи, выполненные братьями Манганари в 1825–1848

гг. Но еще раньше в Николаеве вышли «Лоция Мраморного моря», составленная по исследованиям М.П. Манганари, и «Лоция Черного моря», основанная на описях М.П. Манганари, Е.П. Манганари, И.А. Шестанова, Г.И. Бутакова и других гидрографов.

Гидрографические работы, выполненные под руководством М.П. Манганари, исправили погрешности, бывшие в ранее выпущенных картах, «отодвинув» берега в некоторых случаях от двух до сорока миль (от 4 до 70 километров). Эти руководства были признаны классическими и неоднократно переиздавались. Лоции содержали не только навигационный материал, необходимый мореплавателям, но и множество исторических сведений, относящихся к побережью. Например, в «Лоции Черного моря» содержится много интересных материалов по истории Николаевщины, объясняется происхождение названий Волошской и Русской кос, рек Ингула и Буга, Очакова и других мест.

Нужно сказать, что жизнь М.П. Манганари не была «безоблачной», особенно после 1833 года. Дело в том, что после севастопольского восстания (так называемого «чумного бунта», 1830 г.) разъяренный Николай I велел перевести с Черного на Балтийское море «всех греков из капитанов и офицеров». Адмирал Грейг, понимая бессмысленность этого приказа, не торопился его выполнять. Но в 1833 году его назначили членом Государственного совета, а сменивший Грейга вице-адмирал М.П. Лазарев, выполняя приказ царя, стал изгонять греков-моряков с флота или переводить их на Балтику. Эти репрессии коснулись и братьев Манганари.

Интересный эпизод приводит в своих воспоминаниях Н. Закревский, служивший в это время на кораблях Черноморского флота: «Не менее замечательно высказался перед М.П. Лазаревым... и Манганари 1-й, известный специальным трудом своим по составлению карт Азовского и Черного морей и Константинопольского пролива с Мраморным морем. На вопрос М.П. Лазарева: «Вы не желаете быть переведенным в Балтийский флот?». Манганари отвечал: «Вовсе не желаю, потому что я необходим в Черноморском до окон-

чания того труда, который выполняю для пользы службы».

– А если без вас можно обойтись?

– Не обойдетесь... Но если найдете способного продолжать мой труд, тогда я с удовольствием оставляю Черное море, если же не найдете, то вы не должны и не можете без явного вреда для службы прервать моих занятий».

Впоследствии М.П. Лазарев был особенно внимателен к труду и способностям этого офицера и отличал его.

В январе 1881 года адмирала М.П. Манганари назначили Главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя. Хотя в этой должности он пробыл и немного, но все же успел сделать полезное и для города. В 1881 году была учреждена Николаевская общественная библиотека, открыта при реке Ингуле образцовая спасательная станция с приютом, основано Общество попечения о бедных. В январе следующего года адмирал М.П. Манганари был назначен членом Адмиралтейств-совета и переехал в Петербург.

Адмирал М.П. Манганари умер 6 февраля 1887 года. За свои научные и боевые заслуги он был награжден всеми русскими орденами, включая орден Св.Александра Невского. Около двадцати лет, до самой кончины, Манганари был членом Одесского общества истории и древностей. Почти все свое состояние и три дома Манганари завещал на благотворительные цели: Николаевскому благотворительному обществу, Обществу Красного Креста, Обществу спасения на водах, Обществу помощи бедным лицам, стремящимся к образованию, приютам, народным школам грамотности и т. д. Знавшие Манганари отмечали его исключительную доброту и стремление всегда помочь бедному люду.

Манганари заслужил высокую оценку русских гидрографов и ученых. Как справедливо отметил один из них, Манганари «изданием «Лоции Черного моря» оказал археологии здешнего края большую научную услугу. Этот труд его послужил основанием для работы по исторической географии нашего края».

И после смерти адмирала его труды продолжали жить и

приносить пользу морякам. Несмотря на необходимость периодических уточнений, многие годы в основе карт нашего бассейна оставались гидрографические работы братьев Манганари. Карты и лоции неоднократно переиздавались, но всегда на них было напечатано, что в основу новых изданий положены описи братьев Манганари 1825–1848 годов.

Высокая оценка дана работам Манганари и советскими гидрографами. В «Лоции Черного моря», изданной в 1937 году, например, говорится: «Начало систематическому и всестороннему описанию Черного моря было положено Гидрографической экспедицией 1825–1836 гг., работавшей под начальством кап. I ранга Манганари». О значении гидрографических работ на Черном море, выполненных братьями Манганари, говорит тот факт, что изданные в 1937 году советские карты и лоции Черного моря для побережья, не входящего в состав СССР, были основаны на съемках экспедиции Е.П. Манганари. В лоции 1937 года прямо указывалось: «Для остальных берегов Черного моря единственными картами являются карты атласа Манганари, съемки 1825–1835 гг.» Таким образом, карты, выпущенные Гидрографическим департаментом на основе работ братьев Манганари и непосредственно при участии М.П. Манганари, спустя еще сто лет служили советским морякам.

В честь ученого-гидрографа площадь перед мужской гимназией в Николаеве (сейчас в этом здании находится строительный колледж) в июле 1882 года была названа Манганариевским сквером.

Гидрограф адмирал М.Б. Берг

Имя адмирала М.Б. Берга незаслуженно забыто в истории России и ее флота, а если изредка и вспоминается, то с совершенно негативной оценкой, что крайне несправедливо.

Мориц Борисович Берг (Берх) родился около 1783 г. в дворянской семье прибалтийских немцев.

В 1791 г. Мориц поступил в Морской корпус кадетом, от-

Адмирал Мориц Борисович Берг

куда был выпущен в 1795 г. гардемарин. С 1796 по 1805 годы плавал на разных судах по Балтийскому и Немецкому (Северному) морях, совершил переход в Лондон и Лиссабон. В 1806–1809 гг. на судне «Нева» Российско-американской компании Мориц Берг совершил плавание из Кронштадта к берегам Русской Америки под руководством И.Ф. Крузенштерна (это было первое кругосветное плавание русских моряков), но в 1809 г. Берг вернулся через Сибирь в Санкт-Петербург: он был отправлен камергером Н.П. Резановым, начальником этой экспедиции, из-за участия в бунте офицеров на «Надежде» и «Неве».

С 1810 по 1817 годы М.Б. Берг плавал на разных судах по Балтике. В 1817 г. он был переведен на Черное море директором черноморских и азовских маяков (Николаев). В 1818–1819 гг. Берг находился в Севастополе, а в 1820 г. проводил опись Черного моря. С 1820 по 1824 гг. М. Берг служит начальником экспедиции описи Черного моря для составления его лоции. В эти же годы в чине капитана 2-го ранга Берг возглавляет Севастопольское флотское училище. В 1825 г. его назначили капитаном над Севастопольским портом.

С 1827 г. вице-адмирал А.С. Грейг перевел Берга в Николаев, назначив инспектором Корпуса штурманов Черноморского флота в чине полковника. Через два года Берга произвели в чин генерал-майора.

В 1831 г. адмирал Грейг назначил Берга председателем комитета по устройству севастопольских сухих доков. С 1832 г. Берг направлен снова в Николаев, где становится управляющим Гидрографическим отделением Штаба Черноморского флота. В 1838 г. Берг произведен в генерал-лейтенанты. В 1849 г. М.Б. Берга перевели в Санкт-Петербург с назначением членом Адмиралтейства.

В 1851 г. в Вене умер адмирал М.П. Лазарев, и на его место назначают Морица Борисовича, переименовав его снова в морской чин – вице-адмирала, но «исправляющим должность Главного командира Черноморского флота и портов, Николаевским и Севастопольским военным губернатором».

С 1852 г. Берга производят в адмиралы и утверждают в должности Главного командира Черноморского флота и военного губенатора Николаева и Севастополя.

При М.Б. Берге в Николаеве были заложены первые в России 131–135-пушечные винтовые паровые корабли «Цесаревич» и «Синоп».

На время правления Берга пришлось самые трудные годы Крымской войны: оборона Севастополя, обеспечение обороны приморских городов и их снабжение, эвакуация и размещение раненых, транзитные переходы войск, снабжение севастопольцев всем необходимым для жизни и обороны города и т.п. Без хорошо организованной и бесперебойной этой работы Севастополь не смог бы выстоять длительную блокаду.

М.Б. Берг был уволен от должности в 1855 г.

За свою плодотворную и безупречную деятельность Мориц Борисович был награжден орденами Св.Владимира IV и III степеней, Св.Анны II и I степеней, Св. Станислава I степени и Св.Георгия Победоносца 4-го класса. Вручение ему ордена Св.Георгия за 20 морских кампаний опровергает досужие высказывания «историков» о том, что «Берг не был моряком и не плавал». Если бы такие «историки» заглянули хотя бы в «Общий морской список», то они насчитали бы не менее 21 года плаваний, среди которых долгий вояж из Кронштадта к берегам Северо-Западной Америки вокруг мыса Горн.

М.Б. Берг, будучи лютеранином, возглавлял приходжан евангелического вероисповедания. Он был назначен А.С. Грейгом первым старшиной лютеранского общества.

Умер Мориц Борисович в 1860 г.

О гидрографической деятельности Черноморского флота в период правления А.С. Грейга дополнительно можно ознакомиться по литературе и источникам [79, 206, 210, Е18, Е20–22, Е24–26, Е35, Е78, Е84, Ж64, Ж91].

Глава десятая

Архитекторы и строители

Архитектор Федор Вунш

реди архитекторов, работавших в период раннего Николаева, наиболее интересна фигура Федора Ивановича Вунша, который отдал архитектуре и строительству верфи и города 45 лет жизни.

Это был наиболее плодовитый архитектор в истории города. Многие николаевцы, проходя мимо обсерватории, восхищаются этим красивым зданием, построенным в стиле позднего русского классицизма. Но мало кто знает, что оно воздвигнуто по проекту архитектора Вунша. Об этом умалчивает и скромная мемориальная доска на воротах обсерватории.

Теодор Вунш, ставший в России Федором Ивановичем, родился около 1770 года, по-видимому, в Германии и был приглашен князем Г.А. Потемкиным для работы в только что завоеванных и осваиваемых Россией землях. Русских архитекторов и строителей здесь не хватало, и князь приглашал иностранцев, принимая их на военную службу. Так, в Николаеве работали архитектор голландец Викентий Ванрезант, каменных дел мастер Антуан Вектон, фортификатор Франц Деволан, «архитектор молдавский» грек Манойло Портар, садовник Вильям Гульд и другие.

Вунш начал свою деятельность в 1791 году архитекторским помощником в Экспедиции строений города Николаева, которая была создана в январе того же года при Черноморском адмиралтейском правлении. В этот период Вунш работал под руководством военного инженера полковника И.И. Князева, возглавлявшего Экспедицию. Совместно с

*Дом Главного командира с куполом обсерватории.
Перестройка арх. Ф.И. Вунша. РГА ВМФ*

И.И. Князевым Вунш разработал план застройки Севастополя (1795 год). В эти же годы Ф.И. Вунш, И.И. Князев и В.А. Ванрезант, по существу, разработали окончательный план застройки Николаева и проекты всех основных ведомственных, административных, культовых и гражданских зданий старого города, сформировав его облик в конце XVIII века.

С 1803 по 1832 годы Вунш служил архитектором Черно-

*Морская астрономическая обсерватория в Николаеве. Чертеж
Ф.И. Вунша, утвержденный А.С. Грейгом. Из книги [Е. 193]*

морского адмиралтейского департамента, а с 1833 по 1836 годы он – главный архитектор и председатель Строительной комиссии этого департамента. С 1803 по 1826 годы Федор Вунш был практически единственным творчески работавшим архитектором в Морском ведомстве.

В творческой деятельности Вунша проявляется две полосы активности: 1803 и 1820–1823 годы, когда он создает много проектов ведомственных построек в Николаеве, Херсоне, Севастополе и Одессе. Среди них здание Морской астрономической обсерватории, построенное в 1827 году и дожившее до нашего времени, Генеральный план города 1803 года, два проекта Николаевского кадетского корпуса (1809 и 1810 годы), комплекс построек Морского острога с лазаретом и церковью (один проект в 1803 году и второй – 1820, дошедший до наших дней), оранжерея при Доме Главного командира Черноморского флота, построенная в 1821 году вместо обветшавшей старой. По проектам Вунша 1803 года на Слободке построен комплекс казарм и дома для штаб- и обер-офицеров. Новый проект казарм выполнен им в 1821 году. В 1803 Вунш разработал чертежи магазинов и мастерских в Адмиралтействе. Вероятнее всего, Вунш спроектировал Дом флагманов и капитанов, построенный в 1826 году (сейчас – Дом офицеров флота), здание Штурманского (Артиллерийского) училища на мысе Порохового Погреба, которое построено в 1820 году, первую Городовую управу (1808 год) на Магистратской (Соборной) площади, первую оранжерею при адмиральском доме, построенную по распоряжению адмирала И.И. де Траверсе. Вероятно, Вуншу принадлежат также проекты перестройки Дома Главного командира, осуществленные в 1804, 1814 и 1818 годах и придавшие ему современную планировку.

Для Херсона Вунш разработал проекты Морского госпиталя, офицерских домов и казарм и Военного порта.

Вунш был последним архитектором Николаева, творившем в классическом стиле. Все здания, спроектированные им, отличаются классической стройностью и строгостью.

Федор Вунш – первый архитектор, занимавшийся благо-

*Николаевская Морская астрономическая обсерватория и башня
оптического телеграфа. С гравюры 1890 г.*

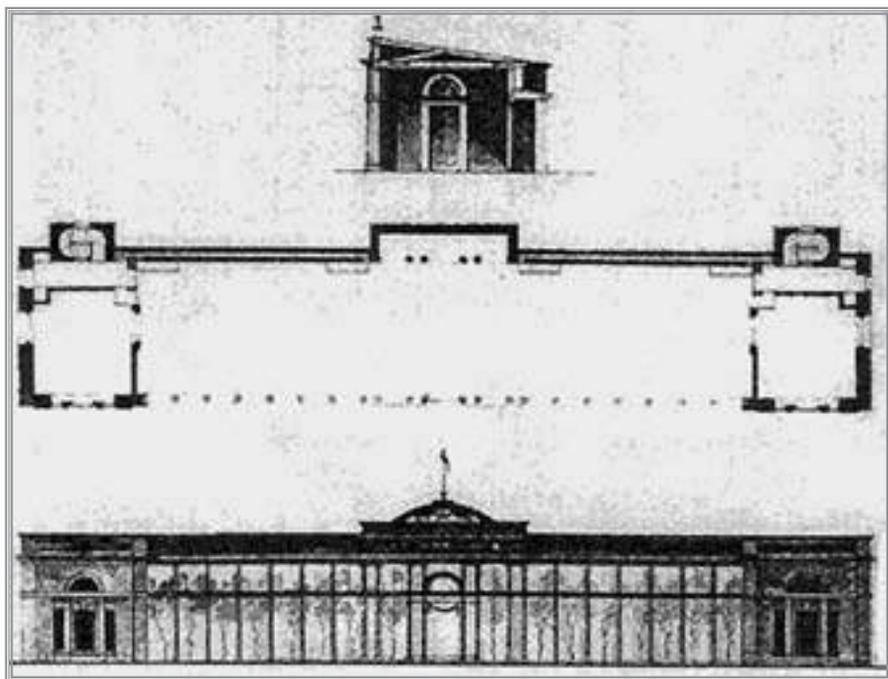
*Контора над портом. Предположительно арх. Ф.И. Вуши.
С открытки*

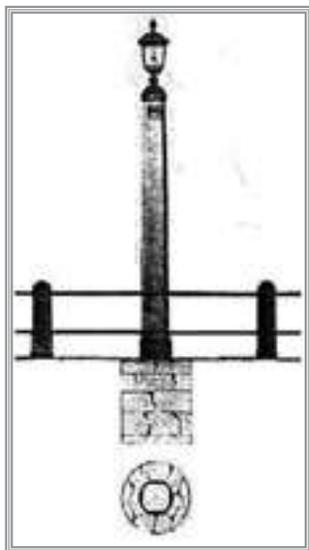
*Перспектива Адмиральской ул. От Магистратской пл. к Дому
флагманов и командиров. С открытки*

*Дом флагманов и командиров. Предположительно
арх. Ф.И. Вуни*

Оранжерея в Доме Главного командира. Арх. Ф.И. Вунш. РГА ВМФ

устройством Николаева. В 1821-1826 годах он разработал проекты замощения и освещения Адмиральской улицы, чертежи фонарных столбов и фонарей, планировку Морского бульвара. Он был весьма плодотворным архитектором: им выполнено только для Николаева свыше 26 комплексных проектов. Однако творческая судьба архитектора была сложной. Не блистая выдающимся архитектурным дарованием, Вунш все же был весьма способным и деятельным зод-

Фонарный столб для Адмиральской ул. Арх. Ф.И. Вунш. РГА ВМФ

чим. Но в те времена вся архитектурная работа находилась под строгим контролем столицы. Творческая самостоятельность в провинции не поощрялась: все проекты надо было согласовывать и утверждать у главного архитектора Морского ведомства в Петербурге Андреяна Захарова, автора знаменитого Адмиралтейства, или выполнять свои проекты по типовым, разработанным Захаровым. Поэтому часто возникали недоразумения.

Так, Захаров не утвердил разработанный Вуншем в 1809 году проект Кадетского корпуса и вернул на доработку, что и было сделано Вуншем в следующем году. Разработанный Вуншем для Херсона проект Морского госпиталя также не удовлетворил Захарова, он его переделал, и этот проект вошел в историю архитектуры как «замечательный проект» А. Захарова. В связи с этим Вунш вынужден был для ряда проектов зданий принимать одобренные прототипы: Морскую обсерваторию он спроектировал по образцу обсерватории Балтийского флота в Або. Известно также, что проект острога, выполнен Вуншем по типовому захаровскому проекту, но упрощенному до провинциального уровня.

Несмотря на долгую, плодотворную и самоотверженную работу, Федор Иванович Вунш не достиг высоких чинов и званий, не получил много наград, хотя Главный командир Черноморского флота адмирал А.С. Грейг высоко ценил его творчество, поручая ему разработку основных проектов.

К концу службы, будучи уже главным архитектором, Вунш имел чин статского советника, эквивалентный чину полковника в армии, и орден Св.Владимира IV степени, который давался за выслугу лет. Под руководством Вунша работали К. Орлов, архитекторский ученик, и Л.А. Опацкий, назначенный Грейгом на должность первого городского архитектора Николаева. Когда умер Вунш, неизвестно, но, видимо, после 1836 года в возрасте 65–66 лет. Вероятно, он похоронен в Николаеве.

В период борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед заграницей» (1947–1956 годы) Вунш, как и все русские деятели иностранного происхождения, подверг-

ся незаслуженным нападкам и очернению в специальных журналах. Однако время расставило все по своим местам.

К сожалению, многие здания, построенные по проектам Вунша и украшавшие город, уже разрушены. Остались лишь обсерватория, Дом офицеров флота и, может быть, какие-то остатки офицерских домов на Слободке. Ф.И. Вунш жил в собственном доме на Никольской улице напротив Копытовского сквера (дом сохранился).

Жизнь архитектора Вунша – это яркий пример того, как излишний контроль и регламентирование убивают творческое начало, не давая развиваться таланту.

Думается, что Федор Вунш всей своей деятельностью заслужил благодарную память николаевцев, и имя его должно быть увековечено хотя бы мемориальной доской на здании обсерватории.

Мурмейстер Антуан Вектон

Среди первых архитекторов и строителей Николаева выделяется своими заслугами мурмейстер Антуан Вектон. Он отдал строительству раннего Николаева сорок лет жизни, но об этом мало кто знает из николаевцев.

Антуан Вектон (или Вектан, как иногда писали в документах) родился в слободе Латони близ Мундиба, во Франции, в 1759 г. Он работал в Париже, будучи уже довольно известным каменных дел мастером (мурмейстером), когда в 1786 г. был приглашен совместно с другими специалистами князем Г.А. Потемкиным на русскую службу. В 1788 г. Вектон, ставший в России Антоном Ивановичем, был переведен из Херсона в Николаев для производства казенных работ по Морскому ведомству (с жалованьем 600 рублей в год). В 1791-1798 годах работал каменным мастером в Экспедиции (затем Канцелярии) строений города Николаева, входившей в состав Черноморского адмиралтейского правления.

Вместе с Вектоном в Николаев из Херсона перевели также мурмейстеров Гофмана и Лалемана (1789 г.), которые

*Лестница с бульвара к Ингульскому мосту. Мурмейстер А. Вектон.
Публикуется впервые*

впоследствии были отправлены назад в Херсон, поскольку Антуан Вектон, как сказано в рапорте М.А. Фалеева, «по новости заведения и один он управиться может».

В начале XIX в. А.И. Вектон работал в строительной комиссии Черноморского адмиралтейского правления, занимая ту же должность каменных дел мастера. В 1829 г. семидесятилетний каменных дел мастер все еще трудился в строительном отделении, занимая пост советника (обычно на должности со-

*Вход в Спасский сад. Мурмейстер А. Вектон.
Фото Ю.С. Крючков, 2008 г.*

ветников назначали старых заслуженных специалистов).

Антуан Вектон отдал строительству раннего Николаева сорок лет жизни, он руководил постройкой большинства каменных зданий в городе. Им построены мастерские и службы Адмиралтейства, Магистрат, Адмиралтейский собор, торговые ряды, флигели при Доме Главного командира, здание штаба, флигели при Молдаванском доме, Городовая управа, дом Потемкина в Спасске, арочный мост через Спасскую балку, входная арка в Спасск, лестница Морского бульвара и другие постройки.

Жил Вектон в собственном доме, находившемся на улице Адмиральской – напротив Дома Главного командира («Антуановский» дом на планах города того времени). Его жена, Ксения Ивановна, была на 30 лет моложе (родилась в 1789г.).

Они имели двух сыновей – Александра и Петра и трех дочерей – Марию, Евдокию и Пелагею.

Сын Петр – моряк Черноморского флота, участник русско-турецкой войны 1829–1830 гг. Погиб в 1847 г. при крушении судна.

Антуан Вектон, верой и правдой служивший строительству города, так и не был отмечен за свою работу – он не получил ни ордена, ни медали. Каменных дел мастер за сорок лет безупречной службы «дорос» только до чиновника VIII класса – коллежского асессора, что дало ему право на потомственное дворянство.

Умер Антуан Вектон, по-видимому, вскоре после 1829 г. и, возможно, похоронен в Николаеве.

Гидротехт Борис Фан-дер-Флис

Среди строителей Николаева выделяется своими заслугами инженер-гидротехник Борис Васильевич Фан-дер-Флис. Он отдал строительству на Юге свыше пятидесяти лет жизни, сооружая здания, порты, эллинги и т.п.

Берк Фан-дер-Флис родился 4 апреля 1762 года в Голлан-

дии, в городе Ниппорте. Это был образованный инженер-гидротехт (гидротехник), имевший большой опыт строительства каналов и портов. В 1792 году в числе других иностранных инженеров он был приглашен на русскую службу, получив в России имя Борис Васильевич. В 1794–1796 гг. работал в Одессе, занимаясь сооружением порта. Из Одессы его командировали в 1796 году в Кинбурн для ремонта крепости и возведения блок-форта (совр.остров Майский, напротив Очакова). В 1800 г. Б.В. Фан-дер-Флис строил шлюзы на днепровских порогах и на Ненасытецком канале.

В 1802 году Борис Васильевич был командирован в Тулу для разработки проекта и постройки нового Тульского оружейного завода. С 1806 по 1814 гг. он занимался постройкой Ивановского канала, моста через реку Улу и других гидротехнических сооружений.

С 1814 года Фан-дер-Флис снова на юге; он занимался составлением проектов морских сооружений на Таврическом полуострове.

В 1819 году Б.В. Фан-дер-Флиса переводят в Николаев гидротехтом черноморских портов Морского ведомства. В этом же году по поручению вице-адмирала А.С. Грейга Фан-дер-Флис разработал проект Спасского самотечного водопровода – от фонтана в Казенном саду («Сухой фонтан») до Адмиралтейства – протяженностью 1683 сажени (около 3 километров). Водопровод предполагалось сделать из чугунных труб, но проект оказался слишком дорогим, и Фан-дер-Флис переработал его под керамические трубы. В 1820 году Грейг послал проект водопровода на утверждение царю, но Александр I умер, не успев его рассмотреть. Впоследствии водопровод был построен инженером Рокуром по переработанному проекту.

Из построек, сооруженных Фан-дер-Флисом во время его службы в Николаеве, наиболее заслуживают внимания маяк на острове Тендра, паровая лесопильная машина в Николаевском адмиралтействе, элинг для постройки стопущечных кораблей (там же), Морская астрономическая обсерватория (1821–1827 гг.). Николаев обязан Фан-дер-Флису своим

благоустройством: он осуществил первый план замощения, озеленения и освещения Адмиральской и Соборной улиц. Им же разбит Морской бульвар над Ингулом.

В эти же годы Фан-дер-Флис строил на Днестре деревянные пристани, построил в Херсоне каменный бассейн и ряд других сооружений Морского ведомства.

В 1828 году Фан-дер-Флиса перевели в Одессу «портовым гидротехтом». Впоследствии он стал инспектором гидротехнических работ. Он построил набережную внизу Приморского бульвара, Практический, Карантинный и Новопавловский молы, занимался благоустройством города.

В 1839 году Б.В. Фан-дер-Флис числился чиновником 6-го класса (коллежский советник), награжден орденом Св. Владимира IV-й степени за выслугу лет. Прослужил в общей сложности в России около 52 лет.

Умер Б.В. Фан-дер-Флис в Одессе 16 марта 1846 года, прожив почти 84 года.

Инженер Антуан Рокур

Многие николаевцы слышали о «Спасском самотечном водопроводе», связывая его с «катакомбами». Иногда этот водопровод напоминал о себе провалами на Адмиральской улице и в ее окрестностях. Но мало кто знает что-либо о строителе этого грандиозного по тем временам гидротехнического сооружения – инженере Антуане Рокуре. А между тем, это был не только прекрасный инженер, но и экономист, философ и педагог.

Антуан Рокур де Шарлевиль родился в 1789 г. в родовом поместье Шарлевиле в Арденнах. Революция разорила их имение, поэтому молодой Антуан вынужден был работать. «Я хорошо знаю рабочих, поскольку сам им был», – вспоминал впоследствии Рокур.

В 1809 г. Антуан поступил в Политехническую школу, а через два года – в Школу мостов и дорог. Одновременно, с 1811 по 1818 гг., он работал на строительстве дороги

Амстердам–Гамбург, участвовал в сооружении крепостей на Корсике, Мерьере, Верхних Пиренеях, в Париже, прокладывал канал Сен-Мор.

Успешно закончив знаменитую школу, Рокур был удостоен звания ординарного инженера 2-го класса и назначен в октябре 1818 г. в Тулон на строительство военного порта. Здесь он проработал два с половиной года, участвуя в проектировании морского госпиталя и реконструкции главного магазина. В 1820 г. Рокур по заданию Морского министерства разработал проект крытых эллингов, которые были построены, а в 1821 г. – проект 14-ти сухих доков. Для их сооружения Рокур разработал машину для формовки особых кирпичей и печь для обжига извести. Тогда же он экономически обосновал полезность использования для работ каторжников. Полученная Рокуром на стройке экономия заслужила высокой оценки министра. Но вскоре чувство меры изменило Рокуру – он потребовал, чтобы ему предоставили права исполняющего обязанности директора морских работ. В ответ он почувствовал жесткое давление начальства и постоянные к нему претензии. Дело кончилось тем, что строптивного инженера решили уволить. И тут сказался характер Рокура – он круто изменил судьбу и поступил на русскую службу, получив приглашение еще в 1820 г. Закончив и защитив в Париже проект сухих доков, Антуан летом 1821 г. выехал в Санкт-Петербург.

На русскую службу Рокура зачислили 19 октября 1821 г. с чином подполковника Корпуса инженеров путей сообщения и назначили профессором Института путей сообщения, где уже работало несколько талантливых французских инженеров и ученых, таких как К. Потье, П.П. Базен, А.А. Бетанкур, Г. Ламе, Б.П. Клапейрон и другие.

В 1822 г. по проекту Рокура был сооружен новый мост через реку Нарову из Ивангорода в Нарву. При строительстве моста использовались гидравлические извести местного происхождения, найденные и исследованные Рокуром. Тогда же Антуан Рокур написал и издал монографию о строительных растворах, за что был избран впоследствии

членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. И сейчас Рокур считается одним из основоположников науки о цементе и бетоне.

В том же 1822 г. Рокура направили в Одессу в I отделение IV округа путей сообщения, где он выполнил ряд работ совместно с К. Потье. В апреле 1822 г. Рокур прибыл в Николаев в распоряжение вице-адмирала А.С. Грейга, Главного командира Черноморского флота. Здесь инженер Рокур спроектировал ряд зданий и портовых сооружений Морского ведомства.

Но главными его работами были проекты Спасского самотечного водопровода в Николаеве и сухих доков в Севастополе. Рокур переработал проект водопровода, выполненный ранее Ж.В. Гаюи, а затем приступил к его прокладке. Он руководил работами по сооружению Спасского водопровода с октября 1822 по декабрь 1823 гг.

Вспомнив свой тулонский опыт, А. Рокур предложил использовать на строительстве каторжников (замечу, что в 1826 г. в Николаеве находилось 16 арестантских рот, всего 1920 человек, которых использовали как для прокладки водопровода, так и для других тяжелых работ. Видимо, столько же их было и у Рокура).

Сохранились ежедневные отчеты Рокура о выполненных работах, чертежи продольных и поперечных разрезов штолен, проложенных глубоко под землей и облицованных камнем, и другие документы. По дну штолен проходили трубы, по которым самотеком вода от спасских источников поступала в город.

До нас дошел любопытный словесный портрет Рокура, созданный легким пером первого историка Николаева, главного гидрографа Черноморского флота контр-адмирала Н.М. Кумани. Несколько в игривой форме Николай Михайлович сообщает: «При вступлении в командование адмирала Грейга в 1816 году воды в Спасском источнике еще было столько, что он вознамерился провести ее в город... Проект был составлен полковником путей сообщения Рокуром, природным французом... Я помню очень хорошо эту личность: ма-

ленький, подвижный, как ртуть, человек, многоречивый, которого разговор по быстроте, трескучести и непрерываемости можно было без преувеличения уподобить водопаду – но только один разговор, с самою же водою он ладил не совсем удачно, как это доказано Спасским водопроводом.

Без всякой предварительной разведки о свойстве грунта... приступлено к делу... Не знаю, успели ли засыпать огромную яму около Сухого Фонтана, куда свозится с лишком 30 лет городской сор, но незадолго перед сим яма эта и частые провалы по улице против адмиральского дома обличали осязательно об убитых бесполезно трудах и времени...»

Нет сомнения, что Н.М. Кумани дал точный портрет А. Рокура как человека, но его обвинения инженера Рокура в непрофессионализме не имеют под собой никакой почвы: из официальных источников известно, что первая очередь водопровода от третьего Спасского источника до Дома Главного командира работала исправно еще в середине 60-х годов XIX века, она показана на плане города 1832 г. как существующая. Хуже обстояло дело с главной линией водопровода вдоль Адмиральской. В первый же год пуска водопровода от главного источника – Спасского фонтана в районе нынешнего яхт-клуба – трубы, не выдержав напора, полопались, и вода «ушла в песок». Но виновником все же был крымский поставщик керамических труб, но не Рокур. В эти же годы, находясь в Николаеве, А. Рокур разработал оригинальный проект сухих доков для Севастополя, состоящих из девяти камер, который долгое время изучали Базен, Бетанкур и другие коллеги Рокура по Корпусу инженеров путей сообщения.

В конце 1823 г. Рокур был командирован из Николаева в Санкт-Петербург, где разработал проект защиты столицы от наводнений, идею которого попытались осуществить уже в наше время. Из Петербурга Антуан Рокур часто ездил в Севастополь для выполнения различных работ. Но в 1826 г. инженер тяжело заболел. К этому добавились склоки, в которые он окунулся.

Обладая обостренным чувством справедливости, резкий

и неуживчивый Рокур рассорился со всеми своими соотечественниками. Они в отместку постарались очернить его деятельность в России. Обиженный Рокур 1 января 1827 г. подал прошение об отставке и уехал в Швецию. Оттуда он написал обвинительное письмо на имя императора, в котором облил грязью весь корпус инженеров путей сообщений, включая и Базена, которого Рокур обозвал «позором Политехнической школы». Но, по-видимому, и Грейг также был рад избавиться от скандального сотрудника, что видно из его письма: «За всем тем непостоянство его [Рокура] характера и неуспех в некоторых других его делах подали повод сомневаться в практических его способностях для столь важного дела, почему и был выписан инженер Уптон». Здесь речь идет о строительстве сухих доков в Севастополе – их по переработанному (и худшему!) проекту построил Джон Уптон, перехватив тем самым славу у Рокура.

Еще при жизни в Петербурге, в 1821 г., на квартире у Рокура возник сен-симонистский кружок из его соотечественников. Так Антуан Рокур приобщился к социальным проблемам. Вернувшись на родину, Рокур заинтересовался философией и даже в 1828 г. читал курс лекций в сен-симонистском кружке. В 1830 г. при активном участии Рокура создается Ассоциация политехников. Тогда же Рокур начал читать лекции для рабочих Парижа.

С 1828 г. Рокур восстановил свою инженерную деятельность, став ординарным инженером 1-го класса. С этого времени он активно изучает пути сообщения, используя изобретенный им прибор для взвешивания повозок, но не забывает и о философии: в 1831 г. вышел его «Курс практической философии». К этому же времени опубликованы две его книги – в Париже и Лейпциге – по строительным растворам. Параллельно с научной работой в 1831 году Рокур преподает в Центральной школе искусств и мануфактур. Но только в 1836 г. его повышают – он получил чин инженера-аншефа 2-го класса. В этом же году при поддержке видных общественных деятелей Антуан Рокур основал Институт общей морали и стал издавать два журнала.

Его избрали членом более чем шести научных обществ.

Энергичная деятельность подорвала здоровье этого незаурядного человека, и 4 мая 1841 г. Антуан Рокур умер. Ему было всего 52 года. И этот человек жил и работал у нас в Николаеве.

В настоящее время ученые-историки Сорбонны готовят к изданию научную биографию Рокура.

Архитектор Карл Акرويد

Чарлз Акرويد родился в Лондоне в 1787 г. Принят на русскую службу 11 ноября 1827 г. В Россию приехал уже сложившийся, опытный архитектор. По традиции его имя было изменено на привычно звучащее «Карл». Вскоре его пригласил в Николаев Главный командир Черноморского флота вице-адмирал А.С. Грейг.

*Дом Главного командира, перестроенный арх. К. Акرويد.
С открытки*

Карл Акройд начал службу в Черноморском адмиралтейском департаменте. В это время в Николаеве, да и вообще во всем Черноморском ведомстве «господствовал» главный архитектор Ф.И. Вунш. Других творчески работавших зодчих здесь не было. Поэтому Грейг и пригласил Акройда в Черноморский адмиралтейский департамент в помощь Вуншу. Акройд начал свою деятельность в Николаеве со строительства казарм для нижних чинов (1829–1831 гг.). Однако по какой-то причине адмирал не спешил поручать архитектору самостоятельное проектирование – может быть, творческих работ было немного, и с ними успешно справлялся сам Вунш? Это обстоятельство привело даже к обвинениям в адрес Грейга.

В сентябре 1830 г. начальник Строительного отделения Черноморского департамента инженер-подполковник Богданов послал в Санкт-Петербург «извет» (донос) на оберинтенданта Н.Д. Критского, в котором, в частности, обвинил руководство в использовании Акройда не по назначению: «Архитектор Акройд, получающий содержание до 14000 руб., занимается практическим производством работ, кои всякий художник может исполнить, и тем отвлекается от составления проектов зданий, на кои с давнего времени имеются суммы и в коих есть крайняя надобность». На это Грейг ответил, что Акройду назначен такой высокий «оклад жалования» потому, что он, согласно контракту, должен был дополнительно обучать архитектурному мастерству русских «художников».

Этот донос не возымел действия: Грейг и далее не поручал Акройду проектирование зданий – по крайней мере, подписанных архитектором проектов за этот период мне не удалось разыскать. Только в 1832 г. появляется первая самостоятельная работа Акройда – дополнение к плану города в его западной части (от Артиллерийской улицы в сторону Бутского лимана), вошедшее затем в общий Генеральный план, подписанный полковником Кретшмаром. Возможно, в это время Акройд спроектировал здание Арсенала для Херсона, которое, кстати, сохранилось.

Акройд проявил себя как архитектор только во время правления адмирала М.П. Лазарева, сменившего Грейга в октябре 1833 г. Уже в следующем году архитектор разработал проект реконструкции Николаевского адмиралтейства, в том числе эллинга для постройки 84-пушечных кораблей. Тогда же по заданию Лазарева Акройд перестроил по собственному проекту Дом Главного командира, надстроив башенку-бельведер, изменив парадный вход и перепланировав ряд комнат. Именно таким мы и видим этот дом сейчас в образе Музея судостроения и флота, который повторяет проект Акройда, но уже в камне.

Особенный расцвет творчества Акройда приходится на 1837–1860 гг. В это время в архитектуре началось господство так называемой «эклектики», сменившей классицизм. Зодчие создавали здания в разных стилях, в соответствии с их назначением, окружением и материалом. Это могло быть подражание готике, мавританскому, романскому, классическому и другим стилям. Они так и назывались: псевдоготика, псевдомавританский стиль и т.д. Объединяли их

*Училище для дочерей нижних чинов. Арх. К. Акройд.
С открытки*

*Летнее Морское собрание в Спасске и турецкий фонтан.
Арх. К. Акройд. Вид со стороны лимана*

*Летнее Морское собрание. Вид со стороны дороги в Лески.
С акварели А. Премацци*

общим названием – романтический стиль. По образованию и своему духу Акройд был сторонником английского романтизма (псевдоготики), процветавшего у него на родине. Но он успешно творил и в формах других стилей.

В 1837 г. по проекту Акройда построена стена и главные ворота Адмиралтейства в позднеклассическом стиле, которые и сейчас украшают вход на территорию завода имени 61 коммунара. Особенно много построек по проектам Акройда приходится на 1840 г. Это – здание Училища для дочерей нижних чинов Морского ведомства, созданное в псевдоготическом стиле. В 1840–1841 гг. возведен комплекс казарм флотского экипажа, состоящий из трех одинаковых зданий, поставленных буквой П. Они построены в строгом стиле позднего английского классицизма. И в том же году Акройд создает совершенно непохожее здание – так называемый «дворец Потемкина» в Спасске. На развалинах дома, построенного для Г.А. Потемкина еще при начале Николаева в «молдаванском вкусе», зодчий возводит совершенно новое здание в мавританском стиле – легкое, изящное, почти воздушное. Рядом с домом Акройд ставит фонтан, получивший впоследствии название «Турецкий» или «Султанский», искусно стилизуя его под восточный источник. После завершения полной реконструкции Спасска, у Военной пристани архитектор установил мраморный обелиск с указанием даты – 1849 г. В это же время Акройд не отказывается и от чисто «морских» проектов – в 1840 г. он доработал неудачный проект литейного завода Л. Опацкого. Одновременно он разработал план нового Адмиралтейства для Севастополя, названного впоследствии «Лазаревским». Тогда же в Николаевском Адмиралтействе по проекту Акройда построен «Модельный павильон» в классическом стиле и ряд других производственных зданий.

В 1849–1852 гг. на участке земли на углу Адмиральской и Фалеевской улиц по проекту Акройда возводится красивое здание Лютеранской церкви в псевдоготическом стиле и рядом – дом для священника; раньше этот участок был куплен бухгалтером Черноморского адмиралтейского департамента

Яцыным под собственный дом, но после его осуждения за ложный донос на Грейга николаевская лютеранская община откупила эту землю и построила здесь небольшую кирху. Вместо обветшалого здания старой кирхи и была возведена Акройдом новая.

Последняя известная работа Карла Акройда – проект нового Дома Главного командира Черноморского флота и его канцелярии, созданный в 1850 г. Повторяя в плане ныне существующее здание, новый Дом был намного обширнее. Но, по-видимому, смерть М.П. Лазарева не дала возможности Акройду осуществить его проект.

Жил Акройд в доме, который принадлежал когда-то И.М. Дерibasу, известному по планам как «Рибасов дом» – на углу Наваринской и Никольской улиц. Акройд перестроил хозяйственную часть дома, примыкавшую к главному зданию со стороны Никольской, превратив бывший ледник и кладовые в жилые комнаты. По-видимому, он плохо знал

*Главные ворота Адмиралтейства. Арх. К. Акройд.
С акварели А. Кухаревского*

Модельный павильон в Адмиралтействе. Арх. К. Акрюйд

Дом, в котором жил арх. К. Акрюйд («Рибасов Дом»)

русский язык, так как до конца своей службы подписывался по-английски: «Чарлз Акройд архитектор».

Главный хранитель фондов Николаевского краеведческого музея Н.А. Кухар-Онышко обнаружила в архиве ряд документов, существенно дополнивших наши знания об Акройде. Особый интерес представляют подорожные листы и листы на жительство в Николаеве. Из них стало известно, что Акройд прибыл в наш город из Санкт-Петербурга по билету обер-полицмейстера от 10 июля 1828 г. С ним приехала жена София, «бывшая вдова великобританского подданного Манести». В 1847 г. из Лондона через Одессу приехала в Николаев также племянница Акройда Грация Роульс.

Несмотря на то, что Акройд принят на русскую службу по контракту, он должен был ежегодно получать «билет для свободного проживания». Из билета, выданного 7 июля 1849 г., мы узнаем, что Чарлзу Акройду был 61 год, его жене 36, то есть она на 24 года моложе. В этот год у них родился сын Карл. В билете дан словесный портрет архитектора («приметы»). Это был мужчина среднего роста с седыми волосами и голубыми глазами, которые обрамляли темно-русые с проседью брови; нос и рот – «умеренные», борода «овальная» – в общем, типичный англичанин.

Акройд прослужил у нас в городе свыше 25 лет, последнее упоминание о нем в документах морского архива относится к 1853 г. Но недавно удалось «продлить» жизнь Акройда в Николаеве. Как сообщил автору А.Ф. Крашенинников (Москва, Музей архитектуры), он нашел документ, из которого следует, что Акройд в 1855 г. был выслан в Москву под надзор генерал-губернаторской канцелярии. Дело в том, что после сдачи союзникам Севастополя ожидалось нападение их на Николаев. Город был объявлен на осадном положении. Акройд, как английский подданный, согласно контракту, не имел права воевать против своей родины, поэтому, по сложившейся традиции, его, как и других англичан, выслали в Москву. При этом в сопроводительной характеристике отмечалась тридцатилетняя добросовестная служба Акройда.

Акройд был одним из самых плодотворных зодчих Нико-

лаева, оставивших заметный след в его архитектуре. Ему повезло больше, чем другим архитекторам – почти все его постройки сохранились до нашего времени.

Как ни странно, но Лазарев после отставки Вунша (1836 г.) так и не назначил на освободившуюся должность нового главного архитектора. Она оставалась вакантной до смерти адмирала. Акройд, много и плодотворно работая как архитектор, так и не был удостоен чести стать главным архитектором Черноморского адмиралтейского департамента, хотя в некоторых документах его так называли. Дальнейшая его судьба, к сожалению, неизвестна. В 1856 г., когда закончилась Крымская война, Акройду было около 69 лет. Скорее всего, он вышел в отставку и уехал на родину.

Архитектор Джон Уптон

Джон Уптон родился около 1800 года в Англии. Получив образование архитектора, работал до 1827 г. в своей стране.

В связи с «непостоянным характером» морского инженера А. Рокура, А.С. Грейг добился его замены, «выписав» Дж.Уптона в Россию, где он начал служить в Морском ведомстве под официальным именем Ивана Ивановича.

С 1827 по 1833 гг. Уптон работал в Николаеве и Севастополе инженером Строительного отделения Черноморского флота. С 1833 по 1849 гг. Джон Уптон служил в Морской строительной части Черноморского адмиралтейского управления в чинах инженер-майора, подполковника, а затем и полковника.

В 1827 г., по заданию А.С. Грейга, Дж.Уптон переработал проект сухих доков для Севастополя, разработанный ранее А. Рокуром. В 1829 г. Уптон разработал проект эллинга для постройки крупных кораблей в Николаевском адмиралтействе, а затем – проект моста через Бугский лиман из Николаева в Одессу (1831 г.). По идее Грейга Уптон спроектировал в 1827 г. водопровод с акведуком для подачи воды в Севастополь.

После утверждения проекта сухих доков в 1830 г. Джон Уптон возглавил их строительство (1837 г.), став одновременно членом Комитета по устройению в Севастополе сухих доков. Затем, в 1846 г., спроектировал для Одессы Сабаневский переходной мост. В 1850 г. Уптона назначили членом комитета по постройке нового Адмиралтейства в Севастополе, получившего впоследствии название «Лазаревского».

Джон Уптон, в основном, работал в Севастополе, который любил адмирал М.П. Лазарев и старался его украсить, мечтая о переносе Черноморского адмиралтейского правления из Николаева в Севастополь. По проектам Дж.Уптона в Севастополе построены пристани по берегам Южной бухты, величественная Графская пристань, украшенная скульптурами Ф. Пеличио и колоннадой в классическом стиле, озеленение города и многое другое.

С началом Крымской войны Дж.Уптон был выселен из Севастополя. Последний раз его имя встретилось мне в документах 1850 г. Возможно, он уехал с семьей в Англию.

Первый гражданский архитектор Л. Опацкий

Со времен основания Николаева его застройкой занимались военные инженеры и архитекторы из Морского ведомства. Они не только проектировали и строили ведомственные здания в городе, но и ведали гражданским («цивильным») строительством.

В связи с развитием Николаева в начале XIX столетия резко возрос объем работ по архитектурному проектированию. Военные инженеры и архитекторы уже не справлялись с этой работой, да их не хватало даже для проектирования ведомственных объектов: им приходилось проектировать и строить эллинги и мастерские в Адмиралтействе, здания для разных служб в городе, частные (обывательские) дома, рынки и многое другое. Поэтому адмирал Грейг, военный губернатор города, обратился в Министерство внутренних дел с прошением об учреждении в Николаеве должности

*Колокольня Адмиралтейского собора. Арх. А. Опацкий.
С открытки*

гражданского архитектора. Высочайшее разрешение было дано 4 мая 1831 г. Временно на эту должность был назначен по совместительству штурман 9-го класса Тарасов.

Из рапорта Грейга правительству от 27 июня 1831 г. узнаем имя первого претендента на эту должность: «Архитектор 14-го класса Людвиг Опацкий поданным прошением от 23 числа сего месяца просит определить его в должность архитектора по городской части с жалованием по тысячи рублей в год, при чём представил пашпорт, выданный ему от его сиятельства графа Витта, и аттестат из главной строевой комиссии, учрежденной при Черноморском департаменте, свидетельствующие как о хорошем его поведении, так о способности и знании архитектуры и математики».

Людвиг Антонович Опацкий был выходцем из безземельных польских дворян Волынской губернии. Он родился в 1786 г. Вначале учился и работал архитекторским учеником у «привилегированного архитектора бывшей польской службы» майора Франца Драча, который 1 марта 1809 г.

*Элинг для постройки 120-пушечного корабля. Арх. Л. Опацкий.
Перестроен Акройдом. С открытки*

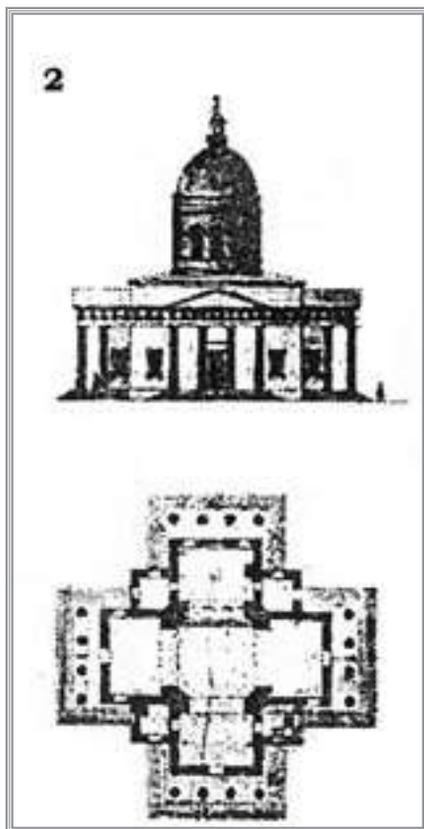
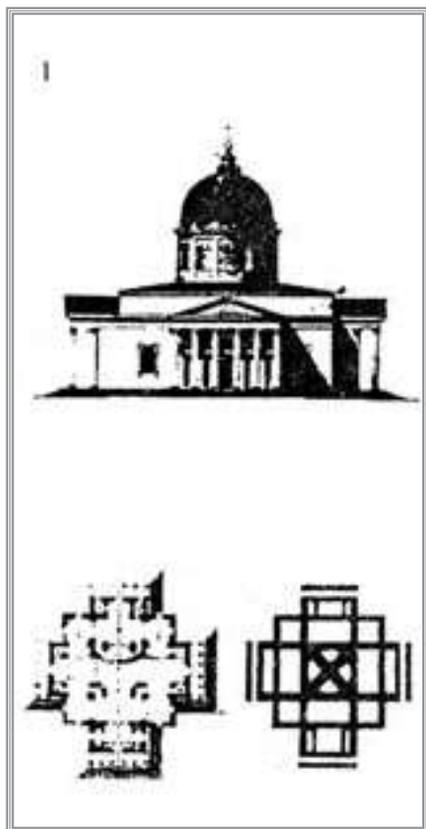
выдал Опацкому положительный аттестат для поступления на государственную службу.

Л. Опацкий начал службу 27 мая 1819 г. в Особом военно-рабочем батальоне №8 «архитекторским помощником с мундиром». Затем он служил в «3-м резервном кавалерийском поселенном корпусе». За усердную службу 23 апреля 1824 г. произведен в чиновники 14-го класса, а через два дня награжден 1000 рублями – награда для архитекторов того времени высокая. Впоследствии Людвиг Опацкий, по видимому, серьезно заболел, так как 14 января 1827 г. был уволен от службы по болезни. В том же году 14 июля после экзамена, проведенного комиссией во главе с архитектором Ф.И. Вуншем, был зачислен в штат Строевой комиссии Черноморского адмиралтейского департамента (Николаев).

Служа в Черноморском ведомстве, Л. Опацкий выполнял большую архитектурную и инженерную работу. Им были спроектированы и построены для нового Спасского адмиралтейства здание чертежной и два эллинга для постройки 84-пушечных кораблей (1826–1828 гг.), на которых подрядчиком А.А. Перовским построены два корабля и два фрегата (1829–1831 гг.). Одновременно на правом берегу Ингула Опацкий построил по своему проекту (1831 г.) эллинг для строительства 120-пушечных кораблей (по подряду Николаевского купца 1-й гильдии М. Серебряного). Подполковник М.И. Суровцов, возглавлявший от Адмиралтейства все работы по кораблестроению, дал отличную аттестацию архитектору: «Опацкий оказал своею деятельностью предусмотрение и искусство в хорошем устройстве упомянутых эллингов, что доказывается благополучным спуском с оных построенных кораблей «Анапа», «Память Евстафия» и фрегата «Варны».

Для вступления в должность городского архитектора Опацкий вновь был проэкзаменован комиссией, возглавляемой председателем Главной строевой комиссии, главным архитектором Ф.И. Вуншем и получил блестящий аттестат с рекомендацией занять эту должность.

В задачу городского архитектора входило проектиро-

1 – Проект нового Адмиралтейского собора.
Арх. Л. Опацкий.

2 – Проект Ново-Купеческого собора («Богородицы Всех
Скорбящих Радости»). Арх. Л. Опацкий.

вание и надзор за строительством всех государственных, общественных и обывательских построек. В 1833 г. Опацкий спроектировал новую переправу через Бугский лиман из Спасска в Варваровку, которая была построена городом и называлась поэтому «городской переправой» в отличие от казенной, находившейся против Малой Коренихи. В 1837 г. он выполнил проект комплекса жандармских конюшен со службами на углу Католической и Артиллерийской улиц. По

проектам Л. Опацкого построено несколько общественных и обывательских домов, сведения о которых, к сожалению, отсутствуют.

С 1839 по 1850 гг. Людвиг Антонович служил архитектором Южного округа Морской строительной части (Николаев). За это время он спроектировал новый литейный завод в Николаеве для Адмиралтейства (1839 г.), кадетский корпус в Николаеве (1840 г.); совместно с Э. Аннертом – Морской госпиталь в Николаеве (1840 г.); различные мастерские, магазины и канатный завод в Адмиралтействе (1850 г.), ряд других ведомственных зданий. Но в 1850 г. в связи с преклонным возрастом Опацкого отправили в отставку.

Около 1808 г. в возрасте 23 лет, служа архитекторским помощником у Ф. Драча, Опацкий женился, в 1809 г. у него родился сын, но жена, по-видимому, вскоре умерла. Спустя некоторое время Опацкий женился вторично на Юзефе Михайловне Юровской, которая родила четырех детей: дочерей Эмилию (1822 г.), Юлию (1826 г.), Изабеллу (1827 г.) и сына Леопольда (1826 г.). Сын от первой жены в 1831 г. уже служил при Подольской межевой комиссии.

Нужно полагать, что жизнь у Опацких была нелегкой. «Оклад жалования» 1000 рублей в год, разделенный ежемесячно, составляет всего 83 рубля 33 копейки. На эти деньги при такой многодетной семье – не разгуляешься (в это же время приглашенный из Англии архитектор Ч. Акройд получал 13000 рублей в год). Видимо, нужда заставила уже старого Л.А. Опацкого 21 января 1854 г. подать военному губернатору Николаева адмиралу М.Б. Бергу прошение о принятии на службу. Но ему уже было 68 лет, и вряд ли он был принят. По крайней мере, в поздних документах имя Опацкого уже мне не встретилось.

Замечу, что Опацкий был не только хорошим архитектором, но и первоклассным инженером-строителем. В 1830 г. он получил благодарность начальства за разработанную печь для нагрева воды и изобретенную машину для приготовления раствора извести.

Но венцом деятельности Л. Опацкого был проект ново-

го Адмиралтейского собора для Николаева, 1840 г. В РГА ВМФ в Санкт-Петербурге хранятся два чертежа этого храма, высочайше утвержденные 17 января 1840 г. Собор был трехпрестольным и вмещал 1500 прихожан. Но проект не был осуществлен. А ранее – в 1835 г. – он разработал проект соборной церкви, постройка которой затянулась. Под именем Богородичной Всех Скорбящих Радости ее освятили в 1843 г. В народе церковь прозвали Новокупеческой, поскольку она строилась на средства николаевского купечества. Это был самый большой храм в Николаеве.

К сожалению, большинство построек Опацкого не дожило до наших дней и было разрушено в результате всех политических «перестроек». Красивую Богородичную церковь в 30-е годы закрыли, потом она стала разрушаться и в полуразвалившемся здании поместили Инструментальный завод.

Жил Опацкий в собственном доме в конце Наваринской улицы по нечетной стороне. Усадьба его дома занимала середину квартала между Католической и Херсонской улицами. Может быть, один из домов, существующих на этом месте, – это и есть дом Людвига Антоновича Опацкого?

Архитектор Роман Кузьмин

Роман Иванович Кузьмин родился в 1811 году. В юности служил в Черноморском адмиралтейском правлении в Николаеве. По заданию Грейга в 1826 г. отобрали четверых юношей, среди которых был и Роман Кузьмин. Их направили в Императорскую академию художеств как «пансионеров Черноморского флота»: они должны были учиться за счет средств флота, а впоследствии вернуться в Николаев для продолжения службы.

С 1826 по 1832 годы учился в Академии художеств на отделении архитектуры. По заданию А.С. Грейга в 1827 году, будучи «учеником 3-го возраста под смотрением главного архитектора господина Михайлова», разработал проект «Храма Весты», который был сооружен в усадьбе Дома

Главного командира (в Диком саду) – в год рождения старшего сына А.С. Грейга Самуила и в честь Юлии Михайловны, супруги вице-адмирала – «богини-хранительницы» его домашнего очага.

Кузьмин окончил Академию в звании классного художника и с малой золотой медалью, которая ему была присуждена за проект Духовной семинарии. В следующем году за проект «усадыбы богатого помещика» Кузьмина наградили большой золотой медалью. Заметив талант молодого архитектора, Грейг ходатайствовал перед Главным морским штабом о посылке Романа Кузьмина за границу. В 1834 году Кузьмин уехал за рубеж, получив средства на стажировку от Морского ведомства. Он побывал в европейской части Турции и в Греции, где изучал памятники древней Византии, в особенности – церковное зодчество. Переехав затем в Рим, Роман Иванович участвовал в реставрации форума Траяна. За границей архитектор пробыл шесть лет и в 1840 году вернулся в Санкт-Петербург. За работы, выполненные за рубежом, Кузьмин удостоился звания академика архитектуры, а через год за проект Медико-хирургической академии с клиниками получил повышение и стал профессором (в то время звание профессора было выше, чем звание академика).

Однако Кузьмину не суждено было вернуться в Николаев. Талантливого архитектора направили в Гофинтендантскую контору, где вскоре он стал старшим архитектором. Роман Иванович возвел много построек для Дворцового ведомства, в числе которых несколько корпусов для императорских конюшен; он перестроил и расширил Гатчинский дворец, площадь с постройками перед дворцом и соорудил городской собор в этой загородной царской усадьбе. Живя и творя в эпоху эклектики, архитектор построил много замечательных зданий в разных «романтических» стилях. Самыми выдающимися творениями Кузьмина считаются церковь при русском посольстве в Афинах, православная церковь на улице Дарю в Париже, греческая посольская церковь в Санкт-Петербурге –

все в русско-византийском стиле. На Конногвардейском бульваре (ныне бульвар Профсоюзов) в Санкт-Петербурге Кузьмин построил большой и роскошный дом для Утина в стиле Возрождения. В стиле строгого классицизма разработан проект «старого придворно-служительского дома» в Петербурге. Последней работой архитектора стала часовня у Летнего сада.

К сожалению, единственное здание – «Храм Весты», – построенное в Николаеве по проекту юного Романа Кузьмина, после войны было окончательно разрушено.

В нашем краеведческом музее хранится портрет адмирала А.С. Грейга неизвестного автора, но явно присланный из Петербурга. По технике исполнения этот графический портрет ближе к манере архитектора, чем художника. На портрете подпись, похожая на «Р.Кузьмин». Может быть, это был знак доброй памяти архитектора о Грейге, распознавшем в нем талант и пославшем Кузьмина учиться в Петербург за «казенный кошт»?

Р. И. Кузьмин умер в 1867 году в Санкт-Петербурге, войдя в анналы отечественной архитектуры как талантливый архитектор эпохи эклектики. Искусствоведы считают также, что его работы по изучению античного зодчества, выполненные в Греции и Италии, «вошли в золотой фонд антиковедения».

Архитектор Дмитрий Ефимов

В Николаеве родилось немало талантливых людей, оставивших свой след в истории Отечества. К ним, безусловно, относится архитектор Дмитрий Егорович Ефимов, который первым занялся изучением древнеегипетской архитектуры, за что среди современников получил прозвище «египтянина». Не оцененный при жизни, Д.Е. Ефимов был впоследствии признан основоположником изучения архитектуры древнего Египта.

Дмитрий Ефимов родился в 1811 г. в Николаеве в семье

унтер-офицера Корпуса морской артиллерии 6-й бригады. С детских лет его приписали к Черноморскому флоту, и он являлся флотским воспитанником. Ему предстояло в дальнейшем служить на флоте, если бы не одно счастливое обстоятельство.

Грейгу доложили о Дмитрие Ефимове, у которого были незаурядные способности рисовальщика. И вот 21 июля 1826 г. пятнадцатилетний Дмитрий направляется в Санкт-Петербург в Императорскую академию художеств. Вместе с ним едут еще три николаевца, выходцы из семей моряков – Роман Кузьмин, Иван Лунченко и Василий Рулев.

Уже в 1830 г. Ефимов проявил себя способным архитектором, представив на выставку работ учащихся конкурсный проект «Церковь с инвалидными домами и тройственными памятниками». После окончания Академии в 1832 г. за конкурсный проект «Семинария на 200 человек учеников» Дмитрий был награжден Второй золотой медалью. Талантливый молодой зодчий был оставлен на год при Академии «для усовершенствования». В 1833 г. за проект «Здание для жительства богатого помещика в его имении» он удостоен Первой золотой медали. Видя успехи «пансионера», Главный морской штаб обратился к императору с ходатайством о посылке Ефимова на три года за границу для изучения европейской архитектуры.

В 1834 г. по Высочайшему повелению Ефимов вместе со своим товарищем Романом Кузьминым отправился через Константинополь в Италию «для дальнейшего усовершенствования по части художеств на казенный счет». По пути заехали в Грецию, откуда Д. Ефимов вместе с А. Сабуровым направился в Египет, затем в Палестину и Сирию, где они изучали древние памятники архитектуры.

Д.Е. Ефимов объездил весь Египет – от Александрии до вторых порогов Нила. Результатом путешествия Ефимова по земле фараонов явился альбом рисунков и чертежей с обмерами зданий и с подробнейшими деталями. Увлечшись изучением памятников Древнего Египта, Ефимов впервые дал научный их анализ и изложил свой взгляд на

архитектурное искусство египтян, считая, что оно оказало влияние на зодчество античного мира. В восторге от увиденного, Ефимов утверждал, что Египет – это «врата всех наук и искусств».

Приехав из Египта в Рим, Дмитрий Ефимов написал капитальный труд по древнеегипетской архитектуре и предполагал его издать. В ожидании мецената, который оплатил бы издание, Ефимов принял предложение римского Археологического института издать небольшую брошюру. Вскоре брошюра «Краткие наблюдения над египетской архитектурой» вышла в Риме на итальянском языке. Завершая свой научный труд, Д.Е. Ефимов дал правильную оценку причин гибели империи фараонов: «Не пески пустыни, не разливы Нила, а войны стольких нашествий привели к падению высокой цивилизации Древнего Египта». И в Риме Ефимов продолжал изучать древний Египет. Его наставником был известный египтолог Розеллини, ученик знаменитого Шампольона.

В 1837 г. в Рим должен был приехать великий князь Михаил Павлович, и по этому случаю русские художники, жившие в Вечном Городе, решили устроить выставку своих работ, на которую Ефимов представил проект реставрации портика Октавия, план Иерусалимского храма, фронтиспис греческой архитектуры и египетские зарисовки, которые вызвали одобрение публики. В Риме с Ефимовым встречался Н.В. Гоголь, который, как известно, интересовался архитектурой. Однако писатель не оценил по достоинству работу Д. Ефимова о древнеегипетском зодчестве. Гоголь весьма иронично отозвался об этой работе, и в одном из писем писал, что Ефимов приписывал себе приоритет, «потому что имел благородное обыкновение, свойственное, впрочем, всем художникам, не заглядывать в книги».

В 1839 г. Д.Е. Ефимов вернулся в Петербург и «за труды по реставрации виллы Адриана (проект) и рисунки, сделанные во время путешествия по Нубии и Египту» удостоен звания академика архитектуры. После возвращения Ефимов был назначен архитектором дворцового управления в Цар-

ском Селе. Казалось бы, здесь, в этих прекрасных местах, и должно было раскрыться творчество талантливого зодчего, но судьба его сложилась неудачно – практически он ничего не построил по своим проектам. Переделка лестницы в Екатерининском дворце, перестройка некоторых комнат в Александровском лицее и другие реконструкции старых зданий – вот все, что сделано им. Впоследствии Ефимова перевели в Петербург и причислили к переехавшему лицее. Но и в столице творчество Ефимова не раскрылось – он ничего не построил и здесь.

Некоторое время Д.Е. Ефимов преподавал в Санкт-Петербургском университете.

Собратья-архитекторы негативно встретили исследования Ефимова о древнеегипетской архитектуре, прозвав его в насмешку «египтянином». Однако его брошюра стала известна ученым и вызвала немало научных споров. Расстроенный архитектор оставил службу и уехал в Черниговскую губернию. В мае 1864 г. архитектор и ученый Д.Е. Ефимов скончался на 53 году жизни. Не понятый современниками, он так и не смог реализовать свой творческий потенциал. Как справедливо сказал в некрологе П. Петров, «Имя Ефимова увековечило собою длинный список русских талантов, которые в молодости, живя за границею, обещают сделаться заметными и полезными деятелями на поприще науки и искусства, но возвратясь в отечество, предаются рутине или исчезают бесследно».

Только в наше время работа Д.Е. Ефимова о древнеегипетской архитектуре получила должную оценку, а имя его открывает длинную шеренгу исследователей зодчества земли фараонов.

Архитекторы Василий Рулев и Иван Лунченко

Василий Александрович Рулев родился около 1810 года. В 1826 г. он служил унтер-офицером 6-й Морской артиллерийской бригады. В этом же году по рекомендации А.С.

Грейга, заметившего дарование юноши, был направлен в Академию художеств на половинное содержание за счет Черноморского флота («полупансионер»). В 1832 г. он окончил Академию художеств и выпущен художником 14-го класса по «Табели о рангах», получив направление в Черноморский флот архитектором.

В 1836 г. Василий Рулев в чине прапорщика служил архитектором Черноморского адмиралтейского правления в Николаеве. С 1840 г. работал в Севастополе; в 1844 г. – инженер-подпоручик. В 1844 г. по его проекту построен Петропавловский собор, который считался одним из лучших архитектурных сооружений в Севастополе. В 1852 г. назанчен исправлять должность городского архитектора Севастополя.

После падения Севастополя В.А. Рулев в чине инженер-полковника с 1872 по 1884 г. служил в Николаеве архитектором Морского ведомства. В эти же годы он разработал проекты перестройки ряда зданий Морского ведомства в Николаеве, в частности, Дома флагманов и командиров (Зимнее морское собрание, 1872 г.) и конторы над Николаевским портом (1884 г.).

Умер В.А. Рулев после 1884 г.

Иван Лунченко был выходцем из Николаевщины. Он родился около 1810 г. В 1827 г. в чине прапорщика служил при строительной части Николаевского адмиралтейства. Здесь он составил план расположения Морской астрономической обсерватории на Спасском холме (1827 г.)

Обнаружив у Ивана Лунченко способности к рисованию, его начальство порекомендовало Грейгу в качестве «полупансионера» Черноморского флота для поступления в Академию художеств.

После окончания Академии художеств Иван Лунченко вернулся на Черноморский флот в 1832 г. и служил архитектором при Черноморском адмиралтейском правлении в Николаеве. Однако как архитектор он проявил себя слабо. Известны лишь его ученические проекты парадной лестницы для Дворца и гауптвахты, а также беседки над колодцем

в Николаевском адмиралтействе (1834 г.).

После 1834 г. об Иване Лунченко не сохранилось никаких документов. Видимо, он служил рядовым архитектором при Морском ведомстве.

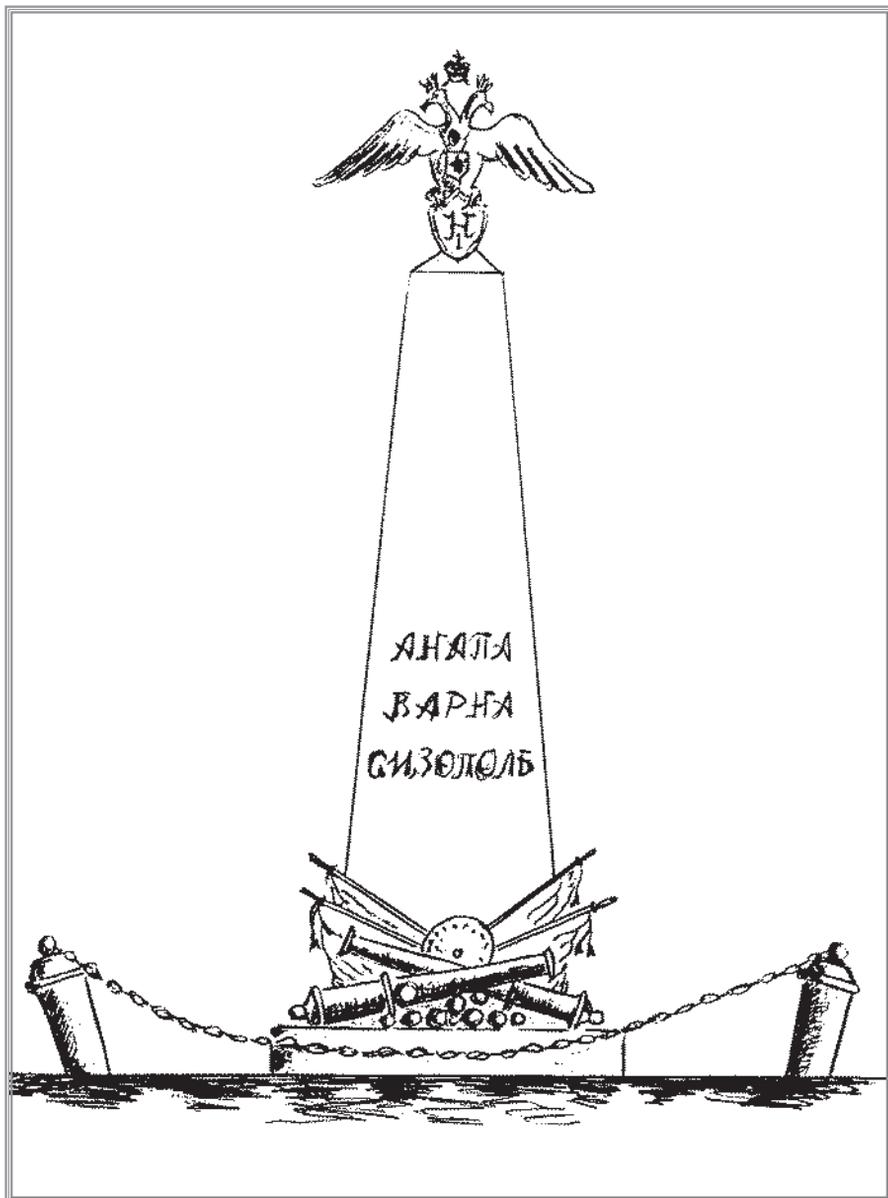
Архитектор Джузепе Маньяни

В настоящее время Николаев совершенно лишен исторических памятников, относящихся к героической дореволюционной истории.

Николаеву вообще не везло с самого начала: как только появлялась идея соорудить какой-нибудь памятник, отражающий историю страны в истории города, находились силы, стремившиеся это не допустить или сломать уже созданное.

Первый памятник героическим делам Черноморского флота предложил воздвигнуть в Николаеве Главный командир и военный губернатор Николаева и Севастополя адмирал А.С. Грейг еще в начале 30-х годов прошлого века. Отгремела победоносная русско-турецкая война 1828–1829 гг., в которой Черноморский флот прославил себя взятием нескольких турецких приморских крепостей, в их числе такие твердыни, как Варна и Анапа. Император Николай I в награду за подвиги моряков подарил по девять трофейных пушек Николаеву и Севастополю для создания памятников. Грейг предложил воздвигнуть в Николаеве «хозяйственным способом», т.е. силами и средствами флота два монумента вблизи административного и кораблестроительного центра города.

В ЦГА ВМФ хранится несколько проектных чертежей самих монументов и их привязки к Магистратской площади. К разработке проекта был привлечен итальянский архитектор Джузеппе (Иосиф) Маньяни, по-видимому, служивший в строительной части Черноморского флота. На чертеже под названием «План участка площади с показаниями монумента возле гауптвахты и в магистратском саду» указана

Проект памятника в честь побед русского флота. Арх. Дж. Маньяни. Рис. Ю.С. Крючкова

дата: 1 февраля 1830 г. На нем помечено два места «для устройства монументов»: возле гауптвахты и в саду за магистратом (между Адмиральской и Никольской улицами) на одной оси. Два других чертежа, имеющих старые архивные номера и неразборчивую подпись латинскими буквами, не имеют даты. Один из них озаглавлен «Прожект монумента М...», выполнен в цвете и представляет обелиск с орлом наверху, держащим вензель Николая I. Обелиск окружен корабельными пушками на лафетах. Указан авторский номер проекта – № 13. Второй чертеж, также в цвете, № 12, представляет тот же обелиск, но с надписями на нем: Анапа, Варна, Сизополь. В нижней части памятника установлены орудийные стволы и прочие трофеи. Памятник окружен оградой.

Простота памятников, дата на чертеже, привязки их к местности и надписи на обелиске позволяют утверждать, что это и есть те самые монументы, которыми Грейг хотел увековечить славные дела черноморцев, используя подаренные Николаем I трофейные пушки. Однако эти памятники так и не были сооружены, хотя гранит для обелисков уже был добыт и доставлен в Адмиралтейство. Дело в том, что в начале октября 1833 г. Грейг отбыл из Николаева в Петербург и его сменил М.П. Лазарев, противившийся многим делам, начатым Грейгом. О дальнейшей судьбе памятников мы можем узнать из писем Лазарева начальнику Морского штаба князю А.С. Меншикову. Уже через два месяца Лазарев пишет: «С разрешения бывшего главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга предположено соорудить хозяйственными средствами: а) в Николаеве и Севастополе 2 монумента для всемилостивейше дарованных городам сим по 9 пушек из числа орудий, приобретенных в крепостях, покоренных российскому оружию во время последней с турками войны, б) особо в Николаеве набережные по обе стороны мортонова эллинга: с одной стороны – до северной адмиралтейской калитки, а с другой – сажень на 100 к середине Адмиралтейства...

По случаю имеющейся в виду высочайшей государя им-

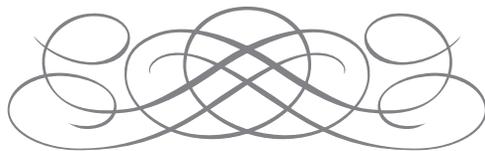
ператора воли, дабы некоторые из устройств переведены были из Николаева в Севастополь... сообразно с сим остановлены предполагаемые в Николаеве построения по гражданской и гидравлической частям.

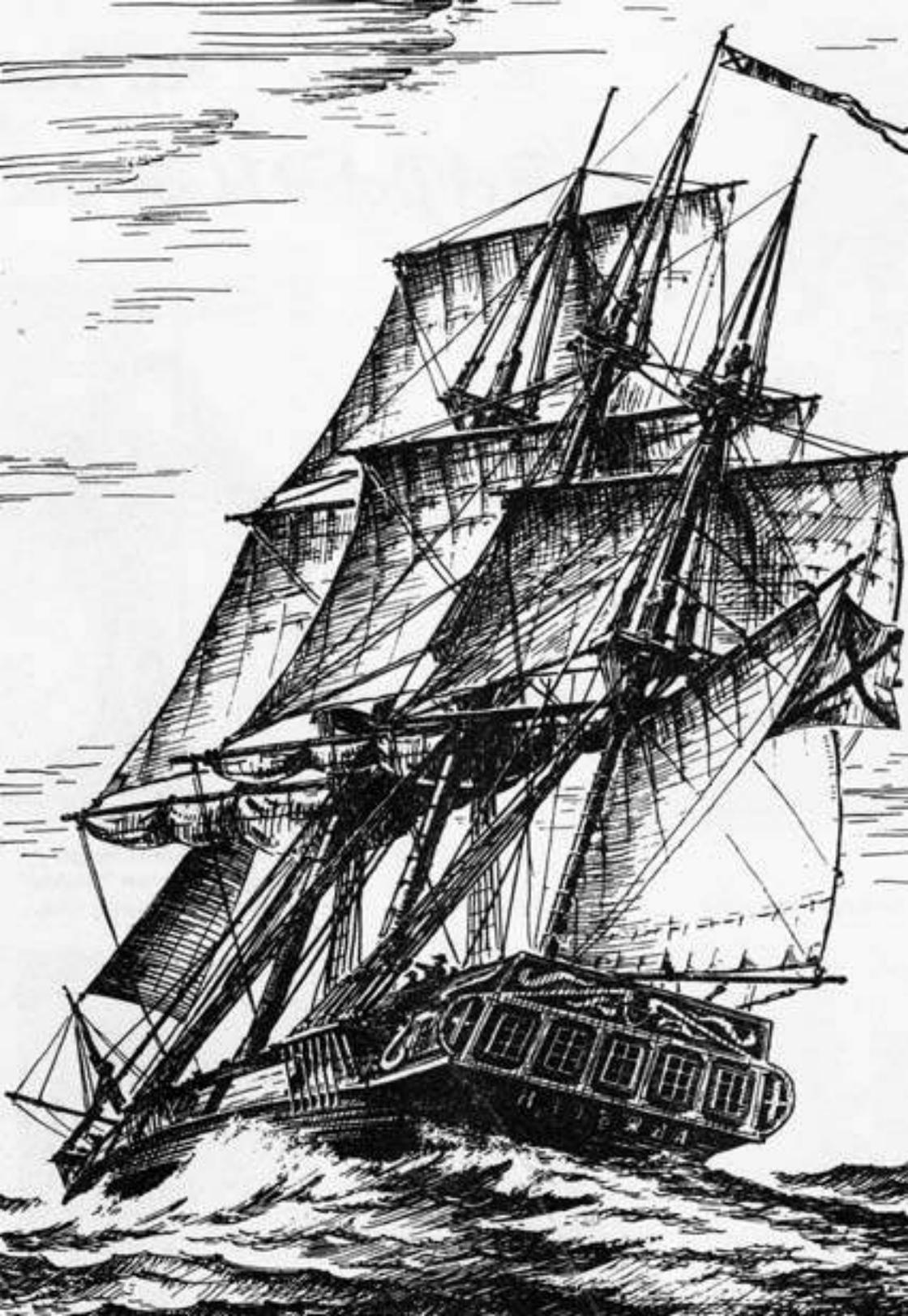
Не находя препятствий к сооружению здесь, согласно предположениям адмирала Грейга, монумента из пушек, е.и.в. городу Николаеву дарованных, я впрочем, долгом почитаю представить о сем на разрешение в.с-ти, имея честь покорнейше просить о последующем по сему почтить меня Вашим предписанием».

Зная взаимоотношения Лазарева с Грейгом и Меншиковым, можно с уверенностью сказать, что он не пожелал увековечить победы Черноморского флота, одержанные под руководством Грейга. Меншиков, который с некоторых пор также относился к Грейгу неприязненно, намек понял. Оба гранитных монолита были пущены на облицовку стенки в Адмиралтействе, хотя командование и некоторые службы флота были переведены из Николаева в Севастополь только через 62 года. Да и в Севастополе, насколько известно, этот монумент не был сооружен.

Так закончилась первая попытка воздвигнуть в Николаеве первый памятник победам Черноморского флота.

Подробнее об архитекторах и строителях времен А.С. Грейга можно узнать из литературы [48–54, 66, 99, 100, 142, 146, 155, 156, 162, 164, 166–168, 173, 174, 176, 191, 195, 196, Е39, Е42, Е85, Ж5, Ж7, Ж8, 397–3103, К109–К136].

Глава одиннадцатая

Соратники или недруги?

Адмирал князь А.С. Меншиков

реди русских моряков, имевших отношение к Николаеву и Черноморскому флоту, наиболее противоречивой, даже одиозной фигурой был адмирал светлейший князь А.С. Меншиков. Потомок знаменитого петровского фаворита, генерал, сделавший блестящую военную и придворную карьеру, он в 40 лет внезапно становится морским офицером, да не простым, а адмиралом и начальником Морского штаба. С его именем связан ряд преобразований на флоте. Он более 25 лет возглавлял военно-морской флот России, ни разу не командуя даже маленьким судном и совершив лишь один морской переход на корабле А.С. Грейга от Анапы к Варне. Лишь полный провал Крымской кампании послужил Николаю I поводом, чтобы в 1855 г. освободить его от руководства флотом.

Александр Сергеевич Меншиков родился в семье сенатора в 1787 г. Он был правнуком известного государственного и военного деятеля, наперсника императора Петра Великого, генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова.

Молодой Александр воспитывался за границей и там же получил хорошее образование, окончив университет. Вернувшись в Россию, в возрасте 18 лет, Александр Меншиков поступил юнкером в Коллегию иностранных дел. Но молодого человека влекла военная карьера, и он в 1809 г. перешел на службу в лейб-гвардии артиллерийский батальон в чине подпоручика. Спустя год Меншиков начал свою боевую службу в должности адъютанта главнокомандующего мол-

Адмирал князь Александр Сергеевич Меншиков

давской армией. Участвовал во взятии турецких крепостей Туртукай и Рушук, был ранен. За храбрость получил орден Святого Владимира IV степени. Был замечен императорским двором и в 1811 г. пожалован во флигель-адъютанты и назначен дивизионным квартирмейстером Первой гвардейской дивизии.

Дальнейшая военная карьера Меншикова связана с Преображенским гвардейским полком, с которым Александр Сергеевич участвовал во всех кампаниях против Наполеона, начиная с 1812 по 1814 гг. Он участвовал почти в каждом из крупных сражений Отечественной войны. В бою под Парижем Александр Меншиков был легко ранен. За отвагу и боевые отличия его наградили орденом святой Анны II степени и золотой шпагой.

В 1816 г. император Александр I произвел Меншикова в чин генерал-майора (в 29 лет) и перевел его в свою свиту по квартирмейстерской части. Вскоре Александра Сергеевича, как храброго и хорошо образованного молодого генерала, царь назначил директором канцелярии Главного штаба и пожаловал в придворное звание генерал-адъютанта.

Впоследствии Меншикова избирают членом ряда комитетов, в том числе и военно-научного. В 1820 г. император предложил ему, как это ни странно, занять в Николаеве должность Главного командира Черноморского флота. Но Александр Сергеевич понимал, что он вряд ли будет лучшим главнокомандующим, чем вице-адмирал А.С. Грейг, и отказался. Однако, возможно, с этих пор он возомнил себя знатоком флота.

Блестящая военная и придворная карьера Меншикова вызывала зависть у царского окружения и рождала скрытых и явных врагов. Особенно нелюбимым он был у нового фаворита царя А.А. Аракчеева, который ждал удобного часа, чтобы «столкнуть» удачливого князя Меншикова. Вскоре появился подходящий предлог: в 1821 г. Меншиков, понимавший бесперспективность крепостничества, подал Александру I проект освобождения помещичьих крестьян. Аракчеев посчитал этот проект крамольным и оговорил

Меншикова. Александр I предложил князю оставить все посты и отправиться посланником в Дрезден, столицу Саксонского королевства. Оскорбленный Меншиков подал в отставку и с 1824 г. отошел от дел.

С приходом к власти Николая I звезда Меншикова вновь взошла на дворцовом небосклоне. Дело в том, что когда-то великий князь Николай Павлович служил вместе с Александром Сергеевичем. Он высоко ценил Меншикова как человека «за необыкновенную деятельность ума, необъятную память, живую и остроумную речь». Но, по-видимому, главным было то, что Меншиков, один из всех придворных, остался преданным царю и не побоялся отправиться с ним для подавления бунта на Сенатской площади.

Первым серьезным заданием, которое выполнил блестяще Меншиков, была дипломатическая миссия в Персию, за которую Николай I вернул Александру Сергеевичу звание генерал-адъютанта и наградил орденом святой Анны I степени с алмазными знаками.

Вскоре Меншиков преподнес царю проект реорганизации Морского ведомства, который он разработал, будучи в отставке. Ознакомившись с проектом, монарх назначил А.С. Меншикова (декабрь 1826 г.) главой комитета для выработки реформ Морского министерства, удивив этим моряков.

Дальше – больше: 25 марта 1828 г. император назначил Александра Сергеевича исправляющим должность начальника Морского штаба Его Императорского Величества, переименовав Меншикова из генералов в контр-адмиралы. Так сухопутный генерал, не видавший никогда моря, стал адмиралом. Через три дня А.С. Меншиков становится членом Комитета министров.

В апреле 1828 г. началась война с Турцией. Меншикова назначают командовать десантным отрядом, предназначенным для осады крепости Анапа. И тут создалась пикантная ситуация: А.С. Меншиков оказывается в подчинении у старшего по чину вице-адмирала А.С. Грейга, которому поручено общее командование осадой и штурмом крепости с моря и с суши. Вместе с тем, Меншиков по положению

был начальником Грейга как глава Морского штаба. После взятия Анапы над стенами крепости был поднят флаг начальника Морского штаба, и Грейг, как старший по чину и общему руководству штурмом, представлял Меншикова к наградам. В своем донесении императору Грейг отметил, что крепость взята благодаря «благоразумию, неутомимости и блистательной храбрости князя Меншикова, который, невзирая на отчаянное сопротивление неприятеля и малочисленность осадного корпуса, успел отразить все вылазки гарнизона и нападения черкесов и довел неприятеля до покорности».

За взятие Анапы А.С. Грейг получил чин адмирала, а А.С. Меншиков – чин вице-адмирала и орден Святого Гергия 3-го класса за личную храбрость. Царь утвердил Меншикова в должности начальника Морского штаба и оставил ему звание генерал-адъютанта. Несмотря на то, что, благодаря отличному представлению Грейга, Меншиков получил все эти награды, злопамятный Александр Сергеевич не смог простить Грейгу, что он, Меншиков, был у А.С. Грейга в подчинении, и всю жизнь старался мстить Алексею Самуиловичу Грейгу.

В июле Меншиков указом царя был назначен командовать осадным отрядом для взятия турецкой крепости Варна и вновь при общем командовании А.С. Грейга как старшего по чину. Однако Меншиков находился при осаде Варны всего около месяца: 9 августа он был ранен ядром в обе ноги, получив контузию. Но князь не покинул осадные войска, пока крепость не была взята, хотя вместо него осадой крепости с суши стал командовать граф М.С. Воронцов. Царь не забыл кратковременного участия Александра Сергеевича в осаде Варны и наградил его трофейной пушкой, взятой при покорении Варны, «в знак особенного Монаршего благоволения и памяти заслуг, оказанных при осаде и покорении оной крепости». Хотя какие заслуги были у Меншикова «при покорении оной крепости»? Он был ранен за несколько месяцев до взятия крепости Варна и в руководстве осадой и штурмом не участвовал – командовал Грейг.

После взятия Варны Меншикова отправили в Николаев на излечение в морском госпитале. Вскоре его наградили орденом Святого Александра Невского.

В марте 1830 г. Александра Сергеевича назначили членом Государственного совета «с оставлением в прежней должности» и арендой в 8000 рублей на 50 лет (имеется в виду отдача в аренду государственного поместья с крестьянами).

В 1831 г. Меншиков был назначен финляндским генерал-губернатором и командующим войсками, расположенными в Финляндии, «с оставлением в прежней должности». Александр Сергеевич находился, в основном, в Санкт-Петербурге, сопровождая императора Николая I во всех его поездках по стране и за рубежом. В 1832 г. Меншикова награждают алмазными знаками ордена святого Александра Невского. Находясь по-прежнему на посту начальника Морского штаба, А.С. Меншиков создал стройную систему организации и подчиненности флота, не забывая весьма успешно интриговать против неугодных ему лиц, для чего использовал тайные доносы флигель- и генерал-адъютантов. Так, в течение двух лет он вел тайную борьбу против Грейга, приняв в свои сообщники контр-адмирала, генерал-адъютанта М.П. Лазарева и других лиц, подчиненных Грейгу. В результате этой «деятельности» Меншикову наконец-то в 1833 г. удалось сместить адмирала Грейга с должности Главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева, поставив на эту должность М.П. Лазарева. В этом же году князь получил долгожданный чин адмирала. Во время правления Черноморским флотом адмирала Лазарева император Николай I трижды приезжал в Николаев для смотра флота и кораблестроения. И каждый раз в этих поездках его сопровождал адмирал князь Меншиков.

С 1833 по 1838 г. Меншиков сопровождал императора Николая I при его встречах с монархами других стран – Австрии, Пруссии, Швеции.

В 1836 г. Меншиков устроил смотр Балтийского флота на Кронштадтском рейде, за что был награжден золотой таба-

керкой с портретом царя.

В 1839 г. Меншиков стал кавалером высшего ордена России – Святого апостола Андрея Первозванного, а через два года получил алмазные знаки этого ордена. Награды сыпались одна за другой: в 1842 г. – пожаловано майоратство в Финляндии, в 1850 – награжден портретом Николая I, усыпанным алмазами, в 1851 г. пехотный полк был назван в честь князя – «генерал-адъютанта князя Меншикова полк».

В январе 1853 г. Меншиков был назначен Чрезвычайным послом в Константинополь. Но миссия его была неудачна: в мае он возвратился в Севастополь, и вскоре разразилась война с Турцией.

В следующем году император назначил князя главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами в Крыму. На совете по поводу обороны Севастополя князь принял правильное решение – затопить корабли в бухте, чтобы закрыть доступ к городу с моря. Присутствовавший на совете начальник штаба Черноморского флота В.А. Корнилов был против затопления кораблей и предложил «героический план» – выйти флоту в море и сражаться, чтобы прославить Черноморский флот. Но Меншиков резко оборвал Корнилова, сказав, чтобы тот «отправлялся в свой Николаев и командовал там». Оборона Севастополя показала, что Меншиков был прав. Однако действия русской армии были неудачными: все сражения с англо-французскими войсками были проиграны.

Николай I разочаровался в Меншикове, считая его виновным в поражениях. Разгневанный император в 1855 г. уволил князя от всех должностей, оставив ему только звание генерал-адъютанта и почетное членство в Государственном совете. Но сменивший Александра Сергеевича генерал М.Д. Горчаков также не смог изменить положение.

В конце 1855 г. Меншиков был назначен Кронштадтским военным генерал-губернатором, но в следующем году царь его уволил, утешив благодарственным рескриптом. Последней наградой, полученной Меншиковым от Александра II,

был двойной портрет Николая I и Александра II для ношения в петлице (1866 г.).

19 апреля 1869 г. князь скончался в возрасте 82 лет. Историки до сих пор спорят о личности Меншикова и его роли в Крымской войне. Безусловно, нельзя все поражения русской армии приписывать «бездарности князя». Причины были в ином: недостаток войск и слабое, отсталое вооружение и снаряжение армии. Что же касается личности Меншикова, то все современники и историки сходятся в одном – это был незаурядный человек с сильными достоинствами, но и с не менее значительными пороками. Вот, например, как характеризует его историк генерал-лейтенант Е.Н. Аренс: «Меншиков отличался весьма острым умом и независимостью убеждений... По своему происхождению и вследствие материальной обеспеченности он пользовался видным и самостоятельным положением... Александр I его не любил, находя, что «душа князя чернее его сапога» и что «у него есть ум только для того, чтобы кусаться».

Еще более уничтожающую характеристику дал князю адмирал Шестаков в своих записках «Полвека обыкновенной жизни», которые он завещал опубликовать не ранее чем через 50 лет после своей смерти. Адмирал считал князя «ловким царедворцем, желчным и злобным, злопамятным и мстительным».

.Однако 50-летнее пребывание Меншикова в офицерских чинах и почти 30-летнее руководство Морским ведомством говорят все же, что это был незаурядный военно-политический деятель и администратор.

Адмирал генерал-адъютант М.П. Лазарев

«Лазарев, Михаил Петрович (3 ноября 1788 – 11 апреля 1851) – выдающийся деятель русского флота и флотоводец, видный ученый-исследователь Антарктики, адмирал». Так начинается статья о Лазареве в 24-м томе «Большой Советской Энциклопедии», вышедшем в 1953 году. В то время

Флигель-адъютант Михаил Петрович Лазарев, 1827 г.

М.П. Лазарев стал парадной фигурой советской приказной идеологии, порожденной «эпохой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед границей». Он был удачным образцом «исконно русского» моряка, который регулярно использовали для противопоставления шотландцу, космополиту А.С. Грейгу. С тех пор, а точнее с 1947 года, услужливые историки, как сказал один советский писатель, «начищают сапоги Лазареву». Однако со времени смерти Лазарева прошло 155 лет, и пора посмотреть на адмирала объективным взглядом, не только как на моряка, но и как на личность и человека.

Наваринский герой

Лазарев родился в семье столбового дворянина, сенатора, Владимирского наместника. В 1800 г. поступил в Морской кадетский корпус, из которого в 1803 г. выпущен гардемаринном и направлен волонтером в английский флот, где прослужил до 1807 г., после чего его перевели в Балтийский флот. Его дальнейшая морская биография хорошо известна, поэтому я останавливаюсь на ней коротко.

В 1812 г. Лазарев, как и Грейг, принимал участие в высадке десанта в Данциге. Осенью 1813 г., командуя коммерческим судном «Суворов», принадлежащим российско-американской компании, совершил плавание в Русскую Америку, которое закончилось как кругосветное в 1816 г. В составе экспедиции под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена Лазарев совершил второе кругосветное плавание на шлюпе «Мирный», во время которого была открыта Антарктида.

Однако это утверждение весьма спорно. Беллинсгаузен и Лазарев нигде не высаживались на берег Антарктиды, более того – они его не видели, потому в своем описании этого путешествия Беллинсгаузен нигде не утверждает, что он открыл Антарктиду. Он лишь пишет, что они видели большие ледяные горы, за которыми «может быть земля». Да их суда и не приближались к этим горам, а огибали побережье на расстоянии нескольких десятков морских миль.

Объективные советские исследователи, нанеся на карту антарктического района маршруты судов Беллинсгаузена

и Лазарева, убедительно показали, что они и не могли открыть Антарктиду. Во всем мире признано, что Антарктиду как материк, открыл американский моряк Чарлз Уилкс в 1840 г., в честь которого обширный ее участок назван «Землей Уилкса». Так что Лазарева никак нельзя считать «видным ученым-исследователем Антарктиды». Никаким ее «исследователем» он не был, поскольку там даже его ноги не было. Ну, а о том, что адмирал был «видным ученым» – уж извините!

В 1822–1825 гг. Лазарев на фрегате «Крейсер» снова совершил кругосветное плавание, за что получил чин капитана 1-го ранга.

В 1826 г. Лазарев принял в командование корабль «Азов» и перешел на нем из Архангельска в Кронштадт. В следующем году в составе русской эскадры Лазарев отправился в Средиземное море. 8 октября 1827 г. произошла знаменитая Наваринская битва, в которой в составе эскадры графа Гейдена участвовал и Лазарев на корабле «Азов», показав себя храбрым и распорядительным боевым командиром. За это сражение «Азов» получил Георгиевский кормовой флаг, а Лазарев – чин контр-адмирала и звание «флигель-адъютанта», т.е. официального фискала, которое давалось только «особенно честным» лицам.

В 1832 г. Лазарева назначили начальником штаба Черноморского флота. Поступив в подчинение к Грейгу, Лазарев, внешне демонстрируя преданность адмиралу, втайне готовился его «столкнуть».

М.П. Лазарев был крайней противоположностью Грейгу: маленького роста, коренастый крепыш, с чрезмерным честолюбием и самолюбием, с твердыми убеждениями, что дисциплина, как в английском флоте, должна строиться на карательных мерах – линьках и зуботычине.

До последнего времени советские и русские историки создают однобокое представление о Лазареве, шлифуя и лакируя его, как монумент. Да, Лазарев был прекрасным моряком-практиком, знающим до тонкостей морское дело и службу, это был моряк «до мозга костей». Но дадим слово

тоже моряку декабристу Д.И. Завалишину, которого цитируют лишь однобоко, пряча от массового читателя те строки, которые я привожу: «Я пользовался таким уважением и таким расположением Лазарева, что для того, чтобы произнести тот справедливый приговор, которого он заслуживает, надо было глубоко проникнуться полным сознанием обязанности беспристрастия к истории.

Лазарев был человек с неоспоримыми способностями и характером, но имел несчастье, с одной стороны, вынести из службы на английском флоте все его недостатки в утрированном еще почти до безобразия виде, а с другой стороны – воспитаться под влиянием Екатерининских нравов. Он был человек положительно безнравственный, и мы увидим ниже, что даже честность его была условная: все человеческое достоинство, по его понятиям, заключалось в том только, чтобы быть отличным моряком. Невежество его по предметам общего образования было даже изумительнее, он ничему не придавал значения вне своей специальности, да и в ней был знаток только практической части. Поэтому его гордость сильно возмущалась моим теоретическим превосходством, и он, не решаясь отрицать его, старался для уменьшения значения его доказывать всегда преимущества будто бы практического знания над теоретическим.

Религия, по понятиям Лазарева, была только необходимое политическое орудие для невежественного народа, и он даже доказывал, что кто хочет быть хорошим морским офицером, и даже вообще военным человеком, тот не должен быть христианином, и что, наоборот, христианин не может быть хорошим офицером.

Он предавался разврату всякого рода, был жесток по системе и с деспотическими привычками, поэтому любил льстецов, имел наушников и фаворитов, но был нетерпеливым к открытым заявлениям. Мне пришлось видеть его в большом унижении, когда выказалось все бессилие так называемых «железных характеров», если они прилагаются к несправедливому делу. После бунта команды, который он был бессилён укротить и который был укрощен мною, ему

долго как-то совестно было смотреть мне в глаза».

Я не буду приводить примеры безнравственных и нечестных поступков Лазарева, о которых пишет Д. Завалишин, а коснусь только бунта. Он был не один, бунтов команды было два – во время стоянки «Крейсера» у Ван-Дименовой земли и на Ситхе. И это, насколько я знаю, были чуть ли не единственные бунты команды за всю историю русского парусного флота. И здесь Лазарев остался верен себе: спасая свою карьеру, он скрыл от командования флота факт бунта, поскольку согласно «Морскому уставу», командир, допустивший бунт на корабле, должен быть разжалован в матросы.

Вскоре по прибытии на Черноморский флот, когда Лазарев блестяще подготовил эскадру и провел Босфорскую экспедицию в помощь турецкому султану против восставшего египетского паши, Николай I пожаловал ему звание генерал-адъютанта. Это было придворное фискальное звание, дававшееся особенно доверенным генералам и адмиралам и позволявшее писать прямые доносы императору.

Как следует из переписки М.П. Лазарева с князем Меншиковым, графом А.Ф. Орловым и другом молодости А.А. Шестаковым, Лазарев не скрывал своего желания заменить Грейга на посту главного командира. Он открыто писал, что ожидает, чтобы у него были «развязаны руки». Чтобы ускорить это смещение Грейга, М.П. Лазарев пользовался разными слухами и даже сплетнями, касавшимися жены Грейга Юлии Михайловны, и писал регулярно письма и доносы, порочащие адмирала Грейга.

А теперь – еще несколько штрихов к портрету адмирала, основанных на официальных документах, которые тщательно скрывали от советских людей, да и сейчас их не афишируют.

После возвращения Лазарева на «Азове» в Кронштадт возникло «несогласие» между флигель-адъютантом Лазаревым и инженер-полковником известным кораблестроителем Стоке. 16 декабря 1828 г. директор канцелярии начальника Морского штаба генерал-майор Перовский до-

ложил Николаю I: «По представлению генерал-интенданта об оскорблении, причиненном инженер-полковнику Стоке флигель-адъютантом Лазаревым. Оскорбление, на которое, впрочем, Стоке не жаловался, заключалось в том, что Лазарев неверно заявил, будто леса, поставленные купцом Комелевым, были употреблены Стоке не на дело пароходного судна, а для эллинга, вследствие чего Лазарев и не хотел платить за те леса денег Комелеву».

Выслушав доклад, император написал на нем жесткую резолюцию: «Призовите к себе ф.а. Лазарева и узнайте от него истину. Отзыв же г.Интенданта меня вовсе не убеждает, ибо мне весьма известно, что как ему, так и прочим г.членам Морского управления ф.а. Лазарев не нравится, оттого что через него многие злоупотребления мною открыты по их частям. Он может быть виноват, как всякий другой, в лишней опрометчивости, но в отзыве г.Интенданта видна личная злоба, что мне легко понятно».

Разве мог император предположить, что один из самых ретивых его флигель-адъютантов может быть не прав, к тому же еще и герой Наварина!

Но прошел месяц, и на этот раз морской министр Моллер лично докладывает Николаю I «О заготовленных флигель-адъютантом Лазаревым лесах, кои большей частью оказались негодными на кораблестроение по короткости и тонкомерности их» (18 января 1819 г.).

Тут уж император не мог «перевести стрелку» от Лазарева на «г.Интенданта» – дело было серьезным. Николай I на этот раз написал «Уведомить М.Ф., что я приказал нарядить следствие из адмирала Синявина и по выбору М.Ф. одного из его чиновников над действиями ф.а. Лазарева, обратя особое внимание на тонкость лесов сюда им доставленных, вместо той меры, которой леса доставить вызвался».

Через два месяца следствие по делу Лазарева было завершено, и Моллер снова лично доложил царю (13 марта 1829 г.): «С представлением рапорта адмирала Синявина по делу о тонкомерности листовых лесов, заготовленных флигель-адъютантом Лазаревым». Узнав из доклада, что

Лазарев действительно смошенничал, что было обычным делом в казенных лесных поставках, император разъярился и начертал: «ф.а. Лазареву сделать строгий выговор за неисправное исполнение возложенного на него поручения. Велеть ему немедленно выехать на место заготовки лесов, и если в будущую операцию не доставит лесов тех размеров, которых обещал, но не доставил, то объявить вперед, что отдан будет под суд за ложное донесение, на котором вся операция предпринята».

Кстати, мошеннические операции Лазарев пытался «прокрутить» и ранее, на «Крейсере», о чем пишет Завалишин, но ему не удалось это из-за неподкупной позиции казначея (Завалишина).

И еще один «штрих». В 1825 г. в Архангельске был заложен корабль «Азов». Строил его мастер А.М. Курочкин, а наблюдал за постройкой М.П. Лазарев. По признанию самого Михаила Петровича, он внес много своего в отделку и оснастку «Азова». Как мы уже знаем, этот корабль стал первым, получившим в награду Георгиевский флаг. Император распорядился сохранить этот корабль как национальную реликвию. И вдруг – скандал: вместо положенных 12–15 лет службы «Азов» сгнил через семь лет после постройки. Узнав об этом, Николай I рассвирепел и велел «примерно» наказать мастера, строившего корабль. Но он не распространил свой гнев на М.П. Лазарева, который наблюдал за постройкой и везде говорил что «Азов» – это образцовый корабль. Разве мог царь наказывать своего генерал-адъютанта только что назначенного им на высокий пост, с которого он сместил Грейга?! Может быть, «Азов» сгнил из-за недоброкачественного леса? Кто это знает...

Триумф победителя

М.П. Лазарев, как Главный командир Черноморского флота, проводил в жизнь те же устремления, что и А.С. Грейг, но более жестко. Практически все, что делал Грейг, он продолжал, даже то, что раньше критиковал бескомпромиссно; например, подрядную постройку судов – Лазарев воспринял и обратился к ней дважды, что позволило ему экстренно

пополнить Черноморский флот кораблями и фрегатами. В общем, это был достойный преемник Грейга на посту Главного командира флота.

Очень образное сравнение этих двух выдающихся личностей дал безымянный автор в статье «Из записок севастопольца»: «Разные печальные обстоятельства, злоупотребления по казенным подрядам, наводнение флота греками до того, что греческий язык в кают-компаниях вытеснил русский, и еще кое-какие вещи, пока еще остающиеся под завесой, – заставили Грейга подать в отставку. Попросту сказать, он пал. Его управление представляет только легкий и небрежный абрис, может быть, во многом безукоризненный, но дабы ему сделаться картиной, необходимо было прикосновение другой, более решительной кисти. Доки, водопроводы, библиотека – это были не конченные эскизы, которые попались по счастью в руки человека, способного их дорисовать».

Этот человек был Лазарев, характер преимущественно ровный, какие всего нужнее в жизни, без всяких чрезвычайных способностей, но твердой, крепкой воли, достаточно взглянуть на его портрет, эту известную сутулую фигуру, сбитую как кремень, даже на движение этой руки, держащей неизбежную морскую трубу.

Лазарев начал с уничтожения во флоте грековщины-грейговщины, как тогда выражались».

Не могу во многом согласиться с автором, побоявшимся поставить под статьей свою фамилию. Он, зная только Лазарева, при Грейге еще не служил, и пишет о нем с чужих слов. И если уж пользоваться искусствоведческими метафорами, то надо сказать, что Грейг, как выдающийся художник, написал картину, а Лазарев лишь покрыл ее лаком и поставил под ней свою подпись.

Действительно в чем прав «севастополец», так это в том, что с приходом к власти Лазарева моряки-черноморцы и жители морских городов разделились на «грейговцев» и «лазаревцев». И поначалу, по-видимому, грейговцев было намного больше, особенно среди греков, поэтому Лазарев

*Русский флот под командованием Лазарева
в Константинополе, 1832 г.*

начал гонение на них и одновременно стал привлекать на Черное море своих бывших сослуживцев с Балтики, окружив себя вскоре «своими» людьми.

В 1834 г. по требованию вице-адмирала Лазарева началось выселение всех греков из Николаева и Севастополя и перевод греков-офицеров на Балтийский флот. При этом многие русские офицеры, не согласные служить под начальством Лазарева, также просили перевести их на Балтику. По этому поводу Н. Закревский вспоминает: «1834 и 1835 годы замечательны переводом значительного числа морских офицеров из Черноморского флота в Балтийский и обратно. Черноморцы этими переводами обязаны большею частью Алексею Самойловичу Грейгу, но некоторые из самонадежных грейговцев – по преимуществу греки, не хотели оставить юг и Черное море, с которыми они сроднились».

Но, видимо, выселение греков шло не так быстро, как хотелось Лазареву, потому что еще в 1836 г. он писал князю Меншикову:

«В.с-сть сделаете величайшее для Севастополя благодеяние, ежели примете в сем участие и обратите полутреческий Крым в страну русскую». В этом же письме Лазарев пишет, что при разговоре с государем просил выселить ба-

лаклавских греков, а «места, принадлежащие балаклавцам, отдать под германские колонии или отставным матросам». А вот как без обиняков высказался любимец Лазарева (впоследствии адмирал), сын его друга И.А. Шестаков: «Наряду с усилиями по возрождению флота, вместе с приглашениями прежних сослуживцев прийти помочь ему в многотрудном деле, Лазарев начал преследовать греческий элемент тем с большей ревностью, что нестрогие принципы местного греческого общества возмущали его как человека».

Но не только греков вытеснял из Николаева и Севастополя Лазарев. В противоположность Грейгу, старавшемуся сохранить в этих городах еврейскую общину, он с таким же рвением ее старался ликвидировать. В 1836 г. Грейг, уже будучи в Петербурге, обратился с письмом к министру внутренних дел Бауму с просьбой о новой отсрочке их выселения. Но письмом от 11 февраля 1837 г. министр ответил ему, что «все евреи к этому времени выселены, остались лишь караимы». К чему это привело в Николаеве и Севастополе, можно узнать из высказывания Г.Н. Ге: «Цены на дома упали, на квартиры тоже. Домостроительство остановилось. В оставшихся лавках и промышленных заведениях христиан выручка усилилась, а с этим и продажные цены на товары в лавках стали подыматься. Дошло даже до стачек, что еще больше увеличило необыкновенную прибыльность лавочной и базарной торговли. Многие хлеботорговцы бросили свои дела и пооткрывали лавки с товарами».

Чтобы как-то сбить рост цен, Лазарев обратился в правительство с просьбой даровать христианам-купцам льготы на 10 лет, что и было сделано Высочайшим указом от 7 января 1838 г., но мало помогло.

Теперь остановимся коротко на том, что сделал для города Лазарев как его губернатор, который только 31 декабря 1834 г. был утвержден в должности Главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора Николаева и Севастополя (такой вот новогодний подарок, сделанный флоту и городу!).

Сразу же, придя к власти, М.П. Лазарев заявил, что флот

ничего не должен делать для города. И хотя большинство населения фактически состояло из моряков всех рангов, от рядовых до адмиралов, новый губернатор не считал необходимым тратить деньги флота на благоустройство города. Это вызвало со временем противостояние городской Думы и Лазарева.

Первое, что сделал вице-адмирал – прекратил финансирование строительства Спасского водопровода, после чего он стал постепенно разрушаться, вызывая иногда провалы на улицах города. Противник науки и любых знаний, кроме морских, он по первой же просьбе Одесского общества истории и древностей передал ему всю коллекцию Кабинета древностей и закрыл его, лишив город этого первого музея. И вот парадокс! За это дело Одесское общество истории и древностей избрало Лазарева своим почетным членом. Следующий шаг в этом направлении – попытка закрыть обсерваторию как ненужную для Черноморского флота, и когда ему это не удалось, он запретил главному астроному К.Х. Кнорре заниматься научной работой, а только практической, хотя сам же потом обратился к Кнорре с предложением проанализировать работу А. Попова о «прогрессивном способе построения обводов судов» и велел издать в 1838 г. книжку Кнорре об этом. И первым его актом в борьбе с «ученостью» на флоте было закрытие курсов лекций для офицеров.

А что же было сделано для города? Как пишет Г.Н. Ге, изучивший архивы Магистрата и Думы, «Михаил Петрович Лазарев даже почти не имел переписки с Думой. Все, что он находил нужным устроить в городе, устраивал через своих подчиненных на счет казны, а затем уже приказывал внести расход в размер, какой считал справедливым возложить на городское общество. Так был устроен и вымощен спуск к Ингульскому мосту». Заметим, что, сделав этот спуск, проложенный вдоль стены Адмиралтейства, Лазарев предложил переименовать участок улицы Набережной, шедшей параллельно стене, в Адмиралтейскую, но Дума ему в этом отказала. Спуск к переправе через Бут в Спасское Лазарев

устроил за счет сбора, взимавшегося за пользование водой из Спасского бассейна, который он велел переделать (расширить и сделать более удобным).

В 1835 г. была закончена полностью городская стена, ограждавшая город с востока и возведенная при Грейге. В этом же году полицмейстер Г.Г. Автономов, опираясь на проект своего предшественника П.И. Федорова, представил Лазареву список наименований 60 улиц города. Список был утвержден, и улицы Николаева впервые получили названия. Тогда же Лазарев утвердил и первое деление города на районы – «части»: Городовую (от Артиллерийской до ул. Садовой), Адмиралтейскую (от Садовой ул. до 6-й Слободской) и Херсонскую – впоследствии Военную Слободку (от 6-й Слободской до 10-й Военной).

В 1835 же году были построены новые «Красные ряды» с аркадами на месте старых обветшалых (на Соборной ул.). Город в этом же году посетил известный художник Л. Премацци, который написал несколько тонких акварелей Николаева.

31 октября 1843 г. открылось Городское одноклассное училище, преобразованное затем в прогимназию.

После завершения капитальной работы по гидрографии Черного моря в Николаеве в 1844 г. издан великолепный атлас Черного моря, основанный на исследованиях братьев М.П. Манганари и Е.П. Манганари, которых Лазарев, придя к власти, пытался «вытолкнуть» из Николаева на Балтику.

Получив разрешение М.П. Лазарева, в 1848 г. в Николаев приехал сын министра просвещения и президента Академии наук С.С. Уварова, основатель русских археологических обществ А.С. Уваров. Он вел раскопки в Ольвии.

В 1849 г. открылись регулярные пароходные рейсы между Николаевом и Одессой (с заходом в Очаков) и Николаевом и Херсоном. А в следующем году, 31 января, Лазарев предписал построить в Николаеве пароходный завод. Строительство было начато в феврале, но со смертью Лазарева прекращено.

Справедливости ради надо сказать, что в это время особенно много творил весьма способный архитектор, пригла-

шенный еще А.С. Грейгом, англичанин Акройд. В 1834 г. он перестроил Дом главного командира, воздвигнув над мезонином изящный бельведер. В 1838 г. по его проекту вокруг Адмиралтейства воздвигнута монументальная стена с караульными башнями и красивыми главными воротами в классическом стиле. Ряд построек, например, Лютеранская кирха и здание Училища для дочерей нижних чинов, построены им в псевдо готическом стиле. В 1840-1841 гг. Акройдом построен комплекс казарм флотского экипажа в стиле позднего английского классицизма. А в 1842 г. К. Акройд перестроил в Спасске дом Потемкина, придав ему изящные формы мавританского дворца, соответственно он оформил источник рядом с дворцом – в том же стиле («Султанский источник», или «Турецкий фонтан»).

В остальном же Николаев оставался все тем же низким, распластанным по холмам, пыльным и однообразным: отдельно стоящие побеленные одноэтажные дома, а между ними – такие же белые каменные заборы, ограждавшие усадьбы и уныло тянущиеся вдоль улиц, да еще и множество незастроенных пустырей. Н.М. Кумани вспоминал о Николаеве тех времен: «Николаев, в этом отношении, не изъе­м­лет­ся из категории большой части наших городов, о которых какой-то остряк очень удачно сказал, что они представляют зимою чернильницы, а летом песочницы, а из числа собственно новороссийских уступает по этой части разве знаменитой Одессе, где, как было как-то объявлено в «Одесском вестнике», удили по улицам рыбу».

Жизнь в городе, по-видимому, при Лазареве была не очень веселой: адмирал не любил балы и, видимо, не очень их поощрял, по крайней мере, никто из старожилков не вспоминает о балах при Лазареве.

Очевидно, прав был В.Г. Белинский, приехавший в Николаев в 1846 г.

«Жить в Николаеве довольно скучно. Город этот флотский и набит матросами и офицерами».

И последнее грустное высказывание историка Николаева Г.Н. Ге.

«Трудно найти в России город равный с Николаевом по населению, в котором бы было так же мало церквей и в котором бы церкви были так же убоги».

В середине сороковых годов в Николаев приехал академик, бывший пансионер Черноморского флота, художник А. Кухаревский, который по заданию Морского министерства «снял виды» построек Морского ведомства, оставив нам точные акварельные изображения многих зданий и сооружений того времени.

8 сентября 1845 г. в Николаев прибыл император Николай I, который произвел смотр армии и флота в Николаеве и Севастополе.

Вот как об этом вспоминает сам Лазарев в письме давнему другу А.А. Шестакову.

«Смотр сухопутных войск в Николаеве его (Николая I) прогневал, но Адмиралтейство порадовало. Да и в самом деле было хорошо... т.е. в кузнице отлично отделанные вещи, в шляпочной – такие гребные суда, какие нигде в свете лучших не построят, в мачтовой – то же, в артиллерийской мастерской – чудесные станки со всеми улучшениями, пушечные прицелы, замки и вся принадлежность к орудиям и пр. и пр.

На стапелях стояло по 5 судов разной величины, отлично оконченные, которые по первому мановению руки были спущены, – и все это происходило в проливной дождь, от которого государь со всею своею свитою и преданный тебе старинный приятель (в полной форме) промокли до костей. Это было 5 сентября».

Следует отметить, что адмирал Лазарев любил «показуху» и отличался чрезмерным честолюбием, переходящим в тщеславие. Яркий пример тому – приведенный выше отрывок из его письма. Эта его черта характера иногда приводила к значительным промахам. Так, стремясь построить как можно больше престижных линейных кораблей, он допустил отставание в постройке фрегатов и совсем забросил строительство малых судов, в частности, иолов и канонерских лодок для Дунайской флотилии, что даже вызвало

суровое замечание Николая I. 21 апреля князь Меншиков доложил царю просьбу Лазарева о «разломе на дрова за совершенной ветхостью состоящие при Дунайской флотилии два иола, две канонерские лодки и один бот». Император, хорошо знавший состояние Черноморского флота (он трижды побывал в Николаеве при Лазареве), написал жесткую резолюцию: «Разбираем, а новых не вижу, чтоб строили, нужно в сем поставить Лазареву на вид, без хорошей флотилии на Дунае нам быть нельзя». Только после этого окрика императора Лазарев приступил к постройке канонерских лодок.

Адмирал Грейг, основавший крейсерство судов у кавказского берега для пресечения подвоза оружия и боеприпасов войскам Шамиля, категорически запретил этим судам зимовать в Новороссийской бухте из-за свирепых ветров («бора»), опасных для них. Наоборот, Лазарев предписывал крейсерским судам зимовать в этом гиблом месте, что дважды при его правлении приводило к гибели судов. Особенно катастрофической была зимовка в 1833 г., тогда погибло восемь судов, причем некоторые из них из-за обледенения ушли на дно со всей командой.

В 1850 г. М.П. Лазарев почувствовал себя плохо. Неугомонный характер и вечная война с кем-нибудь сделали свое дело. В феврале в 1851 г. он уехал в Австрию на лечение, а вместо него исправляющим должность Главного командира Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя был назначен вице-адмирал Мориц Борисович Берг. В этом же году в Николаеве издана первая «Лоция Черного моря».

11 апреля 1851 г. в Вене от рака желудка умер М.П. Лазарев, 63 лет от роду. Его похоронили в Севастополе, который он очень любил и украшал. Наш город адмирал не любил и не особо заботился о нем. Вот что по этому поводу сказал историк Николаева Г.Н. Ге:

«Вообще адмирал Лазарев к городским общественным учреждениям относился, кажется, с недоверием и особенно холодно. Кроме маленьких дел по городскому благоустрой-

ству, ни на что больше нельзя указать в области управления Николаевом ни в тридцатых, ни в сороковых, ни в пятидесятых годах».

И это понятно – Лазарев не любил Николаев. Он даже хотел перенести все управление Черноморским флотом в Севастополь и сделать его главным центром.

Еще в 1833 г., будучи только начальником штаба, Лазарев тайно от Грейга направил морскому министру проект переноса управления Черноморским флотом из Николаева в Севастополь. Проект был анонимно прислан Грейгу на рассмотрение, и адмирал доказал бессмысленность и вредность такого переноса.

И последнее. Лазарев был ярким сторонником парусных судов. Он просмотрел техническую революцию в судостроении и появление парового и броненосного флота. Созданный и выпестованный им парусный флот не мог противостоять мощному паровому англо-французскому флоту в Крымскую войну. Ориентированный только на войну с Турцией, Черноморский флот спел свою «лебединую песню», разгромив слабую турецкую эскадру в Синопском сражении. Но история вынесла ему свой приговор: весь лазаревский парусный флот из-за полной небоеспособности был затоплен в Севастопольской бухте. Остались лишь несколько пароходов, поднятых впоследствии со дна, и только часть из них после ремонта смогла эксплуатироваться. Этот главный промах Лазарева отмечают теперь и российские морские историки, несмотря на свою традиционную консервативность.

В 60-х годах XIX в. в Николаеве намечалось сооружение памятника адмиралу Лазареву на Соборной площади, но николаевские граждане и моряки не поддержали эту идею и предложили воздвигнуть памятник Лазареву в Севастополе, а в Николаеве поставить памятник А.С. Грейгу. Памятник адмиралу Лазареву работы известного скульптора Н. Пименова был воздвигнут в Севастополе в 1867 г. и свергнут советской властью после революции как «памятник царскому слуге».

Чтобы апологеты Лазарева – выученики советской идео-

логии – не обвинили меня в предвзятости, приведу в заключение высказывание советского писателя Ю. Давыдова об адмирале:

«Никто не заказывал мне бронзовый бюст свиты его величества генерал-адъютанта Лазарева. Надо, не обинуясь, сказать: Лазарев был жесток. Не суров, как неизменно повторяют его апологеты, а именно жесток. Русский барин, сын сенатора, потомственный крепостник, он окончательно «закалился» волонтером британского флота. Английский матрос считался почти каторжником; английский морской офицер – почти надсмотрщиком. Переняв в эскадрах «владычицы морей» все лучшее, Лазарев перенял и все худшее» [34, с.19]. И еще: «И сдается, виною тому не только английская флотская выучка... нет, виною тому, пожалуй, не только британские палубные нравы, а и душевный склад самого Лазарева» [с.20].

Адмирал В.И. Мелихов

Боевой моряк-черноморец, а впоследствии – петербургский адмирал-администратор, Василий Иванович Мелихов относится, пожалуй, к самым противоречивым личностям в окружении А.С. Грейга. Энергичный и инициативный, он был вначале одним из верных соратников адмирала, а затем превратился в его, если не врага, то – недруга.

Василий Мелихов родился в 1788 г. Обучался в Морском кадетском корпусе в Петербурге, из которого выпущен гардемарин в 1807 г. На фрегате «Спешный» молодой моряк отправился в Средиземное море, но при стоянке в порту Портсмута из-за ухудшения отношений между Россией и Англией судно было взято в плен. Мелихова и других гардемарин англичане отправили в Россию, куда они прибыли в следующем году. Так неудачно закончилось первое дальнейшее плавание Василия. На родине Василий Мелихов получил назначение на корабль «Орел» в эскадре адмирала Ханькова.

В 1809 г. Мелихов получил чин мичмана и был определен на гемам «Петергоф». Через два года Василия Ивановича перевели на Черное море, где он начал службу на корабле «Ягудиил». Потом на бриге «Царь Константин» он участвовал в Абхазской экспедиции, крейсируя у берегов Северного Кавказа для противодействия турецкой морской контрабанде. Но бриг потерпел крушение, и команда вынуждена была сойти на враждебное побережье, разбив военный лагерь на пляже под обрывами гор. Только в 1812 г. потерпевших крушение моряков взял на борт корвет «Евлампий».

С 1813 по 1817 гг. В.И. Мелихов плавал на разных судах по Черному морю. После прихода на Черное море вице-адмирала Грейга Василий Иванович стал его флаг-офицером. Вскоре Грейг заметил этого образцового офицера и назначил Мелихова начальником распорядительной части в канцелярии Черноморского департамента, находившейся в Николаеве.

В 1821 г. Василий Иванович, чтобы занять досуг морских офицеров во время долгой зимней стоянки судов в Севастополе, предложил Грейгу проект создания Офицерской библиотеки, тщательно разработав ее устав. Алексей Самуилович высоко оценил проект Мелихова и утвердил его. Так впервые в Причерноморье была создана Офицерская морская библиотека, которой впоследствии уделял большое внимание М.П. Лазарев, построив для нее специальное здание.

В 1826 г. В.И. Мелихов предложил Грейгу создать первый на Черном море штаб флота. И эта идея нашла поддержку вице-адмирала, который не только утвердил все документы по его организации, но и по заведенному в России правилу назначил Василия Ивановича как инициатора первым начальником штаба Черноморского флота.

В 1828–1829 гг. во время русско-турецкой войны Василий Иванович как начальник штаба и «правая рука» Грейга находился с ним на флагманском корабле «Париж», участвуя в осаде и штурме важной турецкой крепости Анапа, за что был отмечен чином капитана 2-го ранга. При осаде мощной турецкой крепости Варна на борту «Парижа» находился

император Николай I со свитой. Царь заметил, что у стен Варны стоит много небольших транспортных судов турок. Ветер дул в сторону стоявшего на якорях русского флота, и царь, опасаясь, что турки используют эти суда как брандеры, велел их захватить. Отряд добровольцев («охотников»), который возглавил Мелихов, ночью на шлюпках отправился к крепости и неожиданно атаковал турецкие суда. После абордажа они были захвачены и приведены к флоту. За этот захват 14 судов Василий Иванович получил от императора в награду чин капитана 1-го ранга. При этом распорядительного и отважного начальника штаба заметил князь А.С. Меншиков, возглавлявший в Петербурге весь русский флот. Новоиспеченный адмирал Меншиков пригласил Мелихова в Санкт-Петербург, надеясь получить хорошего помощника в делах.

После окончания войны отношения между Грейгом и Мелиховым испортились из-за разногласия в распределении (как всегда!) «призовых денег». Дело в том, что, согласно российскому закону, всем участникам, захватившим вражеские военные или торговые суда в море, полагалась выплата «призовых» – по рыночной стоимости этих судов или по их официальной оценке. Мелихов считал, что «призовые деньги» должны распределяться только между «охотниками», принимавшими участие в «вырезке» турецких транспортно-торговых судов. Однако Грейг полагал, что эти деньги должны распределяться между всеми моряками судов, стоявших на Варненском рейде и «морально» поддерживающих отряд Мелихова. Такое распределение, по мнению адмирала, будет стимулировать и других на подвиги.

Мелихов категорически не согласился с Грейгом. По-видимому, он написал об этом разногласии в Главный морской штаб князю Меншикову. Это и послужило импульсом для перевода Василия Ивановича в Петербург – Меншикову нужен был хороший работник, который, к тому же, рассорился с Грейгом и мог быть использован в подпольных интригах князя против адмирала.

В 1830 г. В.И. Мелихов приехал в Петербург, где полу-

чил назначение на пост вице-директора Инспекторского департамента и председателя Комитета для составления нового свода морских сигналов. Уже в 1832 г. Василий Иванович в чине контр-адмирала был определен членом Адмиралтейств-совета. К этому времени А.С. Меншиков, войдя в сговор с начальником штаба Черноморского флота генерал-адъютантом М.П. Лазаревым, успешно интриговал против Грейга, пытаясь его «столкнуть». Тут и вспомнил Меншиков о разногласиях между Мелиховым и Грейгом по поводу раздела «призовых сумм». Хотя Меншиков мог (и обязан был) сам решить этот вопрос и подать императору свое мнение на утверждение, злобный князь вынес его на рассмотрение Николая I, имея формальный повод.

Поскольку адмирал Грейг обратился к царю со своим предложением непосредственно, то Меншиков 16 апреля 1833 г. доложил это письмом Николаю I. В нем речь шла «о том, чтобы призовые деньги за вырезку из-под Варны неприятельских судов были назначены в раздел не одному отряду Мелихова, сделавшему сей приз, а всему Черноморскому флоту, бывшему в то время на Варненском рейде, во избежание неблагоприятного влияния на дух предприимчивости чинов, в деле не участвовавших».

Император, выслушав князя, написал резолюцию: «Ничего не понимаю». И он был в данном случае прав, поскольку это было первой попыткой применения Грейгом «принципа социализма» – разделить деньги на всех. Резолюция императора послужила сигналом, подтолкнувшим к более активной борьбе против Грейга, который в данном случае был не прав. Вскоре Грейга перевели в Петербург, назначив членом Государственного совета, а Лазарев занял его место в Черноморском адмиралтейском департаменте.

В 1836 г. В.И. Мелихова перевели в генерал-аудиторский (военно-судебный) департамент «товарищем» (заместителем) председателя. В этом же году бывший главный бухгалтер Черноморского флота Яцын, осужденный ранее за клевету и оскорбления и отсидевший в Миргородской гауптвахте 10 лет, вышел на свободу. Встретившись в Петербурге с Ме-

лиховым, Яцын предложил снова возбудить против Грейга «дело о злоупотреблениях» адмирала, из-за которого бухгалтер и был осужден за клевету. Удивительно, но Василий Иванович охотно ухватился за этот предлог, чтобы, пользуясь своим высоким положением в Морском суде, «наказать» своего бывшего начальника и соратника, что, конечно, не делает ему чести. Возмущенный этим, Грейг написал императору резкое письмо (4 ноября 1937 г.), в котором осуждал действия Яцына и Меншикова, снова обвинивших адмирала в якобы бывших злоупотреблениях. «Сия мысль [обвинения] для меня столь крайне обидна и отвратительна, что мне стыдно и унижительно на нее отвечать, – писал Грейг Николаю I. – Возможно ли думать, что я смел в чем-либо обмануть всемиловейшего моего государя, когда вся моя жизнь, могу смело сказать, и все мои действия доказывают неусыпное старание к отвращению зла и строгому соблюдению казенных выгод? Совесть моя ни по сему, ни по какому другому делу службы меня не упрекает и душа моя покойна» [ЖН, с.231].

Заканчивая письмо, Грейг с горечью отметил: «Адмирал Грейг радовался и гордился успехом сего действия [своими делами], и конечно не мог думать, что оно впоследствии навлекло на него самую гнусную и злобную клевету» [ЖН, с.235].

Император, прочитав это горькое письмо уже пожилого адмирала, прекратил возбужденное снова дело и выразил генерал-аудитору свое неудовольствие, как на незаконную попытку пересмотра уже решенных дел.

Служа в Морском аудиторском департаменте, В.И. Мелихов составил «Свод морских уголовных постановлений» (1850 г.), а затем участвовал в составлении нового Морского устава (1853 г.). Впоследствии произведен в адмиралы и назначен председателем Морского генерал-аудитората (1853 г.).

С началом Крымской войны Мелихова направили наблюдать за постройкой в Петербурге 64 паровых канонерских лодок. С 1855 г. Василий Иванович – член Государственно-

го совета. В этом же году был командирован в Николаев, который объявили на осадном положении. Здесь Мелихов пробыл более года.

В 1850 г. В.И. Мелихов опубликовал в «Морском сборнике» труд о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., который был тщательно документирован. В этой работе адмирал осветил не только героические дела черноморцев, но и объективно оценил роль А.С. Грейга [215]. После смерти В.И. Мелихова в «Морском сборнике» была напечатана большая его статья о пленении фрегата «Рафаил» [114], в которой дан всеобъемлющий юридический анализ этого неприятного события.

Василий Иванович Мелихов умер в Санкт-Петербурге в 1863 г. В историю русского флота он вошел не как боевой командующий эскадрами, а как отличный адмирал-администратор. Его жизни и деятельности посвящена большая статья [88].

В Николаеве служил кораблестроитель Александр Иванович Мелихов, возможно, брат адмирала.

Новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов

Михаил Семенович Воронцов родился в 1782 г. в семье родовитого дворянина екатерининской эпохи, графа С.Р. Воронцова, дипломата и государственного деятеля.

С молодых лет состоял на военной службе, проявив себя знающим и образцовым офицером. В 1806–1814 гг. участвовал в наполеоновских войнах с Францией и проявил себя в ряде сражений. С 1815 по 1818 год командовал русским оккупационным корпусом во Франции.

В 1823–1844 годах М.С. Воронцов был генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабской области. В 1844 г. назначен наместником Кавказа с неограниченными полномочиями.

Как генерал-губернатор Новороссии Михаил Семенович осуществил ряд прогрессивных преобразований, содейство-

Генерал князь Михаил Семенович Воронцов

вавших развитию земледелия и промышленности на Юге (умножение хлебных культур, развитие виноделия, разведение тонкорунных овец, создание Общества сельского хозяйства Южной России, улучшение транспорта, постройка первых коммерческих пароходов, открытие паровой линии Николаев–Одесса и т.п.).

Будучи наместником на Кавказе, добился присоединения к России отдельных его областей. В 1820 г. М.С. Воронцов совместно с будущим декабристом Н.И. Тургеневым пытался основать дворянское общество для постепенного освобождения крестьян. Он покровительствовал умеренным декабристам, но оставался убежденным монархистом.

Будучи непосредственным начальником А.С. Грейга по гражданскому управлению Николаевом и Севастополем, М.С. Воронцов часто общался с ним. Проведя детство в Англии, Михаил Семенович был откровенным англоманом, что сближало его с А.С. Грейгом, также воспитанным в английской семье. Генерал-фельдмаршал Воронцов и адмирал Грейг были в большой дружбе и встречались или в Николаеве, или в Одессе, где жил граф. В доме Воронцова А.С. Грейг мог видаться с А.С. Пушкиным, как считают некоторые пушкиноведы, хотя прямых доказательств и нет.[Е 31]

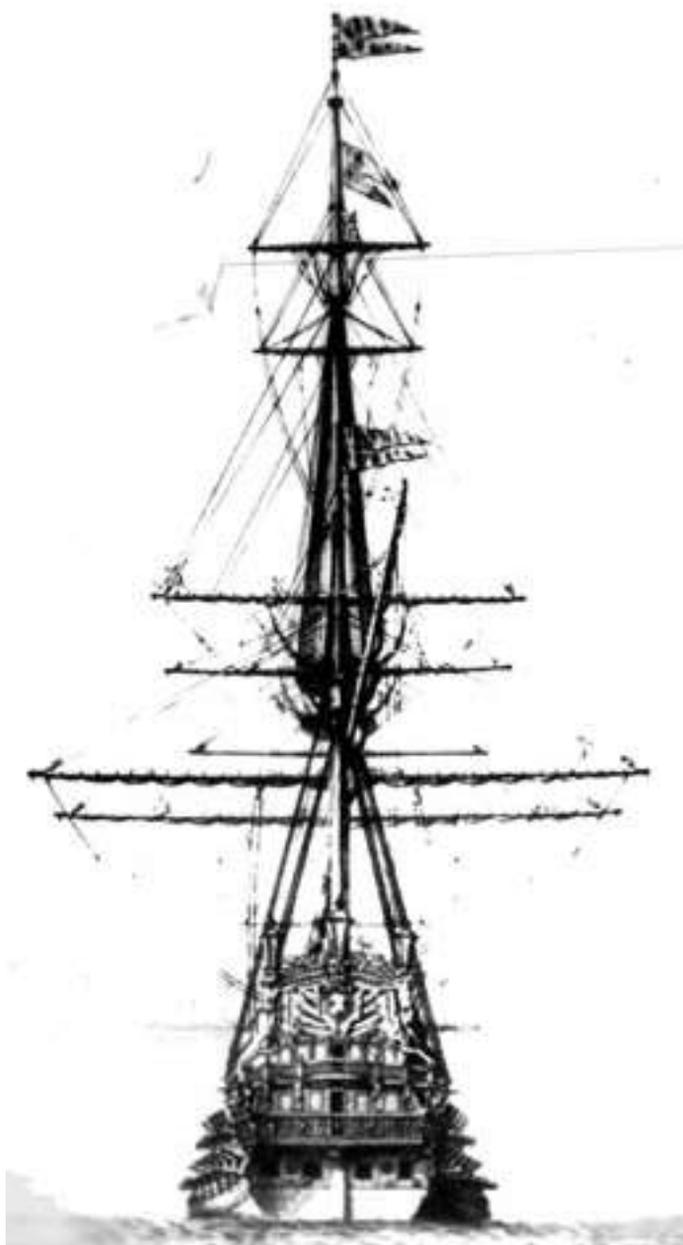
В связи с чумным бунтом в Севастополе между двумя неординарными личностями произошла ссора, из-за чего дружба между графом и адмиралом расстроилась, о чем впоследствии Воронцов искренне сожалел.

За свои заслуги на государственных постах М.С. Воронцов был пожалован титулом князя.

Умер князь Воронцов в 1856 году.

В Одессе ему установлен памятник.

Подробнее о деятельности представленных в этом разделе лиц можно узнать из литературы [1–4, 6, 7, 11, 12, 15, 32, 34, 38, 39, 41–43, 48, 63, 68, 79, 84, 85, 88, 89, 113, 116, 120, 124, 207, 208, 222, 223, 228, 251, Е3, Е31, Е45, Е53, Е64, Е70, Е78, Е79, Е87, Е88, Е100, Е105].

Английский линейный корабль конца XVIII в.

Часть IV

Апофеоз

Глава двенадцатая

В Петербурге. Последние годы

В Государственном совете

П ереезд Грейга с семьей в Петербург был тяжелым и изнурительным. Стояла глубокая осень, ночи были холодными, часто лили дожди, дороги превратились в сплошное месиво из щебня и грязи, в котором проваливались и вязли не только телеги и кареты, но и лошади. Грейг, оставив обоз с домашним скарбом ползти по грязи, сам с семьей опередил его и на двух каретах мчался, как мог, на Север.

После обоснования адмиральской семьи в Петербурге Грейг, отдохнув от тяжелого долгого пути, с новыми силами включился в государственную и общественную работу. Алексей Самойлович снял обширную квартиру в огромном доме Бека, выходявшем одной стороной на Галерную улицу, где была квартира Грейгов, а другой – на фешенебельную Английскую набережную, сплошь заселенную иностранцами. Здесь от Николаевского моста до Новоадмиралтейского канала, вдоль парадной Английской набережной, блистали фасадами дворцы и богатые дома; соседями Грейгов были графы Стенбок-Ферморы, бароны Штиглицы, богатые горожане Кейль, Раль и Вилье. Напротив дома Бека с ним соседствовала по Галерной улице обширная усадьба графа Бобринского, непутевого отпрыска

Дача «Санзанюи» под Ораниенбаумом. С акварели Ю.А. Штиглиц (Грейг), хранившейся у праправнучки А.С. Грейга Л.Н. Неезе, Лейпциг. Публикуется впервые

Екатерины Великой и князя Григория Орлова.

Грейги мало общались с русской знатью, по-прежнему игнорировавшей Юлию Михайловну; общение было, в основном, с соседями-немцами и англичанами, близкими по вере и лишенными юдофобских предрассудков.

Дом Грейгов был открыт для старых и новых друзей, которые не отворачивали от него нос и не закрывали свои двери перед Юлией Михайловной. Это были старые друзья, моряки-греки и сторонники Грейга, уехавшие от Лазарева на Балтику, или петербуржцы – адмирал Николай Семенович Мордвинов с семьей, принц королевских кровей Оль-

Адмирал граф Н.С. Мордвинов в конце жизни

*Жена Н.С. Мордвинова, Генриетта Александровна (Кобле).
ОР ГПБ, С.-Петербург*

денбург, братья Штиглицы с семьями, потомки знаменитых полководцев Стенбок-Ферморы и другие. Но, по-прежнему, двор, а с ним и петербургская знать, держали свои двери закрытыми перед Юлией Михайловной, хотя император и привечал Грейга. Алексей Самойлович и Юлия Михайловна попытались сломить эту неприязнь, устраивая балы и приемы, где, как всегда, блистала Юлия, но столичная знать отказывалась посещать эти «жидовские балы», на которых, исключая несколько родовитых фамилий, бывали лишь чиновники средней руки да богатые купцы и промышленники, в основном – евреи, которым разрешалось жить в Петербурге.

Грейг пользовался большим уважением как в Государственном совете, так и при дворе. Он отдал старших своих сыновей в Пажеский корпус, где они учились с великими князьями и сдружились с ними. И эта дружба не прекращалась до их последних дней. Император признал детей Грейга законными его потомками, и они вместе с великими князьями часто бывали как в княжеских, так и в царских дворцах. Но Юлия Михайловна, конечно, страдала: ей нравилась столичная жизнь, дворцы и театры, но, хотя Грейг и признал ее официально своей супругой, свет этого не хотел признавать. Она выплакала немало слез, потом смирилась и решила, что время все расставит по своим местам...

Парадный зал квартиры Грейгов украшали большие портреты предков – Самуила и Сары Грейгов – в богатых барочных рамах, сплошь резных и золоченных. В кабинете у Алексея Самуиловича на стене висел большой литографированный его портрет, сделанный Гиппиусом еще в 1822 году, после того, как Грейг ненадолго приехал в Петербург. А рядом находился другой портрет, созданный по рисунку Сандомури в 1831 году, когда Грейг почти год жил в Петербурге. И теперь адмирала осаждали портретисты, желая сделать с него портреты, которые потом бы продавались по всей России в виде литографий и гравюр. Поэтому в свободное от занятий время Грейг позировал и русскому художнику Лысенко, и англичанину Броунингу, знаменитому портретисту, занесенному каким-то ветром в Россию.

Юлия Михайловна также решила запечатлеть себя – в портрете. Она нашла скромную еврейскую литографную мастерскую, в которой художник Молдавский нарисовал ее портрет, а литограф Мошарский выпустил серию литографий.

Сразу же по приезде в Петербург, император, зная Грейга как большого знатока астрономии, поручил ему возглавить строительство столичной обсерватории, назначив Алексея Самойловича председателем особого Комитета. Это занятие возродило силы и энергию, и адмирал начал ревностно заниматься строительством. Через несколько лет на Пулковской горе возникла самая совершенная по тем временам обсерватория. Николай I, осмотрев ее, наградил адмирала осыпанной бриллиантами золотой табакеркой с портретом императора, и велел Грейгу с этого дня состоять при его особе, то есть стать на один уровень с царской свитой.

Все эти успехи радовали Грейга, но кое-что огорчало: возвращаясь с Государственного совета и встречаясь в кабинете со своими портретами, адмирал с горечью замечал, что все же на них недостает одной заслуженной награды – знака «За беспорочную службу». Он-то был, получен еще в 1829 году, но только за тридцать лет беспорочной службы – считая, согласно указу императора, с шестнадцатилетнего возраста. Но у Грейга уже было более сорока лет службы, а знака ему все не давали: Он по-прежнему числился по Морскому ведомству, во главе которого еще сидел его главный враг – князь Меншиков. Александр Сергеевич, несмотря на благоволение императора к Грейгу, не считал последние годы службы адмирала в Николаеве беспорочными и упорно не представлял Алексея Самуиловича к этой награде.

Но не в пример князю, научные общества России и мира наперебой избирали Грейга своим членом. Помимо звания почетного академика Петербургской академии наук, Грейг стал членом Статистического общества в Англии, Астроно-

мического в Дании, Московского сельскохозяйственного общества, Общества натуральной философии и Императорского экономического общества. А в этом обществе Грейг был вице-президентом, но фактически президентом, потому что номинально общество возглавлял принц Ольденбургский.

В течение нескольких лет Грейг возглавлял в Государственном совете департаменты военных и морских дел, законов и законодательства, экономики, польских дел и гражданских. Помимо заседаний в Совете и его департаментах, адмирал составлял множество записок по разным вопросам и неоднократно выступал на заседаниях.

И все же иногда в веренице мелькающих листков календаря появлялись и радостные дни.

Так, в день бракосочетания наследника-цесаревича Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадской, 16 апреля 1841 года, император одарил адмирала богатыми подарками, среди которых была роскошная золотая табакерка с портретом Николая I, усыпанная крупными бриллиантами.

Император Николай I, зная Алексея Самуиловича как выдающего моряка и опытного кораблестроителя, каждый год

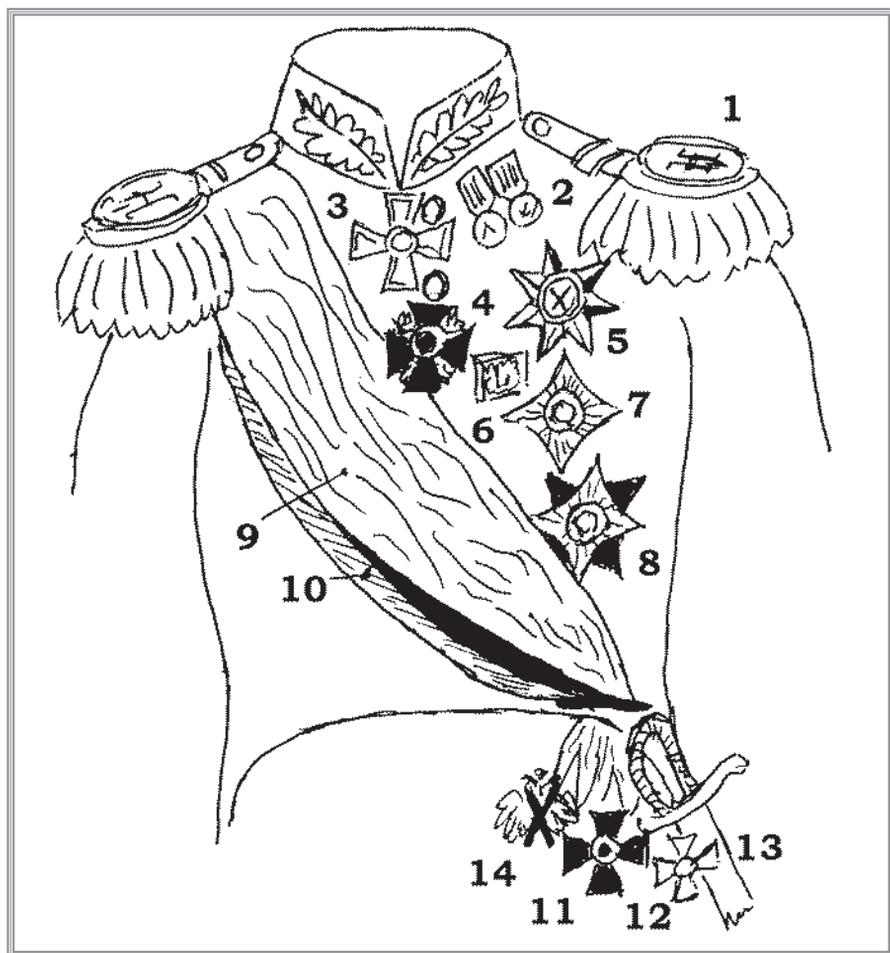

*Главная астрономическая обсерватория в Пулково, 1839 г.
Из книги [Е. 193]*

*Английская набережная в Санкт-Петербурге.
С литографии Петерсона*

Награды и знаки отличия А.С. Грейга

1 – вензель Николая I на эполеты; 2 – медали за войны 1812 г. и 1828-1829 гг.; 3 – орден Св. Георгия Победоносца 2-го класса; 4 – орден Св. Александра Невского; 5 – Андреевская звезда; 6 – знак «Беспорочной службы» за 50 лет; 7 – Георгиевская звезда; 8 – Владимирская звезда; 9 – Андреевская лента; 10 – Георгиевская лента; 11 – орден Св. Владимира; 12 – орден Св. Георгия Победоносца 4-го класса; 13 – золотая шпага; 14 – орден Св. Андрея Первозванного

назначал его председателем комиссии, принимавшей экзамены у гардемарин, поступающих на морскую службу. Успешно сдавших экзамены представляли затем императору, и при этом адмирал поздравлял их с первым офицерским чином и вручал мичманские эполеты и кортики. Николай I также пригласил Грейга принимать экзамены, которые сдавал его младший сын, генерал-адмирал Константин, который, будучи молодым, обязан был сдать экзамен по морским наукам. Так не прерывалась связь стареющего адмирала с морем и моряками, но Главный морской штаб по-прежнему обходил Грейга заслуженной наградой за беспорочную службу. В 1842 году исполнилось пятьдесят лет официальной службы Алексея Самуиловича на флоте, но желанный знак «L» так и не появился на груди его парадного мундира – все еще оставался знак «XXX». Потребовался суровый взгляд императорских глаз в сторону князя Меншикова, чтобы начальник Главного морского штаба

*Синяя гостиная в доме Штиглица в Петербурге.
С картины П.Ф. Соколова*

представил адмирала к награде. И вот 22 августа 1853 года грудь Алексея Самойловича, наконец-то, украсил заветный знак «50 лет беспорочной службы».

Этот год был счастливым для Грейга. В день своего рождения, 6 декабря, государь за выдающиеся заслуги Грейга, как государственного деятеля, наградил его высшим орденом империи – Святого Андрея Первозванного, который был учрежден еще Петром Великим. С этой минуты, согласно уставу ордена, Алексей Самойлович считался кавалером всех российских орденов, а он и фактически им был. Морской музей и Морской кадетский корпус по этому случаю заказали художникам портреты Грейга маслом для украшения своих залов, а адмирал для своей семьи тоже решил оставить свой портрет, для чего были сделаны копии. С одного из этих портретов, помещенного в овальную раму, литографическая мастерская Семечкиной сделала гравюру, которая потом продавалась для желающих иметь у себя дома образ знаменитого адмирала.

Теперь на парадных приемах грудь адмирала украшала заветная голубая лента, сверкая лазоревыми переливами, а в особо торжественных случаях – и массивная цепь на шее, состоящая из золотых орлов, внизу которой был подвешен голубой Андреевский крест с фигурой распятого святого.

Как уже упоминалось, в Петербурге адмирал А.С. Грейг вел активную общественную и государственную деятельность. Остановимся только на двух сторонах этой деятельности: на национальном вопросе и на проблемах развития флота.

Грейг и национальный вопрос

Алексей Самуилович Грейг, хотя и был русским адмиралом, но, будучи по происхождению своих родителей шотландцем, неоднократно испытывал недружелюбное отношение. Даже официально, согласно существовавшей традиции, в случае осложнений во взаимоотношениях с Англией его, как английского подданного, освобождали от службы в рус-

ском флоте и отправляли вглубь страны, в Москву, «в ссылку». Лишь Павел I, когда возникла угроза войны с Англией, и всех англичан, служивших на флоте и в армии, выслали в Москву, сделал для Алексея Грейга и для его двух младших братьев исключение, справедливо считая, что они, как дети знаменитого русского адмирала Самуила Грейга, хотя и шотландца, не должны подвергаться дискриминации и недоверию.

Следует отметить все же, что эти высылки в Москву были обусловлены контрактами, в которых англичане, находившиеся на русской службе, не должны воевать против своего же государства – Великобритании.

Но более оскорбительному остракизму адмирал подвергался из-за его «космополитизма» и «непатриотичности» в выборе поставщиков для Черноморского флота, среди которых, как мы уже знаем, большинство были евреями. Более того, тайная женитьба его на дочери трактирщика, еврейке, вызвала бурю негодования как в сановном Петербурге, так и в Николаеве и в Севастополе среди части моряков-шовинистов и антисемитов. Множество доносов на Грейга сделали свое дело: указом императора всех евреев выселили из Николаева и Севастополя. Грейг пытался защищать этот значительный слой населения Николаева, но безуспешно – он добился лишь недолгой отсрочки. И как справедливо писал адмирал, эта мера – выселение евреев – не принесла пользы ни городам, ни флоту, как и впоследствии (при Лазареве) выселение греков.

Стремление Грейга оценивать людей только по их преданности службе и деловым качествам было расценено как «космополитизм» и «потакание иностранцам». В результате этого А.С. Грейг был, как известно, отстранен от командования Черноморским флотом и переведен в Петербург, но и здесь он был подвергнут великосветской изоляции из-за его «жены-жидовки». Как видим, «национальный вопрос» тесно касался самого Грейга и был для него болезненным. Поэтому он очень рьяно отстаивал права и интересы еврейского населения в России.

Заслуживает внимания его проект записки о положении евреев в России, предназначенный для рассмотрения в Государственном совете [Ж48]. Записка появилась в связи с подготовкой слушаний в Совете нового законопроекта, значительно ограничивающего права евреев. Записка подписана Грейгом 28 марта 1835 г. Вот лишь некоторые отрывки из нее, характеризующие взгляды Грейга на «еврейскую проблему» и на «засилье» евреев в России:

«...мне кажется, что положение сих двух пунктов [проекта закона], как не имеющие в себе особо оберегательной меры в нравственном и политическом бытии евреев, может быть заменено без всякого вреда и даже с пользой правительству тем, чтобы позволить купцам 1 и 2 гильдий иметь жительство в столицах как необходимое по их купеческому промыслу, непосредственно по вступлении ими в сие звание; насчет же одежды позволить вообще всем евреям носить такую, какую они сами пожелают, и тогда, по всей вероятности, ожидать можно того, что гораздо более будут стараться евреи своим трудолюбием и промыслами достигать такого преимущества и тем не токмо увеличатся по сей статье государственные доходы; но более и более будут оживляться внутренняя и внешняя торговля» (л.4об).

Далее Грейг коснулся принципиального вопроса: нужны ли России вообще евреи? Вот его размышления: «Если принять в рассуждение, что трудолюбивый человек, занимающийся промыслами, есть полезный член в обществе; следовательно, чем более будет находиться в государстве таковых людей, какой бы веры или исповедания ни были, тем скорее может увеличиться богатство народное. И как евреи признаются вообще имеющими в большой степени качества торговых людей, то нельзя не заключить, что и они, по крайней мере, в сем отношении, есть люди для государства небесполезные...

А если вторая мысль вопроса положительно признается, что евреи не могут быть терпимы в России, то в сем случае, конечно, ничего не может быть полезнее, как, минуя всякое о них положение как о людях опасных и, не взирая ни на

какие убеждения, выслать их всех без изъятия из государства за границу.

Какова мера сколь бы ни была затруднительна, но была бы полезнее, по мнению моему, нежели оставлять сие сословие внутри государства в таком положении, которое возбуждало бы беспрерывно неудовольствие и ропот».

Но, несмотря на это эмоциональное выступление Грейга, во многом справедливое и правильное, закон о «зоне оседлости евреев» был принят, а семья адмирала, по-прежнему, подвергалась изоляции: двери дворцов и домов знати были закрыты перед Юлией Грейг, и никто не хотел посещать дом Грейга.

Проблемы развития флота

Адмиралу Грейгу, как профессионалу-моряку и знатоку экономики, поручалось в Государственном совете рассмотрение различных вопросов, связанных с развитием флота и кораблестроения, экономикой и финансированием их. Остановимся на некоторых из них.

В 1836 г. Грейг, будучи председателем Комитета по сокращению расходов, рассмотрев перспективы развития Черноморского флота и сметы расходов на него, поданные адмиралом Лазаревым, выступил с запиской с обстоятельным анализом положения в Черноморском флоте и финансирования его. Морской министр, получив от Лазарева смету на расходы, потребовал от Михаила Петровича выслать детальный отчет, который затем вернул в Черноморский адмиралтейский департамент с новыми требованиями. Лазарев обратился в Правительство, и Грейгу поручили разобраться в ситуации. Несмотря на то, что Лазарев был «злым гением» Грейга, Алексей Самуилович отбросил личные обиды и выступил с объективным анализом и оценкой Черноморского флота [80]. В своей записке от 1 марта 1835 г. он писал:

«Прежде такового рода требований не было, а по сему не

следует ли заключить, что он, г. министр, в предыдущих годах или не выполнял своих обязанностей, или в последнем случае поступил неправильно?».

Далее Грейг остановился на упреке о дороговизне Черноморского флота и кораблестроения в нем. Грейг показал, что стоимость постройки кораблей в Черноморском флоте «с материалами и работою по подрядной цене» составляет 431 руб. 95 ^{1/2} коп. за строительную тонну, а «казенными средствами» – 308 руб. 68 ^{3/4} коп. По признанию самого начальника Морского штаба (А.С.Меншикова), в Балтийском флоте – 494 руб. 69 коп., т.е. намного дороже, чем в Черноморском.

Далее Грейг коснулся финансирования на 1836 г. и просимой Лазаревым суммы 15 млн. руб.

Грейг писал: «В мое управление [Черноморским флотом] получал на содержание департамента по сложности всех годов менее восьми с половиною миллионов рублей каждый год и что самая значительная сумма на главные издержки в течение того же времени отпущенная, сколько мне помнится, была 10 м 700 т. руб., а самая меньшая 6 м 50 т.руб; следовательно, до сего времени отпускаемая, противу сметы, представленной сим департаментом на 1835-й год, почти до 15 млн. рублей, покажется довольно скудную – какова она и была. Но я всеми мерами старался изворачиваться оною и успел настолько покрывать обыкновенные расходы Черноморского департамента и другие экстренные издержки, построил многие цивильные здания и оставил флот, состоящий из 12-ти линейных кораблей, 9-ти фрегатов, 6-ти корветов и многих других военных и транспортных судов с комплектом офицеров и нижних чинов, едва не превосходящих нынешнее состояние» (л.4об. и 5).

Резюмируя, Грейг, с учетом развития Черноморского флота и доведения его состава до требований штатов, а также в связи с ростом дороговизны кораблестроения, предложил выделить Черноморскому адмиралтейскому департаменту на 1836 г. 13 млн. руб.

В эти годы А.С. Грейг принимает деятельное участие в ра-

боте Вольного экономического общества. По предложению бывшего президента общества адмирала Н.С. Мордвинова, ставшего известным российским экономистом, А.С. Грейга в 1840 г. избрали вице-президентом этой общественной организации.

Затворник «Санзанюи»

Последние годы Алексея Грейга были омрачены глухой неприязнью сановного Петербурга к Юлии Михайловне. На официальных приемах, в царских дворцах он не мог появляться со своей законной женой, которую не хотели признавать.

Двери особняков и дворцов знати были по-прежнему закрыты для Юлии Михайловны, несмотря на ее красоту и обаяние. Их гостеприимный дом аристократы и придворные обходили стороной, на приглашения отвечали вежливым отказом или просто игнорировали их. А между тем, у Грейгов подрастали дочери, одна из них – Юлия – уже была на выданье, а Джейн, хотя еще и была ребенком, но отличалась детской красотой, обещавшей при повзрослении перещеголять прелести матери; да и сама Юлия Михайловна еще блистала молодостью и красотой. Но на приемы и балы, которые устраивали Грейги, являлись только самые близкие друзья и люди «их круга». Все это угнетало Алексея Самуиловича, и он все более замыкался в кругу семьи.

В последний год жизни Алексей Самуилович Грейг почувствовал усталость и нездоровье. Переживания и стрессы от постоянных нападок недругов при жизни в Николаеве начинали сказываться. Обострились прежние болезни, которые ранее адмиралу удавалось подавлять лечением и силой духа. Он удалился в свое загородное имение «Санзанюи», что находилось в окрестностях Ораниенбаума. Недалеко от него располагалась дача адмирала Н.С. Мордвинова, с которым Грейг был дружен.

«Санзанюи» представлял обширный двухэтажный дворец

с бельведером, окруженный пейзажным парком, с видом на Финский залив. Он был прекрасно обставлен еще Екатериной, когда она была великой княгиней и искала уединения и отдыха от грубых и неприличных выходок своего мужа Петра Федоровича. Здесь было тихо и спокойно, и чувствовалось умиротворение.

Жизнь адмирала в последние годы была тихой и скромной. Он был счастлив, находясь в окружении семьи или близких людей. На домашних приемах он радовался молодежи, веселившейся вокруг, и счастливым лицам. Теперь он стал меньше музицировать, восхищаясь игрой других. И хотя сам в совершенстве владел скрипкой, виолончелью, флейтой и фортепиано, на людях Грейг отказывался что-либо исполнять. Только когда он оставался один или в окружении детей, то садился за фортепиано и с удовольствием играл старых композиторов. А ведь когда-то в игре на флейте он соперничал со знаменитым Мишелем.

Алексей Самуилович, как уже упоминалось, любил проводить время с книгами или настраивал морские и астрономические приборы. Любя и ценя точность, адмирал всегда переводил все домашние часы на пять минут вперед, чтобы никто из домашних никогда не опаздывал.

В последний год любимым занятием Грейга стала медицина. Закрывшись в своей библиотеке, Грейг изучал медицинские фолианты на всех европейских языках. Он чувствовал, что неизлечимо болен и что угасает. Разговоры со своим доктором, лечившим Алексея Самуиловича, были откровенными и напоминали научную беседу медицинских профессоров. Несмотря на утешения врача, Грейг видел, что дни его сочтены, и он тихо готовился предстать пред Всевышним.

Еще в 1837 г. Алексей Самуилович перенес тяжелую болезнь желудка и ездил в Прибалтику на воды. Незадолго до смерти, Грейг сам установил диагноз своей болезни, подтвержденный врачами.

Умер Алексей Самуилович Грейг 18 января 1845 г., имея от роду семьдесят лет.

Грейга похоронили на Смоленском лютеранском кладбище Петербурга в семейном склепе, который он заранее построил для себя и своей семьи. Над его прахом воздвигли черный каменный памятник в виде усеченной пирамиды, на которой с трех сторон были установлены бронзовые доски с перечислением его героических дел.

В ознаменование заслуг адмирала по управлению Черноморским флотом и городом в 1873 г. ему был воздвигнут в Николаеве величественный памятник, который, к сожалению, до настоящего времени не сохранился. При открытии железной дороги Николаев-Знаменка в 1873 г. ближайшая к городу станция получила названа «Грейгово». Это название сохранилось.

О петербургских годах жизни А.С. Грейга и его семьи можно узнать только из архивных документов, хранящихся в личном фонде адмирала в РГА ВМФ [Ж47,Ж48,Ж70,Ж71,Ж88] и кое-что из литературы [3.4,5, 123,227,233,Е68,Е76,Е85.].

Экслибрис книг адмирала А.С. Грейга. Рис. Р.Ю. Кочкурова

Глава тринадцатая

Непостоянство музыки Клио

Адмирал Грейг на портретах и гравюрах

Узучая жизнь и деятельность адмиралов Самуила и Алексея Грейгов вот уже более 30 лет, я проявлял интерес не только к архивным источникам, но и к портретам, стремясь получить их изображения в разные периоды жизни. Хорошо выполненный прижизненный портрет иногда говорит историю больше, чем воспоминания современников. Мне удалось собрать полную коллекцию фотокопий портретов адмирала А.С. Грейга, и обнаружилось немало загадок в их антураже и датировке.

Датировка портретов является одной из главных задач исследователя, так как позволяет взглянуть на историческую личность в разные годы жизни, иногда очень важные с точки зрения личной и общественной истории. К сожалению, в работах Г. Гиппиуса, В. Адарюкова, Д. Ровинского и других датировка или отсутствует, или весьма приближенная, поэтому пришлось самому заняться атрибуцией, анализируя чины, ордена и знаки, а также некоторые факты биографии адмирала, которые ранее не были известны.

Самый ранний портрет вице-адмирала А.С. Грейга – это гравюра, выполненная Г.А. Гиппиусом для альбома «Современники». Известен его год издания – 1822. Портрет впервые опубликован в моей книге «История Николаева от основания до наших дней». По знакам чина и орденам можно утверждать, что портрет выполнен не ранее 1819 г., следовательно, в интервале 1819-1822 гг.

*Адмирал А.С. Грейг. Портрет из бывшего Морского музея.
(С.-Петербург)*

Адмирал А.С. Грейг. Рисунок с натуры Осокина, литография на камне Сандомури, 1830-1831 гг. Публикуется впервые

1 – Адмирал Алексей Самуилович Грейг, 2 – Портрет А.С. Грейга (1830-1840 гг.), подаренный Николаевскому краеведческому музею Л.Н. Неезе в 1968 г. Публикуется впервые, 3 – Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Литография на камне Лысенко, печатал Поль Пети, 1843-1845 гг., 4 – Адмирал А.С. Грейг. Гравюра, Берн, 1845 г. («Русский инвалид»)

Эту дату можно уточнить. Дело в том, что каждый год летом А.С. Грейг во главе Черноморского флота выходил в практические плавания. Но в 1821 г. Грейг не был в плавании. Отвлечь его от выхода в море могло только какое-то важное дело, связанное с отъездом. Скорее всего, в это время он выехал в Петербург и там был портретирован Гиппиусом. Версия эта достаточно достоверна, поскольку сам Гиппиус никогда не приезжал в Николаев. Следовательно, Грейгу тогда было около 46 лет, и это было время его романтического увлечения «прекрасной Юлией».

Следующий портрет, который может быть достаточно точно датирован, – литография на камне работы Сандомури «Адмирал Алексей Самуилович Грейг». Портрет интересен тем, что на нем сделана надпись: «Рисовал с натуры Осокин». Датировка Адарюкова и Оболянинова, 1830-е годы.

И здесь мы можем уточнить дату: с августа 1830 по август 1831 года А.С. Грейг находился в Петербурге. Именно в это время его могли портретировать для выпуска гравюр и литографий. Следовательно, портрет Грейга работы Осокина-Сандомури относится к концу 1830 или к началу 1831 года.

И еще один портрет можно отнести к этому времени – литографию английского художника Г.Броунинга. Датировка Адарюкова и Оболянинова (1820-е годы) – ошибочна, и вот почему.

Грейг изображен в сюртуке на фоне моря, гор и судна. Портрет явно парадный и представляет адмирала как победителя турок в войне 1828-1829 гг. На шее и груди – те же ордена, медали и знаки, что и на портрете Осокина-Сандомури. Учитывая, что это парадный портрет, сделанный известным мастером, и по композиции он оригинален, можно утверждать, что выполнялся он с натуры. А как мы уже знаем, Грейг был в Петербурге только в 1830-1831 годах. Очевидно, слава Грейга привлекла к его личности большой интерес деятелей искусства, и его портретировали разные художники-графики и живописцы.

Более сложно обстоит дело с последними портретами А.С. Грейга. Известно несколько гравированных, литографированных и живописных портретов последнего периода его жизни (1843-1845 годы). Но были ли они прижизненными?

Все эти портреты имеют одинаковую основу: аналогичную постановку головы и фигуры, полное сходство черт лица, обязательную подзорную трубу в согнутой правой руке, один и тот же парадный мундир и одинаковые регалии. Ясно, что все эти портреты имели один и тот же первоисточник.

Им оказался небольшой (поясной) портрет, подаренный в 60-е годы Николаевскому краеведческому музею праправнучкой адмирала А.С. Грейга Лидией Неезе, жившей тогда в Лейпциге.

Почему именно он? Потому что по всем указанным выше приметам он полностью совпадает со всеми поздними портретами. Но этот великолепно написанный портрет (к сожалению, без подписи) имеет три грубые ошибки, позволяющие утверждать, что из всех известных мне портретов этого времени он – наиболее ранний.

В самом деле, на портрете из Николаевского музея изображена через правое плечо голубая муаровая лента ордена св. Андрея Первозванного. Но при Андреевской ленте под большим белым крестом ордена Св. Георгия Победоносца (на шее) должен висеть крест ордена Александра Невского, а его нет. Далее, прежде чем получить орден Андрея Первозванного (6 декабря 1843 года), Грейг был награжден знаком «50 лет беспорочной службы» (22 августа 1843 года). Однако на портрете написан знак «30 лет». И последняя несуразность: на левой части груди над всеми звездами должна находиться Андреевская звезда, но изображена Георгиевская, а еще ниже – вторая такая же.

Если теперь убрать верхнюю Георгиевскую звезду (которой у Грейга не было, была только одна нижняя) и снять Андреевскую ленту, то получим портрет адмирала со всеми регалиями, которые он имел с 1829 по 1843 годы. Заметим, что знак беспорочной службы, который меняли через каждые пять лет, Грейгу в период с 1830 по 1843 годы не вы-

давался; видимо, А.С. Меншиков, полагая все николаевские дрязги порочащими службу Грейга, не представлял его к наградам, тем более, что адмирал был только членом Государственного совета и фактически на флоте уже не служил.

Можно смело утверждать, что портрет из Николаевского музея был написан в период с 1830 по 1843 годы, скорее всего, в то же время (1830-1831 гг.), когда Грейг был в Петербурге и с него рисовали портреты Осокин и Броунинг. Это тем более справедливо, что на рассматриваемом портрете Грейг изображен не 68-летним стариком, а мужчиной средних лет (в 1831 году ему было 56 лет).

Можно предположить, что владелец портрета (вероятнее всего, старшая дочь Юлия Алексеевна), когда узнал о награждении А.С. Грейга орденом Св. Андрея Первозванного, поручил какому-то художнику дописать на имеющемся портрете голубую Андреевскую ленту и звезду, но художник по ошибке изобразил в свободном верхнем углу груди вторую Георгиевскую звезду, забыв при этом переписать знак беспорочной службы с «XXX» на «L».

Таким образом, и живописный портрет из музея Петра Великого (в рост), копия которого висела в гостиной Л. Неезе, и литография Лысенко, выпущенная Полем Пети и изображающая Грейга у пушки, и прекрасная литография адмирала в овале, выполненная в мастерской М. Семечкиной, и другие – это все более поздние вариации на тему николаевского портрета, но несколько «состаренные», поскольку изображают А.С. Грейга в 1843-1845 гг.

И, наконец, последняя, посмертная гравюра (Грейг умер в 1845 г.), подписанная «Бери...», и опубликованная в газете «Русский инвалид» вместе с некрологом, представляет переработку литографии Осокина-Сандомури, но выполненную в более жесткой, контрастной манере.

В заключение следует еще раз отметить, что благодаря дару Л. Неезе Николаевский краеведческий музей обладает одним из прижизненных оригинальных портретов А.С. Грейга руки хорошего мастера, который изображает адмирала в период 1830-1843 гг.

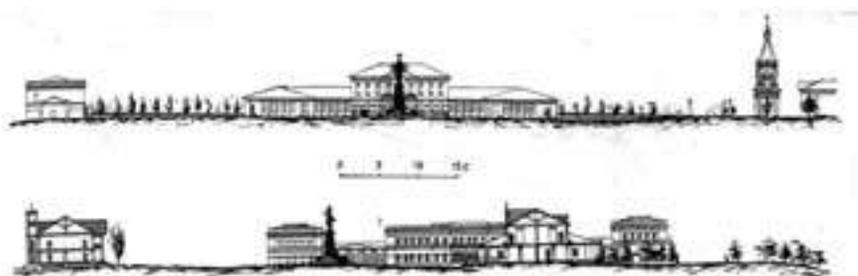
Портреты А.С. Грейга и его семьи представлены в литературе и архивных материалах [Е54, Е56, Е63, Е66, Е67, Е83, Е92, Е94, Л4, Л5, Л7, Л11, Л15, Л20, 172].

Памятник адмиралу

В каждом историческом городе есть свой памятник-символ, ставший как бы его олицетворением. В Ленинграде – это «Медный всадник», в Одессе – Дюк Ришелье, в Киеве – Богдан Хмельницкий, в Москве – Пушкин и т.д. Только в Николаеве такого памятника-символа нет. А ведь он был раньше: это памятник адмиралу Грейгу, с которым когда-то горожане настолько свыклись, несмотря на его краткую «жизнь», что он вошел в местные пословицы и поговорки.

История создания и разрушения памятника Грейгу интересна и поучительна. Может быть, наши потомки будут обладать более глубокой исторической памятью и не повторят наших ошибок и нашего невежества. Монуменг Грейгу был первым осуществленным в Николаеве памятником, связанным с историей города и флота.

В 1851 году, сразу же после похорон М.П. Лазарева, моряки-севастопольцы собрались в Офицерской библиотеке и открыли подписку на сооружение памятника адмиралу. По решению правительства, памятник должны были воздвигнуть в Николаеве – тогдашней «столице» Черноморско-

Проект привязки памятника адмиралу Лазареву на Магистратской пл. Публикуется впервые

*Памятник адмиралу Лазареву в
Севастополе, 1867 г.
Скульптор Н.С. Пименов*

го флота, в которой Лазарев, как и предшествовавший ему Грейг, прожил почти 18 лет. Проект памятника разработал скульптор-академик Н.С. Пименов, начавший работу над ним в 1853 году. Когда работа близилась к концу, скульптор произвел «привязку» памятника к Магистратской площади (ныне пл. им. В.И. Ленина), выбрав для этого место перед гауптвахтой, где раньше проектировалась установка монумента «Победдам русского флота» архитектора И. Маньяни. Разработанные Пименовым и николаевскими морскими архитекторами три чертежа привязки памятника хранятся в ЦГА ВМФ. Но памятник не был сооружен. Против создания памятника Лазареву в Николаеве возражали как жители города, так и моряки, служившие в нем, поскольку Лазарев почти ничего не сделал для города.

Севастопольцы также возражали против сооружения памятника в Николаеве, поскольку деньги на монумент были собраны ими, и Севастополь был любимым городом Лазарева, который он развивал и украшал. Создалась пикантная ситуация, которая разрешилась в 1861 году во время пребывания в Николаеве Александра II и наследника (генерал-адмирала).

Пользуясь пребыванием царя и Пименова в Николаеве, черноморцы и жители города предложили соорудить здесь памятник адмиралу Грейгу, а памятник М.П. Лазареву воздвигнуть в Севастополе (где он и был сооружен в 1867 г.). Получив одобрение царя, инициаторы сооружения памят-

*Проект памятника адмиралу Грейгу в Николаеве.
Скульптор Н.С. Пименов*

ника Грейгу тут же дали Пименову заказ на проработку общей архитектуры памятника, что он и сделал в 1862 году. В том же году была открыта подписка на сбор средств для памятника.

Н.С. Пименов разработал два эскизных варианта памятника Грейгу. Что же представляли собой пименовские проекты? Один из них – это небольшая фигура Грейга (в рост), стоящая на невысоком постаменте. Вокруг нее простая ограда из четырех вертикально стоящих весел, связанных цепью. Памятник прост, если не сказать – убог. Второй вариант – фигура Грейга на фоне нагромождения камней, образующих совместно пирамиду.

По-видимому, проекты не удовлетворили царя, который утверждал все исторические памятники, к тому же в 1864 году умер Пименов – это и послужило отказом от сооружения. Заказ был передан уже прославившемуся к тому времени монументалисту М.О. Микешину, который создал знаменитый памятник 1000-летия России в Новгороде и много выдающихся исторических (в том числе и «морских») памят-

*Модель фигуры адмирала Грейга для памятника.
Работа Опекушина. Ярославский краеведческий музей.
Публикуется впервые*

ников: в Киеве – Богдану Хмельницкому, в С.-Петербурге – Екатерине Великой, в Севастополе – Корнилову, Нахимову и Истомину. Кроме того, Микешин создавал носовые фигуры для русских кораблей.

К работе над памятником адмиралу Грейгу Микешин привлек скульптора А.М. Опекушина. Общий проект разработан Микешиным, фигура Грейга – работы Опекушина. Что же представлял собой этот памятник? Сохранилось несколько его описаний. Вот одно из них: «На Соборной площади, в пересечении Адмиральской улицы с Соборною, близ ограды Адмиралтейского собора красуется колоссальная бронзовая статуя на гранитном пьедестале, обращенная лицом к северу (к Адмиралтейству). Это – памятник знаменитому адмиралу Алексею Самойловичу Грейгу, командовавшему со славою и честью Черноморским флотом

Памятник адмиралу Грейгу на Соборной площади. С открытки

со 2 марта 1816 г. по 2 августа 1833 г. Левая рука статуи держит морскую карту, правая – зрительную трубу. У ног статуи расположены атрибуты, выражающие деятельность адмирала: секстант, книги, свертки и модель набора корабельной кормы; на плоскостях пьедестала, имеющих форму скалы, помещены надписи, обозначающие места и время одержанных адмиралом побед». Из другого календаря узнаем надписи на памятнике: «Адмиралу Алексею Самойловичу Грейгу. 1828 г. Анапа, Варна», «1829 г. Месимврия, Ахиоло, Мидия», «1799 г. Гельдер. 1807 г. Лемнос, Тенедос, Монте-Санто, Дарданеллы, Афон», «1813 г. Данциг». Заметим, что надписи эти были сделаны не на пьедестале, а на отдельных плитах, прикрепленных к нему.

Микешин начал работу над памятником в 1869 г. Проект был одобрен царем в 1872 г., о чем свидетельствует надпись на одном из двух проектных чертежей, подписанных Микешиным и хранящихся в ЦГА ВМФ. На втором чертеже стоит 1873 г. – это доработка проекта (ограда с фонарями).

Открытие памятника состоялось 21 мая 1873 г.

В день открытия памятника в Николаев приехали генерал-адмирал (великий князь), трое сыновей Грейга и вице-адмирал Попов. Памятник был установлен на Соборной площади, на пересечении двух главных улиц Николаева – Адмиральской и Соборной. Возле памятника впоследствии соорудили временную триумфальную арку в честь приезда императора с семьей.

После открытия памятника в Морском собрании состоялась прием в честь адмирала. Окончание торжеств завершилось посылкой коллективной телеграммы Юлии Михайловне – спутнице адмирала.

В этот же день была открыта железная дорога Николаев-Знаменка, связавшая город со всем миром. Ближайшая к городу станция получила название «Грейгово» – в честь А.С. Грейга. Через некоторое время там был установлен бюст адмирала.

Памятнику А.С. Грейга посвящен ряд статей и архивных материалов [144,145,148,170,190,250,Е23,К110,К111].

Разрушение памятника

Памятник А.С. Грейгу простоял 50 лет, и в 1922 г. был разрушен по решению Николаевского Губсовета. О «свержении» памятника в 1922 г. с ликованием сообщил николаевский бульварный журнальчик «Бурав» в заметке «Черный адмирал», подписанной неким А. Вольским. Фотография «Грейга поверженного» сопровождалась столь же антиисторическими, сколь и омерзительными строками, очернявшими адмирала; фотография из «Бурава» была перепечатана «Огоньком» под названием «Памятник насилию»; краткая подпись под нею прикрывала откровенный вандализм ссылкой на «мускулистую руку рабочих».

Скульптура Грейга была помещена рядом с бывшим Адмиралтейским собором на низком каменном побеленном кубе, гранитные плиты с надписями брошены на склоны Ингуль-

Фигура «свергнутого» адмирала Грейга на задах Адмиралтейского собора. Фото 1930-х годов.

ского спуска, по их полированным поверхностям мальчишки катались, протирая штаны. Якоря и пушки передали в историко-археологический музей. Туда же попали и некоторые детали памятника.

В день похорон В.И. Ленина николаевцы решили соорудить на том же месте, где стоял Грейг, памятник вождю. Для нового памятника решили использовать гранитный пьедестал от монумента Грейгу.

Однако он не вязался с небольшой скульптурой Ленина, поэтому постамент пришлось вдвое обтесать, а заодно на углах высекли фигуры рабочего и крестьянина. В 1927 г. памятник Ленину был открыт.

Совершив насилие над историческим монументом и создав пикантную ситуацию с установкой на его месте памятника Ленину, власти и послушная им пресса приложили все силы, чтобы впоследствии очернять А.С. Грейга и оправдывать акт вандализма. С тех пор тема «А.С. Грейг» была закрыта для обсуждения и публикации, а если что-то и пропускалось в газеты, то только очерняющее адмирала, причем, как и в 1922 г., не брезговали прямыми искажениями исторических фактов.

Автор предпринял попытки отыскать документы, разрешающие снятие памятника Грейгу. Дело в том, что согласно Ленинскому декрету, подлежали снятию только «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны», и, согласно п.7 «Областные и губернские советы приступа-

Памятник В.И. Ленину на постаменте от памятника адмиралу Грейгу. С открытки 1930-х годов

ют к этому же делу, не иначе как по соглашению с вышеуказанной комиссией» (возглавляемой А.В. Луначарским). Но Грейг не был «царским слугой», а памятник представлял интерес и с художественной, и с исторической стороны. Для его снятия требовалось разрешение комиссии Луначарского. На мой запрос Центральный государственный архив Октябрьской революции ответил: «Сообщаем, что в документах ЦГАОР СССР сведений о снятии памятника Грейгу не имеется. По интересующему вас вопросу рекомендуем обратиться в Центральный государственный архив РСФСР и Центральный государственный архив Октябрьской революции УССР» (№1393, 30.09.83).

Аналогичный ответ пришел из ЦГАОР УССР: «Сообщаем, что по просмотренным документам Совета Народных Комиссаров УССР и Всеукраинского Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов сведения о снятии памятника адмиралу в Николаеве в 1922 г. не выявлены» (№07-155, 02.10.85). Отсюда,

безусловно, вытекает, что местные власти не обращались в комиссию Луначарского за разрешением, а разрушили памятник только по решению Губсовета, в нарушение Ленинского декрета.

И последний штрих к вопросу о памятнике. После разрушения Адмиралтейского собора фигура Грейга была перенесена во двор бывшего католического костела, в который перевели музей им. В.В.Верецагина. Чудом пережив и оккупацию, огромная бронзовая фигура Грейга после освобождения Николаева была найдена лежащей навзничь там же во дворе. Слух о том, что ее переплавили немцы, был только удобной легендой для властей, чтобы «красиво» и навсегда» покончить с проблемой памятника. Но многие очевидцы подтверждают, что спустя два-три месяца после изгнания фашистов из города «Грейг» все еще лежал у костела. Потом его видели на причале Военной гавани под Морским бульваром. Куда делась фигура потом? Пока никто не может ответить на этот вопрос. Видимо, одно из лучших творений Микешина и Опекушина окончательно погублено.

Подробнее о разрушении памятника А.С. Грейгу можно познакомиться по статьям [144,145,148,151,170,171,190].

Посмертное очернение А.С. Грейга. Разрушение памяти

Несмотря на огромные заслуги Грейга, его служебная деятельность и личная жизнь не были безоблачными. Еще при жизни, когда Грейг был Главным командиром Черноморского флота, он подвергался остракизму со стороны некоторых шовинистически настроенных лиц, о чем подробно рассказано в Главе 10. Ему пришлось пережить несколько драматических событий, в которых первые роли играли, как уже известно, главный бухгалтер Черноморского флота Яцын, начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М.П. Лазарев, начальник Главного морского штаба адмирал князь А.С. Меншиков, мичман В.И. Даль и другие

„ЧЕРНЫЙ АДМИРАЛ“

Когда именованый Николай был еще Арауховским посланцем, прежека управлать им представитель старинного италийского рода, адмирал Грейг.

Когда его деятельность завершилася, преобретовкем соответствующаго родового поместья он покинул свою резиденцию и удалился на покой доживать свой век.

Городом стал вранить его племянник, предприимчивый и горячий молодой человек, решивший увековечить память своего „достоинного“ предка сооружением основательного памятника.

На бромии был отлит гигантский монумент, поставлен на гранитную скалу и окружен драгоценными пушками и якорями.

Этому, понадеявшемуся от прежеке, турбалу суждено было дожить до Октябрьской революции, но присутствовать при ней не удалось.

В 1922 году работая рука старка с лица земли этот пример феодальной эпохи и „адмирал“ попал себе в ноги у ворот археологического музея, где и лежит лицом вниз.

Очернение А.С. Грейга в Николаевском бульварном журнале «Бурав», 1922 г.

нерадивые подчиненные.

В связи с этим с 1830 г. в жизни и деятельности А.С. Грейга возникли некоторые кризисные явления. «Последние годы службы почтенного адмирала Алексея Самуиловича Грейга на юге, – справедливо отмечает историк русского флота Е.Н. Аренс, – были омрачены доносами и наветами подпольных клеветников, вымещавших на нем свои неудачи в разного рода нечистоплотных аферах или личные неудовольствия. Грейг вышел из этой грязи безупречно чистым, каким он действительно всегда и был, но жизнь его уже была отравлена» [4, с.261].

Дошло до того, что мстительный А.С. Меншиков, платя Грейгу черной неблагодарностью, не представлял его к награждению почетным знаком «50 лет беспорочной службы»,

и адмиралу его пожаловал Николай I только в 1843 г., когда Грейгу исполнилось 68 лет и он прослужил на флоте 58 лет [2.28,29]. Этот знак Грейг получил вместе с высшим орденом России – Святого Андрея Первозванного, увенчавшим деятельность этой выдающейся личности.

Но и после смерти А.С. Грейга его недруги не успокоились, обвиняя адмирала в космополитизме, непатриотизме, потакании евреям, грекам и прочим «инородцам». Даже навесили на его деятельность ярлык «грековщина-грейговщина» [243,244]. Общественные круги разделились на «грейговцев» и «лазаревцев». В «Морском сборнике» и в других печатных изданиях возникла резкая полемика. Особенно обрушились на Н. Закревского, опубликовавшего в «Морском сборнике» обширные и интересные мемуары [239-244,Е11-Е16], и на анонимного автора, поместившего свои воспоминания в «Русском архиве» [246].

В «Морском сборнике» в 1868 г. была напечатана обширная статья (17 страниц!), скромно названная «Замечания...», резкая и даже злая [248]. Вот лишь две цитаты из этой статьи:

«Лазарев уничтожил Грейговщину? Выражение явно обидное для памяти обоих адмиралов: ученого моряка Грейга и чисто военного моряка Лазарева. Каждый из них принес Черноморскому флоту свою пользу, полученную по тем средствам, какими мог располагать, а память их равно достойна уважения потомства... Хорошо, что желчное перо автора мало коснулось Грейга и Лазарева – это потому, что их надо было изучать, что нелегко; и если б автор принялся за это, то, конечно, никогда не написал бы таких легких отзывов о таких солидных людях» (с.3). Как отметил автор «Замечаний», «...бойкое перо автора скользит лишь по верхушкам, когда дело идет о достоинствах [Грейга и Лазарева], и режет, как бритва, когда пишет о недостатках (с.2)».

1 – Орден Святого Андрея Первозванного,

2 – Орден Святого Георгия,

3 – Орден Святой Анны,

4 – Орден Святого Владимира

1

2

3

4

В тех же тонах звучит и «Ответ...» капитан-лейтенанта Афанасьева, опубликованный в том же году в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Мы понимаем, что «Русский архив» есть сборник материалов для русской истории, и было бы странно с нашей стороны требовать от него исторической критики, для очистки помещенных в нем статей; но мы совершенно в праве ожидать от всякой редакции деликатности, требовать, чтобы заявлениям очевидно ложного и шутовского отзыва о наших материалах, без имени автора и, следовательно, на полную ответственность редакции, не раздражали в нас чувство справедливости» [235,с.18].

Даже далекая от Черного моря, Грейга и Лазарева газета «Кронштадтский вестник» собрала подписи «оскорбленных моряков», негодующих в связи с публикацией в «Русском архиве» «Записок севастопольца».

Если вникнуть в суть этой полемики, то можно заметить, что «раздраженное чувство справедливости» появилось у всех участников ее только после того, как был затронут и слегка поколеблен престиж их кумира – адмирала Лазарева, который в их глазах был «неприкасаемым». И как не пытаются участники этой дискуссии утверждать, что не было раскола черноморцев на «грейговцев» и «лазаревцев», но он был, и существовала скрытая, а порой и явная, вражда этих двух лагерей. И пока умаляли роль Грейга и приклеивали ему ярлыки «меланхоличного и слабого космополита, покровителя евреев и греков», все эти «патриоты» молчали, но когда затронули Лазарева, они все «встрепенулись», но при этом кричали, что не было и нет ни «лазаревцев», ни «грейговцев».

Полемику вокруг оценки личности и деятельности адмиралов А.С. Грейга и М.П. Лазарева пытался погасить и «грозный адмирал» И.А. Шестаков, который, находясь на излечении в Париже и следя за скандальными публикациями в газетах, журналах и альманахах, прислал в журнал «Морской сборник» резкое письмо [255]: «Сослуживцам А.С. Грейга и М.П. Лазарева не в чем завидовать друг другу. Главные деятели уже сошли с земного поприща; оставшиеся могут в чистоте сердца протянуть друг другу руки и, от-

бросив прозвища грейговцев и лазаревцев, стать в ряд тех слуг общего отечества, которые гордятся памятью учивших их собственным примером как должно служить России. Подобный способ действия будет, кажется, достойнее и полезнее нежели, в который блага мира сего, по обстоятельствам, могут иметь значение.

При всей преданности к памяти Михаила Петровича, я считаю, однако ж, прозвание лазаревца (точно так же, как грейговца) весьма нелестным... А.С. Грейг и М.П. Лазарев оставили отпечаток их могучих личностей на сослуживцах, но не могли закабалить их до такой степени, чтобы они отказались быть самими собою и сделаться лазаревцами и грейговцами.

Извинительно, может быть, осуждать существующее, живое; оно владеет средствами защиты, может и умеет употребить их; но нападки на бывшее, от ударов которого мы защищены щитом гробовой плиты, бездушны и отвратительны.

Люди с именем, живущим в сердцах соотечественников, не должны быть предметом штучных наклонностей пишущих от безделья; в воспоминаниях о достойном гражданине не должно пачкать мысли, обращая ее к людям, которых зовут позором!

Эта жизнь длится не только в мирах нам недоступных, но в нашем вещественном мире продолжается уважение к памяти и заслугам, которого, к чести человечества, не сцарапает со скрижалей истории никакое легкомысленное или злобно-услужливое перо» (с.11-14, Смесь).

На это письмо бывшего морского министра редакция ответила более коротко; главную мысль редакции я привожу:

«...Полемика, заключающаяся лишь в укорительных выражениях, пышных фразах и философских размышлениях, не подкрепленная фактами, не может принести пользу делу и науке» (с.15).

К этому эмоциональному, но верному по существу взгляду Шестакова следует добавить небольшой комментарий. И.А. Шестаков был сыном бывшего сослуживца и сердечного друга Лазарева. Исключенный из Морского корпуса,

Иван Шестаков по просьбе отца был принят Лазаревым на Черноморский флот и воспитывался под могучим влиянием адмирала. Представляется, что в письме Шестаков немного лукавит: он был, безусловно, «лазаревцем», преданным адмиралу и при жизни, и после его смерти. Пока «огонь критики» касался только Грейга, Шестаков молчал, но как только в ответ прозвучали критические замечания в адрес Лазарева, он тут же ответил приведенным выше пространственным письмом, из которого я исключил резкие, даже оскорбительные, пассажи в адрес некоторых авторов мемуаров.

И все же, письмо Шестакова не остановило попыток очернить А.С. Грейга. «Масло в огонь» подлили развернувшиеся в России антизападные движения – «славянофильство» и «почвенничество». Начались нападки не только на А.С. Грейга, но и на его отца – героя Чесмы и Гогланда – С.К. Грейга, поскольку он был шотландцем [Е89,Е90].

Вот несколько цитат: «Припоминая историю Черноморского флота, скажем, что предшественник Лазарева адмирал Грейг был замечательный администратор. Но только Лазарев придал этому флоту настоящую выдержку и стойкость, почему его можно считать основателем или преобразователем Черноморского флота» [245,с.166]. Вот и все о Грейге. Всего лишь «замечательный администратор» и не более! А разве не Грейг поднял из праха Черноморский флот и кораблестроение? Не он ли был первым «преобразователем Черноморского флота»? И не придал ли «настоящую выдержку и стойкость этому флоту» адмирал Грейг, когда Черноморский флот блестяще выступил в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.? А где проявил себя Черноморский флот при Лазареве? Кроме бескровного и безуспешного плавания в Босфор в 1832 г. и нескольких парадных десантов против слабых сил горцев, не имевших даже пушченки – более ничего! А победное Синопское сражение мощной русской эскадры против слабого фрегатского отряда турок – это уже заслуга Нахимова, сумевшего, по его же словам, четко выполнить предписания военно-морской тактики [1,34]. Эта кампания длилась до самого начала XX в. [58,248,249,254]

и прекратилась только в связи с революцией в России, когда очернению и гонениям подвергались вообще все зажиточные слои населения.

Новые гонения на адмирала Грейга начались в 1922 г., когда в нарушение декрета Ленина был свергнут в Николаеве памятник А.С. Грейгу, а его постамент изуродовали для памятника «Ильичу». С этого времени в Николаеве адмирал Грейг стал «персоной нон грата» – о нем нельзя было ничего писать, а можно было поливать грязью. Очередная вспышка антигрейговских настроений в СССР возникла в 1947 г. в связи с «борьбой против космополитизма и низкопоклонства перед границей». Чтобы возвеличить русского адмирала М.П. Лазарева, опорочивали, как могли, А.С. Грейга. Особенно в этом старались К.И. Никульчиков и В.Н. Дмитриев в своих книгах и статьях о Лазареве [13,36,65,76,78]. Даже спустя много лет, когда «борьба с космополитизмом» – эта советская отрыжка «славянофильства» – отошла в далекое прошлое, в Николаеве все еще существовал «запрет на Грейга». Когда в 1975 г., в связи с 200-летием со дня рождения Грейга, я попытался опубликовать о нем статью в «Южной правде», Николаевский обком КПУ запретил это.

Мне пришлось много лет «пробивать» публикацию объективных исследований жизни и деятельности Грейга. Это продолжалось даже после выхода в свет в издательстве АН СССР написанных мной научных биографий адмиралов Алексея и Самуила Грейгов. [44,45]. Посвятив этим исследованиям 30 лет жизни, я выполнил наш долг перед памятью отца и сына Грейгов, создав им духовные памятники в виде двух книг и более 50 статей в журналах, научных сборниках и газетах, а также мой личный «Грейговский» архив в ГАНО (Р-5858).

Казалось, что после выхода ряда объективных исследований об отце и сыне Грейгах и их деятельности [17-31,39,43,45,62,67,72, 91,92,95,128 и др.] отношение к ним стало меняться, и даже в Николаеве прозвучали призывы к возрождению памятника адмиралу А.С. Грейгу.

Но вдруг, в 2005 г., как взрыв бомбы идеологического террориста, прозвучала статья в «Морском сборнике» некоего В. Шигина «Потомству в пример» (№7 и №8). Явно инспирированная антисемитскими кругами, эта статья вновь очерняет адмирала А.С. Грейга, превращая его последовательно в главаря греческой, а затем и еврейской мафии – ни более и ни менее! Допуская грубые подтасовки в происхождении Самуила Грейга, Шигин, воспользовавшись еврейскими выдумками, снова делает из шотландца Самуила Грейга еврея, забывая (а может, и не зная?!), что имена Самуил и Сара – это библейские – они встречаются часто на Западе и у католиков, и у лютеран, и не только у них, но и у православных (до революции Самуил, Давид, Абрам и прочие «еврейские» имена были распространены в православной Руси, откуда и пошли фамилии Абрамовых, Давыдовых, Самойловых и пр.).

Но, чтобы не быть голословным, дадим слово самому капитану I-го ранга В. Шигину: «Как считает ряд исследователей [каких? – Ю.К.], адмирал Алексей Самуилович Грейг происходил по отцу из рода шотландских евреев. По матери, Саре Грейг, он, скорее всего, тоже имел семитское происхождение» [№7, с.92].

Далее, касаясь тайной женитьбы А.С. Грейга на еврейке Юлии, Шигин продолжает свою «мысль»: «Теперь всеми хозяйственными делами Черноморского флота (да и не только хозяйственными), по существу, заправляла сожительница командующего и ее ближайшее окружение». И, как финал этих надуманных сентенций, – капитана 1-го ранга А.И. Казарского отравила еврейская мафия из бывшего окружения адмирала Грейга, чтобы он, Казарский, будучи членом ревизионной комиссии по Севастопольскому порту, не раскрыл тамошние злодеяния.

Можно было бы не останавливаться на весьма пространный опус Шигина, построенный целиком на домыслах и предположениях, а также на известных письмах, рапортах и доносах М.П. Лазарева, опубликованных в сборниках документов [207,208], если бы не это стремление автора ука-

зять «потомству в пример», что евреи и тогда творили на флоте, что хотели, и сейчас «забирают силу». А потому, следуя духу его статей [Е2], необходимо всем патриотам держать ухо остро и бороться с новым «еврейским походом против православных».

Видимо, капитану 1-го ранга В. Шигину захотелось защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата военно-морских наук, но не имея собственных научных достижений в этой области, он пошел более легким путем – обратился к военно-морской истории. Но и здесь, не имея фактов и не утруждая себя работой в архивах, «новый мессия» ухватился за давно истлевшую в анналах истории тему о смерти А.И. Казарского и построил вокруг нее «стройную» теорию о греческо-еврейском мафиозном проникновении в Черноморский флот и подчинении своей власти адмирала Грейга. Только вот куда деть все те административно-хозяйственные и военные достижения русского флота при Грейге? Неужели Черноморский флот был возрожден и провел победоносную войну с турками на море не русскими моряками во главе с Грейгом, а «греко-еврейской мафией»?

В канун столетия со дня смерти Екатерины Великой известный русский историк В. Ключевский в статье «Императрица Екатерина» [Е111], касаясь исторической оценки ее деятельности, сказал: «И Екатерина II не миновала столь обычный и печальный вид бессмертия – тревожить и ссорить людей и по смерти. Ее имя служило мишенью для полемического прицела в противников или приверженцев ее политического управления. Живые интересы и мнения боролись на ее могиле» (с.130). Эти же слова в полной мере относятся и к А.С. Грейгу.

И далее Ключевский обратился к историкам с призывом: «не судить... жизнь, оглянуться на свое прошлое, а не тревожить старые могилы, и среди похвальных слов и обличительных памфлетов осторожно перейти к простым итогам давно окончившейся деятельности» (с.131).

Неужели за сто лет, прошедших со дня появления статьи Ключевского, мы так ничему и не научились?

Глава четырнадцатая

Адмирал А.С. Грейг как личность

Алексей Самуилович Грейг – адмирал и человек

Грейг прожил долгую и сложную жизнь, богатую событиями, успехами и огорчениями. Его основная и многолетняя деятельность на посту Главного командира Черноморского флота была тесно связана с творческой работой по совершенствованию русского кораблестроения, развитию отечественной науки и техники. Шотландец по происхождению, Грейг вырос и сформировался как ученый, инженер и моряк в России. Он считал себя ее сыном и трудился для прославления ее науки и техники, во имя усиления могущества Русского государства.

Изучение широкого круга архивных и опубликованных источников убедительно свидетельствует, что роль А.С. Грейга в развитии науки, техники и в особенности флота и кораблестроения была, несомненно, выдающейся. Сделанное им удивляет своим объемом и глубиной и заслуживает самой высокой оценки. В отчете о своей деятельности за первые 12 лет пребывания на посту Главного командира Черноморского флота [Ж69] А.С. Грейг указывает 246 различных мероприятий по улучшению структуры и организации адмиралтейского управления, кораблестроения, артиллерии, сигнализации, правосудия и т.д., а также по улучшению жизни населения Николаева и Севастополя.

Приведем несколько высказываний его современников, характеризующих общечеловеческие достоинства Грейга:

«Этот передовой деятель представлял собой идеал глубокого ученого-моряка, моряка-практика и цель-

Адмирал А.С. Грейг.

Рис. С.В. Пантелейчука, конец XX в. Публикуется впервые

но образованного человека» [234, с.130].

«Познания адмирала Грейга были разнородны и многосторонни. Моряк по призванию, он знал морское искусство в обширном смысле этого слова. Так, он был основательно знаком с кораблестроением, корабельной архитектурой, механикой и инженерными науками и со всем, что от-

носится к морскому делу. Естествоведение, экономические науки, история, литература, музыка – все эти знания уступали сильному, настойчивому и многообъемлющему уму... Отличительными чертами его характера были: редкая общительность, ясность в предположениях, строгая определенность во всем и точность в действиях» [234, с.135].

«Алексей Самуилович, как признавали вообще все его современники и все, знавшие его, был человек светлого, пронизательного ума, с верным политическим государственным взглядом, обширными, многогранными познаниями, большой учености и стоял далеко впереди своего века» [250, с.4].

Полжизни Грейг отдал морской службе, свыше 50 лет находясь в составе русского военного флота, участвуя в знаменитых морских битвах и штурмах приморских крепостей; вторую половину жизни Грейг посвятил обширным трудам на поприще кораблестроения и науки.

Историк русского флота П.И. Белавенец справедливо сказал о Грейге: «...англичанин родом, но по пользе, принесен-

*Ю.М. Грейг в траурном наряде, ок. 1846 г. С портрета С.К. Зорян-
ко. Волгоградская картинная галерея. Публикуется впервые*

ной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне» [6].

Нельзя не оценить невероятную работоспособность, могучую волю и настойчивость Грейга, позволившие ему в условиях феодально-крепостнической России начала XIX в. внести столь крупный вклад в развитие различных областей науки и техники.

Как его отец и далекие предки Мак-Грегоры, Алексей Самуилович в мирной, домашней жизни был мягким, добродушным и человеколюбивым. Но в делах и на войне он преобразался, проявляя твердость, настойчивость, смелость и отвагу. Он был высоким, стройным с мечтательным, и даже с несколько меланхоличным, взглядом.

Грейг был далек от царского двора, в общении с царем и царедворцами был официален и не проявлял стандартного по тем временам подобиострастия. Николай I ценил Грейга, но держал его «на расстоянии», царедворцы не любили его за честность и независимость суждений. Чужд интригам, заискиванию и узаконенному фиску, Грейг был в их кругу неподходящей фигурой. За всю свою деятельность А.С. Грейг не получил ни крепостных «душ», ни поместий. Не был он «допущен» и в число придворных фискалов, генерал-адъютантов, каковыми были его «коллеги»: новороссийский генерал-губернатор князь Воронцов, начальник Морского штаба князь Меншиков и вице-адмирал М.П. Лазарев.

А.С. Грейг был чутким, отзывчивым, заботливым начальником, внимательным к людям. Он официально облегчил телесные наказания на флоте, а фактически их запретил (это-то – во времена Николая I).

В личной жизни это был скромный и непритязательный человек. Он любил садоводство, музыку, литературу, много читал. Будучи неоднократно в Одессе, Грейг, вероятно, встречался у Воронцова с Пушкиным, поэзию которого он знал.

Алексей Самуилович в домашней оранжерее при Доме Главного командира в Николаеве разводил экзотические цветы и радкие растения [К134,К136].

Адмирал хорошо рисовал, и сохранилось несколько его графических работ – зарисовки судов, островов и гаваней, рисунок решетки на могиле матери и т.п. [Ж27]. Он знал несколько языков (русский, английский, немецкий и французский) и играл на четырех музыкальных инструментах, включая скрипку, флейту и фортепиано. Интересы его были многогранны – от мореплавания и кораблестроения до ботаники и истории.

Грейг был далек от императорского двора, не стремился в окружение императора. Николай I его ценил как знатока и профессионала, но, понимая, что Грейг не стремится стать придворным, не жаловал его званием генерал-адъютанта, а лишь пожаловал ему в знак уважения свой вензель на эполеты, что фактически означало уравнивание Алексея Самуиловича с членами свиты императора [Ж65,Ж70].

Будучи верующим лютеранином, Грейг способствовал созданию храмов других вероисповеданий (католического, магометанского и иудейского).

За всю свою жизнь Грейг не приобрел поместья и не был одарован землями и крепостными. Ему лишь досталось по наследству небольшое селение Гросс-Конгота в Прибалтике со ста душами крепостных, которым некогда Екатерина II наградила его отца, а после смерти Самуила Карловича подарила его Саре Грейг и детям ее. Однако после смерти брата, жившего в Шотландии, Грейг подарил это «поместье» его вдове. Когда Грейг был Главным командиром Черноморского флота, после смерти контр-адмирала Цаца ему, как всем морякам-черноморцам, перешел в качестве дачи участок «пустопорожной земли» в Севастополе [Ж84].

А.С. Грейг в зеркале истории

Я уже неоднократно приводил высказывания русских моряков и историков, включая советских, о деятельности адмирала А.С. Грейга и его месте в истории русского флота и кораблестроения.

Фамильный склеп Грейгов на Смоленском лютеранском кладбище. В центре – могила А.С. Грейга, справа – Ю.М. Грейг и слева – Ю.А. Штиглиц. Фото В.Е. Микитюка. Публикуется впервые

Подводя итог анализу его жизни и деятельности, и его роли в становлении и развитии Черноморского флота и вообще русского флота, обратимся к ряду оценок, которые не попали в поле зрения историков.

В рукописи «Русский флот при императоре Александре» имеется следующее высказывание известного инженер-генерала Н.К. Шильдера, основанное на документах князя А.С. Меншикова и на личных впечатлениях при его пребывании в Николаеве и Севастополе:

«...Черноморский флот, остававшийся долгое время в бездействии, пришел в упадок. Начало управления адмирала Грейга совпадает именно с таким состоянием, и ему нужно было употребить много энергии, чтобы привести флот в действительность.

Князь Меншиков выразился однажды, что при адмира-

ле Грейге Черноморский флот начал плавать и обращен в боевой. Одна эта заслуга из многосторонней деятельности адмирала дает ему право на почетное место в истории» [Ж14,л.5].

Мнение историка русского флота Н. Коргуева [42]: «Хотя численный состав [Черноморского] флота при воцарении Николая не соответствовал штатному положению, но как материальное положение этого флота, так и практическое образование служащих было во всех отношениях лучше Балтийского. Причина этого заключается, главным образом, в том, что во главе управления Черноморским флотом, в последние 9 лет царствования Александра Павловича, состоял вице-адмирал Грейг, истинный моряк и высокообразованный человек, основательно знакомый со всеми специальностями морского дела. Ежегодные плавания флота под его личным управлением много способствовали образованию офицеров и команд, водворения дисциплины и порядка службы, а внимательное отношение к нуждам флота и введение многих усовершенствований послужило тому, что из полнейшего застоя и запустения Черноморский флот доведен был до того стройного порядка, которому он был обязан блистательными действиями в войну 1828-1829 гг.» (с.51).

Сравнивая условия службы моряков и флота на Балтике и на Черном море, историк русского флота Н. Коргуев пишет [42]: «Для Черноморского флота условия были лучше, чем для Балтийского: не замерзающее море и война с горцами, веденная во все царствование императора Николая I, представляли Черноморскому флоту обширное поле для деятельности, а крейсерства у кавказского берега служили отличною школою для черноморских моряков. Если присоединить к этому, что во все это время во главе Черноморского флота стояли адмиралы – сначала А.С. Грейг, потом М.П. Лазарев, то преимущества его перед Балтийским флотом становятся вполне понятными» (с.88).

Хорошо знавший А.С. Грейга чиновник Черноморского адмиралтейского департамента И. Батьянов, проведенный на флагманском корабле адмирала всю русско-турецкую

Надгробный памятник адмирала А.С. Грейга, пострадавший от рук вандалов в советское время (сорваны с боков бронзовые плиты с надписями). Фото В.Е. Микитюка. Публикуется впервые

войну, в примечании к своим мемуарам [236] привел пространную характеристику деятельности Грейга: «Адмирал Алексей Самойлович Грейг, известный своим многосторонним просвещенным умом, с величавой, привлекательной наружностью и доброю душою всех очаровавшего, заботясь энергично как о флоте, так и о развитии и процветании Николаева и Севастополя, вверенных также его управлению, приобрел, как известно, полное доверие государя и любовь к себе всех, имевших честь служить под его начальством, и можно безошибочно сказать, что он был в точном смысле истый государственный человек. Он довел Черноморский флот до того блистательного состояния, в каком видели его в 1828 году. С светлым взглядом на вещи, обратив особое внимание на все отрасли управления, он успел вдохнуть в офицеров любовь к образованию, к службе и пламенное усердие к исполнению ими своих обязанностей, следя за образованием их, всегда лично экзаменуя их сам.

По управлению гражданскою частью вверенных его начальству городов, он оставил по себе также много памятников добра. Имя этого достойного адмирала и теперь еще

произносится с любовью и уважением. Преемник его адмирал Лазарев, после него управлявший Черноморским флотом, также стяжал ставу отличнейшего адмирала. Следуя по пути Грейга, этот справедливый, достойный, деятельный на пользу государства адмирал довел флот, можно сказать, до совершенства и образовал таких офицеров, каковы Корнилов, Нахимов, Истомин и многие другие, которые так много прославили наше любезное отечество, падши героями в минувшую войну. Словом, эти два адмирала по всей справедливости заслужили, чтобы имена их всегда произносить с полным уважением и любовью».

Приведу еще высказывание моряка, журналиста и издателя николаевской газеты Е. Павловского, опубликованное

Надгробие Юлии Алексеевны Штиглиц (Грейг) (слева). Надгробие княгини Джейн (Евгении) Ухтомской (Грейг). (справа). Крест свален и разбит вандалами. Фото В.Е. Микитюка. Публикуется впервые

в журнале «Морской сборник» [217]: «В скором времени Николаеву предстоит украситься монументом адмирала Грейга, бывшего Главного командира Черноморского флота и портов и Николаевского военного губернатора. Память об этом достойнейшем адмирале и истинном благодетеле города жива еще в памяти многих его сослуживцев, моряков и граждан города; кто не был при нем и тот, кто знает его и чтит, потому что здесь все напоминает Грейга; всякое доброе начинание есть его дело, и жаль, очень жаль, что много осталось без поддержки; Грейг рано оставил Николаев и Черноморский флот и многого не успел кончить; но и «доброе семя дало хороший плод», плодами этими пользуемся мы от мала до велика, и вот почему Высочайшее разрешение о воздвижении в Николаеве монумента Грейгу принято здесь всеми сословиями с живейшим участием» (с.72).

Еще одно дополнение – мнение главного астронома Черноморского флота К.Х. Кнорре [206]: «Можно смело сказать, что без неусыпных трудов и особенного усердия адмирала Грейга Николаевская обсерватория не существовала бы или, по крайней мере, не имела бы достаточных средств, чтобы споспешествовать к развитию астрономии» (с.373).

В одном из воспоминаний современника приводится точная и образная характеристика деятельности А.С. Грейга, которой хочется завершить очерк его жизни:

«Вникая в ограниченность средств, которые ассигновало правительство на проведение и выполнение какого-либо предприятия, нельзя не сказать, что адмирал нисколько не отставал от времени, а напротив, тщательно следя за требованием его по всевозможным усовершенствованиям, от капитальных до мельчайших предметов, обращал внимание на существенно полезное, на прочное и приводя в исполнение что-либо под личным своим руководством, многое сам совершенствовал, не придавая притом ничему педантичного блеска сусальной позолотой и фальшивыми топазами. При этих началах, при этих предначертаниях и при таких помощниках-специалистах, какие созданы были адмиралом Грейгом для выполнения всего им предначертанного, легко

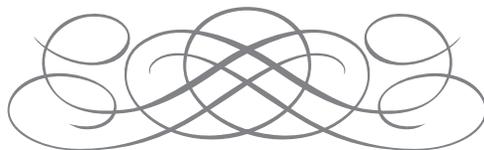
уже было продолжать начатое и идти вперед, как по готовому и широко проложенному пути. В этих живых фактах выказывается высокий ум адмирала Грейга, его творческие способности, поставившие его на степень государственного деятеля» [234, с.192]. И еще: «Как передовой человек, Грейг работал для будущего, в котором предвидел значение судьбы Черноморского флота» [234, с.136].

Об А.С. Грейге как о личности и о последних его годах жизни можно подробнее узнать из литературы и источников [5,14.16,37, 44,91,234,253,Ж70].

Подводя итог деятельности адмирала А.С. Грейга на поприще русской науки и техники, флота и кораблестроения, следует признать, что высокая оценка, которую всегда давали ему объективные русские, советские и зарубежные историки, вполне подтверждается массой архивных материалов, разработка которых до меня почти не проводилась. Широкое и глубокое изучение нескольких сот архивных документов позволило открыть много новых, ярких страниц истории флота, науки и техники, написанных этим выдающимся деятелем.

Завершая этот капитальный труд – результат тридцатилетней работы в архивах и библиотеках, – хочу в заключение привести отрывок из письма Екатерины Великой барону Гримму: «У меня постоянно перо в руках, я составляю целые томы и приведенная в ужас громадностью этих томов, я иногда ощущаю охоту бросить в огонь все это, однако в самом деле, жалко это сделать, потому что все это разумно и полезно» [Е110, с.738-739].

Приведенные в «Литературе и источниках» архивные материалы были введены мной в научный оборот впервые.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Литература

А. Книги

1. Адмирал Нахимов. Статьи и очерки. – М.: Военмориздат, 1951. – 188с.
2. Аммон Г.А. Морские памятные даты. – М.: Воениздат, 1987. – 398с.
3. Аренс Е.И. История русского флота в царствование императора Александра I. – СПб, 1899. – 91с. (литогр.).
4. Аренс Е.И. Конспект по русской военно-морской истории. – СПб.: Никол. воен.-морск. Академия, 1910. – 388с. (литогр.).
5. Асланбегов А. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Биограф. очерк. – СПб.: тип. Морск. Мин., 1873. – 149с.
- Астрономия. – БСЭ, 2-е изд. Т.3. – М., 1950. – с.320.
6. Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. – М.: Воениздат, 1940. – 151с.
7. Белавенец П.И. Нужен ли нам флот и его значение в истории России. – СПб: Тов-во Г. Голике и А. Вильборг, 1910. – 282с.
8. Белкин С.И. Рассказы о знаменитых кораблях. – Л.: Судостроение, 1970. – 256с.
9. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. – М.: Наука, 1973. – С.487-500.
10. Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. – М.: Военмориздат, 1948. – 402с.
11. Веселаго Ф. Краткая история русского флота. – СПб.: Тип. Морск. мин. вып.1, 1893. – С.1-302. Вып. 2, 1895. – С.303-462.
12. Веселаго Ф. Краткая история русского флота. 2-е изд.: М. – Л.: Военмориздат, 1939. – 304с.
13. Выборный И., Гуйван В., Журавель А. Имени б1 коммунара. – Одесса: Маяк, 1973. – 201с.
14. Ге Г.Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790-1890). – Николаев, 1890. – 122с.

15. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. – СПб., 1872. – 260с.
16. Горель Г.К. Основание Николаевской обсерватории. – Ист. – астрон. исслед. М.: 1971. Вып.12. – С.12.
17. Грейг Алексей Самуилович. – БСЭ, 2-е изд. – М., 1952. Т.12. – С.490.
18. Грейг Алексей Самуилович. – БСЭ. 3-е изд. – М., 1972. Т.7. – С.275.
19. Грейг Алексей Самуилович. – Большая энциклопедия. – СПб., 1903. Т.7. – С.501.
20. Грейг Алексей Самуилович. – Военная энциклопедия. – СПб., 1911. Т.8. – С.464.
21. Грейг Алексей Самуилович. – Военный энциклоп. лексикон. – СПб.: Тип. Штаба воен.-уч. заведений, 1883. Т.4. – С.302.
22. Грейг Алексей Самуилович. – Новый энциклоп. словарь. – СПб., б.г. Т.14. – С.791.
23. Грейг Алексей Самуилович. – Общий морской список, ч.3. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. – С.433-437.
24. Грейг Алексей Самуилович. – Сов. Воен. Энциклопедия. – М., 1977. Т.3. – С.33.
25. Грейг Алексей Самуилович. – Сов. истор. энциклопедия. – М., 1963. Т.4. – С.707.
26. Грейг Алексей Самуилович. – Энциклопедия военных и морских наук, под ред. Леера. Т.2. – СПб., 1885. – С.581.
27. Грейг Алексей Самуилович. – Энцикл. словарь Брокгауз и Ефрон. – СПб., б.г. Т.9. – С.606.
28. Грейг Алексей Самуилович. – Словарь Гранат. – СПб., 1913. Т.16. – С.486.
29. Грейг Алексей Самуилович. – Морской энциклопедич. Справочник. Т.1. – Л.: Судостроение, 1987. – С.197.
30. Грейг Самуил Карлович. – Энциклопедия военных и морских наук, под ред. Леера. Т.2. – СПб. – С.475.
31. Грейг Самуил Карлович. – Словарь достопамятных людей русской земли (Д.Н.Вонтыш-Каменский). – М.: Тип. Августа Селена, 1836. Ч.2. – С.13.
32. Дитерихс В.К. Записки по военно-морской истории. Т.2. – СПб., 1899. – 383с.
33. Давыдов Ю. Сенявин. – М.: Молодая гвардия, 1972. – С.253.
34. Давыдов Ю. Нахимов. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 172с.

35. Даль В.Н. Матросские досуги. Полн. собр. соч. Том 6. – СПб.: Изд.: М.О. Вольф, 1897. – 280с.
36. Дмитриев В.И. Введение. Лазарев М.П. Документы. – М.: Военмориздат, 1961. Т.3 – С.1-14.
37. Еланский П. Местные исторические монографии. – Николаев: Гор. тип., 1890. – 80с.
38. Зверев Б. Вице-адмирал В.А. Корнилов. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 150с.
39. Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на юге России. – Калининград: Калинин. книж. изд., 1990. – 383с.
40. Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Истор. монография. – СПб., 1878. – 578с.
41. Каллистов Н.Д. Флот в царствование императора Александра I. История русской армии и флота. – М.: Образование, 1913. Т.9. – С.18.
42. Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1890. – 89с.
43. Краснознаменный Черноморский флот. 2-е изд. – М.: Воениздат, 1979. – 311с.
44. Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг, 1775-1845. – М.: Наука, 1984. – 104с.
45. Крючков Ю.С. Самуил Карлович Грейг, 1735-1788. – М.: Наука, 1988. – 94с.
46. Крючков Ю.С. Имя на борту. – М.: Транспорт, 1988. – 157с.
47. Крючков Ю.С. Старый Николаев и окрестности. – Николаев: Дикий Сад, 1991. – 127с.
48. Крючков Ю.С. История Николаева от основания до наших дней. – Николаев: Возможности Киммерии, 1996. – 300с.
49. Крючков Ю.С. История улиц Николаева. Топонимический путеводитель по городу и окрестностям. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 159с.
50. Крючков Ю.С. Град Святого Николая. Путеводитель по старому Николаеву. – Николаев: Возможности Киммерии, 2003. – 255с.
51. Крючков Ю.С. Очерки истории Николаева. Хрестоматия. – Николаев: Степь-инфо, 2002. – 125с.
52. Крючков Ю.С. Очерки истории Николаева. Кн.1. – Николаев: Степь-инфо, 2003. – 137с.
53. Крючков Ю.С. Очерки истории Николаева. Кн.2. – Николаев: Степь-инфо, 2004. – 117с.

54. Крючков Ю.С. Очерки истории Николаева. Кн.3. – Николаев: Степь-инфо, 2006. – 135с.
55. Крючков Ю.С. Кто вы, княжна Тараканова? – Николаев: Степь-инфо, 2006. – 119с.
56. Крючков Ю.С. Грейг Алексей Самуилович. – Николаевцы, 1789-1999. Энциклопедический словарь. – Николаев: Возможности Киммерии, 1999. – С.109-110.
57. Лагута М.Д. Хронология главнейших исторических событий города Николаева. – Николаев, 1927. – 14с.
58. Лебедев А.И. Военные действия на Черном море в войну с Турцией в 1828-1829 гг. История русской армии и флота. Т.9. – М.: Образование, 1913. – 235с.
59. Ломоносов М. Собр. соч. Т.5. – СПб.: Акад. Наук, 1902. – 500с.
60. Линко С. Корабельная быль. – М.: ДОСААФ, 1971. – 120с.
61. Лукьянович. Описание турецкой войны 1828-1829 годов. – СПб.: Тип. Эд.Праца. Ч.1,1844. – 180с.; Ч.2, 1844. – 142с.; Ч.3, 1847. – 150с.; Ч.4, 1847. – 130с.
62. Ляхов В.А. Русские армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828-1829 гг. – Ярославль: Ярославский ун-т, 1972. – 304с.
63. Масленников Б. Морская карта рассказывает. – М.: Воениздат, 1986. – 368с.
64. Матвеева Т.М. Убранство русских кораблей. – Л.: Судостроение, 1979. – 223с.
65. Никульченков К.Н. Адмирал Лазарев. – М.: Военмориздат, 1956. – 200с.
66. Петровский Н., Белов А. Страна Большого Хапи. – Л.: Детск. лит-ра, 1975. – 392с.
67. Пентюхов Л.Н. Черноморский флот в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. – Л., 1957. – 42с.
68. Порудоминский В. Даль. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384с.
69. Пулковская обсерватория. – БСЭ. 2-е изд. – М., 1955. Т.35. – С.200-203.
70. Ровняков А. В борьбе за свободу Болгарии. – Л: Наука, 1980. – 208с.
71. Русский военный флот. Альбом. – СПб.: Тип. Е. Тимма, 1904. – 319с.
72. Скрицкий Н.В. Алексей Самуилович Грейг. 100 великих адмиралов. – М.: ВЕЧЕ, 2001. – 510с.
73. Скрицкий Н.В. Самые знаменитые кораблестроители России. –

- М.: ВЕЧЕ, 2002. – 413с.
74. Соколов А. Летопись крушений и пожаров судов русского флота, 1713-1853. – СПб.: Тип. Акад. Наук, 1855. – 365с.
75. Соколов А. Русская морская библиотека. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1835. – 409с.
76. Стволинский Ю. Потомству в пример. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 135с.
77. Ульянов М.В. Описание города Николаева Херсонской губернии. – Николаев: Тип. Ю.О. Якубовича, 1882. – 21с.
78. Черкашин Г. Бриг «Меркурий». Докум. повесть. – Л.: Детск. лит-ра, 1981. – 72с.
79. Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. – СПб.: Морск. мин., 1869. – 313с.
80. Шершов А.Н. К истории военного кораблестроения. – М.: Воениздат, 1952. – 364 с.
81. Яковлев С.Г. Кораблекрушения и аварии в русском флоте. – М.: Воениздат, 1949. – 166с.

Б. Статьи в журналах и сборниках

82. Адмирал А.С. Грейг. – Записки ученого комитета Морского министерства. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1860. Ч.27. – С.578-588.
83. Адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. – Морской сборник, 1855. №7. – С.26-32.
84. Аркас З. Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 год. – Зап. Одесск. Об-ва истор. и древностей, 1867. Т.6. – С.368-444.
85. Афанасьев Д. К истории Черноморского флота. – Русский архив, 1902. Кн.1. – С.193-262, 369-458, 637-792; кн.2. – С.213-264.
86. Биография адмирала Грейга. – Морской сборник, 1850. Т.3. – С.578-588.
87. Головизин К. Очерки из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А.С. Грейга. – Морской сборник, 1882, №11. – С.58-79; №12. – С.65-86.
88. Зайдель Н. Адмирал член Государственного совета Василий Иванович Мелихов. Биограф. очерк. – Морской сборник, 1854, №7. – С.67-94.

89. Зарудный В. Севастопольская морская библиотека. – Морской сборник, 1862, №12. – С.351-390.
90. Крашенинников С. Вице-адмирал Михаил Францевич Рейнке. Биограф. очерк. – Морской сборник, 1869, №5. – С.1-47.
91. Крючков Ю.С. Адмирал А.С. Грейг – ученый и кораблестроитель. – Вопросы истор. естествозн. и техн., 1982, №2. – С.80-88.
92. Крючков Ю.С. Вклад николаевских корабелов в создание Черноморского флота. – Судостроение, 1983, №4. – С.61-63.
93. Крючков Ю.С. К истории оптического телеграфа в России. – Вопросы истор. естествозн. и техн., 1981, №1. – С.169-170.
94. Крючков Ю.С. Спасское адмиралтейство. – Судостроение, 1982, №1. – С.68-69.
95. Крючков Ю.С. Черноморский флот в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. – Судостроение, 1979, №10. – С.55-57.
96. Крючков Ю.С. Развитие в России линейного парусного флота. – Судостроение, 1984, №10. – С.54-56.
97. Крючков Ю.С. Первый 120-пушечный корабль Черноморского флота. – Судостроение. 1988, №9. – С.62-63.
98. Крючков Ю.С. Спасское адмиралтейство в Николаеве. – Очерки истории естествозн. и техн. (АН УССР). Вып.38. – Киев, 1990. – С.72-78.
99. Крючков Ю.С. Архитектор Федор Вунш. – Тези 1-ї Обл. наук. – краєзн. конф. – Миколаїв, 1995. – С.175-177.
100. Крючков Ю.С. Архитекторы-пенсионеры Черноморского флота. – Там же. – С.120-122.
101. Крючков Ю.С. Евреи в Николаеве. – Матер. 2-ой Николаевской краевед. конф. – Николаев, 1997. – С.103-104.
102. Крючков Ю.С. Роль Черноморского флота в создании музеев и памятников в Северном Причерноморье. – Там же. – С.107-108.
103. Крючков Ю.С. Исторические этапы развития судостроения в Николаеве. Матер. Міжнар. Наук.-практ.симп. Проблеми суднобудування: стан, ідеї, рішення. – Миколаїв, 1997. – С.12-15.
104. Крючков Ю.С. Золотыми литерами на храме Славы. – Летопись Причерноморья, 1999, №3. – С.55-69.
105. Крючков Ю.С. Генеалогическое древо рода Грейгов. 3-я Миколаїв. обл. краєзн. конф. «Історія, етногр., культура. Нові дослідження». – Миколаїв, 2000. – С.292-293.

106. Крючков Ю.С. Спутница адмирала. – Летопись Причерноморья, 2000, №4. – С.55-79.
107. Крючков Ю.С. Основные этапы развития судостроения в Николаеве. 3-я совместн. конф. БРАСС и БИКСА. Доклады. – Варна, 2001. – С.7-11.
108. Крючков Ю.С. Основатели научного проектирования парусных судов. – Вечерний Николаев, 12.04.07.
109. Крючков Ю.С. На грани веков. Исторические повести. – Николаев: Изд. И.Гудым, 2007.
110. Крючков Ю.С. Корабль и эстетика. – Николаев: el Talisman, 2007. – 170с.
111. Kruchrov Y. Main Stages of Shipbuilding Development in Nikolayev. EURO-conference «Hardmar 2001» Confer. Proc. Vol.2 – Varna, 2000. – P.437-440.
112. Кумани Н.М. Действия Черноморского флота в царствование императора Александра I с 1801 по 1826 гг. – Морской сборник, 1900, №12. – С.49-80.
113. Лихачев И. Роль Черноморского флота в Крымскую войну и затопление наших военных судов в Севастопольской бухте в 1854 г. – Морской сборник, 1913, №11. – С.17-24.
114. Мелихов В.И. О пленении фрегата «Рафаил». – Морской сборник, 1873, №7. – С.7-22.
115. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 годов. – СПб.: Тип. Штаба отд. корп. Внутр. Стражи, 1843. – 280с.
116. О Севастопольской библиотеке. – Морской сборник, 1850, №3. – С.207-213.
117. Огородников С. Из прошлого. Черноморские морские училища. – Морской сборник, 1900, 312. – С.85-105.
118. Парфенов. Некоторые дополнения к статье «Защита Севастополя с воды». – Морской сборник, 1904, №11 – С.1-36.
119. Самокишин А. Николаев. – Морской сборник, 1864, №9. – С.1-11.
120. Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков. – Морской сборник, 1869, №5. – С.1-11.
121. Соколов А. Сигналы. – Морской сборник, 1856, №2. – С.332-349.
122. Соколов А. Гогландская морская битва. – Морской сборник, 1849, №2. – С.323-337.

123. Струве В. Учреждение главной в России обсерватории. – Морской сборник, 1856, №10. – С.132-145.
124. Шавров Н. Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания. – Морской сборник, 1962, №9. – С.1-62.
125. Astronomische Nachrichten. Bd.1, №9; Bd.4, №4, №96; Bd7, №148.
126. Beklemisheff N. Samuel Greig, Grand Admiral in the Imperial Russian Navy. – Yorn.RUI, 1911, vol.LV, №396. – P.143.
127. Боев Р. Българи – добровольци през руско-турската война от 1828-1829 г. – ФАР-79. – Варна: Г. Бакалов, 1970. – С.291-295.
128. Даскалова М. Адмирал Грейг – приятел на България. – ФАР-77. – Варна: Г. Бакалов, 1977, с.21-27.
129. Даскалова М. Бойни ракети над Варна. – ФАР-77. – Варна: Г. Бакалов, 1977. – С.137-139.
130. Черно море. – Варна: Г. Бакалов, 1978. – С.638.

В. Статъи в газетях

131. Грейг А.С. Некролог.-Иллюстрация, 1845, №1.- С.1-2.
132. Крючков Ю.С. Спасское адмиралтейство. – Южная правда, 16.12.78.
133. Крючков Ю.С. Крепости сдаются кораблям. – Южная правда, 16.12.79; Кораблестроитель, НКИ, 25.01.80.
134. Крючков Ю.С. Адмирал, академик, гражданин. – Кораблестроитель, НКИ, 1.10.82; 06.10.82.
135. Крючков Ю.С. Вольные верфи Николаева. – Южная правда, 20.04.83.
136. Крючков Ю.С. Воловий двор Морского ведомства. – Южная правда, 24.11.83.
137. Крючков Ю.С. Первый морской телеграф. – Южная правда, 13.10.84.
138. Крючков Ю.С. Встреча с праправнучкой Грейга. – Кораблестроитель, 14.06.85.
139. Крючков Ю.С. Севастопольский «чумной бунт». – Кораблестроитель, НКИ, 20.06.86.
140. Крючков Ю.С. Исследователи Черного моря. – Южная правда, 15.11.86.
141. Крючков Ю.С. Один из первых. – Кораблестроитель, НКИ, 24.06.88.

142. Крючков Ю.С. Прожект монумента. – Кораблестроитель, НКИ, 06.01.89.
143. Крючков Ю.С. Три «Марии». – Галс, 1989, №1.
144. Крючков Ю.С. Первые памятники. – Кораблестроитель, НКИ, 27.01.89.
145. Крючков Ю.С. Судьба памятников Микешина. – Кораблестроитель, НКИ, 09.06.89.
146. Крючков Ю.С. Почему фонтан стал «сухим»? – Галс, 1991, №1.
147. Крючков Ю.С. Праправнучка адмирала Грейга. – Провинция, 1991, №4.
148. Крючков Ю.С. Благодарны ли мы, потомки? – Радянське Прибужжя, 04.10.91.
149. Крючков Ю.С. Судьба адмирала. – Радянське Прибужжя, 27.11.91.
150. Крючков Ю.С. Из рода Кумани. – Радянське Прибужжя, 17.11.92.
151. Крючков Ю.С. Насилие над монументом. – Радянське Прибужжя, 14.08.93.
152. Крючков Ю.С. Нераскрытая тайна. – Радянське Прибужжя, 02.09.93.
153. Крючков Ю.С. О мичмане Дале, сужденном... – Радянське Прибужжя, 30.10.93.
154. Крючков Ю.С. Алексей Грейг и Эдвард Григ – потомки короля Алпина. – Вечерний Николаев, 18.01.97.
155. Крючков Ю.С. Архитектор Федор Вунш. – Вечерний Николаев, 18.03.97.
156. Крючков Ю.С. Архитектор-романтик. – Вечерний Николаев, 12.02.98.
157. Крючков Ю.С. Спутница адмирала. – Вечерний Николаев, 03.06.97.
158. Крючков Ю.С. Дети адмирала Грейга. – Вечерний Николаев, 06.09.97.
159. Крючков Ю.С. Гордый сын Эллады. – Вечерний Николаев, 21.10.97.
160. Крючков Ю.С. Адмирал Грейг – почетный гражданин Николаева. – Вечерний Николаев, 05.08.97.
161. Крючков Ю.С. «Рафаил» и «Меркурий». – Вечерний Николаев, 23.12.97.

162. Крючков Ю.С. Первый гражданский архитектор. – Вечерний Николаев, 03.02.98.
163. Крючков Ю.С. Лавры и тернии. – Вечерний Николаев, 07.04.98.
164. Крючков Ю.С. Храм Весты. – Вечерний Николаев, 21.05.98.
165. Крючков Ю.С. Так был ли отравлен Казарский? – Вечерний Николаев, 02.06.98.
166. Крючков Ю.С. Архитектор Дмитрий Ефимов – «египтянин». – Южная правда, 15.05.98.
167. Крючков Ю.С. Этот строптивый инженер Рокур. – Вечерний Николаев, 30.06.98.
168. Крючков Ю.С. Знак доброй памяти. – Южная правда, 01.07.98.
169. Крючков Ю.С. Жертва клеветы. – Вестник Прибужья, 16.01.99.
170. Крючков Ю.С. Первые памятники Николаева. – Вечерний Николаев, 20.03.99.
171. Крючков Ю.С. Исчезнувшие памятники. – Вечерний Николаев, 13.10.98.
172. Крючков Ю.С. Загадки портретов адмирала. – Вечерний Николаев, 03.10.2000.
173. Крючков Ю.С. Мурмейстер Антуан Вектон. – Вечерний Николаев, 21.11.200.
174. Крючков Ю.С. Гидротехт Борис Фан-дер-Флис. – Вечерний Николаев, 05.12.2000.
175. Крючков Ю.С. Корни и ветви. – Вечерний Николаев, 30.11.2000.
176. Крючков Ю.С. Дом главного командира. – Южная правда, 01.09.88.
177. Крючков Ю.С. Каким же был герб Грейгов? – Вечерний Николаев, 09.06.2001.
178. Крючков Ю.С. И адмирал, и экономист. – Вечерний Николаев, 13.09.2001.
179. Крючков Ю.С. Грейги, Штиглицы и Стенбоки. – Вечерний Николаев, 01.11.2001.
180. Крючков Ю.С. Из запорожцев в адмиралы. – Вечерний Николаев, 04.12.2001.
181. Крючков Ю.С. Начальник артиллерии Черноморского флота. – Вечерний Николаев, 20.12.2001.

182. Крючков Ю.С. Адмирал, не знавший моря. – Вечерний Николаев, 28.05.2002.
183. Крючков Ю.С. Вольные подрядчики-кораблестроители. – Вечерний Николаев, 23.07.2002.
184. Крючков Ю.С. Последнее турне самозванки. – Вечерний Николаев, 02.08.2002.
185. Крючков Ю.С. Вписать гражданином города навечно. – Вечерний Николаев, 26.10.2002.
186. Крючков Ю.С. Герой неизвестной войны. – Вечерний Николаев, 16.11.2002.
187. Крючков Ю.С. Под прессом клеветы. – Вечерний Николаев, 20.03.2003.
188. Крючков Ю.С. Герой Наварина. – Вечерний Николаев, 15.04.2003.
189. Крючков Ю.С. Адмирал М.Н.Кумани – первый историк Николаева. – Вечерний Николаев, 15.05.2003.
190. Крючков Ю.С. Творцы исторических монументов. – Вечерний Николаев, 18.10.2003.
191. Крючков Ю.С. Спасский самотечный водопровод. – Вечерний Николаев, 25.11.04.
192. Крючков Ю.С. Адмирал Лазарев. Штрихи к портрету. – Вечерний Николаев, 24.10.06; 26.10.06.
193. Крючков Ю.С. Адмирал «Маркизовой лужи». – Вечерний Николаев, 11.02.06.
194. Крючков Ю.С. Правда о севастопольском чумном бунте. – Вечерний Николаев, 08.08.06.
195. Крючков Ю.С. «Лебединая песня» архитектора Опацкого. – Вечерний Николаев, 11.10.05.
196. Крючков Ю.С. Так каким же был Новокупеческий собор? – Вечерний Николаев, 02.03.06.
197. Об адмирале Грейге (П.Б.). – Кронштадтский вестник, 1862, №71. – С.1.

Печатные источники.

Г. Книги, статьи, документы

198. Бурачек С. Наука и искусство корабельного зодчества. – СПб: Тип. Морск. мин., 1872. – 52с.
199. Гамалея П. Опыт морской практики. – СПб: Морск. тип., 1804. – 254с.

200. Кнорре К. Исследование о прогрессике. – Николаев: Черномор. депо карт, 1838. – 12с.
201. Грейг А.С. Краткое описание способа, по которому корпуса судов образуются на математических основаниях. – Николаев: Черномор. депо карт, 1832. –15с.
202. Адрес-календарь и справочная книжка Николаевского градоначальства на 1904 год. – Николаев: Канцел. Никол. град-ва, 1903. – 528с.
203. Записки о занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части, в первой половине 1824 года – Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. – СПб: Тип. Морск. мин., 1824, ч.7. – С.1-48.
204. Записки о занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части, 1823 г. – Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. – СПб: Тип. Морск. мин., 1827, ч.13. – С.1-94.
205. Календарь и справочная книжка города Николаева на 1882 год. – Николаев: Тип. М.В.Рюмина, 1882. – 120с.
206. Кнорре К. Описание Николаевской обсерватории – Новороссийский календарь на 1844 год. – Одесса: Ришельевский лицей, 1843. – С.375-378.
207. Лазарев М.П. Документы. Т.2. – М.: Военмориздат,1955. – 700с.
208. Лазарев П.М. Документы. Т.3. – М.: Военмориздат, 1961. – 575с.
209. Лоция Черного моря. – Л.: Гидрогр. упр. УМО РКК, 1937. – 490с.
210. Манганари. Атлас Черного моря. – Николаев: Черномор. депо карт, 1841. – 211с.
211. Материалы для истории русского флота. Ч.16. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1902. – 668с.
212. Материалы для истории русского флота. Ч.17.– СПб.: Тип. Морск. мин.,1904. – 667с.
213. Материалы для истории русского флота. Ч.11.– СПб.: Тип. Морск. мин., 1886. – 840с.
214. Материалы для истории русского флота. Ч.12. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1888. – 757с.
215. Мелихов В.И. Описание действий Черноморского флота в

- продолжение войны с Турцией в 1828 и в 1829 годах. – Морской сборник, 1850, №3. – с.11-48, 87-126, 177-206, 207-315, 369-407, 435-543; №4. – с.1-29, 99-123 (425с.).
216. Николаев. – Морской сборник, 1861, №9. – С.125-142.
217. Николаев. – Морской сборник, 1862, №8. – С.70-77.
218. Николаев. – Морской сборник, 1862, №10. – С.130-147.
219. Общий морской список. Ч.3. – СПб.: Морск. мин., 1890. – 602с.
220. О занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части с 1-го января по 1-е октября. – Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. Ч.13. – СПб: Тип. Морск. мин., 1827. – С.33-36.
221. О подвигах в продолжение нынешней кампании. – Записки ученого комитета морского штаба. Ч.2. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1828. – С.150-174.
222. Огородников С. Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству. – Морской сборник, 1907, №12, с.1-29.
223. О судах Черноморского флота, построенных со времени вступления на престол государя императора Николая Павловича. Составитель – Л.Голенищев-Кутузов. – СПб.: Морск. штаб, 1844. – 185с.
224. Павловский Е., Ильин В. Путеводитель и адрес-календарь города Николаева на 1869 год. – Николаев, 1869. – 114с.
225. Попов А. Аналитическое исследование о кривой линии прогрессии, употребляемой в корабельной архитектуре. – СПб.: Морск. мин., 1837. – 191с.
226. Постановления о улучшении кораблестроения адмиралом Грейгом, в разное время сделанные. – Николаев: Черномор. депо карт, 1830. – 32с.
227. Савич. Описание главной в России Николаевской обсерватории на Пулковской горе близ С.-Петербурга. – Морской сборник, 1855, №8. – С.251-291.
228. Собрание приказов и инструкций, составленное по приказанию его императорского высочества генерал-адмирала. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1860. – 200с.
229. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год (Ф.Веселаго). – СПб.: Тип. Морск. мин., 1872. – 799с.
230. Собственноручный журнал капитан-командора С.К. Грейга в

- Чесменском походе. – Морской сборник, 1849, №2. – С.645-660, 715-730, 785-827.
231. Трудсон. Журнал осады Варны в 1828 году. – Инженерные записки. Ч.9., кн.1, 1829. – С.10150.
232. Чапман Ф.Г. Правила, на коих основано познание о линейных кораблях/Пер. с фр. Сиверса. – Николаев: Тип. Черномор. гидрогр. депо, 1834. – 78с.
233. Struve F.G.W. Description d'observatoire astronomique central de Pulkowa: St.-Petersburg, 1845, p.26-32.

Д. Воспоминания, мемуары, письма

234. Адмирал А.С. Грейг. Из воспоминаний моряка. – Морской сборник, 1861, №12. – С.130-136.
235. Афанасьев Д. Ответ моряка «Русскому архиву». – Морской сборник, 1868, №2. – С.18-24.
236. Ботьянов. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 году. – Морской сборник, 1869, №8. – С.1-32.
237. Дмитриев С. Воспоминания моряка. Крушение фрегата «Везул» близ Херсонесского маяка. – Морской сборник, 1848, №1. – С.353-357.
238. Записки князя Ю.В. Долгорукого. – Морской сборник, 1849, №2. – С.825-826.
239. Закревский Н. Воспоминания об адмирале А.С. Грейге. – Морской сборник, 1864, №2. – С.189-203.
240. Закревский Н. Корабль «Иоанн Златоуст». – Морской сборник, 1863, №9. – С.154-170.
241. Закревский Н. Корабль «Эривань». – Морской сборник, 1861, №3. – С.62-94.
242. Закревский Н. Севастополь, 1831 год. – Морской сборник, 1861, №10. – С.177-208.
243. Закревский Н. Севастополь, 1832 год. – Морской сборник, 1863, №3. – С.14-32.
244. Закревский Н. Севастополь, 1834 год. – Морской сборник, 1865, №1. – С.200-235.
245. Из архива кн. Л.А. Ухтомского. Сообщ. А.В. Жиркевич. – Русская старина, 1911, октябрь. С.159-184.
246. Из записок севастопольца. – Русский архив, – 1867. С.1851-1937.

247. Корабль «Св. Параскевия» (И.Н.). – Морской сборник, 1849, №2. – С.139.
248. Крашенинников С. Замечания на статью «Из записок севастопольца», помещенных в №12 «Русского вехива», 1867 г. – Морской сборник, 1868, №2. – С.1-11.
249. Несправедливый укор. – Морской сборник, 1862, №9. – С.80-85.
250. О памятнике адмиралу Грейгу. – Морской сборник, 1863, №3. – С.1-5.
251. Переписка М.П. Лазарева с князем Меншиковым, 1848-1851 годов. – Русский архив, кн.3, 1883. С.343.
252. Полномочный И.А. Род мой и происхождение. Кратк. автобигр. записки офицера Черноморского флота Ивана Андреевича Полномочного (1764-1833). – Одесское об-во истор. и древностей. Записки. – Одесса, 1889. Т15. – С.683-710.
253. Сайн Н. Еще материалы для биографии адмирала А.С.Грейга. – Морской сборник, 1862, №8. – С.50-61.
254. Сломанный редакторский карандаш. – Морской сборник, 1862, №12. – С.1-2.
255. Шестаков И. Письмо к редакторам сборника и Кронштадтского вестника. – Морской сборник, 1864, №4. – С.11-15.

Е. Дополнительная литература и источники

1. Сацкий А.Г. Подрядное судостроение в Николаеве. – Судостроение, 1989, №8. – С.51-53.
2. Шигин В. Потомству в пример. – Морской сборник, 2005, №7. – С.85-95; №8. – С.87-93.
3. Залесский Н.А. «Одесса» выходит в море. – Л.: Судостроение, 1987. – 127с.
4. Юрлов В. Портрет адмирала Грейга. – Труд, №267, 20.11.81. – С.4.
5. Соколов А. История русского флота. – Морской сборник, 1854, №3, ч.II. – С.287-296.
6. Мельницкий В. С нашего берега. – Морской сборник, 1862, №9, ч.III. – С.XVIII-XXVIII.
7. Мещерский (Критика и библиография). – Морской сборник, 1867, №7. – С.7.
8. Фр. А. Жизнь и переписка адмирала сэра Чарльза Непира. (Критика и библиография). – Морской сборник, 1862, №12. – С.45-69.

9. Мельницкий В.П. Несколько слов о А.П. Соколове. – Морской сборник, 1858. Т.37, №9, ч. неоф. – С.199-204.
10. Скальковский А.А. Торговая промышленность в Новороссийском крае. – Журнал Мин. внутр. дел, 1851, №1,2. – С.5-55, 153-190.
11. Закревский Н. Севастополь, 1830-1831 год. – Морской сборник, 1861, №9, ч.неоф. – С.1-41.
12. Закревский Н. Севастополь, 1831 год. – Морской сборник, 1862, №3, ч.неоф. – С.44-85.
13. Закревский Н. Севастополь, 1831 год. – Морской сборник, 1863, №2, ч.неоф. – С.139-168.
14. Закревский Н. Фрегат «Штандарт», 1830 год. – Морской сборник, 1861, №6, ч.неоф. – С.261-305.
15. Закревский Н. На берегу в Севастополе, 1830 год. – Морской сборник, 1861, №4, ч.неоф. – С.289-312.
16. Закревский Н. Севастополь, 1832 год. – Морской сборник, 1862, №11, ч.неоф. – С.1-30.
17. Дворянский адрес-календарь на 1897 г. – СПб.: Изд. Шапошникова, 1896. (Грейг В.А.).
18. Записки ученого комитета Главного морского штаба его императорского величества. Часть VIII, 1832.
19. Кронштадтский вестник, №8, 21 янв., 1868 г.
20. Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и навигации. Часть седьмая. – СПб.: Морск. тип., 1824.
21. Записки ученого комитета Главного морского штаба его императорского величества. Часть XI, 1834.
22. Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Часть VIII. – СПб.: Морск. тип., 1850.
23. Пребывание его императорского величества государя великого князя генерал-адмирала в Николаеве и на Черном море. – Морской сборник, 1873, №7. – с.4-14.
24. Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. Часть III. – СПб., 1815.
25. Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. Часть XIII. – СПб., 1827.
26. Записки о занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части. – СПб., 1823.
27. Скрыгин С.А. Сборник приказов и инструкций адмиралов. –

- СПб.: тип. Морск. мин., 1898.
28. «Черный адмирал». – Бурав, 1924, №9. – с.18.
 29. Скаловский А.Н. Выборка из описей дел, хранящихся в Николаевском портовом архиве. – Севастополь: тип. Н.Ковалева, 1900. – 84с.
 30. Знаменитое пятилетие русского флота (1827-1831)//Записки ученого комитета Главного морского штаба. Часть 8, 1832 (приложение).
 31. Двойченко-Маркова Е.М. Пушкин в Молдавии и Валахии. – М.: Наука, 1979. – 199с.
 32. Богданович Е.В. Синоп-Севастополь. 18 ноября 1898 г.. – СПб.: типолит. Р. Голике, 1898.
 33. Прибор для приподнятия мачт. – Морской сборник, 1848. Том I. – С.237-239.
 34. Несколько слов о громоотводах. – Морской сборник, 1848, том I. – С.271-275.
 35. Гидрографические работы на Черном и Азовском морях в 1850 и 1851 годах//Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Часть X. – СПб.: Морск. тип., 1852. – С.217-220.
 36. Перетц Вл.Н. и Л.Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биогр. очерк. Документы. – М.: АН СССР, 1926. – 112с.
 37. Панафидин П.И. Письма морского офицера. – Петроград: тип. Морск. мин., 1916. – 128с.
 38. Михайлова А.Н. Рукописные материалы по истории русского военно-морского флота. – Морской сборник, 1946, №3. – С.114-128. (Отдел рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград).
 39. Кузьмин Роман Иванович//Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Эфрона. Том XVI(32). – СПб.: 1895. – С.941.
 40. Журнал, веденный флота лейтенантом Захарием Андреевичем Аркасом 1-м во время турецкой войны с 1 мая 1828 г. по 24 июня 1829 г... – ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф.859, Шальдер Н.К., к.4 №6 (копия). – Л.1-89.
 41. Зотов П. Журнал мичмана Петра Зотова. – СПб.: тип. Н. Греча, 1847. – 30с.
 42. Фан-дер-Флис Борис Васильевич//Русский биографический словарь. Т.21. – СПб.: тип. В.Безобразова и К0, 1901. – С.20-21.

43. Истребление одного корабля и двух фрегатов турецких российским отрядом под командованием к.-а. Грейга, 21 июня 1807 г. Литогр. Бегрова. – ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ЭГир 326/5-11.
44. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Том I и II. – СПб.: изд. А.С.Суворина, 1886 и 1887 (Грейги – с.222-223, 847).
45. Кампании Черноморского флота в 1833 г. – Морской сборник, 1873, №3, ч.неоф. – С.132-137.
46. Огородников С. Из прошлого (Черноморские морские училища). – Морской сборник, 1900, №12, неоф.отд. – С.87-105.
47. Токаревский А. Творчество в военном кораблестроении. – Море, №9-10, 1907. – С.264-270.
48. Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. – СПб., 1877. – 578с.
49. Дружинина Е.Н. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. – М.: Наука, 1881. – 214с.
50. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – Русский архив. Кн. третья, 1888. – С.241-264.
51. Кнорре К. Исследование о прогрессике. – Николаев: Черн. Депо карт, 1838. – 12с.
52. Рыкачев М. Исторический очерк главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности, 1849-1899. Часть I. – СПб.: тип. Имп. Ак. наук, 1899. – 289 пр. 126 с.
53. Чарейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1975. – 520с.
54. Грейг Самуил Карлович painted by Dm Levitsky, Published Nov. 1st 1788 by I. Walker//Ровинский А.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. – СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1886.
55. Самуил Карлович Грейг. Российский адмирал. Леберехт. – Собрание русских медалей, V, №40.
56. Грейг Самуил Карлович. G Browning pinxt et fecit//Ровинский.
57. Грейг Алексей Самуилович. С рис. Гипшиуса, изд. «Современники», 1822//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов. Том I. – М.: тип. А.И. Мамонтова, 1916. – 319с.
58. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Рис. с натуры Осокин, рис. на камне Сандомури//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А.

59. Адмирал Алексей Самойлович Грейг. Рис. Г.Бровнинг//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А.
60. Адмирал Алексей Самойлович Грейг. На камне Лысенко, печ. Поль Пети//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А.
61. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Литогр. М. Семечкиной у Кукушкина моста, №76, 1873//Адарюков В.Я., Оболянинов.
62. Самуэль Грейг, грав. на камне Борель, с грав. А. Мюнстера из Имп. Публ. Библ. 1864//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А.
63. Адмиральша Юлия Михайловна Грейг. Рис. Молдавский, литогр. Мошарский Из собр. Румянцевск. музея//Адарюков В.Я., Оболянинов Н.А.
64. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. Том I. – М.: АН СССР, 1951. – 878с.
65. Петров П. Ефимов Дмитрий Егорович. – Зодчий, 1873, №3-4. – С.54.
66. Грейг Самойло Карлович. Адмирал. С портрета Левицкого грав. И.Валкер, 1788 г.//Ровинский. Словарь русских гравированных портретов. – СПб., 1872. – 236с.
67. Грейг. Каталог собрания Морозова, том 1. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, ЭалП/3-64/1а.
68. Грейг А.С. (В Галерной улице, дом Бека №74)//Нистром К. Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей. Том второй. – СПб.: тип. III отделения, 1844. – С.40.
69. Гамалея П. Опыт морской практики. Часть первая. – СПб.: Морск. тип., 1804 +CV11С.
70. Муравьев-Апостол Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 г. – М.: изд. Чертковск. б-ки. 1869. – 562с.
71. Неделин А.И. Севастополь. Исторический очерк. – Симферополь: Крымиздат, 1954. – 100с.
72. Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1825 г. – СПб.: тип. II отд. собств. е.и.в., канц., 1847.
73. Тункина И.В. Кабинет редкостей Черноморского депо карт// Очерки истории русской и советской археологии. – М., 1991.
74. Porter R.K. Travels in Georgia, Persia, Annenia, Ancient Balylonia during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. Vol/1/ – London, 1821.
75. Доклад Комитета для образования флота учрежденного. О переменах в управлении Морского департамента. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1806. – 163с.

76. Отзыв адмирала А.С. Грейга об Атласе Южного моря и гидрографических записках вице-адмирала Крузенштерна//Шестое присуждение, учрежденное П.Н. Демидовым наград Академии наук. – СПб., 1837. – С.45-99.
77. Прибавления к военным морским сигналам для Черноморского флота. – Николаев: Черномор. депо карт, 1822. – 125с.
78. Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. – СПб.: Морск. мин., 1896. – 89с.
79. Золотухин А.Н. Начало литературной жизни//Именованъ – город Николаев. – Николаев: Дикий сад, 1989. – С.52-73.
80. Ляликов Д.И. Занятия общества по поручению правительства// Записки Одесск. об-ва истории и древностей. Том.2. – Одесса, 1859. – С.739-795.
81. Шульц В. Подвиги русских моряков. – СПб.: Морск. учен. ком., 1853.
82. Вигель Ф.Ф. Записки. Т.1 и 2. – М.: Круг, 1928.
83. Гиппиус Г.А. Современники. – СПб.: Лит. П. Гельмерсена, 1822, тетр. I-IV.
84. Лоция Черного моря. – Л.: Географ. Упр. УМОРУККА, 1937.
85. Месяцеслов и общий штат Российской империи...Часть первая. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1828-1834.
86. Кумани Н.М. Николаев. – Морской сборник, 1861, №9. С.125-142.
87. Огородников С. Собственноручные резолюции императора Николая I по Морскому ведомству. – Морской сборник, 1907, №12. – С.1-29.
88. Очерки важнейших сооружений по морской строительной части, сделанных в период времени с 1825 по 20 ноября 1850 года...Часть II-я. – ЦВММ.
89. Кладо И.Л. Введение в курс истории военно-морского искусства. – СПб., 1910. – 603с.
90. Кладо И.Л. Морская тактика. Вып.2. – СПб.: Николаев, Морск. академия, 1897. – 200с. (литогр.).
91. А.Соколов. История русского флота. – Морской сборник, 1854, №3, ч.II, с.287-296.
92. Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов. Т.1. – М.: Тип. А.Н.Мамонтова, 1916. – 319с.
93. Gross A.G. Samuel Greig, Catharine the Groat's Scottish

- Admiral//Mariner's Mirror, 1974, Vol.60,30. – P.252-266.
94. Русские портреты XVIII и XIX столетия. – СПб.: Изд. велик. князя Николая Михайловича, 1909.
 95. Послужной список вице-адмирала и кавалера Грейк С. 1776 г. – ЦГА ВМФ СССР, ф.408, оп.7, д.8, л.1 об.-5об.
 96. Beklemisheff N. Samuel Greig, Grand Admiral in the Imperial Russian Navy. – Yourn RUI,1911, Vol.53, 396. – P.143-148.
 97. Общий морской список. Ч.3. – Морск. мин., 1890.-602.
 98. Соколов А. Голландская морская битва. – Морской сборник, 1849, №2. – С.322-337.
 99. Судьба принцессы Таракановой. – ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина, Отдел рукоп., ф.73, д.215, л.1-19об.
 100. Лазарев М.П. Документы. Т.1. – М.: Военмориздат, 1952. – С.382-396.
 101. Бенестаф Ф., Шельдеруб-Эббе Д. Эдвард Григ – человек и художник. – М.: Радуга,1986. – 376с.
 102. Чертеж города Николаева и урочища Спасского... – ГПБ им.М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 342, карт. 138.
 103. G.V. Petrov, G.I. Pinigin. Karl Knorre, premier astronome de la flotte de mer Noire. – Николаев: изд. И. Гудым, 2007 г.
 104. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России... Херсонская губ. Часть вторая. – СПб. Тип. Калиновского, 1863.
 105. Семечкин Л.П. О мерах для развития железного судостроения и каботажна на юге России. Доклад 2-го сент. 1882 года (стенограмма). – Библиотека НУК им. адм. Макарова (типогр. издание без указания места и даты).
 106. Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Ист. монография. – СПб., 1878. – 578с.
 107. Даль В.И. Матросские досуги//Полное собр. соч. – СПб., 1807, т.6. – С.280.
 108. Описание Архива Морского министерства...Том X. – СПб.: Тип. Морск. мин., 1906г. – 636с.
 109. Грейг А.С. Записки, поданные имп. Николаю I в 1826 г. о дозволении иметь в Севастополе двух профессоров для чтения лекций по словесным и физико-математическим наукам офицерам Черноморского флота, об учреждении в Николаеве Морского кадетского корпуса, 65 листов. – ГПБ, Отдел рукописей (Морской сборник, 1946, №3. – С.114-128).

110. Брикнер А. История Екатерины Второй. Часть четв. и пятая. – СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1885. – 872с.
111. Ключевский В. Императрица Екатерина. – Русская мысль, 1896, ноябрь, кн.ХІ. – С.130-177.
112. Труды Государственного Эрмитажа, ХІІ. – Л.: Аврора, 1971. – 203с.
113. Никитин В.И. На круги своя. – Николаев: Изд. Гудым, 2006. – 319с.
114. Шатне М. дю Жан Батист де Траверсе – министр флота Российского. – М.: Наука, 2003. – 412с.
115. Николаевцы. 1789-1999. Энциклопедический словарь. – Николаев: Возможности Киммерии. – 1999.-374с.

Архивные источники.

Ж. Текстовые материалы

1. ГАНО, ф.230, оп.1, д.142, л.1-21 (О разрешении иметь в городе Николаеве городского архитектора и о утверждении в сем звании 14 класса Опацкого, 7.09.1830).
2. ГАНО, ф.230, оп.1, д.146, л.1-6 (О доставлении в МВД с Департ. полиции формулярн. список о службе бывш. ротмистром (ныне николаевским полицмейстером) майора Автономова, 2.01.1831).
3. ГАНО, ф.230, оп.1, д.158, л.1-65 (Об устройении моста через р. Буг подле Николаева, 21.10.1831).
4. ГАНО, ф.230, оп.1, д.171, л.1-8 (О дозволении помещику барону Рено устроить через реку Буг против селения своего Больш. Корениха переправу, 19.09.1832).
5. ГАНО, ф.230, оп.1, д.173, л.1-16 (О формулярном и кондуктном списках городов. Архитектора Опацкого за 1831 г., 18.02.1832).
6. ГАНО, ф.230, оп.1, д.569, л.1-32 (По просьбе к.к.инж. капит. Окунева о разыскании матери его тит. советницы Ирины Окуневой, 22.03.-21.12.1850).
7. ГАНО, ф.230, оп.1, д.1794, л.1-3 (Об определении отставного коллежск. ассес. Опацкого в должность городского архитектора в Николаеве, 18.02.-22.02.1854).
8. ГАНО, ф.230, оп.1, д.1854, л.1-8 (О выдаче колл. ассес. Опацкому свидетельство о поведении его... для определения на службу, 22.01.1854 – 8.02.1854).

9. ГАНО, ф.230, оп.1, д.967, л.1-9 (О смерти полковника Автономова).
10. ГАНО, ф.230, оп.1, д.813 (Послужной список И.Батьянова).
11. ГАНО, ф.Р-5858, оп.1, д.19 (Крючков Ю.С. История судостроения в Николаеве в эпоху паруса, 1790-1865 гг. – Николаев, 1982).
12. ГАНО, ф. Р-5858, (Крючков Ю.С. Справочные сведения о судах, построенных в Николаеве с 1790 по 1865 гг. – Николаев, 1981).
13. ГАНО, ф.Р-5858, (Крючков Ю.С. Русское парусное кораблестроение в XVIII-XIX вв. – Николаев).
14. ГПБ. Русский флот при императоре Александре. – ф.859, Шильдер Н.К., к.20 №14, л.1-13.
15. ГПБ, ф.477, №3, Мелихов В.Н. (документы о Черноморском флоте времен А.С. Грейга).
16. ГПБ, ф.477, №5, Мелихов В.Н. (Документы о переносе управления Черномор. флотом из Николаева в Севастополь).
17. ГПБ, ф.76, №58, Биснек Д.Г. (Краткое изложение доклада П.И. Белавенца о книжных знаках).
18. Обзорение кораблестроения на Черном море с показанием всех построенных судов. – ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей и редких книг, Оленинская система, G.IV.296.
19. ЦГА, ф.8, оп.3, д.464, л.1-78 (Вычисления А.С. Грейга по конструкции судов, пушек, нахождению местоположения центра тяжести кораблей и т.п.).
20. ЦГА, ф.8, оп.3, д.448, л.1 (Приблизительная калькуляция стоимости разных инструментов для Черноморского департамента. На англ. яз.).
21. ЦГА, ф.8, оп.3, д.356, л.1-3, черт. (Новый размер рангоута для военных бригав 6 мая 1829).
22. ЦГА, ф.8, оп.3, д.320, л.1-2 (Ведомость по конструкции флашхоутов. Ведомость, во что обойдется построение 60 флашхоутов казенными средствами).
23. ЦГА, ф.8, оп.3, д.323, л.1-12 (Сметы, ведомости и таблицы по конструкции судов).
24. ЦГА, ф.8, оп.3, д.321, л.1 (Записи с измерениями землечерпальной паровой машины за подписью Кумани 2.).
25. ЦГА, ф.8, оп.3, д.359, л.1-5 (Сметы, ведомости и таблицы по конструкции 20-ти пушечн. бригав «Ганимед», «Меркурий», «Орфей»).

26. ЦГА, ф.8, оп.3, д.459, л.1 (Ведомость о числе людей, строивших мореходный транспорт...).
27. ЦГА, ф.8, оп.3, д.865, л.1-14 (Рисунки кораблей, портов, решетки у могилы Грейг Сары Александровны, замка на о. Св. Елены и т.п.).
28. ЦГА, ф.8, оп.3, д.516, л.1-104 (Отрывки черновых записок А.С. Грейга по кораблестроению, артиллерии и т.д.).
29. ЦГА, ф.8, оп.3, д.137 (О стоимости поставок леса).
30. ЦГА, ф.8, оп.3, д.150 (Рапорт Герцога Вюртенбергского о действиях Грейга при осаде Данцига).
31. ЦГА, ф.8, оп.3, д.316, л.1-8 (О стоимости постройки судов с подряда).
32. ЦГА, ф.8, оп.3, д.417, л.1-3 (Указ Правительствующему сенату от 7 янв. 1838 г. и о даровании льгот купцам Николаева и Севастополя).
33. ЦГА, ф.8, оп.3, д.390, л.1-10 (Докладная Грейга о сравнительной стоимости кораблестроения на Черном и Балтийском морях).
34. ЦГА, ф.8, оп.3, д.522, л.1-39 (Чертежи А. Грейга и расчеты для бота и тендера, разработанные по параболическому методу).
35. ЦГА, ф.406, оп.3, д.91 (Формулярный список о службе и достоинстве Главного командира Черноморского флота и портов адмирала и кавалера Грейга за 1831-й год).
36. ЦГА, ф.8, оп.3, д.168, л.1-7 (Список с письма в.-адм. Грейга к морскому министру от 23 сент. 1816 г. за №1498).
37. ЦГА, ф.8, оп.3, д.176, л.1-5 (Ведомость о судах флот Черноморский составляющих за майскую 1816 года треть).
38. ЦГА, ф.8, оп.3, д.157, л.1-13 (Ведомость Исполнительной экспедиции от 20 нояб. 1820 за №7034).
39. ЦГА, ф.8, оп.3, д.179, л.1-9 (О беспорядках в поставках Черноморскому флоту провианта Перетцом и комм. сов. Фундуклеевым).
40. ЦГА, ф.8, оп.3, д.1854, л.1-5 (Об испытаниях кораблей на остойчивость, от 29 сент. 1817 г.).
41. ЦГА, ф.8, оп.3, д.200, л.1-6 (Описание плана построения тьякшипа и бомшипа).
42. ЦГА, ф.8, оп.3, д.138, л.1-10 (Объяснение о лодках).
43. ЦГА, ф.8, оп.3, д.137, л.1-5 (Стоимость поставок леса в Херсон и Николаев).

44. ЦГА, ф.8, оп.3, д.154, л.1-6 (Ведомость о построенных с 1806 по 1816 гг. судах).
45. ЦГА, ф.8, оп.3, д.196, л.1-4 (О транспортных судах Черноморского флота).
46. ЦГА, ф.8, оп.3, д.188, л.1-11 (Сметы и таблицы по конструкции 74-пуш. кораблей «Норд-Адлер» и «Николай»).
47. ЦГА, ф.8, оп.3, д.413, л.1-2 (Ответное письмо Баумана А.С. Грейгу о выселении евреев).
48. ЦГА, ф.8, оп.3, д.400, л.1-9 (Проекты записок А.С. Грейга о положении евреев в России).
49. ЦГА, ф.8, оп.3, д.268, л.1-3 (Записки одесского купца Михеля Серебряного о постройке судов для Черноморского флота).
50. ЦГА, ф.8, оп.3, д.304, л.1-7 (Рапорт оберинт. Цаца А.С. Грейгу о судостроении в Николаеве, Херсоне и Севастополе).
51. ЦГА, ф.8, оп.3, д.253, л.1-45 (Копия рапорта А.С.Грейга к-а Моллеру о контрактах).
52. ЦГА, ф.8, оп.3, д.51, л.1-13 (Список судов за 1803-1830 гг.).
53. ЦГА, ф.8, оп.3, д.221, л.1-2 (Замечания корабел. мастера Мелихова о переделках на судах).
54. ЦГА, ф.8, оп.3, д.343, л.1-3 (Предложения А.С.Грейга об устранении недостатков люгеров).
55. ЦГА, ф.8, оп.3, д.308, л.1 (Приказ А.С. Грейга Черном. Исполнит. экспедиции о соразмерности величин рангоута и такелажа).
56. ЦГА, ф.8, оп.3, д.300, л.1-8 (Мнение цехмейстера артиллерии ЧФ Спицина об усовершенствовании черномор. артиллерии.).
57. ЦГА, ф.8, оп.3, д.293, л.1-10 (Сравнительная ведомость о составе Черном. Флота, 1816-1826 гг.).
58. ЦГА, ф.8, оп.3, д.287, л.1-17 (Смета и ведомости на постройку кораблей и фрегатов).
59. ЦГА, ф.8, оп.3, д.463, л.1-5 (Сметы, ведомости, таблицы по конструкции 110-пушечных кораблей).
60. ЦГА, ф.8, оп.3, д.451, л.1 (Чертеж образца пушки Черноморского флота).
61. ЦГА, ф.8, оп.3, д.353, л.1-11 (Рапорт морскому министру Моллеру о свойствах длинных и коротких пушек и чертеж единого рога, представленные А.С. Грейгом).
62. ЦГА, ф.8, оп.3, д.426, л.1-2 (Черновые приказы А.С. Грейга Быченскому о производстве эскадрой испытаний по остойчивости судов).

63. ЦГА, ф.8, оп.1, д.39, л.1-139 (Определение Комитета о улучшениях по флоту).
64. ЦГА, ф.8, оп.1, д.176, л.1-54 (Отчет в главных действиях адмирала Грейга по Черноморскому флоту до 1828 года).
65. ЦГА, ф.8, оп.1, д.77, л.1-44 (Биография А.С. Грейга и обзор его архива).
66. ЦГА, ф.8, оп.1, д.36 (Выписка из дел Комитета управл. делами Черном. департамента о А.К. Каверзневев).
67. ЦГА, ф.8, оп.1, д.29, л.1-83 (Главные статьи кондиций, по которым должны быть совершаемы по Черномор. департаменту на поставку разных вещей и материалов).
68. ЦГА, ф.8, оп.1, д.15, л.1-30 (Рапорт А.С. Грейга царю о расходах).
69. ЦГА, ф.8, оп.1, д.34, л.1-65 (Главные действия вице-адм. Грейга по Черноморскому департаменту, флоту и портам).
70. ЦГА, ф.8, оп.1, д.1, л.1-32 (Биография А.С. Грейга на англ. языке).
71. ЦГА, ф.8, оп.1, д.32, л.1-231 (Выписки из донесения бухгалтера Яцына о злоупотреблениях А.С. Грейга).
72. ЦГА, ф.8, оп.1, д.75, л.1-153 (Ведомость о малых судах Черном. флота для Абхазской экспедиции употребляемых).
73. ЦГА, ф.8, оп.1, д.17, л.1-66 (Историческая записка о Севастопольском чумном бунте).
74. ЦГА, ф.8, оп.3, д.241, л.1-3 (Списки наименований улиц г. Николаева).
75. ЦГА, ф.8, оп.3, д.433, л.1-2 (Штат судам Черномор. флота составлять долженствующим).
76. ЦГА, ф.8, оп.3, д.434, л.1 (Список судов Черноморского флота).
77. ЦГА, ф.8, оп.3, д.412, л.1-4 (Мнение адм. Грейга о правилах подрядов и торгов).
78. ЦГА, ф.8, оп.3, д.334, л.1-8 (Секретный рапорт Грейга нач. Морск. штаба от 18 нояб. 1827 г.).
79. ЦГА, ф.8, оп.3, д.317, л.1-3 (Таблица конструкции кораблей 84-пуш. «Императрица Мария» и «Чесма»).
80. ЦГА, ф.8, оп.3, д.402, л.1-24 (Проект объясн. записки Грейга по сметам Черноморского флота).
81. ЦГА, ф.8, оп.3, д.350, л.1-47 (Соображения о выгоды подрядов, утвержденных на 1829 год).

82. ЦГА, ф.8, оп.3, д.130, л.1-212 (Ведомости и сметы, рапорты Грейга по кораблестроению).
83. ЦГА, ф.8, оп.1, д.38, л.1-12 (Докладная записка обер-инт. Критского... о наличии и расходе сумм...).
84. ЦГА, ф.8, оп.1, д.78, л.1 (План отведенной пустопорожней земли г. главному командиру...).
85. ЦГА, ф.8, оп.1, д.65, л.1-20 (Дневник С.А. Грейга периода Крымской войны).
86. ЦГА, ф.8, оп.1, д.37а, л.1-34 (Переписка нач. Главного Морского штаба А.С. Меншикова с адм. А.С. Грейгом о доносе инж.-подполк. Богданова...).
87. ЦГА, ф.8, оп.1, д.40, л.1-9 (Рапорт А.С. Грейга Николаю I о неповиновении инж.-капит. Бурачкова...).
88. ЦГА, ф.8, оп.1, д.35, л.1-51 (Переписка управляющего Главным штабом Чернышова с адм. А.С. Грейгом о проведении ревизии в Севастопольском порте...).
89. ЦГА, ф.8, оп.3, д.460, л.1-9 (Таблицы размеров рангоута).
90. ЦГА, ф.8, оп.3, д.358, л.1-2 (Перевод письма штурмана оттоманского флота от 27 мая 1829 г.).
91. ЦГА, ф.8, оп.3, д.243, л.1-3 (Копия рапорта А.С. Грейга начал. Морск. штаба Моллеру об углублении фарватера реки Ингула).
92. ЦГА, ф.8, оп.3, д.257, л.1 (Заметка о наличии леса у д.с.с. А.А. Перовского).
93. ЦГА, ф.8, оп.3, д.208, л.1-2 (Рапорт А.С. Грейга морск. министру де Траверсе о необходимости проведения воды из Спасска в Николаев).
94. ЦГА, ф.8, оп.3, д.204, л.1-11 (Копии докладных записок А.С. Грейга морск. министру де Траверсе о мероприятиях по улучшению снабжения г. Николаева пресной водой).
95. ЦГА, ф.33, оп.1, д.1907, л.1-70 (Дело 28-го флотского экипажа о мичмане Дале 1-м, сужденном в сочинении пасквилей).
- 95а. ЦГА, ф.327, оп.1, д.90 (Записка А.С. Грейга о стоимости кораблестроения и расходах).
- 95б. Архив АН СССР, ф.703, оп.6, д.1, л.174.
- 95в. ЛО арх. АН СССР, ф.1, оп.2 –1822, д.48; оп.1а, д.33, л.17.
- 95г. ЛО арх. АН СССР, ф.1, оп.2 –1826, д.15, л.156.
- 95д. ЛО арх. АН СССР, ф.1, оп.1а, д.37, л.42, об., 156.
- 95е. ЛО арх. АН СССР, ф.1, оп.1а, 1827, д.38, л.59об., 321.
- 95ж. ЛО арх. АН СССР, ф.1, оп.2 –1827, д.22, л.2с.

96. Крючков Ю.С. Список судов Черноморского флота, построенных в Николаеве с 1790 по 1865 г. Эпоха паруса. – Николаев, 1983 (фонды Музея судостроения и флота, Николаев).
97. ЦГА, ф.326, оп.1, д.75, л.53 (Часть Генерального плана г. Николаева. Площадь между присутственными местами и собором).
98. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7265 (Генеральный план строений воловьего двора со старым редутом, означенных на местах XXXI).
99. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7272 (Нивелировка земли под сухие доки [в Севастополе]).
100. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7202 (Генеральный план Адмиралтейству на правой стороне Ингула... Инж-полковник Кретшмар).
101. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7239 (Генеральный план города Николаева. Инж-полковник Кретшмар).
102. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7227 (План службам и ограде вокруг Николаевской обсерватории... 1827 г. ученик Кирилл Артемьев).
103. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7459 (План участка площади с показанием монумента... 1830 г. Архит. Джузеппе Маньяни).

3. Чертежи судов

104. ЦГА, ф.327, оп.1, д.713 (Чертеж корабля 60-пуш. «Тенедоса»).
105. ЦГА, ф.327, оп.1, д.99 (Чертеж корабля 120-пуш. «Варшава»).
106. ЦГА, ф.327, оп.1, д.99 (Чертеж корабля 120-пуш. «Варшава», 1829 г.).
107. ЦГА, ф.327, оп.1, д.569 (Чертеж рангоуту и парусам 120-пуш. корабля «Варшава»).
108. ЦГА, ф.327, оп.1, д.100 (Чертеж 120-пуш. корабля «Варшава», 1835 г.).

И. Чертежи и планы зданий и сооружений

109. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7409 (Чертежи зданиям, значущимся на Генеральном плане под №№32, 141, 149, 298, 307, 343, 344, 345 и 454).
110. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7550 (Проект ограды для памятника адмиралу А.С. Грейгу в Николаеве, 1872 г., М. Микешин).
111. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7551 (Проект ограды и фонарей для памятника адмиралу А.С. Грейгу в г. Николаеве, 1873 г., М. Микешин).
112. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7205 (Чертеж конструкции корабельного дока в Адмиралтействе в Николаеве, 1829 г., Джон Уптон).

113. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7209 (Фасад, по которому предполагается исправить Николаевское Адмиралтейство, 1818 г., гл. арх. Вунш).
114. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7226 (Чертеж строений, находящихся в Адмиралтействе и в вольной верфи).
115. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7548 (Прожект монумента R№13).
116. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7549 (Прожект монумента R№12).
117. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7443 (Чертеж здания, значащегося на Генеральном плане под №295-м).
118. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7708 (План эллинга под 100-пушечный корабль при Николаевском порте. 1820 г. Кораб. мастер Мелестин).
119. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7317 (Генеральный план казенному Дерibasовскому дому, состоящему в городе Николаеве).
120. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7695 (Фасад Соборной церкви в г. Николаеве. 1840 г. Архит. Опацкий).
121. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7694 (План Соборной церкви, предполагаемой построить в г. Николаеве с тремя престолами на 1500 человек прихожан. 1840 г. Архит. Опацкий).
122. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7685 (Храм Весты. 1827 г. Р. Кузьмин, ученик 3-го возраста).
123. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7509 (План и разрез парадной лестницы. Проект, Лунченков).
124. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7217 (Чертеж главным воротам Адмиралтейства... 1837 г. Архит. К. Акройд).
125. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7232 (План, фасад и разрез будки... над колодцем в Николаевском Адмиралтействе. 1834 г. Архит. 14-го кл. Лунченков).
126. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7263 (Чертежи Летнего дворца в Спаске... 1833 г.).
127. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7280 (Генеральный план казенному архитекторскому дому, состоящему в городе Николаеве. 1837 г. Кондуктор Гладышев).
128. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7458 (Чертеж Черноморской штурманской роты. Инж.-поручик Козаков).
129. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7281 (Генеральное расположение дома флагманов и командиров в Николаеве. 1885 г.).
130. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7309 (Чертеж к плану дома Дерibasовского, ... занимаемого архитектором Акройдом. 1833 г.).

131. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7544 (План острога с оградого... 1833 г. Архит. Вунш).
132. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7498 (Здание, занимаемое конторой над Николаевским портом и главною гауптвахтою. 1884 г. Акад. Инж.- полковник Рулев).
133. ГГИА СССР, ф.1287, оп.40, д.2072, л.1-15 (Письмо министру внутр. дел от военного губернатора в отношении переименования 18 улиц в Николаеве).
134. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7286 (Проект оранжереи при Доме главного командира в Николаеве).
135. ЦГА, ф.326, оп.2, д.1551 (Столб фонарный на Адмиральской улице, 1820 г. Архит. Ф.Вунш).
136. ЦГА, ф.326, оп.1, д.7290 (фасад и профили строений... Чертеж оранжереи, состоящей при доме господина главного командора).

К. Портреты, литографии и гравюры

1. Самуил Грейг. с литогр. А.Мюнстера, грав. Борель. Изд. А. Мюнстера. – ГПБ, зал рукописей и эстампов Э АгГП/4Г797с, инв.13166.
2. С.А. Грейг. С фотогр. Карелина, грав. Ю.Барановский. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ТЮМ/4Г797с, инв.115680/1,2.
3. Граф Ник. Сем. Мордвинов, №140, графиня Генриета Алекс. Мордвинова, №141. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э АлП/3-7/І-(3), инв.2241.
4. Адмирал Алексей Самойлович Грейг. Рис. Бровнинга. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ГП/5Г797, инв.47694.
5. Вице-адмирал Грейг. Грав. Г.А. Гиппиус («Современники», 1822 г.). – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ОСН/34-94, инв. Эе6827.
6. Мордвинов, председатель Департам. гражд. и духовных дел в Государств. совете. Грав. Гиппиус. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ОСН/34-114, инв. Эс6847.
7. Адмирал А.С. Грейг. Вырезка из журнала. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ТЮМ/4Г797, инв.115679.
8. Самуил Карлович Грейг (по поводу 100-й годовщины смерти). С соврем. портрета гравюров. Шюблер, – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ТЮМ/4-Г797, инв.115581/2.
9. Н.С. Мордвиннов//Мюнстер А. Портретная галерея русских деятелей. Том.І. – СПб, 1862, л.65. – ГПБ, зал рукописей и эстам-

- пов, Э АлП/3-95/1, инв.ЭН6720.
10. С.К. Грейг, 1735-1788. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ТЮМ/4-Г797, инв.115681/1.
 11. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Лит. М. Семечкиной. у Кокушк. моста, д.№70. Собрание Адарюкова. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э АдГП/2Г797, инв.13081.
 12. Сэр Самюэль Грейг. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ГП/5-Г797, инв.Э96468.
 13. Грейг, губернатор Николаева//Гиппиус Г. Современники. Собрание литографированных портретов государственных чиновников, писателей и художников ныне в России живущих. – СПб.: литогр. П. Гельмерсона, 1822.
 14. Николай Семенович Мордвинов, 1830-го г. июня 27. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ОСН/56-81, инв.Эс14850.
 15. Адмирал Алексей Самойлович Грейг. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ОСН/32-(27), инв.Эе6186.
 16. Адмирал Мордвинов. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ГП/5-М792, инв.Э104863.
 17. Сара Грейг. Из собран. в.к. Николая Михайловича, №87,. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э АлП/3-7/III(3), инв.Эп2244.
 18. Самуил Грейг. То же, №88. – Там же.
 19. Николай Семенович Мордвинов. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э ГП/5М792, инв.214012.
 20. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. Рисов. С натуры Сандо-мури. – ГПБ, зал рукописей и эстампов, Э АдПП/4-Г797д, инв. Э13165.
 21. Сара Грейг, №87//Русские портреты XVIII и XIX столетий. – СПб: Изд. вел. кн. Николая Михайловича,1909.
 22. Самуил Карлович Грейг, №88//Русские портреты XVIII и XIX столетий. – СПб: Изд. вел. кн. Николая Михайловича,1909.

Приложения

Основные даты жизни и деятельности А.С. Грейга

- 1775 г. – родился 6 сентября в Кронштадте, пожалован в чин мичмана за заслуги отца – вице-адм ы (8 декабря).
- 1788 г. – вернулся в Россию; плавал на корабле «Мстислав» по Финскому заливу.
- 1788 г. – произведен в капитан-лейтенанты (4 декабря).
- 1789 г. – вторично послан в Англию; на судне Ост-Индской компании «Ласекс» совершил плавание в Китай и Индию; участвовал в сражении с французским привати́ром и голландскими судами.
- 1791 г. – вернулся в Россию.
- 1792 г. – в третий раз послан в Англию; служил волонтером в английском флоте; плавал в составе флота в Средиземном море.
- 1796 г. – назначен на корабль «Ретвизан»; совершил плавание к берегам Англии; командирован в порт Литт, откуда на фрегате «Архангел Михаил» возвратился в Россию; произведен в капитаны 2-го ранга (17 декабря).
- 1798 г. – назначен командиром корабля «Ретвизан»; в составе эскадры плавал у берегов Англии.
- 1799 г. – произведен в капитаны 1-го ранга (1 января); участвовал в высадке десанта в Голландии, взятии крепости Гельдер и пленении голландского флота. Награжден орденом Св. Анны 2-ой степени.
- 1801 г. – назначен председателем Комиссии для исправления Кронштадтского порта.
- 1802 г. – назначен членом «Комитета для исправления флота». Награжден за взятие у Гельдера голландского корабля «Вашингтон». орденом Св. Георгия 4-го кл.
- 1803 г. – произведен в капитан-командоры (9 января).
- 1804 г. – во главе эскадры направлен в Средиземное море; крейсировал между островами Ионической республики; высадил десант в Неаполе.
- 1805 г. – произведен в контр-адмиралы (27 декабря); по прибытии на Корфу вступает в состав эскадры Д.Н. Сенявина.
- 1807 г. – в составе эскадры Д.Н. Сенявина участвует в блокаде Дарданелл; высаживает десант на о-ве Тенедос; лично ведет

- первую колонну и овладевает островом (8 марта); в составе эскадры Сенявина участвует в Дарданелльском сражении (в качестве второго флагмана); штурмом овладевает о-вом Лемнос, участвует в Афонском сражении.
- 1808 г. – вместе с русским флотом уходит в Лиссабон, откуда берегом возвращается в Петербург; за Средиземноморскую кампанию награжден орденом Св. Анны I-ой степени.
- 1809-1812 гг. – находится в Москве; 1812г. – назначен в ставку главнокомандующего Молдавской армией П.В. Чичагова; направлен с дипломатической миссией в Одессу, Константинополь, на Мальту и в Сицилию.
- 1813 г. – через Англию возвращается в Петербург; командует эскадрой при осаде и взятии Данцига; произведен за отличие в вице-адмиралы (4 сентября). Награжден орденом Св. Владимира 2-ой степени и медалью «В память Отечественной войны 1812 г.».
- 1814-1816 гг. – находился в Петербурге; назначен на должность главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора Николаева и Севастополя.
- 1816-1828 гг. – реконструкция Николаевского адмиралтейства, введение паровых машин и различных механизмов.
- 1816-1817 гг. – постройка первого на Черном море судна, фрегата «Флора», с набором по системе Сепингса; проводит астрономические наблюдения в «домашней» обсерватории; ежегодно командует эскадрами, совершая практические плавания по Черному морю; организует в Севастополе первые определения центра тяжести кораблей.
- 1818 г. – награжден орденом Св. Александра Невского.
- 1819-1820 гг. – введение в производствах донецкого каменного угля; совершенствование системы дневной и ночной сигнализации; изобрел сигнальный фонарь; постройка по проекту А.С. Грейга новых канонерских лодок с мощной артиллерией; инициатор создания первого на Черном море парохода «Везувий»; спущен на воду первый в России фрегат «Штандарт», вооруженный 60-ю орудиями.
- 1821 г. – награжден бриллиантовыми знаками к ордену Св. Александра Невского.
- 1821-1824 гг. – постройка первого на Черном море парового землечерпального судна и углубление с его помощью Ингульского

- и Очаковского фарватеров; введение попалубной унификации артиллерии; открытие в Николаеве первого ссудного банка («Городового комитета»); проектирование судов (с 1823 г.) по разработанному совместно с К.Х. Кнорре «параболическому методу»; введение правил определения размеров рангоута, такелажа и парусности; открытие Севастопольской морской библиотеки; почетный академик (1822 г.) Петербургской Академии наук.
- 1825 г. – назначен членом Комитета образования флота; по инициативе А.С. Грейга в Николаеве построен первый в России военный пароход, вооруженный 14-ю пушками.
- 1825-1835 гг. – положено начало систематическим гидрографическим работам на Черном море, выпуск русских карт Черного и Азовского морей.
- 1826-1830 гг. – создал впервые в России Штаб Черноморского флота; изобрел новый оптический телеграф; проложена первая на Черном море линия телеграфной связи (по системе Грейга) из Николаева через Херсон в Севастополь.
- 1827 г. – открытие в Николаеве Училища для дочерей нижних чинов морского ведомства, открытие обсерватории. Награжден орденом Св. Владимира I степени и знаком отличия «30 лет беспорочной службы».
- 1828 г. – постройка Спасского адмиралтейства в Николаеве и нового Адмиралтейства в Измаиле; сооружение эллинга для 110-пушечных кораблей в Главном адмиралтействе Николаева.
- 1828-1829 гг. – возглавляет боевые действия Черноморского флота в русско-турецкой войне; по главе флота командует осадой и штурмом турецких крепостей Анапа (за взятие которой 20 июля произведен в адмиралы) и Варна (за взятие которой награжден орденом Св. Георгия 2-го класса); берет штурмом крепости Мессемврия, Ахиоло, Инада и Мидия. Награжден медалью «За русско-турецкую войну 1828-1829 гг.» Пожалован вензель императора на эполеты и причислен к свите.
- 1829-1830 гг. – в Николаеве введены в строй мортонев эллинг, эллинг для кораблей и эллинг для фрегатов; открыто уездное училище; назначен председателем Комитета по улучшению флота; руководит заседаниями Комитета в Петербурге (в течение года).
- 1831 г. – преобразовано управление Черноморским флотом. Даны

- права командира отдельного корпуса.
- 1832-1833 гг. – постройка второй паровой землечерпальной машины, издание научной работы по математическому проектированию судов; назначен членом Государственного совета; переезд в Петербург; спуск на воду первого на Черном море 120-пушечного корабля «Варшава», спроектированного А.С. Грейгом.
- 1834-1835 гг. – член Комиссии по сокращению расходов при Государственном совете.
- 1834-1839 гг. – председатель Комитета по строительству главной в России Пулковской обсерватории.
- 1840 г. – избран вице-президентом Вольного экономического общества.
- 1843 г. – награжден высшим орденом Св. Андрея Первозванного и знаком отличия «50 лет беспорочной службы».
- 1845 г. – скончался 18 января и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге.

Генеалогическое древо рода Грейгов

Дети знаменитого русского адмирала Самуила Карловича Грейга дали в России и в Англии весьма разветвленное потомство. До последних лет родословное древо Грейгов никем не составлено. Автор в течение многолетних кропотливых поисков смог построить практически всю родословную Грейгов.

Род Грейгов ведет свое начало от шотландского короля Алпина (VIII в.), потомком которого был Мак-Грегор, основатель клана. Его потомки, чтобы снять с себя ответственность за дела предков, впоследствии изменили фамилию на «Грейк» или «Грейг». От нее и начинается генеалогическое древо российских Грейгов.

При построении этого древа приняты следующие сокращения и условные обозначения: р. – родился; ум. – умер; ок. – около; СПб – Санкт-Петербург; М. – Москва; гр. – граф; кн. – князь; полк. – полковник. В скобках указано место захоронения, если оно не совпадает с местом смерти. Нумерация потомков означает: последняя цифра – порядковый номер потомка, первые цифры – номер предков.

I. Шотландские корни

а) Алпин – король Шотландии, VIII в.

б) Мак-Грегор – потомок а) родоначальник клана.

в) Чарльз Грейг, торговец, судостроитель – потомок б).

Жена – Джейн.

II. Российские ветви

1. Самуил Карлович Грейг – сын в) адмирал, р.1735, Инверкейтинг, Шотландия, ум.1788, корабль «Ростислав» (Ревель). Жена – Сара Александровна Кук, двоюродная сестра Джеймса Кука, р.1742, Шотландия, ум.1793, СПб.

1.1. Алексей Самуилович Грейг, адмирал, р.1775, Кронштадт, ум. 1845, СПб. Жена – Юлия Михайловна Сталинская, р.1801, Могилев?, ум.1882, СПб.

1.2. Иван (Джон) Самуилович Грейг, р.1776, Кронштадт, ум.1792, судно «Ласекс» (море).

1.3. Самуил (Сэмюэль) Самойлович Грейг, р.1778, Крон-

штадт, ум. 1807, Лондон. Первая жена – ? Вторая жена – графиня Воронцова.

1.4. Евгения (Джейн) Самуиловна Грейг, р.1784, Кронштадт, ум.1820,СПб. Муж – пастор Петерсон.

1.5. Карл (Чарльз) Самуилович Грейг, р.1798, Кронштадт, ум. 1817, Лондон. Жена – Ребекка Юкс (Палмер в первом браке).

1.1.1. Самуил Алексеевич Грейг, генерал, генерал-адъютант, р. 1827, Николаев, ум.1887, Берлин (СПб). Жена – Александра Петровна Макарова, р.1825, ум.1895, СПб.

1.1.2. Иван (Джон) Алексеевич Грейг, полк., штаалмейстер, р. 1831, Николаев, ум. До 1917 г. Холост.

1.1.3. Юлия Алексеевна Грейг, р.1829, Николаев, ум.1865, СПб. Муж – тайн. сов. Николай Борисович фон Штиглиц.

1.1.4. Василий Алексеевич Грейг, камергер, р.1832, Николаев, ум. до 1917. Жена – Мария Яковлевна Куминг, р.1837, ум. ?

1.1.5. Евгения (Джейн) Алексеевна Грейг, р.1835, СПб, ум.1870, СПб. Первый муж – граф Фридрих фон Цепеллин. Второй муж – кн. Эспер Алексеевич Ухтомский.

1.1.1.1. Юлия Самуиловна Грейг, р. ок. 1855, СПб, ум. ? Муж – граф Георгий Александрович Канкрин.

1.1.1.2. Александра Самуиловна Грейг, р.1860,СПб, ум.1915. Муж – граф Герман-Карл-Юлиус-Николай Стенбок, р.1847, СПб, ум.1904.

1.1.3.1 Юлия Николаевна фон Штиглиц. Муж – Федор фон Кубе.

1.1.4.1 Алексей-Яков Васильевич фон Грейг, р.1859, СПб, ум. после 1912. Жена – Люси Шредер.

1.1.4.2. Вера Васильевна Грейг, р.1862, СПб, ум. ?

1.1.4.3. Елена-Евгения Васильевна Грейг, р.1871, СПб., ум. ?

1.1.4.4. Самуил Куминг Васильевич Грейг, р.1872, СПб., ум.?

1.1.4.5. Самсон Васильевич Грейг, р. ок.1887, ум. после 1917.

1.1.5.1. Кн. Эспер Эсперович Ухтомский, председатель

Правления Русско-Китайского банка; р. 1861, ум.1921.

1.1.1.2.1. Гр. Герман-Гарри Стенбок, р.1897, СПб., ум.1977, Лондон.

1.1.3.1.1. Евгения Федоровна фон Кубе. Муж. – полк. Николай Александрович Заксе.

1.1.3.1.1.1. Лидия Николаевна Заксе, р.1901, М., ум.1985, Лейпциг. Муж – проф. Ганс Эрнест Неезе, р.1891, Дюссельдорф, ум. 1961, Лейпциг.

III. Английские ветви

1.3.1. Алексис, Чарльз, Элизабет, Амалия-Ребекка-Мар Грейги – от первого брака. Воронцов-Грейг – от второго брака.

1.4.1. Джейн Петерсон.

Со смертью Германа Стенбока и Лидии Неезе, насколько известно автору, пресекались прямые потомки российских Грейгов. Английские ветви от Самуила (1.3) и Карла (1.5) Грейгов продолжают в Шотландии до сих пор.

Содержание

Об авторе.....	3
Предисловие	5
Откровение автора	7
Введение	11

Часть I

Начало	17
---------------------	----

Глава первая

Адмирал Самуил Грейг	17
-----------------------------------	----

Из клана Мак-Грегоров	17
Потомки короля Алпина	17
Самуил Грейг и русский флот	22
Самозванка «княжна Тараканова»	34

Глава вторая

В боях и сражениях	45
---------------------------------	----

Боевая молодость	45
Соратник адмирала Сенявина	48
Неизвестная война	53
«Рафаил» и «Меркурий»	60
Дело о фрегате «Рафаил».....	69
Дело об отравлении А.И. Казарского	71
Так был ли отравлен Казарский?	77

Глава третья

Семья, потомки, родственники	87
---	----

Спутница адмирала.....	87
Генерал Грейг – министр финансов России	96

Джон и Василий Грейги	101
Дочери адмирала.....	103
Потомки Алексея Самуиловича Грейга	108
Английские родственники.....	111
Штиглицы и Стенбоки.....	113
Герб рода Грейгов.....	117

Часть II

Восхождение на пьедестал.....	125
--------------------------------------	------------

Глава четвертая

От лавров к терниям	125
----------------------------------	------------

«Шалости» мичмана Даля.....	127
Под прессом клеветы.....	135
Севастопольский «чумной бунт»	149
Изгнание евреев из Николаева и Севастополя.....	155
«Грековщина-грейговщина».....	158
В сетях доносов и клеветы	162

Глава пятая

Адмирал, академик, гражданин	165
---	------------

Во главе Черноморского флота.....	165
Инженер, ученый, академик	172
«Вписать гражданином города навечно».....	179

Часть III

Сослуживцы и соратники	189
-------------------------------------	------------

Глава шестая

Моряки-соратники.....	191
------------------------------	------------

Обер-интендант Н.Д. Критский	191
------------------------------------	-----

Адмирал М.Н. Кумани	197
Адмирал Егор Колтовской	200
Адмирал Григорий Рогуля.....	206
Генерал–майор В.О. Залесский	210

Глава седьмая

Кораблестроители	217
-------------------------------	------------

Кадры кораблестроителей для Черноморского флота и их подготовка.....	217
Инженер–полковник И.С. Разумов	219
Генерал–майор М.И. Суровцев	221
Корабельный мастер А.И. Мелихов	222
Генерал–лейтенант А.К. Каверзнев.....	223
Инженер–полковник А.С. Акимов	226
Инженер–полковник И.Я. Осминин	228
Инженер–генерал–майор С.И. Чернявский	229
Генерал–майор И.Д. Воробьев	232
Инженер–генерал–лейтенант И.С. Дмитриев	233

Глава восьмая

Государственные и общественные деятели, купечество	237
---	------------

Адмирал граф Н.С. Мордвинов	238
Адмирал маркиз И.И. де Траверсе	251
Городской голова Егор Кустов.....	267
Полицмейстер П.И. Федоров	270
Полицмейстер Г.Г. Автономов	272
Негоциант Егор Метакса.....	275

Глава девятая

Ученые, астрономы, гидрографы	279
--	------------

Коллеги–ученые	279
Главный астроном Черноморского флота К. Кнорре.....	285
Гидрографы братья Манганари	289

Гидрограф адмирал М.Б. Берг 294

Глава десятая

Архитекторы и строители 299

Архитектор Федор Вунш 299

Мурмейстер Антуан Вектон..... 306

Гидротехт Борис Фан-дер-Флис 308

Инженер Антуан Рокур 310

Архитектор Карл Акройд..... 315

Архитектор Джон Уптон..... 323

Первый гражданский архитектор Л. Опацкий 324

Архитектор Роман Кузьмин..... 330

Архитектор Дмитрий Ефимов..... 332

Архитекторы Василий Рулев и Иван Лунченко 335

Архитектор Джузепе Маньяни 337

Глава одиннадцатая

Соратники или недруги? 343

Адмирал князь А.С. Меншиков 343

Адмирал генерал-адъютант М.П. Лазарев..... 350

Адмирал В.И. Мелихов 367

Новороссийский генерал-губернатор 372

граф М.С. Воронцов 372

Часть IV

Апофеоз 377

Глава двенадцатая

В Петербурге. Последние годы 377

В Государственном совете..... 377

Грейг и национальный вопрос 388

Проблемы развития флота 391

Затворник «Санзаню» 393

Глава тринадцатая

Непостоянство музы Клио 397

Адмирал Грейг на портретах и гравюрах..... 397

Памятник адмиралу 404

Разрушение памятника 409

Посмертное очернение А.С. Грейга. 412

Разрушение памяти..... 412

Глава четырнадцатая

Адмирал А.С. Грейг как личность 423

Алексей Самуилович Грейг – адмирал и человек 423

А.С. Грейг в зеркале истории 427

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 435

Литература 435

А. Книги..... 435

Б. Статьи в журналах и сборниках 439

В. Статьи в газетах..... 442

Печатные источники. 446

Г. Книги, статьи, документы 446

Д. Воспоминания, мемуары, письма..... 448

Е. Дополнительная литература и источники..... 450

Архивные источники..... 457

Ж. Текстовые материалы 457

З. Чертежи судов..... 463

И. Чертежи и планы зданий и сооружений..... 464

К. Портреты, литографии и гравюры..... 465

Приложения 468

Основные даты жизни и деятельности А.С. Грейга 468

Генеалогическое древо рода Грейгов 472

УДК 821.161.1 (477)-32.26
ББК 84.4УКР-РОС6-44
К85

Ю.С. Крючков

ОЛЕКСІЙ САМІЙЛОВИЧ ГРЕЙГ І ЙОГО ЧАС. – Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2008. – 480 с.

Книга про адмірала Грейга – щира, насичена документальними подробицями жива повість про драматичну долю і багатогранну діяльність цієї високоосвіченої людини.

Автор висвітлює події через призму часу та оточення адмірала, показує неоднозначне ставлення до нього його сучасників і наступних поколінь істориків, яке не закінчилося і в наш час.

ISBN 978-966-8592-60-7

Літературно-художнє видання
опубліковане за підтримки
фонду «Миколаїв і миколаївці» РУСАЛ

Технічний редактор Харитонов І.В.
Комп'ютерна верстка – Сивак В.В.
Коректор – Л.М. Кузнецова

В набір 01.01.08. Підписано до друку 10.07.08.
Формат 60*84 1/16. Папір офсетний.
Гарнітура Bookman Old Style
Друк офсетний. Умовн. друк. папір. офс., 15
Обл. вид. арк. 3,25. Наклад 1000 прим. зам. № 45

Видавництво Ірини Гудим

Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14 травня 2002 р.
54027, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20, тел. 35-23-36
www.gudim.mk.ua E-mail: gudim@mk.ua

ISBN 978-966-8592-60-7

© Ю.С. Крючков, 2008
© Видавництво ЧП Гудим І.А., 2008